

УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ

**ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ МИРА И МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОПОНИМАНИЯ**

ЭДВАРД РТВЕЛАДЗЕ

**ЦИВИЛИЗАЦИИ, ГОСУДАРСТВА,
КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Ташкент - 2005

UNIVERSITY OF WORLD ECONOMY AND DIPLOMACY
CENTER FOR PEACE EDUCATION AND
INTERCULTURAL UNDERSTANDING

E. Rtveladze

**CIVILIZATIONS, STATES,
CULTURES
OF CENTRAL AZIA**

Publication was implemented under the UNESCO
Participation Programme Request
№ 27216103 UZB

Tashkent - 2005

Данное издание подготовлено в рамках
программы ЮНЕСКО № 27216103 UZB

Автор: Эдвард Ртвеладзе,
доктор исторических наук, профессор,
академик АН Республики Узбекистан

Эта книга посвящена истории цивилизаций и государств огромного региона - Центральной Азии, взаимоотношениям культур и религий различных стран Евразийского материка.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историческим прошлым своего народа.

© Университет мировой экономики и дипломатии, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
I. ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	7
1. Истоки цивилизации.	7
2. Историко-культурные области - основы цивилизации Средней Азии	15
3. Исторические цивилизации, государства и древние города	24
4. Миграции народов как фактор развития цивилизаций	32
II. ГОСУДАРСТВА	50
1. Становление и развитие древней государственности	50
2. Типы государственных образований	54
3. Титулы правителей государств и владений в Средней Азии в начале I тыс. до н.э. – III-IV вв. н.э.	58
4. Эволюция художественной культуры и развитие государственности	69
5. Фискальная служба и деньги в древних государствах Средней Азии.	85
6. Международные отношения в древних государствах Средней Азии.....	109
III.ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	126
1. Письменная культура - определяющий фактор уровня развития цивилизаций и государств.....	126
2. Роль Средней Азии в распространении мировых религий в Восточном Туркестане и на Дальнем Востоке.	151
IV. МИГРАЦИИ КУЛЬТУР	196
1. Великий шелковый путь	196
2. Эллины и эллинистическая культура в Средней Азии	204
3. Средняя Азия и Аппенинский полуостров.	216
4. Средняя Азия и Испания.	229
5. Согдийцы-землепроходцы	233
6. Согдийцы-мореплаватели	240
7. Китай и Средняя Азия	254
8. Древняя Корея и древняя Средняя Азия	269
ЛИТЕРАТУРА	274

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена огромному региону, расположенному между Каспийским морем на западе и Памиром на востоке, между горами Копетдага и Гиндукуша на юге и низовьями Амударьи и Сырдарьи на севере.

В географической и исторической научной литературе за ним уже давно укрепилось название Средней Азии. Взамен ему в начале 90-х гг. XX в. вводится новое - Центральная Азия, которое все больше внедряется как в научную литературу, так и в повседневную практику. Зачастую, особенно в последнее время, эти названия существуют параллельно, что вносит большую путаницу в понимание конкретного содержания территории, ибо под Центральной Азией в отечественной науке всегда понималась территория Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, Западного Китая и Тибета, т.е. тот регион, который в европейской науке именуют «Inner Asia» в отличие от «Central Asia».

Хотя данная книга в основном охватывает именно Среднюю Азию, но в ней много внимания уделяется Центральной Азии, Китаю и Дальнему Востоку - историческому прошлому и взаимодействиям с этими регионами, а также со странами Средиземноморья.

В некоторых разделах книги больший акцент сделан на Среднеазиатское Двуречье, за которым в европейской литературе закрепилось название Трансоксиана (Transoxiana), арабы именовали этот регион Мавераннахр - «то, что за рекой»; употреблялось также название Туран, вероятно, по имени племени туров, упомянутых в Авесте, его ввел в обиход Фирдоуси. Границей между Тураном и Ираном являлась Амударья. С эпохи средневековья за большей частью Средней Азии утвердилось название Туркестан, подчеркивающее главенствующую роль тюркских народов, начиная с рубежа X-XI вв., когда здесь утверждается власть династий Караханидов, Газневидов, Сельджукидов и Ануштегинидов.

В древнем Китае центральную и восточную часть Средней Азии, так же как Восточный Туркестан именовали Западный край.

Хронологический диапазон книги - от эпохи бронзы, II тыс. лет до н.э. и в основном до IV-V вв. н.э., хотя в ряде разделов в силу определенной необходимости охвачено и средневековье, как в разделе о согдийцах-мореплавателях.

В книгу вошли опубликованные и не опубликованные еще разделы и главы, написанные мною в последние 15 лет, некоторые из них опубликованы в малодоступных изданиях, зачастую зарубежом. Собранные воедино эти материалы передают широкую панораму развития цивилизаций и государств, взаимодействие различных культур на огромных пространствах Евразийского материка от Атлантического до Тихого океана.

Я надеюсь, что эта книга будет небезынтересна для читателя и внесет определенный вклад в познание исторического прошлого Средней Азии, тем более что подобного рода научная литература весьма редка.

В заключение хотел бы выразить искреннюю благодарность Национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО Республики Узбекистан и руководству Университета мировой экономики и дипломатии, благодаря помощи которых состоялась публикация этой книги.

І. ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Истоки цивилизации

Археологические культуры эпохи неолита - раннего железа. История Средней Азии уходит в глубокую древность. Археологами установлен факт ее обживания уже в эпоху нижнего палеолита. В пределах 500 тыс. - 1 млн. лет датируется стоянка первобытного человека, открытая в пещере Селенгур в Южной Фергане, в долине реки Сох. К эпохе верхнего палеолита (40-12 тыс. лет) относятся стоянки в Самарканде, Аман-Кутане, пещерах Мачай и Тешикташ Сурхандарьинской области Узбекистана. Исследование останков мальчика неандертальца, найденного в Тешикташе, показало, что южные районы Средней Азии входили в зону формирования человека современного типа. Эпохой мезолита (12-5 тыс. лет) датируются наскальные рисунки со сценами охоты на быков в Зараутсае в горах Кугитанга в Сурхандарьинской области Узбекистана, а также наскальные рисунки грота Шахты в Таджикистане.

В эпоху неолита (VI-IV тыс. лет до н.э.) в Средней Азии складываются три обширные археологические культуры: джейтунская, гиссарская и кельтеминарская.

Джейтунская культура занимала предгорную полосу Копетдага на юге Туркменистана. Это древнейшая оседло-земледельческая культура эпохи неолита в Центральной Азии, датируется в пределах IV-V тыс. лет до н.э., возможно, начало IV тысячелетия. Название получила от первого полностью раскопанного памятника - поселения Джейтун, расположенного в 30 км к северо-западу от Ашхабада. Исследования здесь велись во второй половине 50-х - начале 60-х годов археологическим отрядом ЮТАКЭ под руководством В.М.Массона. Джейтунская культура характеризует важнейший период в истории человечества - переход от присваивающей к производящей экономике. Основным занятием населения в джейтунской культуре было земледелие на базе примитивного, так называемого лиманного орошения. Определенную роль в хозяйстве джейтунцев играли охота и собирательство. Население обитало в небольших стационарных поселках, состоящих из однокомнатных домов, являвшихся местожительством парной семьи. Подсчитано, к примеру, что в Джейтуне, состоявшем из 30 однокомнатных домов, обитало примерно 150-160 человек. В строительстве применялись т.н. глиняные «булки», сформированные из кусков глины. Появляются в это время, видимо, и святилища,

подобные найденному на Песседжикдепе, стены которого были украшены примитивной росписью. Для джейтунской культуры характерна лепная керамика, украшенная росписью, коричневой и красной краской, орнаментом. Орудия труда и быта изготавливались из камня и кости: топоры, костяные серпы и проколки, кремневые микролитические нуклеусы, вкладыши для серпов, пластины. Основными памятниками джейтунской культуры являются поселения Джейтун, Чагалыдепе, Чоплидепе, Песседжикдепе и другие. Джейтунскую культуру на юге Туркменистана сменяет энеолитическая культура, представленная такими памятниками как Анау, Алтындепе и Карадепе.

Кельтеминарская культура - археологическая культура неолитических племен, обитавших во второй половине IV-III тысячелетий до н.э. в низовьях Амударьи: вдоль Акчадарьинской дельты и в прилегающих районах внутренних Кызылкумов.

Основное занятие кельтеминарских племен - охота и рыболовство. Стоянки располагались внутри дельты и вдоль ее берега. Население жило в огромных наземных жилищах из дерева и камня, с коническим перекрытием. В истории кельтеминарской культуры выделяются два этапа: ранний (вторая половина IV - первая половина III тыс. до н.э.) и поздний (вторая половина III - рубеж III-II тыс. до н.э.). На раннем этапе преобладают микролитоидные кремневые изделия: наконечники стрел, вкладыши с притупленным краем, скребки на отщепках и пластинках, проколки. Посуда остродонная, лепная, глиняная с примесью шамота, дресвы, толченых раковин и мелкого кварцевого песка. Обжиг слабый и неравномерный. Поверхность сплошь орнаментирована прочерченными или волнистыми линиями, елочкой, круглыми вдавлениями. Некоторые сосуды окрашены в красные или желтые цвета. На позднем этапе появляются двусторонне обработанные наконечники стрел и копий, массивные ножи, клиновидные топоры, горшковидные сосуды с плоским дном. Наиболее важные памятники - стоянки Джанбас 4 и Кават 7 (Турткульский район Каракалпакстана).

Гиссарская культура земледельцев и скотоводов захватывала юг Узбекистана и Южный Таджикистан.

Эпоха неолита - важная стадия в истории Средней Азии, поскольку именно в это время возникает земледелие, основанное на примитивном искусственном орошении, появляются первые стационарные поселения, возникают первые дома и святилища, стены которых выстроены из комков глины и сырцового кирпича, появляется керамика, украшенная орнаментальной росписью, возникают зачатки искусства в виде настенной живописи на стенах

святилища и изготовления примитивных статуэток из глины. Все это, однако, характерно для джейтунской культуры. В остальных областях Средней Азии основу хозяйственной деятельности составляли скотоводство, охота, собирательство и рыболовство.

Археологические культуры эпохи бронзы. Дальнейший прогресс оседлоземледельческой культуры наблюдается в эпоху энеолита (IV тыс. до н.э.) и особенно бронзы (III-II тыс до н.э.), когда широкое распространение получают орудия труда и оружие, сделанные из бронзы, прогрессирует земледелие, строятся каналы и арыки, возникают специализированные ремесла - керамическое, металлическое и другие. Возникают большие поселения - протогорода: Алтындепа, Джар-Кутан, Намазгадапа, имеющие развитую структуру (крепость + поселение), зачастую обнесенные стенами из сырцового кирпича. Внутри поселений, помимо жилых домов, находились монументальные сооружения: дворцы, храмы, большие некрополи располагались отдельно. Оседлоземледельческая культура в этот период из Маргианы и Южного Туркменистана начинает распространяться далеко на восток и юго-восток, охватывая территорию современного Южного Узбекистана и Северного Афганистана, т.е. область Бактрии.

Здесь формируется дашлы-сапаллинская культура, высокоразвитая археологическая культура племен эпохи бронзы, обитавших во втором тыс. до н.э. в Северном Афганистане, Южном Узбекистане и Таджикистане. Некоторые исследователи называют ее цивилизацией Окса. Основные занятия населения - ирригационное земледелие, скотоводство, ремесла. Поселения неукрепленные и двухчастные с квадратной в плане крепостью располагались в небольших речных оазисах. На поздней стадии развития культуры формируются поселения протогородского типа (Джар-Кутан). Жилища наземные из глины и сырцового кирпича, характерны многокомнатные здания монументальной архитектуры (храмы, дворцы). Орудия труда и оружие изготавливались из камня, кости, рога и высококачественной бронзы.

Широко распространены земледельческие орудия труда, предметы ткачества, каменные печати, бронзовые зеркала и булавки, зачастую украшенные фигурками животных, бусы из различных материалов. Высококачественная станковая посуда обжигалась в двухярусных печах. Керамика неорнаментированная, в основном светлого и красноватого цвета: вазы на высоких полых ножках, конические чаши, сосуды с трубчатыми сливами и т.д. Изготавливались сосуды из бронзы, кожи, дерева.

Характерно значительное количество оружия: боевые топоры, наконечники стрел и копий, мечи.

Захоронения мертвых - в могилах с подбоем или в катакомбах, в скорченном положении на боку, в сопровождении разнообразного инвентаря, в устроенных под полами помещения или на специальных некрополях. Примечательны кенотафы и захоронения животных.

Наиболее важные памятники культуры - Дашлы (Северный Афганистан), поселения Джар-Кутан, Моллали, Сапалли, могильники Бустан 1-5 (Узбекистан).

В то же время другие географические зоны Средней Азии были заняты археологическими культурами иного культурно-хозяйственного типа.

Так, север Средней Азии был занят степной скотоводческой андроновской культурой, носители которой постепенно продвигались в Среднеазиатское Двуречье и за его пределы. Следы их обитания обнаружены на юге Узбекистана, Таджикистана, в Туркменистане и Северном Афганистане. Низовья Зарафшана и долина Махандарьи были заняты заманбабинской культурой племен эпохи бронзы. На юго-западе Таджикистана была распространена бишкентская культура, а на западе Туркменистана обитали племена срубной культуры.

В основные занятия племен заманбабинской культуры входило скотоводство и земледелие. Поселения с обширными каркасными жилищами, незначительно заглубленными в грунт. Внутри жилищ - очаги и хозяйственные ямы. Среди находок - изделия из кремня (наконечники стрел, проколки, вкладыши для серпов, каменные зернотерки и мотыжки, пряслица), бронзовые ножи, зеркала, рыболовные крючки, костяные шилья, бусы, терракотовые статуэтки. Посуда обжигалась в двухъярусных горнах, вся она ручной лепки, хорошего качества, сосуды плоскодонные или круглодонные, неорнаментированные, разнообразных форм. Покойников хоронили в грунтовых ямах с подбоем в скорченном положении на боку в сопровождении инвентаря. Погребения одиночные, парные и коллективные. Заманбабинская культура сложилась на основе местной неолитической культуры при влиянии оседло-земледельческих культур юга Средней Азии. Важнейшие памятники - могильник и поселения Заманбаба (Каракульский район Бухарской области).

В низовьях Амударьи, вдоль Акчадарьинской дельты была распространена тазабагьябская культура племен эпохи поздней бронзы (вторая половина II - начало I тыс. до н.э.). Основное занятие тазабагьябских племен - земледелие при помощи примитивной ирригации и скотоводство. Поселения неукрепленного типа располагались внутри дельты и на берегах небольших протоков.

Жилища из дерева и камыша каркасного типа, углубленные в землю. Характерны бронзовые ножи, четырехгранные шилья с костяной рукоятью, бронзовые браслеты, подвески, бусы из бронзы, сердолика. Продолжали бытовать изделия из камня. Посуда лепная, плоскодонная, изготовлена из глины с примесью дресвы и толченых раковин. Поверхность иногда залощена. Многие сосуды украшены орнаментом в основном геометрического характера, преобладают заштрихованные треугольники. Погребения в неглубоких грунтовых ямах на боку в скорченном положении в сопровождении инвентаря (сосуды, украшения, орудия труда). Погребения двух типов: одиночные и парные. Тазабагъябская культура имеет определенные черты сходства с андроновской культурой эпохи бронзы.

Наиболее важные памятники - поселения Анка 5, Кават 3, могильник Кокча 3 (Турткульский район Каракалпакстана)

Южная Акчадарьинская дельта низовьев Амударьи во II - нач. I тыс. до н.э. была занята суюрганской культурой племен эпохи бронзы. В развитии суюрганской культуры выделяются два этапа: ранний (камышлинский) и поздний (каундинский). Суюрганские стоянки в основном располагаются по берегам русловых протоков. Население их обитало в наземных жилищах с перекрытием, покоившимся на столбах. Для раннего Суюргана характерны кремневые и кварцевые наконечники стрел, ножи, концевые скребки. Посуда плоскодонная, лепная, изготовлена из глины с примесью дресвы и толченых раковин, зачастую залощена. Иногда с небогатым орнаментом.

На позднем этапе уже широко употребляются изделия из бронзы - серпы, ножи. Сосуды более тщательно обработаны, хорошо обожжены и залощены, украшены рельефным орнаментальным пояском. Основное занятие - охота и рыболовство, на позднем этапе - земледелие и скотоводство. Генетически суюрганская культура восходит к кельтеминарской. Вместе с тем отмечаются определенные ее связи с анауской культурой Южного Туркменистана.

Наиболее важные памятники - стоянки Камышлы, Джанбас 6, Каунды 1 (Турткульский район).

Суюрганскую культуру в Хорезме сменяет амирабадская культура эпохи поздней бронзы - начала I тыс. до н.э. Основное занятие населения - ирригационное земледелие. Поселения располагались вдоль русел довольно крупных каналов. Жилища каркасного типа, незначительно заглублены в грунт, с центральным очагом и большим количеством хозяйственных ям. Распространены изделия из бронзы: серпы, бронзовые наконечники стрел, иглы, ши-

ля. Найдены каменные литейные формы для отливки наконечников стрел. Сосуды лепные плоскодонные, изготовлены из глины с примесью шамота и дресвы, внешняя их поверхность зачастую лощеная, изредка с орнаментальным пояском по горловине. Характерно наличие развитой ирригационной сети - магистральных каналов протяженностью в несколько километров, небольших арыков. Генетически амирабадская культура восходит к позднему этапу суюрганской культуры.

Наиболее важный памятник - поселение Якке-Парсан 2 (Турткульский район).

В Ферганской долине была распространена чустская культура племен эпохи поздней бронзы конца II - начала I тыс. до н.э. Основное занятие чустских племен - земледелие, скотоводство, ремесла (металлообработка и гончарное дело). Поселения неукрепленные и укрепленные, с обводными стенами из глины и сырцового кирпича, двухчастные с цитаделью (Дальверзинское пос), возведенные на естественных холмах. Жилища каркасного типа из дерева и камыша частично заглубленные в землю, имелись и глинобитные наземные жилища. Характерно широкое использование изделий из бронзы (кинжалы, наконечники стрел, удила, ножи, серпы, шилья, иглы, украшения), из камня (песты, терочники, ступы, зернотерки, точильные бруски), изделий из кости и рога, орудий ткачества, литейных форм. Изготавливалась грубая кухонная и тонкая столовая посуда разнообразных форм ручной лепки на матерчатом шаблоне. Парадная посуда покрывалась красным ангобом, лощением и росписью черной краской. Погребения нескольких типов: одиночные захоронения в скорченном положении на боку и трупоположения на спине, коллективные захоронения, расчленение трупов, захоронение в сосудах.

Умерших хоронили на территории поселений. Чустская культура входит в круг так называемых культур расписной керамики, широко распространенных в Средней Азии в эпоху поздней бронзы, раннего железа.

Наиболее важные памятники - поселения Чуст и Дальверзин (Наманганская область).

В Ташкентском оазисе, в долинах рек Ахангаран и Чирчик обитали племена бургулюкской культуры эпохи поздней бронзы, датирующейся первой половиной I тыс. до н.э. Основное занятие населения - скотоводство и земледелие.

Поселения располагаются вдоль русел рек на естественных холмах, на одном из них выявлена оборонительная стена из сырцового кирпича. Жилища каркасного типа, частично заглублен-

ные в грунт. Использовались бронзовые серпы, кельты, наконечники стрел, шилья, ножи, туалетные ложечки. Изделия из камня представлены терками, пестами, зернотерками. Посуда лепная, плоскодонная и круглодонная, сформованная ленточным способом на матерчатом шаблоне, неорнаментированная, изредка покрыта росписью красно-коричневой краской в виде треугольников, косой штриховки, точек. Бургулюкская культура тоже входит в круг так называемых культур расписной керамики эпохи поздней бронзы - раннего железа, распространенных на обширной территории Средней Азии.

Наиболее важные памятники - поселение Бургулюк 1 в долине р.Ахангаран (Ак-Курганский район), Шаштепа (Ташкент).

Середина II тыс. до н.э. для истории Средней Азии, согласно одному из мнений, знаменательна передвижением через ее территорию индоарийских племен на пути в Индию, где после их прихода прекращает свое существование культура Хараппы.

Не исключено, что в наиболее передовых областях Средней Азии в эпоху поздней бронзы, во второй половине II тыс. до н.э., возникают первые протогосударственные объединения типа древнеегипетского нома - города-государства. Известно, что государство, как особая форма организации человеческого общества, возникает на определенной стадии его эволюции в тех регионах, где уровень развития цивилизации во всеобъемлющем ее понимании достигает высокой степени.

Первичным типом государственных объединений являются древнейшие города, представляющие собой хозяйственные, политические и религиозные центры весьма маленьких по занимаемой территории «государств», так называемые города-государства. В дальнейшем происходит, в силу определенных причин, объединение этих городов-государств в единые, уже сравнительно большие царства, а затем некоторые из них вырастают в огромные империи. Это вкратце - основной путь эволюции государственных объединений, места их зарождения - на Ближнем и Среднем Востоке.

Становление ранних форм государственности в южных районах Средней Азии происходило в чем-то по сходному пути, но в то же время в силу определенных исторических причин, во многом различно. Так, на юге, в земледельческих оазисах Бактрии и Маргианы, уже, по-видимому, во второй половине II тыс. до н.э. происходит становление протогосударственных образований, по своей структуре приближающихся к городам-государствам. Подобный тип отражают Алтындепа, Намазгадепа, Джар-Кутан и другие доминантные поселения, привязанные к определенной пло-

щади ирригационного сооружения и обладающие многими признаками города-государства или города-оазиса.

В последующем происходит слияние подобного типа государств-оазисов, в частности в Бактрии, в царства, под единой царской властью. Этот вывод, основанный на анализе археологических данных, находит подтверждение в сведениях греческого историка Ктесия Книдского (V в. до н.э.) о могущественном Бактрийском царстве, царе Бактрии Оксиарте и борьбе его с великой Ассирией.

Позднее, чем в Бактрии, какая-то форма протогосударственного объединения складывается в Согдиане. Во всяком случае уже в предахеменидское время здесь существовало такое большое поселение с цитаделью как Коктепа, возможно, столичный центр подобного объединения.

Иной путь становления государства проходят на севере Среднеазиатского Двуречья, в Хорезме, на территории, заселенной сакскими племенами. Здесь, по-видимому, уже в начале I тыс. до н.э. возникают конфедеративные объединения, основой которых, вероятно, являлся Хорезм, построенные на принципах военной демократии, во главе с выборным царем или царицей, как Томирис или Зарина.

Эпоха раннего железа. В начале I тыс. до н.э. облик и содержание культуры резко меняется. В этот период большую часть юга Средней Азии занимает культура Яз 1, характерным признаком которой является грубая лепная керамика с примитивной росписью. Появляются поселения с цитаделью. Язовская культурная общность - культура восточноиранских племен эпохи поздней бронзы - раннего железа, обитавших в начале I тыс. до н.э. на обширной территории от Копетдага на западе до Памира на востоке. Основное занятие населения - ирригационное земледелие и оседлое скотоводство.

Характерны двухчастные поселения (Яздепа, Бандыхан 1, Тиллетепа, Кучуктепа) с укрепленной цитаделью, возведенной на высокой кирпичной платформе. Жилища из сырцового кирпича и глины, а также каркасного типа, частично углубленные в землю. Орудия труда и оружие изготовлялись из камня и бронзы (зернотерки, терочки - куранты, серпы, втульчатые и черешковые наконечники стрел). Появляются изделия из железа и первые магистральные каналы. Посуда ручной лепки, с примесью шамота и дресвы, орнаментированная и неорнаментированная. Характерна керамика с росписью коричневой и красной краской в виде концентрических орнаментальных треугольников, косых и пря-

мых линий. Примечательна каменная мужская голова из Миршаде - древнейший образец скульптуры в Средней Азии и комплекс ритуальных предметов.

Во II тыс. до н.э. и несколько позднее, в VII-VI вв. до н.э., происходит формирование историко-культурных областей - Бактрии, Маргианы, Хорезма, Согдианы и крупных поселений, достигающих более сотни гектаров площади и обнесенных мощными стенами (Мараканда, Коктепа, Узун-Кыр, Ер-Курган).

2. Историко-культурные области - основы цивилизации Средней Азии

В древности и раннем средневековье на территории Средней Азии существовало несколько крупных и десятки мелких историко-культурных областей, названия некоторых из них сохранились до сих пор, к примеру, Хорезм и Фергана. Начало их формирования относится, по-видимому, ко II тыс. до н.э., но наиболее ранние сведения о некоторых из них - Бактрии, Парфии, Согде, Хорезме - содержатся в географическом списке Видевдата ("Авеста"), надписях ахеменидских царей (Бехисутун) и сочинениях древнегреческих авторов (Геродот, Ктесий и др.) и относятся к VI-V вв. до н.э.

Наиболее крупными из них были Бактрия (север Афганистана, юг Узбекистана и Таджикистана), Парфия (предгорья Копетдага на юге Туркменистана), Согд (современная Кашкадарьинская, Самаркандская и Бухарская области Узбекистана), Давань-Фергана (Ферганская долина Узбекистана), Маргиана-Маргуш (низовья реки Мургаб в Туркменистане), Чач-Чачан (современная Ташкентская область Узбекистана). В раннее средневековье (V-VIII вв. нашей эры) упоминаются и другие историко-культурные области Средней Азии, среди них Чаганиан (бассейн Сурхандарьи на юге Узбекистана), Шуман, Ахарун, Хуталь (юг Таджикистана), Уструшана (Джизакская область Узбекистана и Ходжентская область Таджикистана), Кеш и Нахшаб (Кашкадарьинская область Узбекистана) и множество других.

В отличие от областей, созданных по административно-государственному принципу, историко-культурные области складывались на протяжении длительного времени на основе самых разнообразных факторов: по территориально-географическому местоположению, хозяйственно-культурной и этнической общности. В силу определенных причин и, в частности, социально-экономических, политических и естественно-географических, этни-

ческие группы, заселявшие первоначально небольшой район, приуроченный к водному источнику, постепенно расселяясь, занимали обширную территорию, за которой закреплялось чаще всего прежнее название. Аналогичным путем шло формирование таких крупных историко-культурных областей, как Бактрия, Согд, Хорезм, на основе которых впоследствии создавались крупные государственные объединения.

Каждая подобная область в свою очередь состояла из более мелких территориальных единиц, также возникших первоначально не по административному принципу, а в силу определенных историко-культурных причин. Они занимали географически ограниченную небольшую территорию, в основном в долинах рек или в горных местностях. Всем этим областям, заселенным, по-видимому, с начала I тыс. до н.э. этнически однородным населением, говорящим на восточно-иранских диалектах, в большой степени было присуще не только этническое родство и хозяйственно-культурная общность, но также и локальные отличия.

Бактрия (Бактриана - др. греч.; Бахлика - др. инд.; Бактриш - др. перс; Бахди - авест; Бахло - Балх - бактр, персидс.) - историко-культурная область по обоим берегам Амударьи от Гиндукуша (Афганистан) до Гиссарского хребта (Узбекистан, Таджикистан), первоначально небольшая территория в долине Балхаба. Столичный центр - город Бактры, позднейший Балх в Сев. Афганистане. Освоение области человеком относится к эпохе палеолита и неолита. В начале II тыс. до н.э., возможно несколько ранее, происходит широкое освоение приамударьинской равнины на юге и на севере оседло-земледельческими племенами (дашлы-сапаллинская культура), пришедшими из долины Мургаба и Южного Туркменистана.

В долинах рек формируются небольшие оазисы, в которых существовало по несколько поселений с укрепленным центром. Характерен высокий уровень культуры земледелия, основанного на искусственном орошении, специализированных ремесел - гончарное, металлообработка. Значительное развитие получают архитектура, строительное дело, торговля. Возникают монументальные здания, дворцы (Дашлы 3, Джар-Кутан)

Во второй половине II тыс. до н.э. в этой области формируются протогорода. Несколько позднее возникает, возможно, раннегосударственное объединение - древнебактрийское царство.

С середины третьей четверти VI в. до н.э. и вплоть до 330 г. н.э. Бактрия на правах сатрапии входила в состав державы Ахеменидов. В 329-327 гг. до н.э. она была завоевана Александром Македонским. С 306 г. и до середины III в. до н.э. подчинялась се-

левкидским царям. В середине III в. до н.э. на территории Бактрии возникает Греко-Бактрийское царство, просуществовавшее более ста лет. В этот период в Бактрии возникает много городов, высокого уровня развития достигает материальная и духовная культура, сформированная на местной основе при значительном влиянии эллинизма.

Выдающимися памятниками этого времени являются городище Ай-Ханум и храм Окса на городище Тахти-Сангин. Во второй половине II в. до н.э. в Бактрии расселяются пришедшие с севера и северо-востока сакские и юечжийские (тохарские) племена. Возможно, уже с этого времени Бактрия начинает именоваться Тохаристан, это название впервые зафиксировано в 386 г. н.э. по имени одного из племен - тохаров, завоевавших Бактрию. В первой половине I в. н.э. в Бактрии возникает Кушанское царство. А в середине III в. н.э. она была завоевана сасанидами. С середины V в. и вплоть до второй половины VI в. н.э. Бактрия-Тохаристан - один из основных центров Эфталитского государства.

Со второй половины VI в. н.э. и до окончательного подчинения арабам в начале второй половины VIII в. н.э. Тохаристан представлял собой конфедерацию множества небольших феодальных владений, находившихся под верховной властью тюркских ябгу.

Население области в I тыс. до н.э. - начале первых веков н.э. в основном состояло из бактрийцев, говоривших на одном из восточно-иранских языков. По-видимому, уже с середины I тыс. до н.э. здесь появляется письменность иноземного происхождения (клинопись, арамейское письмо), а с конца IV-III вв. до н.э. греческое письмо. При кушанском царе Канишке или при его предшественнике Кадфизе II в употребление вошла бактрийская письменность, сформировавшаяся на греческой основе и применявшаяся здесь вплоть до VIII-IX вв. В античное время и в раннее средневековье в Бактрии-Тохаристане употреблялись и другие письменности: кхароштли, брахми, пехлевийская, арамейская, согдийская и т.н. неизвестное письмо. В формировании и развитии бактрийско-тохаристанской культуры существенен вклад передовых цивилизаций Востока и эллинистического мира.

Давань - отдельное государство, существовавшее, видимо в первых веках до н.э. Первые сведения о Давани содержатся в записках Чжан Цзяня (128 г. до н.э.). Столица - город Гуйшуан, сопоставляемый с современным Касаном или Кокандом.

Во главе Давани стоял правитель (известны имена некоторых из них - Мугуа, Моцай, Чжаньфынь). Большую роль в управлении государством играл совет старейшин, который по своему усмотрению сменял старых и назначал новых правителей. Население

Давани, по данным Чжан Цзяня, насчитывало несколько сот тыс. человек, в ней было более 70 больших и малых городов. Значительное место в экономике Давани занимало сельское хозяйство, особенно разведение люцерны, виноградарство и виноделие. Вино изготовлялось в большом количестве и по несколько десятков лет хранилось без порчи. Возделывались также рис и пшеница, широкое развитие получило в Давани-Фергане специализированное коневодство, особенно разведение особой породы «славных аргамаков, потеющих кровью» и происходящих от этой породы «небесных лошадей», ставших причиной китайско-даваньской войны 104-102 гг. до н.э. Установив номинальное господство над Ферганой и поставив своего ставленника на престол, китайские войска ушли. После их ухода ферганцы свергли назначенного китайцами правителя и посадили на престол своего ставленника – Чжаньфыня. Однако Давань осталась независимым государством. Между ней и Китаем были установлены регулярные дипломатические отношения.

Маргиана - историко-культурная область, занимавшая территорию по среднему течению Мургаба и Мервский оазис. Освоение ее человеком относится к эпохе энеолита. В начале II тыс. до н.э. на самом севере дельты Мургаба возникает древнеземледельческий центр (Келлелинский оазис с крупными поселениями, обведенными стенами с башнями, - Гонур). Дальнейшее освоение области относится к раннежелезному веку - началу I тыс. до н.э. Возникают большие оросительные системы, появляются поселения с цитаделями на высоких искусственных платформах (Яз-депа, Арвали-депа), являвшиеся центрами небольших владений. В середине I тыс. до н.э. центр области перемещается к югу, на место городища Эрк-кала и Гяур-кала, где формируется столичный город Маргианы - древний Мерв, около современного города Байрам-Али. Захват области Ахеменидами вызвал широкое народное выступление - восстание Фрады, жестоко подавленное в первые годы царствования Дария I (521-486 гг. до н.э.). В конце IV в. до н.э. Маргиана была захвачена Александром Македонским, основавшим на месте Гяур-калы город Александрия Маргианская. С конца IV в. до н.э. и до середины III в. до н.э. Маргиана входила в состав государства Селевкидов. Центр области носил название Антиохия Маргианская.

После создания Греко-Бактрийского царства (середина III в. до н.э.) Маргиана вошла в состав Парфянского государства. Со второй половины I в. н.э. и вплоть до начала III в. н.э. здесь утверждается местная династия потомков царя Санабара. Со второй четверти III века и вплоть до середины VII в. н.э. Маргиана входила

в состав Сасанидского государства. В 651 г. она была завоевана арабами.

Согд - древняя историко-культурная область. Первоначально занимала, видимо, только долину Зарафшана, впоследствии также территорию современных Кашкадарьинской и Бухарской областей Узбекистана. Большинство арабо-персидских географов и историков восточной границей Согда считали Пенджикент, а западной - Карминию (вблизи г. Навои). Вместе с тем некоторые авторы расширяют понятие Согда, включая в него Бухару и Кашкадарью, как и китайские авторы, относившие Кеш к Согду. После X века Согд как название страны и области постепенно выходит из употребления, сохранившись при темуридах как название двух небольших тюменей (районов) к западу от Самарканда.

Этимология слова «Согд» остается неясной. Начиная с В.Томашека в науке утвердилось мнение, что оно восходит к иранскому «зоп» - гореть, блистать, светить. По О.И.Смирновой, «согд» - страна плодородных долин. Наиболее раннее употребление этого топонима встречается в Бехисутунской надписи царя Дария (522-486 гг. до н.э.), в Михр-Яште Авесты (первая половина I тыс. до н.э.). Населявшие эту область согдийцы относятся к восточно-иранским народам. Освоение Согда человеком относится к эпохе верхнего палеолита (40-12 тыс. до н.э.) - Аман-Кутан, Самаркандская палеолитическая стоянка. В IV тыс. до н.э. происходит освоение верховьев долины Зарафшана древнеземледельческими племенами (Саразм). В конце VI-IV вв. до н.э. Согд входит в состав 16-ой сатрапии Ахеменидского государства. В 329-327 гг. до н.э. Согд был завоеван Александром Македонским, встретившим здесь ожесточенное сопротивление местных племен во главе со Спитаменом. В III - середине II в. до н.э. Согд попеременно входит в состав Селевкидского и Греко-Бактрийского царств. Во II-I вв. до н.э. на его территории возникает несколько самостоятельных владений, во главе которых стоят вожди кочевых племен сакского и юечжийского происхождения. В первые века до нашей эры Согд входит в состав Кангюйской конфедерации. В это время происходит интенсивная миграция согдийцев на восток: Семиречье, Восточный Туркестан, Китай. Многочисленные согдийские поселения возникают вдоль трассы Великого шелкового пути. В II-I вв. до н.э. входит в широкое употребление согдийская письменность. В середине VII в. до н.э. возникает сильное согдийское владение ихшидов, упраздненное арабами в середине VIII в. н.э. С 670 г. н.э. начались набеги арабов на Согд, которым согдийцы оказали ожесточенное сопротивление - особенно Деваштич. С середины VIII в. Согд входит в состав Аббасидского халифата. На террито-

рии Согда обнаружены и исследованы выдающиеся памятники материальной и художественной культуры (Афрасиаб, Варахша, Пенджикент, Саразм и др.)

Хорезм - древняя историко-культурная область в низовьях Амударьи. Этимология названия Хорезм (древнеперсидское - *Uvarazmas*, греческое - Хорасмия, арабское - Хваризм) не совсем ясна. По мнению одних исследователей, слово Хорезм означает «земля солнца», по мнению других - это «плодородная земля», согласно третьей точке зрения - «Хорезм» означает «добрый дар земли», «земля с хорошими дарами», т.е. городами. Совсем иная интерпретация предложена С.П. Толстовым - «земля (страна) народа Хвари» (или Харри), в чем он видит отражение названия народа хурритов, создавшего во II тыс. до н.э. государство Митани в Азии.

История Хорезма уходит в далекое прошлое. В эпоху неолита здесь была распространена кельтеминарская культура (вторая половина IV-III тыс. до н.э.) - культура охотников и рыболовов. В эпоху поздней бронзы, во второй половине II тыс. до н.э. - начале I тыс. до н.э. ее сменяет тазабагъябская культура, основными занятиями жителей которой были земледелие и скотоводство, и сурганская культура, на раннем этапе развития которой жители занимались охотой и рыболовством, а на позднем - земледелием и скотоводством. В начале I тыс. до н.э. на территории Хорезма распространяется амирабадская культура, находившаяся на более высокой стадии развития, чем предшествующие.

Согласно одной из теорий, основанной на сведениях Гекатея Милетского (конец VI в. до н.э.) и Геродота (V в. до н.э.), хорезмийцы жили в бассейне Мургаба и Теджена. Эти не совсем ясные сведения послужили созданию гипотезы о «Большом Хорезме» - государстве с центром в регионе Мерва и Герата, которое якобы существовало еще в доахеменидский период, т.е. в VII-VI вв. до н.э.

Сторонники другой гипотезы полагают, что хорейзмийцы пришли на эти территории с севера, с мест своего исконного обитания.

Наиболее раннее, надежно датированное упоминание названия Хорезм содержится в надписи, выполненной по велению царя Дария I на Бехисутунской скале в 518-521 гг. до н.э. По-видимому, в 40-х годах VI в. до н.э. Хорезм был завоеван Ахеменидом Киrom II, а при Дарии I (522-486 гг. до н.э.) эта область наряду с Согдом и Парфией, входила в 16-ю сатрапию ахеменидской державы. Освобождение Хорезма от ахеменидов и создание хо-

Правитель Хорезма.
Шаушафан. Монета

резмийского царства относится ко второй половине IV в. до н.э. В греческих источниках упоминается царь Хорезма Фарасман, в 329 г. до н.э. прибывший в Самарканд к Александру Македонскому с предложением союза.

Во II веке до н.э. или, возможно, в III в. до н.э., Хорезм входит на правах самостоятельного владения в состав огромной конфедерации Кангюй. Уже в II-I вв. до н.э. здесь начинают чеканить свои монеты в подражание греко-бактрийским монетам Евкратиды, в начале с искаженной греческой надписью, а затем с легендой хорезмийской письменностью. Изменяется и иконография монет, которые имеют на лицевой стороне изображение местного правителя, а на оборотной - конного всадника и тамги. Эти символы затем присутствуют на всех монетах Хорезма вплоть до середины VIII в. нашей эры и свидетельствуют о династийной преемственности хорезмийских правителей на протяжении более 800 лет. Благодаря исследованию хорезмийских надписей на монетах В.А. Лившицем и Б.И. Вайнберг были установлены имена хорезмийских царей (Хорезмшахов) - Артав, Вазамар, Бравик и другие, которые значительно расходятся со списком имен так называемых династий Африга, приведенных Беруни.

В первых веках нашей эры Хорезм представлял могущественное независимое государство, столица которого находилась на городище Топрак-кала. Свою независимость Хорезм сохранил вплоть до начала второй половины VIII в. н.э., когда он был включен в состав Аббасидского государства.

Цивилизация древнего Хорезма - одна из самых самобытных и ярких в Средней Азии. На его территории располагаются такие выдающиеся памятники как Кой-Крылган-кала, Топрак-кала, Аяз-кала и др.

Чаганиан. (В арабском написании - Саганиан) - историко-культурная область в среднем и верхнем течении Сурхандарьи (Чаганруда). Название области впервые упомянуто Сюань-Цзянем (около 650 г. н.э.). Древнейшие следы обитания на ее территории относятся к эпохе мезолита и неолита. Во второй половине II тыс. до н.э. здесь возникают первые оседло-земледельческие поселения (Муллолитепа), а в середине I тыс. до н.э. - ранний город Кызылтепа. В I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Чаганиан входит в состав Кушанского государства. Экономика и культура области в этот период достигают высокого уровня, возникает множество городов и поселений, развиваются товарно-денежные отношения, поливное земледелие, различного рода ремесла, изобразительное и прикладное искусство, особенно прикладная монументальная глиняная и гипсовая скульптура (Халчаян, Дальверзинтепа). В конце

III-IV в. н.э. Чаганиан попадает под власть Сасанидских кушаншахов. Во второй половине V - первой половине VI в. н.э. эта область попеременно входит в состав Эфталитского и Сасанидского государств. Со второй половины VI и вплоть до второй половины VIII в. н.э. в Чаганиане правит местная династия восточноиранского происхождения, лишь номинально подчиняющаяся верховным правителям Тохаристана - тюркским ябгу. Имена некоторых Чаганианских правителей - хидевоов или чаган-худатов установлены по письменным, эпиграфическим и нумизматическим данным - Фаганиш, Сашр, Зарин, Туранташ, Тиш, Хнар. Во второй половине VII в. н.э. в Чаганиан проникают арабы, которые затем (в конце VIII в. н.э.) упраздняют местную династию. С середины или второй половины IX в. и вплоть до начала XI в. н.э. Чаганиан - наследственное владение правителей из династии Мухтаджидов, входивших в число самых могущественных полунезависимых вассалов Саманидов. Амиры этой династии Абу Бакр Мухаммад бин Музаффар (умер 940/41 гг.) и особенно Ахмад бин Абу Бакр Мухаммад - Абу Али Чагани (умер 955/56 гг.) играли видную роль в саманидском государстве, занимая важнейшие административные посты - наместников Хорасана и сипехсаларов. В состав Чаганиана при Мухтаджидах, помимо территории соответствующей современной Сурхандарьинской области, входили также области Шумана и Ахаруна на северо-западе Таджикистана. Столицей области являлся одноименный город, локализуемый на месте городища Будрач в 6 км к юго-востоку от Денау при впадении Кызылсу в Сырдарью. Город Чаганиан (Саганиан) в это время был одним из наиболее значительных экономических и культурных центров Средней Азии, с площадью около 6 га, а чаганианский амир Ахмад бин Мухаммад прославился на Востоке как покровитель (мамдух) многих выдающихся поэтов: Дакики, Фаррухи, Манджуки. В первой половине XI в. Чаганиан находился в определенной степени зависимости от Караханидов, в отдельные периоды - это суверенное владение. Во второй половине XI в. - первой половине XII в. Чаганиан входит в состав государства Сельджукидов. Во второй половине XII в. - начале XIII в. н.э. им попеременно владеют Караханиды, Карлуки, Гуриды, Хорезмшахи. После завоевания монголами, в середине XIII в. Чаганиан становится наследственным владением внука Чагатая Есун-Тува, а затем его сына Борака. Новый город возникает в этот период на месте прежнего рабада и существует вплоть до начала XVI в., когда область Чаганиана была завоевана Шейбаниханом. После этого главный центр перемещается в Дихи-нау (современный город Денау).

Чач, (Чачан, араб. Шаш) - историко-культурная область, располагавшаяся на правом берегу Сырдарьи, в бассейнах реки Чирчик и Ахангаран, на территории современной Ташкентской области.

Наиболее раннее зафиксированное употребление названия Чач содержится в надписи царя Шапура I (241-262 гг. н.э.) на так называемой Каабе Зороастра, где перечисляются границы его государств. Название Чач содержится в ранних легендах согдийским письмом на бронзовых монетах, чеканившихся в этой области, начиная, по-видимому, с III в. н.э.

Полное название области было, вероятно, Чачани, поскольку данное написание имеется в некоторых легендах на древних и раннесредневековых монетах, тогда как Чач - усеченная его форма, подобно Кеш (Киш) от Кешан, Чаганиан от Чагани.

В арабских письменных источниках это название передавалось в форме Шаш, ввиду того, что в арабской письменности отсутствует буква для передачи звука «ч», замененная на «ш», подобно тому, как название Чаганиан - области в долине Сурхандарьи, арабы передавали в форме Саганиан.

В древних китайских источниках эта область называлась Юни, более поздних (V-VI в. н.э.) - Ши. Древняя форма названия Чач, арабизированное Шаш, сохранилась до сих пор в тюркизированной его форме - Ташкент.

Освоение человеком территорий Древнего Чача началось в эпоху камня. Периодом нижнего и верхнего палеолита датируются камнеобрабатывающие шахты в Кульбулаке, стоянки человека на берегу Бозсу и Каракамышша.

В эпоху бронзы (III-VII вв. до н.э.) эта область была заселена племенами степного так называемого андроновского типа постепенно перешедшими здесь к земледелию.

В IX-VII вв. до н.э. значительную часть данной территории занимают племена бургулюкской культуры, основным занятием которых было земледелие, скотоводство, металлургия и ткачество. Одно из поселений бургулюкской культуры - Шаштепа находится на месте современного Ташкента. По-видимому, в этот период здесь проживало одно из многочисленных сакских племен. Конец бургулюкской культуры в III в. до н.э. положили, по-видимому, племена сарматского круга, продвинувшиеся в низовья Сырдарьи из Приаралья. Эти племена принесли в Ташкентский оазис традиции городской культуры, навыки строительства домов из сырцового кирпича и пахсы. В это время здесь возникают первые города, в частности на месте городищ Канка и Шаштепа.

В первые века до н.э. - первые века н.э. Чач входит на правах отдельного владения - Юни в состав огромного конфедеративного государства Кангюй.

В III - начале IV в. н.э. Чач (или Ши, согласно китайским источникам) превращается в самостоятельное владение. Об этом свидетельствует, в частности, начавшийся здесь самостоятельный монетный чекан с портретом правителя, тамгой и согдийской надписью, в которой указаны имя царя - Ванван (победоносный), его титул и название владения - Чач или Чачан Напач. Именно эта надпись на монетах является древнейшим упоминанием названия Чач, так как эти монеты чеканятся ранее (может быть даже в II в. н.э.), чем надпись Шапура I 262 г. н.э. на так называемой Каабе Зороастра, которую обычно считают самым ранним упоминанием названия Чач.

В начале второй половины VI в. н.э. Чач вошел в состав Великого Тюркского Каганата, а до этого, во второй половине V-VI в. н.э., остается самостоятельным владением, о чем свидетельствует продолжавшийся здесь чекан бронзовых однотипных монет по древнему образцу, но значительно худшего качества. Чач, возможно, находился под эгидой эфталитов.

В VII - первой половине VIII в. н.э. Чач представлял собой, вероятно, конфедерацию небольших владений, находившихся под эгидой тюркских правителей, носивших титулы тегини тудун.

По нумизматическим данным установлены имена некоторых из них (Туркеш, Шанибаг, Затак (?), Кавирадн и др.) и название этих владений, помимо Чача - Кабарна, Туноканд. Судя по именам, в том числе сохранившимся в письменных источниках, наряду с тюркскими именами были и имена правителей древнечачского происхождения, близкие к согдийским именам.

В VII-VIII в. Чач являл собой экономически развитую область со множеством городов и селений, развитым сельским хозяйством и ремеслами, товарно-денежными отношениями. Особо славились рудники Чача. Такой же оставалась область и при Аббасидском халифате, в состав которого она входит во второй половине VIII в. н.э.

В IX-X вв. название Чач, но уже в арабизированной форме сохраняется за территорией долины Чирчика, но наряду с ним различалась и другая область - Илак в долине Ахангарана.

Позднее название Чач постепенно выходит из употребления.

3. Исторические цивилизации, государства и древние города

Уже в глубокой древности, по-видимому, во II - начале I тыс. до н.э., в Средней Азии происходит процесс формирования своеобразных и оригинальных в своей сущности отдельных цивилиза-

ций: бактрийской, маргушской, согдийской, хорезмской, фергано-чачской и некоторых других. Каждой из них были присущи черты стадильности историко-культурного процесса, локальных закономерностей и особенностей развития, обусловленных сложнейшими процессами культурогенеза, этногенеза и факторами раннего генезиса государственности. Они, по внутренней сути своей, являлись речными земледельческо-ирригационными цивилизациями, а следовательно, и городскими, ибо город - неотделимая часть их бытования на всех стадиях - от эмбриональных протогородских форм до самых развитых агломераций, подобных Александрии, Балху, Мерву и Самарканду. Огромная роль здесь принадлежала скотоводству, как домашнему, так и кочевому, но не оно определяло их основное содержание.

Государства, возникшие на фундаменте этих цивилизаций и являющиеся одной из форм их выражения, развивались параллельно с ними, придавая им устойчивость и продолжительность существования, а в определенные периоды - политическую, экономическую и культурную общность.

Если считать важнейшим признаком появления развитых форм государства письменность, то следовало бы полагать, что и цивилизация возникает одновременно с государством, ибо письменность также является одним (но далеко не основным) из важнейших ее компонентов.

Но если цивилизация, и прежде всего, историческая, - это, скорее всего, явление стадильное, присущее всем стадильно-хронологическим периодам развития человеческого общества, начиная с эпохи камня, то государство и государственность - явление вторичное, производное от цивилизации, возникающее на определенной стадии развития общества, а именно в эпоху бронзы, когда в исторических цивилизациях Месопотамии, Восточного Средиземноморья и в низовьях Нила возникают первые эмбриональные формы государства - так называемые города-государства.

Огромная роль в формировании исторических цивилизаций принадлежит автохтонным этносам, формирующим определенный тип цивилизации. Но не меньшая роль в этом процессе принадлежит миграциям народов из одной цивилизации в другую в силу определенных географических, политических, военных, демографических причин, и по причине непреодолимой тяги индивидуумов к познанию «Неведомой земли», начиная с эпохи камня, когда происходит первый обмен культурными ценностями. По сути, вся этническая история человечества - это история миграции народов из одной среды в другую, из одного географического пространства в другое, и их смешение.

В процессе длительных миграций вначале спонтанно, а затем перманентно происходит смена исторических цивилизаций, ассимиляция субстратного этноса и метизация автохтонного населения, конечный итог которых - создание новых этнических и лингвистических мигрометеоэтнических общностей, сохранявших в определенной степени автохтонную основу. Собственно говоря, как исторические (но они в меньшей степени, в особенности на ранних этапах развития), так и современные народы не являлись и не являются гомогенными этносами, а представляют собой мигрометеоэтнические общности, антропологическую, глотогеническую и менталитетную сущности которых составляют комбинации вкраплений, заимствований в аборигенный этнос и автохтонную культуру на каждой из стадий исторического развития. В исторической науке, и не только, часто оперируют понятием «автохтонный народ», зачастую используя его в спекулятивных целях. Автохтон - слово греческого происхождения (*autochthones*), оно означает коренного жителя, первоначального насельника той или иной территории или страны - это то же самое, что и латинское слово *aborigines* от *aborigine* - от начала.

Однако существуют ли критерии в определении понятия «аборигенный народ» в хронологическо-стадиальной эволюции? Приходится констатировать, что подобных критериев не имеется за исключением весьма неустойчивого территориального признака, каковой при внимательном анализе может оказаться вторичным, третичным и т.д. То есть проживающий на той или иной территории современный народ в процессе исторической эволюции мог несколько раз менять территорию и среду обитания и даже язык. Классический пример - болгары, трижды менявшие первоначальное место обитания - Центральная Азия, низовье Дона, Балканы. Так же как язык иранский, тюркский, славянский. По существу те, кого мы называем автохтонным населением, могли быть таковыми лишь на весьма ранних стадиях развития, в эпоху камня, тогда как в последующие эпохи происходят перманентные миграционные этнические вливания и метизация на каждой из новых стадий. Причем передвигающийся на новую территорию этнос сам уже был носителем полиэтнических признаков, которые он приобрел на прежней территории обитания с соответствующими компонентами метизации.

Таким образом, переселение народов, в том числе и так называемые «великие переселения народов» - это, в сущности, диффузия мигрометеоэтнических гетерогенных общностей в перманентном стадиальном обновлении, исключая этническую гомогенность. По существу, в глобальном масштабе отсутствуют

этноты, для которых возможно было бы проследить линию орогенного этнического развития, от эпохи камня, без многократных полиэтнических вливаний, за исключением племен и этносов, населявших «края ойкумены» - будь то изолированные горные долины, или изолированные зоны, но и туда они приходили, будучи уже метизированными на прежних территориях обживания.

Стадиально эволюционируя, мигрометеоэтнические общества создавали определенный тип симбиотической культуры, который на каждой стадии развития дополнялся новой этнической миграцией - носителей новых культурных элементов, и реже - благодаря торговым и культурным взаимоотношениям, иначе говоря, каждый миграционный этнос нес с собой свойственную ему культуру, которая на новой территории обитания этноса, в столкновении его с культурой уже обитавшего здесь народа, приобретала новые черты и вырабатывала иной тип культуры, в котором формируются и развиваются параллельно, в симбиотическом единстве автохтонные и привнесенные признаки.

Привнесенные много столетий назад вещи или явления культуры приобретали застывшую (устойчивую) форму существования, переходя из одной в другую стадию развития подобных обществ. При этом первоначальный источник их происхождения напрочь забывался и они выдавались за свои. Классический пример этому - пиала, являющаяся чуть ли не олицетворением национальной принадлежности народов Средней Азии, которые, за редким исключением, не знают о том, что эта форма, как и название, привнесены в результате эллинской миграции в этот регион, в III-II вв. до н.э.

Цивилизация, как постоянная и всеобъемлющая материальная и духовная форма существования человеческого общества, была присуща всем без исключения народам во все периоды их истории, различаясь стадиально-хронологически, этнически, типологически и иерархически. Цивилизациям, находящимся на высших ступенях иерархической лестницы (так называемым цивилизациям первого порядка), свойственны наиболее приоритетные и передовые формы существования и достижения, выработанные в процессе длительного исторического развития. К ним, в частности, относятся города, являющиеся средоточием политических, экономических, культурных и других ценностей, определяющих во многом ход развития передовых цивилизаций, что закономерно как для древности, так и для современности. Это вовсе не означает, что города создали цивилизации. Наоборот, примат цивилизации очевиден. В начале возникает определенный тип цивилизации, со свойственной ей культурой. Затем развитие эко-

номики, усовершенствование социальных институтов, культурный процесс привели к созданию первых городов, в дальнейшем определявших основное содержание цивилизаций. Особая роль здесь принадлежит первичным городским очагам цивилизаций, которые определяли наиболее древнюю, но в то же время перманентно развивающуюся форму той или иной цивилизации, выделялись комплексом выработанных в этих городских очагах приоритетных достижений и элитных форм материальной и духовной культуры.

В Средней Азии существовали три таких первичных городских очага - это Самарканд-Мараканда, Мерв-Мару-Байрам-Али, Бактры-Балх, зародившиеся как города уже в начале I тыс. до н.э. Они имеют непрерывную почти трехтысячелетнюю историю существования, впитавшую в себя историю разных эпох с различными стадияльно-хронологическими, общественными системами и формами культуры. Эти городские очаги цивилизации и определили в последующем ход развития исторически наиболее ранних и приоритетных цивилизаций Средней Азии: бактрийской, согдийской и маргушской. Неслучайно арабы, прошедшие огромные расстояния и выдавшие воочию сотни городов Древнего Востока, назвали Бактры - Балх «У'м-ал-билад» - Мать городов, по-видимому, вложив в это понятие свое понимание исторической роли Бактр-Балха как родоначальницы городов.

Такими же, но может быть менее значительными, были и ранние городские очаги цивилизации Средней Азии - согдийский Кеш, первооснова которого Сангиртепа, зарождается в IX-VIII вв. до н.э. и плавно переходит в огромный город - Узун-кыр, а затем, с III в. до н.э. - в античный Китаб. Это северобактрийские города - Шерабад (древнее название неизвестно, современное бытует с XVIII в.) и Дих-и Нау (Денау) - это название употребляется с XV в., - пожалуй, древнейшие города Центральной Азии, начало формирования которых относится ко второй половине II тыс. до н.э. Эти города непрерывно существуют на протяжении более трех тысяч лет, меняя только свое местонахождение в пределах определенного радиуса, в основном на ранних этапах своего бытования, а с определенного времени развиваясь на одном и том же месте.

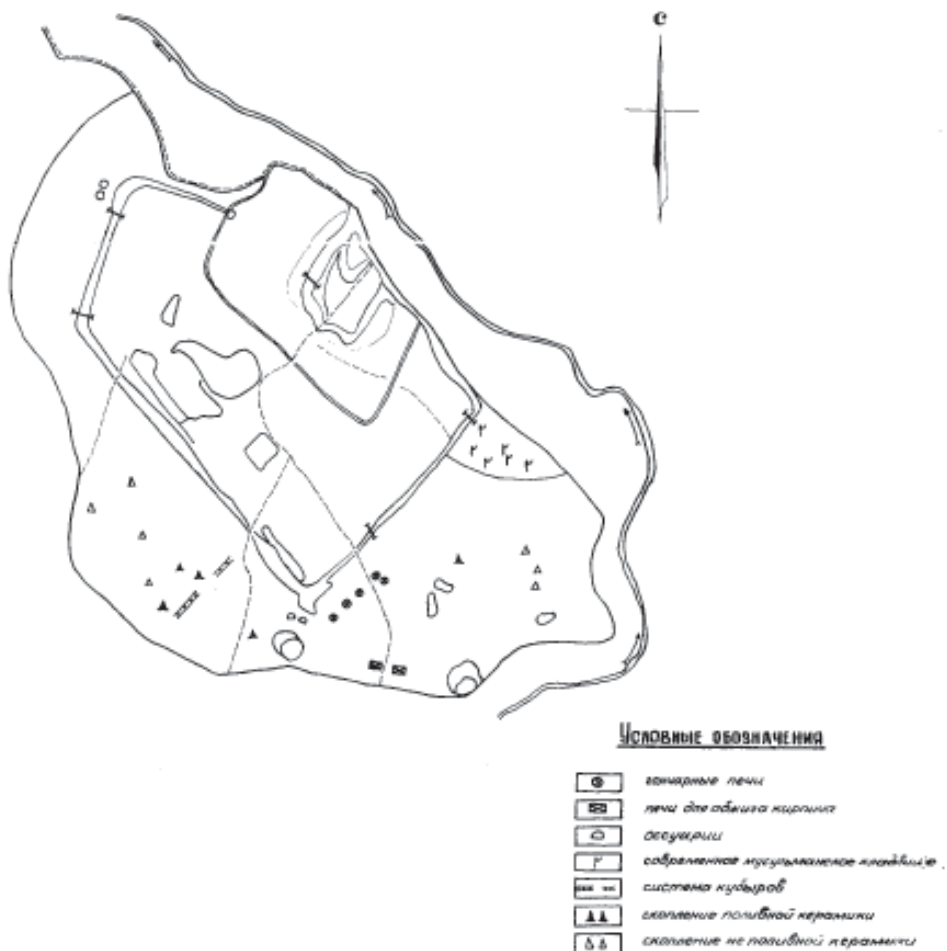
По существу, такого типа города нужно рассматривать как своего рода огромные агломерации, составные, разнородные типологически и хронологически части которых в силу перечисленных причин перемещались во времени и пространстве в пределах ограниченного ареала.

Определенному типу городов соответствует и определенный тип государства, происхождение которого как особой формы политического, административного и правового устройства об-

щества проистекает из города, первая стадия становления которого затем переходит в государство. Это так называемые города-государства, или, как принято именовать их в исторической науке, номы (по примеру Древнего Египта, история которого хорошо освещена в письменных источниках), состоящие из доминантного центра с прилегающей к нему сельской округой, контролирующего определенный участок ирригационного сооружения или реки. Объединение нескольких подобных номов привело в Древнем Египте и Месопотамии к созданию первых государств.

Подобный тип протогородской и протогосударственной организации возникает в конце II тыс. до н.э. на юге Среднеазиатского Двуречья, в нынешней Сурхандарьинской области Узбекистана.

Городище Кянка с Риадом

Это Джар-Кутан (вблизи г. Шерабада), огромная агломерация площадью более 200 га. Она состояла из нескольких поселений, слитых в единый комплекс, объединяющим центром которого являлось укрепленное место пребывания правителя и храм - средоточие идеологических функций. Но это был не единственный путь генезиса городов Среднеазиатского Двуречья. Существовали и иные. Так, многие из них возникали путем поступательного развития из небольших поселений с цитаделью, появившихся в начале I тыс. до н.э. и постепенно переросших в большие города. Другие строились первоначально как рефугиум - убежище, громадная, по большей части незастроенная территория с цитаделью, куда в случае военной опасности скрывалось окрестное население со своим скарбом и скотом. Впоследствии эти территории обживались, на них возникали различного рода здания, и рефугиум становился городом со всеми свойственными ему функциями.

Имелись и города, которые строились сразу по продуманному плану и по воле царя. Такого рода генезис был свойственен эллинистическому миру со времен Александра Македонского и его преемников. Известно, в частности, из описания Арриана, что подобный город был построен по приказу Александра на берегу Сырдарьи (по-видимому, это городище Канка Ташкентской области) в течение 20 дней и был заселен ветеранами его армии и местными жителями.

Продолжительность существования древних городов, в зависимости от естественно-географических, политических и экономических причин была различной, одни из них, пройдя свой путь генезиса и эволюции, внезапно погибали (чаще от военного нашествия) или постепенно приходили в запустение и никогда больше не обживались. Пример тому - многие древние городища Среднеазиатского Двуречья, прекратившие свое существование в IV-V вв. н.э. Другие же, поступательно эволюционируя, переросли в средневековые, а затем и в современные города. В Среднеазиатском Двуречье их немало, но только некоторые из них, насчитывают 2500 и более лет (Самарканд, Бухара, Хива, Китаб, Карши, Термез), а за его пределами - Мерв, Серахс.

Но существовали и иные причины. В частности, немалое значение имела табуизация, то есть сакральный запрет на обживание места прежнего обитания другого народа, с иной исповедуемой им религией, или в силу якобы поселившихся там демонических сил. Наука знает множество примеров по всему земному шару, когда наложение табу заставляло население покидать место своего прежнего обитания и никогда более не возвращаться к нему. Духовный мир древних обществ был намного богаче и сложнее, чем мы

представляем его, исходя из немногочисленных сведений письменных источников и археологических артефактов, в интерпретацию которых ученые зачастую вкладывают свое понимание, а не их истинную сущность.

В Средней Азии также имеются примеры понимания местным населением заброшенных в глубокой древности городищ как обители демонических сил - Девкескен, Девкала и др., на которые наложен «харом» как на посещение, так и на обитание рядом с ними. Город с названием, в котором нашло отражение пребывание в нем демонических сил, существовал в Северном Тохаристане, Хашемгирд - от имени авестийского демона гнева, злобы и ярости, Аесма, то есть «город Аешмы».

Выше мы коснулись генезиса городов, но значительно важнее стадияльно-хронологический аспект взаимосвязи определенной стадии развития города и определенной стадии эволюции государства в сопоставлении их с такими значимыми проявлениями тех и других, в особенности на Ближнем и Среднем Востоке, как наличие письменности, товарно-денежных отношений, правовых институтов, монументального искусства, административных систем и т.д. Напомним, что без наличия письменности, посредством которой осуществляется вся система управления государств развитого типа, немисливо существование государства как такового. Даже на стадии первичных городов-государств в древнем Шумере, Аккаде, Элламе и в Египте уже существовали разнообразные системы письменности. Тот же процесс свойственен древнему Китаю, Индии и Элладе, где в пору существования таких великих цивилизаций как Харапская и Крито-Микенская уже имелись свои системы письменности.

Анализ всего комплекса имеющихся данных свидетельствует о том, что важнейшим условием продолжительности существования того или иного древнего города и статуса его как такового является наличие в нем мощных, разновременных культурных слоев, достигающих порой толщины до 20 метров и более, постепенный переход от одной стадии развития городского организма к другой по определенной схеме: первоначальное поселение или группа поселений - протогород - ранний город - развитый город эпохи античности (двухчастный или трехчастный), включающий арк-цитадель, собственно город, формирующийся пригород с культовыми и погребальными постройками и сельской округой. Еще более сложным в структурном отношении становится средневековый город, состоящий из кухендиза - цитадели, собственно города (мадина или шахристан), а зачастую из мадина-харидж или шахри-бируна (внутренний город) и мадина-дахил или шахри-

даруна (внешний город), а также торгово-ремесленного пригорода рабада, иногда также внешнего и внутреннего. Причем, для каждой стадии развития (кроме самых ранних) существуют определяющие признаки города как такового: мощная фортификационная система для каждой или почти каждой его части, монументальные постройки общественного, гражданского и культово-мемориального назначения, развитое ремесленное производство, товарно-денежные отношения, административные и фискальные службы.

Только при наличии этих важнейших признаков и поступательной эволюции от одной стадии к другой можно говорить об исторически длительном периоде функционирования того или иного города и о глубокой древности его существования. Научные факты подтверждают, что таким признакам отвечают лишь немногие из существующих сейчас городов Средней Азии. Среди них Бухара, Самарканд, Хива, Мерв, Серахс, а также Шерабад, Денау, Термез и Китаб-Шахрисабз.

4. Миграции народов как фактор развития цивилизаций

Миграция, как особая форма передвижения этнических масс, способствующая в большинстве случаев культурному и экономическому прогрессу и приводившая зачастую к гибридизации и метизации, а нередко и к тотальной смене населения иного региона, не всегда признавалась в советской науке. Взамен Н. Я. Марром была введена теория автохтонности и стадийного развития общества, оказавшая в свое время большое влияние на развитие советской исторической науки. Эта теория была подвергнута жесточайшей критике И.В.Сталиным в его труде «Марксизм и вопросы языкознания», после чего имя Н. Я. Марра кануло в забвение, а его труды были запрещены на долгие годы и изъяты из библиотек. Между тем глобальный обзор исторического развития показывает что автохтонность и миграционность находятся в тесной взаимосвязи и не могут существовать друг без друга. На протяжении всей истории этническая автохтонная эволюция всегда получала дополнительный стимул от миграции иных народов, и это отражалось не только на изменении антропологического облика и языка, но также и на цивилизации в ее широком понимании, что приводило в конечном итоге к прогрессу всего общества. Вряд ли сейчас на всем земном шаре найдется этнос, индивидуумы которого в первозданном виде донесли из глубокой древности чистоту своего языка и облика.

Автохтонные же народы, не испытавшие влияния миграции других народов, или перешли в разряд навсегда исчезнувших, или влачат незавидное существование.

Установлены твердые даты, начиная с наиболее ранних, фиксирующие (по сведениям письменных источников, монетным легендам, эпиграфическим данным) пребывание тех или иных этносов в Средней Азии и их языковую принадлежность.

Не отрицая значения гипотез в науке, автор тем не менее фактически отказался здесь от них, поскольку научный вывод, построенный на ничем не доказанной гипотезе, особенно в столь ответственной проблеме, как этническая история, зачастую ведет к различного рода спекуляциям по поводу этногенеза того или иного народа Средней Азии. Однако сейчас речь идет не об этногенезе, а главным образом о миграциях, происходивших в Средней Азии, начиная с ранних этапов ее истории и вплоть до XVIII в. Причем основное внимание уделяется наиболее раннему периоду проживания в Средней Азии тех или иных народов, зафиксированному соответствующими источниками, не затрагивая вопросы, связанные с их дальнейшим пребыванием здесь.

Научные знания об истории этого региона, накопление которых происходило начиная с XVII в. и в особенности в XX в., в советское время, когда развернулись широкие археологические, антропологические и этнографические исследования, позволяют достаточно уверенно охарактеризовать этническую историю Средней Азии. В силу своего географического положения этот регион являлся не только преемником, аккумулирующим потоки этнической миграции, но также и ретранслятором. Через ее территорию на юг, запад и восток Азиатского континента мигрировали племена и народы различных языковых семей.

На основании имеющихся данных и сведений письменных источников можно говорить о шести основных потоках этнической миграции на территорию Средней Азии в древности и средневековье (до XVIII в.): индоарийской, иранской, греко-македонской, тюркской, семитской, монгольской, - представляющих четыре семьи языков: алтайскую, индоевропейскую, семитскую и монгольскую.

Вероятно, происходили миграции представителей других языковых семей, к примеру угро-финнов и китайцев, но они были незначительны по объему и не оставили сколь-либо заметного следа в этническом составе и языках народов Средней Азии. Так, знаменитый паломник Сюань-Цзянь (около 630 г.) упоминает о небольшом городке, располагавшемся на юге современного Казахстана и заселенном китайцами. В середине - второй половине

XX в. была выдвинута гипотеза о том, что население юга Средней Азии могло быть дравидоязычным. Такое предположение высказал уже С.П. Толстов в 1948 г., но обоснована эта гипотеза была Б.А. Литвинским, а позднее к ней присоединился и В.М. Массон. В.В. Иванов также считает, что субстратным языком в Средней Азии мог быть дравидский.

По мнению Б.А.Литвинского, археологические данные, полученные в последнее время, укрепляют эту гипотезу. Имеется в виду открытое поселение хараппской культуры (население которого говорило на дравидском языке) Шор-тугай на левом берегу Амударьи в Северо-Восточном Афганистане. Но это лишь крайний форпост хараппцев на северо-западе - в самой Средней Азии памятников этой культуры не имеется. Сторонники дравидской гипотезы не приводят антропологических данных, а они весьма показательны. Известно, что дравиды сейчас, а тем более протодравиды, принадлежали к экваториальной расе, характеризующейся негроидным обликом с прогнойдными чертами черепа.

Антропология населения юга Средней Азии сейчас изучена очень неплохо благодаря раскопкам могильников эпохи бронзы, в которых обнаружены многочисленные серии черепов. Среди них исключительно редки находки черепов представителей экваториальной расы, и уже этот факт начисто отвергает гипотезу о дравидоязычности населения юга Средней Азии в эпоху бронзы.

Согласно исследованиям антропологов, население этой области, от юга Туркменистана до Памира включительно, в эпоху бронзы принадлежало к восточно-средиземноморскому расовому типу и было родственно переднеазиатскому. Так считают все исследователи (В.В. Гинзбург, Т.А. Трофимова, Л.В. Ошанин, В.П. Алексеев, Т.К. Ходжайов и др.). В этом же направлении следует, на наш взгляд, искать ответ и на вопрос о языковой принадлежности населения древне-земледельческих культур эпохи бронзы.

Наука располагает некоторыми сведениями о конкретной этнической принадлежности населения Средней Азии только начиная с периода раннего железа (VI-V вв. до н.э.). Но несколько ранее, возможно, в середине - второй половине II тыс. до н.э., через Среднюю Азию прошла первая волна индоевропейской миграции народов, приведшей затем к разрушению культуры Хараппы.

Индоевропейская семья языков

На территории Средней Азии в древности происходили миграции различных народностей этой языковой семьи: тохары, индоарии, иранцы, греки, армяне.

Не исключено, что наиболее ранней из них была тохарская миграция. Согласно высказанной В. Ивановым и Т. Гамкрелидзе

гипотезе, тохары, прародиной которых являлась, их по мнению, Передняя Азия, в IV-III тыс. до н.э. мигрировали через Иран и Среднюю Азию на территорию нынешнего Восточного Туркестана. Но, согласно другой гипотезе, индоевропейцы-тохары были аборигенным населением этого региона.

В греко-римских источниках (Страбон, Юстин Трог) тохары впервые упоминаются во второй половине II в. до н.э., когда они совместно с другими племенами - ассиями, пасианами и сакаравами - сокрушили Греко-Бактрийское царство (Strabo. VIII, 2). В исторической науке тохар зачастую отождествляют с юечжами китайских письменных источников.

В первые века новой эры, как свидетельствует Птолемей, тохары были наиболее многочисленным племенем в Бактрии (Ptolemy. VI, 11), поэтому не случайно в дальнейшем эта страна получила название Тохаристан (страна тохар), впервые в письменных источниках зафиксированное в конце IV в. н.э. и получившее широкое распространение в раннее и развитое средневековье.

Тохарский язык отражен в памятниках письменности III-VII вв. н.э. из Нии и Кучи в Восточном Туркестане. Он представлен двумя вариантами - ранний «тохарский язык А» и более поздний - «тохарский язык В». Как доказано, язык памятников этой письменности является языком особой ветви индоевропейской семьи, имеющим множество соответствий в западноевропейских языках.

Не исключено также, что тохарам-юечжам принадлежит так называемая неизвестная письменность, обнаруженная за последние годы на обширном пространстве от Кабула до озера Иссык-Куль; наиболее ранний памятник ее датируется IV-V вв. н.э., а наиболее поздние - VII-VIII вв. н.э. Однако эта письменность остается до сих пор не прочитанной.

По мнению ряда ученых, через территорию Средней Азии с севера проходила миграция индоариев, сокрушивших в середине II тыс. до н.э. хараппскую цивилизацию долины Инда. Это мнение сейчас, как считается, находит подтверждение и в археологических данных.

Однако, согласно другому мнению, маршрут движения сюда индоариев пролегал через Кавказ, территорию современного Ирана и Афганистана. Причем пребывание их на северо-западе Ирана уже во второй половине II тыс. до н.э. зафиксировано в памятниках письменности, происходящих с территории государства Митания, в которых также упоминаются индоарийские божества: Индра, Варуна, Нассатья. Примечательна в этой связи гипотеза Л.С. Толстой, связывающей неоднократно присутствующее в

топонимике и этнонимике Узбекистана слово “митан” с названием этого государства. Документированных следов пребывания ранней волны индоевропейских племен на территории Средней Азии не зафиксировано. Однако стоит обратить внимание на следующие обстоятельства. В перечне племен, населявших Бактрию, Птолемей, в частности, упоминает скордисков, чье название имеет очевидную аналогию с названием кельтского племени скордов, обитавших на Дунае (Ptolemy. VI, 11).

Тот же Птолемей упоминает в Бактрии два города - Маракодра и Галикодра, во втором компоненте которых явно присутствует индоевропейское «gatra» - «вместилище» - место совместного пребывания людей.

Миграция иранских племен. Вопрос о времени появления ираноязычных племен на территории Средней Азии остается дискуссионным. Ряд ученых относят это событие ко второй половине II тыс. до н.э., когда сюда проникают носители андроновской культуры эпохи бронзы (чьи стоянки отмечены даже в Северном Афганистане), этническая принадлежность которых определяется как иранская. Согласно же другому предположению андроновские племена были тюркоязычными.

Однако высказанные мнения относятся к разряду интересных, но не доказанных гипотез, так как наука не располагает никакими сведениями о языке андроновских племен. В таком случае с равным основанием можно объявить их угро-финнами или носителями неизвестного науке тупикового языка, поглощенного впоследствии в процессе ассимиляции языками других этносов.

Значительно больше оснований имеет под собой гипотеза об ираноязычной принадлежности населения, создавшего археологическую культуру Яз 1. Эта культура, или, как ее называют иначе - Язовская культурная общность, в IX - начале VII вв. до н.э. охватывала почти всю территорию юга Средней Азии от Каспийского моря до Памира, включая Северный Афганистан.

В объектах материальной культуры она являет резкий разрыв с древнеземледельческими культурами эпохи поздней бронзы - Намазга VI и Дашлы-Сапалли. По логике исторической науки это должно было бы обозначать или деформацию и перерождение в процессе культурогенеза, или изменение в этносфере. Второе представляется предпочтительней, ибо именно на территории распространения Язовской культурной общности несколько позднее письменными источниками отмечено расселение восточноиранских племен.

Согласно сведениям, приведенным в Авесте и у древнегреческих авторов (Геродота, Ктесия Книдского, Псевдо Скилака и

др.), а также в эпиграфических памятниках ахеменидских царей, в Средней Азии в VI-V вв. до н.э. существовало несколько областей: Бактрия, Парфия, Маргиана, Согд, Хорезм, - населенных соответственно бактрийцами, парфянами, согдийцами, хорезмийцами.

Памятники письменности, обнаруженные на территории этих областей и датированные первыми веками до н.э. - первыми веками н.э. (подробно об этом ниже), убедительно свидетельствуют о принадлежности языка этих народов в основном к восточной иранской группе языков (парфянский язык считается языком (западноиранским). В Цзянь-Ханьшу - Истории Старшего дома Хань, события в которой доведены до 25 г. н.э., говорится, что от Давани (Фергана) до государства Аньси (Парфия) есть большая разница в наречиях, но язык весьма сходен и в разговорах понимают друг друга. Эти сведения Цзянь-Ханьшу о единстве языка и различии наречий уместно сопоставить с памятниками письменности, найденными в Средней Азии, и отраженными в них языками данного времени. За последние полвека на территории между Ферганой и Каспийским морем открыты многочисленные памятники местной письменности, созданные на основе арамейского и греческого письма. Среди них:

1. Северная Парфия. Архив парфянских документов из Новой Нисы II-I вв. до н.э.; легенды на монетах и надписи на глиняных черепках (остраки).

2. Согдийские легенды на монетах согдийским письмом, наиболее ранние из которых датируются II-I вв. до н.э.; документы с горы Муг VII-VIII вв. н.э.; надписи на глиняных черепках и геммах.

3. Хорезм. Архив хорезмских документов из Топрак-калы III в. н.э.; легенды на монетах I-VIII вв. н.э.; надписи на глиняных черепках, наиболее ранние из которых (Айбугир-кала, Кой-Крылган-кала) относятся к IV-III вв. до н.э.

4. Северная Бактрия. Большое число бактрийских надписей II-III вв. н.э., выполненных на различного рода материалах (глине, камне, штукатурке). Среди них - надпись в шесть строк на постаменте скульптурного блока из Айртама.

Исследования этих памятников письменности показали, что они передают парфянский, хорезмийский, согдийский и бактрийский языки, которые, имея некоторые диалектные различия, тем не менее относятся к единой восточноиранской языковой группе.

Таким образом, данные памятников письменности и сведения Цзянь-Ханьшу, взаимно дополняя друг друга, убедительно свидетельствуют, что преимущественную часть населения Средней

Азии в первые века до н.э. - первые века н.э. составляли народы, говорившие на различных восточноиранских языках.

В IV-V вв. н.э. этническое разнообразие в Средней Азии начинает нарушаться миграцией хионитов, кидаритов и эфталитов, языковая принадлежность которых не установлена. К примеру, в отношении эфталитов в этом вопросе существуют несколько гипотез - монгольская, тюркская, иранская. Во второй половине VI в. письменные источники впервые отмечают пребывание тюрков на территории Средней Азии. В VI-VIII вв. н.э. наиболее интенсивный поток тюркской миграции был направлен в Среднеазиатское Двуречье, где они постепенно начинают теснить восточноиранское население, как, в некоторых областях, в плане политического господства, так и в отношении территории расселения.

Экспансия арабов и включение областей Средней Азии в состав Аббасидского халифата в середине VIII в. привели к распространению арабского языка, который в сфере религии, политики, науки и частично в быту вытеснил языки местных народностей.

В VII-VIII вв. в Среднеазиатском Двуречье были распространены восточноиранские языки (согдийский, хорезмийский, тохаристанский, ферганский), а на юго-западе Средней Азии - среднеперсидский язык. В VIII в. здесь начинает распространяться новоперсидский язык - фарси, причем наиболее ранние по времени тексты на этом языке, датированные В.Хеннингом серединой VIII в., зафиксированы на надгробных плитах древнееврейского кладбища в районе Герата. На базе этого языка, распространившегося, как считают исследователи, с юго-запада Фарса, сформировался современный таджикский язык, относящийся, следовательно, к западноиранским языкам.

В IX-X вв. язык фарси, или фарси дари, постепенно вытеснил в сельские местности и горные районы Памира местные восточноиранские языки. К X в. относятся и наиболее ранние литературные произведения, написанные на языке дари. Как считают некоторые исследователи, на рубеже X-XI вв. в Среднеазиатском Двуречье происходит формирование народа, который стал называться таджиками.

Таким образом, в это время происходят важнейшие изменения в этносфере Средней Азии, связанные, во-первых, с широким распространением носителей тюркского языка, а во-вторых, с вытеснением восточноиранских языков (один из которых - согдийский сохранился доныне только в Ягнобе) и заменой их новоперсидским языком - «забони фарсий дари».

Эллинская миграция. Наиболее раннее свидетельство пребывания греков в Средней Азии относится ко времени правления ахеменидского царя Ксеркса (486-465 гг. до н.э.), когда из малоазийского города Милета сюда были переселены жрецы Аполлона - бранхиды. Они основали свой город, который, по предположению ряда ученых, находился на месте Келифа в Туркменистане или на Талашкан-тепа в Сурхандарьинской области Узбекистана.

Согласно данным Арриана и Квинта Курция Руфа, во время похода Александра Македонского в Среднюю Азию в 329-327 гг. до н.э. эллины-бранхиды были уже настолько ассимилированы, что говорили на смешанном - греческом с местными - языке (Strabo. XI., 4; Quintus. VII, 5).

Собственно, эти бранхиды составляли первую, совсем незначительную волну греческой миграции в Среднюю Азию.

Вторая, в количественном отношении намного превышающая первую, миграция эллинов и македонян в Среднюю Азию связана с походом Александра Македонского. Неизвестен количественный состав пришедшего сюда и осевшего здесь эллинского населения, но, вероятно, их было не менее нескольких тысяч. Александр основал в Средней Азии несколько городов, в частности Александрию Оксианскую, Александрию Эсхату, Александрию Маргианскую. Как свидетельствует Арриан, основу населения этих городов составляли эллинские наемники и македонские ветераны, негодные к военной службе, а также часть «варваров», пожелавших там поселиться (Arrian. IV, 4). Помимо городов, в Средней Азии были, вероятно, основаны и военные поселения, также заселенные эллинскими переселенцами. Греки и македоняне остались в Средней Азии и после смерти Александра и распада империи. С эпохой Селевкидов и особенно Греко-Бактрийского царства (середина III - середина - II вв. до н.э.) связана новая волна миграций эллинов в Среднюю Азию, в основном в Бактрию.

Здесь, на левом берегу Окса - Амударьи греками был основан свой город - Айханум с типично греческими составными частями - гимнасием, пропилеом, театром, геройоном и т.д. Совершенно очевидно, что основную часть его населения составили греки, хотя в городе, как установлено, проживали и бактрийцы.

Вероятно, в это время значительно усилился процесс метизации благодаря заключению браков между греческим и местным населением, начало которому было положено женитьбой Александра Македонского на бактрийской красавице Роксане.

Греческий городок при «греческой» переправе (по данным Хафиз-и Абру) существовал и в Северной Бактрии - по нашему предположению, на месте Кампыртепа, где были найдены едва

ли не единственные в Средней Азии остраки с греческими надписями.

Греческое население Центральной Азии было в значительной мере поглощено во второй половине II-I вв. до н.э. в результате вторжения североиранских племен, вначале саков, а затем асси-ев, пассиан, сакаравлов и тохаров - юечжей (последние, впрочем, могли быть индоевропейским племенем).

Вместе с тем, как показывают последние археологические находки, какие-то островки греческого населения с греческими, судя по их именам, правителями оставались, как и в Индии, в Бактрии и Южном Согде и после крушения Греко-Бактрийского царства.

Последние по времени сведения о греках в Средней Азии касаются некоего Паламеда, по-видимому, архитектора, имя которого отмечено в надписи из Сурх-Котала. Если греческий этнос не оказал заметного влияния на состав населения Средней Азии (хотя в народных преданиях происхождение некоторой части населения Памира связывается с греко-македонянами Александра), то греческая культура существует еще много лет в доисламской Средней Азии.

Семитская языковая семья

На территории Средней Азии отмечена миграция двух этнических групп этой семьи - еврейской и арабской.

Миграция евреев. Некоторые исследователи считают, что переселение евреев из Вавилона в Закавказье и Среднюю Азию могло начаться уже в период Ахеменидского царства, после 559 г. до н.э. Это мнение основано на одном пассаже из книги Эстер, составленной за несколько десятилетий до 78-77 гг. до н.э., где утверждается, что евреи расселились во всех провинциях Персии, однако эти данные не имеют пока аргументированного научного обоснования.

Первые достоверные свидетельства о пребывании евреев в Средней Азии относятся, согласно М. Занду, к началу IV в. н.э. Это содержащийся в Вавилонском Талмуде рассказ о пребывании в MRGWN (Мерве) вавилонского амора Самуэля бар Бисены - члена религиозной академии в Пумбедате (Пероз - Шадур - город в Месопотамии). Во время пребывания в Мерве Самуэль отказался от употребления алкогольных напитков у собратьев, сомневаясь в их ритуальной чистоте. По мнению М. Занда, это означает, что евреи жили в Мерве уже в течение нескольких поколений, так как стали забывать ритуальные правила изготовления алкогольных напитков. Мнение о проживании евреев в Мерве еще до IV в. н.э. подтверждается сейчас находкой на цитадели

Мерва, Эрк-Кале, необожженного глиняного сосуда, верхнюю часть тулова которого опоясывает парфянская надпись, выполненная черной тушью, а ниже располагаются тамгообразные знаки. Стратиграфические условия находки этого сосуда позволили З.И. Усмановой отнести его к I-III вв. н.э. Согласно В.А. Лившицу, надпись состоит из четырех слов, читающихся как: «Собственность Пакора, сына Иоса», где имя Иоса (Yosa) - древнееврейское, являющееся гипокористиком (уменьшительным) от имени Иосиф (Yosep).

От второй парфянской надписи, выполненной на тулове сосуда черной тушью и датированной II-III вв. н.э., сохранилось только имя собственное - MYLK, которое В.А. Лившиц также считает семитским, а не парфянским.

Эти надписи сейчас являются наиболее ранним свидетельством присутствия евреев в Маргиане и в целом в Средней Азии. Причины появления их здесь М. Занд, как и другие исследователи, связывает с торговлей на Великом Шелковом пути. Это вполне допустимо, хотя, вероятно, существовали и другие обстоятельства, вызвавшие миграцию евреев в другие страны, в частности в Среднюю Азию. Я имею в виду восстание еврейского народа под предводительством Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.) против римлян во время правления Марка Аврелия и последующее жестокое его подавление и массовое истребление евреев, что побудило их к бегству из своей страны.

Согласно Дж. Нюснеру, евреи играли в первые века нашей эры активную роль в Парфянском царстве, а по Б.Н. Мукерджи - также и в областях, примыкающих к северо-западу Индии. Многие из них были причастны к китайско-римской торговле.

Недавно Б.Н. Мукерджи опубликовал гемму из частной коллекции с надписью кхароштхи и брахми на пракрите, которую он читает как Yudevadanu и видит в ней словосочетание «святилище евреев» (не исключаются также интерпретация «принадлежащий к учению иудеев»). По мнению этого исследователя, данная гемма свидетельствует о наличии евреев в Северо-Западной Индии в I-II вв. н.э.

В первые века н.э. сложился крупный еврейский центр в городе Дура-Европос, где раскопана синагога с ее знаменитыми росписями. Дура-Европос был связан через Хатру, Экбатану, Гекатомбиль с Парфиеной, Маргианой и Бактрией. Видимо, по этой дороге евреи проникли в Среднюю Азию и в Северо-Западную Индию. Наиболее ранним и наиболее крупным местом их расселения был, скорее всего, Мерв. Как известно, здесь при раскопках некрополя в 1954-1956 гг. были найдены оссуарии VI-VII в. н.э. с

надписями еврейским квадратным письмом, опубликованными А. Келваном.

По-видимому из Мерва евреи стали расселяться в Бактрии-Тохаристане, Согде и Хорезме. Этому способствовало также то обстоятельство, что Вавилонская иудаистская академия Пумбеда-та стала с конца VI в. н.э. проводить активную пропаганду иудаизма на северо-западе Ирана, а также в Хорасане и, вероятно, в соседних областях.

В столице Тохаристана - Балхе евреи поселились, видимо, задолго до арабского завоевания этого города, происшедшего в 709 г. Согласно "Фаза'ил Балхи" и "Бахр ул-Асрар", одни из ворот Балха назывались Йахудийа, т.е. еврейские. По-видимому, рядом находился еврейский пригород Балха - Йехудунақ, буквально "маленькое еврейское место", - упоминаемый в IX в. Йакуби и возникший, вероятно, еще в доарабский период. На северо-западе от Балха в области Джузджен существовал целый город, именованный в географическом словаре Йакута-Йиахудиа, что свидетельствует, что этот город был или основан евреями, или основательно ими перестроен в раннее средневековье. Позднее, между 988 и 1031 гг., он был переименован в Маймана - это название сохраняется до сих пор.

Раннесредневековые еврейские кладбища с надгробными плитами, содержащими тексты на древнееврейском и персидских языках, обнаружены в районе Герата и в других областях Афганистана, причем надпись на таких плитах, по мнению В.Б.Хеннинга, относится к середине VIII в. и является наиболее ранним из дошедших до нас текстов на новоперсидском языке.

К сожалению, отсутствуют сведения письменных источников о евреях в Самарканде и Бухаре в раннем средневековье, но в том, что они были здесь в то время, вряд ли приходится сомневаться. В Самарканде существовала легенда, отраженная в «Кандии» Несефи и повествующая о свинцовом водопроводе Джуйи Арзиз, время строительства которого относится к доарабскому периоду и который якобы был возведен неким еврейским мудрецом.

В Хорезме, судя по ряду данных, евреи появляются задолго до арабского завоевания этой области в первом двадцатилетии VIII в. н.э. Согласно пехлевийскому сочинению "Шахрестан-и Эранашах", основатель столицы Хорезма города Кята-Нарсе был сыном еврея. Другой хорезмский город - Хива, средневековый Хейвак, согласно легенде, отраженной в средневековых источниках, был также основан евреем - библейским Симом, сыном Ноя. Хотя сведения этих легенд далеки, по-видимому, от реальности, так как, по археологическим данным, Хива и Кят основаны задолго до на-

шей эры, но рациональное зерно в них, бесспорно, присутствует. Табари упоминает среди советников Хорезмшаха во время арабского завоевания Кята в 712 г. неких *ahbar* - этот термин употребляется арабами для обозначения иудейских священников.

Через Согд, Чач, Фергану евреи достигают Восточного Туркестана. В Дандан-Уйлаке найден персидский документ VIII в., составленный еврейскими купцами и написанный еврейским письмом.

К этим данным сейчас можно прибавить и древнееврейскую надпись (V-VI вв.) из Гильгита в верховьях Инда и фрагменты древнееврейских еще не опубликованных надписей на штукатурке (VI-VII вв.), обнаруженные недавно в Южном Казахстане (Чимкентская область), о которых нам любезно сообщил В.А Лившиц. Таковы сведения, которыми располагает сегодня наука, о расселении евреев-иудаистов в домусульманской Средней Азии и соседних областях.

Арабская миграция. Преследуя остатки войск сасанидского шаха Йездегерда, арабы в 651 г. захватили Мерв, сделав его своей опорной базой. Отсюда они начали совершать активные военные набеги на области Среднеазиатского Двуречья, за которыми закрепилось название Мавераннахр (от арабского «то, что за рекой»).

Ранние походы арабов носили характер кратковременных грабительских набегов с целью добычи имущества и захвата людей. Первым арабским полководцем, переправившимся через Амударью, был «знаменосец» пророка ал-Хакам бин Амр ал-Гифари, и он же, по свидетельству ал-Балазури, был первым, кто прочитал мусульманскую молитву по ту сторону Джейхуна, на территории нынешнего Узбекистана. Произошло это событие немногим ранее 670 г., так как в этом году ал-Гифари скончался в Мерве. По Х. Гиббу, ал-Гифари перешел Джейхун в 667 г., вторгшись затем в Чаганиан.

С 670 г. арабские войска ежегодно по несколько раз совершали походы на Бухару, Пайкенд, Самарканд, Термез. Причем в походы отправлялись не только отдельные воины, но зачастую целые семьи. Так, при походе Сальма бин Зияда на Бухару в 676 г. с ним была его жена Умм Мухаммад, ставшая первой женщиной-мусульманкой, перешедшей через Амударью. При этом полководце арабы впервые перезимовали в Мавераннахре, а не ушли, как обычно, на зимовку в Мерв.

В 689 г. арабский полководец из племени кайситов Муса бин Абдаллах на 15 лет захватил Термез.

В начале VIII в. арабские племена уже широко расселились в Согде и Северном Тохаристане. Этот процесс усилился после 704

г., времени военных походов Кутайбы бин Муслима в Мавераннахр, от Чача до Хорезма, сопровождавшихся уничтожением культурных ценностей, внедрением ислама и заселением арабским населением городов и селений Мавераннахра. К середине VIII в. арабы уже подчинили почти всю территорию Средней Азии, вошедшую в состав Аббасидского халифата.

Неизвестен количественный состав арабского населения, прибывавшего с середины VII в. до середины VIII в. в Хорасан и Мавераннахр, но то, что его было немало, не подлежит сомнению. Так, по данным письменных источников, сюда частично или полностью переселились с семьями или участвовали в походах следующие арабские племена: амир, амириты амм, азд, асад, бахили, амр (бану са'д), аназа, анбар, ал-атикбаджила, бану сад, бану лайс, банухузайа, бакриты, бал'ам, барза, бурджум, ва'ил, галиб, гани, гатафан, гудана, дабба, дарим, джахдар, джунбуд, джу'фи, дисар, дуба'и, залим, захран, иджл, йахмад, йемениты, ка'б, кайситы, калб, килаб, кинда, курай, курайш, лайс, малик, ма'н, махра, мудариты, мурра, наджийа, наср, нумайр, назариты, раби'а, са'д, сулайм, сухайб, таглиб, тайй, таммимиты, уафа, утарит, фазара, хакам, хамдан, ханзала, хакифа, хилал, химийар, хузаил, хуза'и шайбан. Среди них наиболее многочисленной была миграция племен сахили йеменитов, кайситов, курайш, мударитов, раби'а, таммимитов, ханзила, ал-хуза'и.

Арабы в Средней Азии основывали селения, целиком населенные теми или иными племенами, как селения племени хуза'и ал-Лин и Фенин в Мервском оазисе (Табари, С. 313, 321), или занимали отдельные кварталы городов, как в Бухаре, выселив от туда прежнее население.

Таким образом, арабская миграция в Среднюю Азию во второй половине VII-VIII вв. была весьма значительной, но, вероятно, уже с IX в., с завершением эпохи арабских завоеваний, она постепенно прекращается. С этого времени в городах региона в основном стали селиться представители арабских семей: религиозные деятели, ученые, врачи и т.д.

Арабское влияние в Средней Азии отразилось прежде всего в принятии населением этого региона новой религии - ислама, в языке, ставшем не только языком религии, но бытовым и литературным языком народов Средней Азии. Со временем арабы органично вошли в состав различных народов Средней Азии, сохранив в отдельных районах Бухарской, Самаркандской и Кашкардарьинской областей Узбекистана свое этническое самосознание.

Алтайская семья языков

Исторически отмечается миграция в Среднюю Азию трех этносов - носителей языков этой семьи: тюркского, монгольского и отчасти маньчжурского, представленного вторгшимися в середине XII в. в этот регион киданями, или, как их еще называли, каракхатаи или кара-китаи.

Миграция тюркских племен. Миграция тюрков была среди представителей этой семьи языков наиболее ранней по времени и шла тремя основными потоками: в VI-VIII вв., в X-XII вв.; в XV-XVI вв.

Наиболее ранние свидетельства письменных источников о пребывании тюркоязычных племен в Средней Азии относятся ко второй половине VI в. Как мы уже отмечали, в многочисленных памятниках письменности первой половины I тыс. н.э. и в монетных легендах этого же времени нет ни одного тюркского слова, титула, имени, топонима, а этого никак не могло бы быть, если бы в данное время здесь в массовом количестве проживало тюркское население.

Первоначальной родиной тюрков была Южная Сибирь - Алтайские горы, где в V в. н.э. они сложились как народ. Отсюда тюрки, или тюркюты, создав в 551 г. свое государство - Великий Тюркский каганат, стали совершать походы на запад и юго-запад. В 551 в. при хане Истеми они подчинили себе Хорезм и Семиречье, где обитали родственные тюркютам племена дулу и нушеби. В начале 60-х годов VI в. н.э. тюркюты проникают на территорию Трансоксианы: в Чач, Согд и Бухару, а между 563 и 567 гг. они наносят под Бухарой сокрушительное поражение эфталитам, тем самым положив конец эфталитскому господству в регионе.

В это же время тюркюты достигают Железных ворот - горного прохода, через который шел основной путь из Согда в Тохаристан и Индию. Первые проникновения тюрков в Тохаристан относятся к 589 г. Тюрко-сасанидские военные конфликты в конце VI - начале VII вв. завершились при западнотюркском кагане Тун-шеху (618-630 гг.) окончательной победой тюрков и закреплением за ними Тохаристана, управление которым было поручено его сыну Тарду-шаду. Проникновение тюрков в Тохаристан было весьма значительным. Согласно Сюань-Цзяню (около 630 г.), во многих владениях Тохаристана укрепились уже тюркские династии. В начале VI в. тюркские правители стояли во главе отдельных владений Согда и Чача. К этому времени относятся и первые нумизматические свидетельства пребывания тюрков в Трансоксиане - серебряные подражания монетам Пероза (459-484 гг.), надчеканенные тюркскими титулами: текин и каган.

Таким образом, период середины V - начала VI вв. является наиболее ранним этапом инфильтрации тюркских племен в Трансоксиану. Во второй половине VI-VIII вв. этот процесс еще более усиливается: в отдельных областях Согда, Чача, Уструшаны уже прочно утверждаются тюркские династии, а сама Трансоксиана входит в состав Западно-тюркского каганата. Появляется собственно тюркский монетный чекан с тюркскими именами и титулами (к примеру, чекан тюркешей с титулом «каган» или чекан Чача с упоминанием имени Иль-тегина); первые тюркские рунические надписи в Семиречье и отчасти в Чаче и в Северном Тохаристане; распространяется тюркская скульптура - балбалы.

Начиная с X в. и в последующие два столетия продолжается проникновение различных тюркских племен в Среднеазиатское Двуречье, по-видимому, с XI в. принявшее массовый характер, что привело к окончательной смене восточноиранских династий тюркскими на всей территории Средней Азии от Каспия до Памира (Газневиды, Сельджукиды, Караханиды, Ануштегиниды). Среди различных тюркских племен, переселявшихся в Среднюю Азию в раннее и развитое средневековье (VI - нач. XIII вв.), особо важную роль играли и были, вероятно, наиболее многочисленными тюркюты, огузы, карлуки, кыргызы, кыпчаки, тухли, чигили, ягма.

Примерно с этого времени к Средней Азии все чаще стал применяться термин Туркестан (страна тюрков). По словам Фахр ад-Дина Мубарак-шаха Мерверуди, «...ни одна из стран мира ни величиной, ни обширностью не может сравниться с Туркестаном. На востоке вилайята тюрков расположена страна Чин (Китай - Э.Р.), с запада граница Туркестана соприкасается с Румом (Византией - Э.Р.), с севера она проходит по стене Гога и Магога, а с юга - по снежным вершинам гор Хиндустана». Он же дает список пятидесяти племен, расселившихся в это время на территории данного региона.

Среди монгольских племен, пришедших в Среднюю Азию в XIII-XIV вв., также были тюркоязычные племена, а такие племена, как джелаир, сунит, татар, меркит, курлит, таргут, уйрат, тумат, болгарин, теленгут, уренгит, только при Чингиз-хане стали называться монголами, прежде же они были тюрками.

Последний массовый приток тюркоязычных племен на территорию Среднеазиатского Двуречья приходится на XV-XVI вв., причем, согласно исследованиям Б.А.Ахмедова, за тюрко-монгольским населением восточной части Дашти-Кипчака еще задолго до воцарения здесь Узбек-хана (1312-1340 гг.) закрепляется собирательный термин «узбек».

Б.А. Ахмедов на основании анализа сведений письменных источников дает динамику численного состава пришедших сюда из Дашти-Кипчака тюркоязычных племен. Так, в начале XVI в. этих племен было двадцать четыре - двадцать шесть, к середине XVI в. количество их достигло сорока, а в начале XVII в. - пятидесяти с лишним.

Миграция монгольских племен. Вопрос переселения монгольских племен в Среднюю Азию остается недостаточно еще проясненным. Не исключено, что какие-то их группы и даже отдельные племена могли проникать сюда еще задолго до основной их миграции в XIII-XV вв. Так, согласно одной из теорий, монголоязычным народом были хунны, или гунны, игравшие активную роль в Средней Азии в первые века до н.э. - первой половине I в. н.э.

Антропологи относят наиболее ранние отдельные вкрапления монголоидных элементов в единое европеоидное население Средней Азии к середине I тыс. до н.э.

Т.К. Ходжайов выделил три этапа наиболее интенсивного притока монголоидного по типу населения в Среднюю Азию: середина I тыс. до н.э.; X-XII вв. н.э.; XVI-XVII вв. н.э. Однако среди монголоидов могли быть как турки, так и собственно монголы. Поэтому только поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1221 гг. под предводительством Чингиз-хана впервые исторически точно устанавливает факт миграции монгольского этноса в этот регион. Рашид ад-Дин зафиксировал множество названий монгольских племен, переселившихся сюда, но хорошо известно, что в войсках Чингиз-хана присутствовало значительное количество представителей тюркских, маньчжурских, тангутских и тунгусских племен.

Основной областью расселения монгольских племен в Средней Азии стало междуречье Амударьи и Сырдарьи, а также Семиречье. Наиболее крупные по составу племена заняли здесь строго определенные территории.

Так, джалаиры заняли современную Ташкентскую область и район Ходжента. Барласы поселились в долине Сурхандарьи и в Северном Афганистане, каучины - в Ферганской долине и в южных районах Кашкадарьи. Среди других монгольских племен, мигрировавших сюда, были: алчин, дуглат, сулдуз, минг, мангыт, кунград и другие.

Однако количественный состав пришедших монгольских племен, видимо, был незначителен, и со временем их постигла та же участь, что и монголов Золотой Орды, они были тюркизированы значительно превышающим их в количественном отношении местным населением. В то же время в среде этих тюркизированных

монголов длительное время соблюдались очень строго монгольские обычаи и правила. Яркий пример: Амир Темур до конца своей жизни, несмотря на все свое могущество, не будучи чингизидом, так и не принял высшего титула тюрков и монголов - хан, а везде именовал себя «кюрекен - ханский зять» - титул, которым он весьма дорожил. А в легендах на монетах употреблял только монгольские слова.

С течением времени установились большие различия между отореченными монголами Мавераннахра, к середине XIV в. уже считавшими своим родным языком тюркский, и монголами Семиречья, сохранившими свой язык, старые обычаи и обряды.

Монголы Семиречья презрительно именовали тюркизированных монголов Мавераннахра словом «чкараунасы», т.е. «мешанные», метисы, тогда как последние называли их «джете - разбойник». Таким образом, можно констатировать, что в XIV-XV вв. монголы фактически растворились в местном тюркском населении, а пришедшие из Дашти-Кипчака вместе с Шейбани-ханом в начале XVI в. кочевые узбеки были к этому времени также тюркизированы.

Последняя волна миграции монгольских племен в XVII-XVIII вв. в Среднюю Азию связана с калмыками, но она затронула лишь северо-восточные районы (Ташкент) и отдельные области внутреннего Мавераннахра.

Проанализированные выше данные позволяют прийти к выводу, что этнические миграции в Среднюю Азию имели определенную закономерность. Так, устанавливается, что начиная с середины II тыс. до н.э. основные миграции шли с запада на восток: индоарийцы, иранцы, греко-македонцы, семиты (последняя миграция семитов - арабов имела место во второй половине VII-VIII вв. н.э.). Первая известная по письменным источникам миграция юечжей-тохар положила начало этническим передвижениям с востока, которые впоследствии происходили регулярно на протяжении всей эпохи средневековья: гунны, тюрки, кидани, монголы, калмыки. И только во второй половине XIX в., с завоеванием Российской империей Средней Азии, вновь возобновляются этнические передвижения с запада - из Европы (русские, украинцы, в меньшей мере белорусы, поляки и другие славянские народы).

Влияние миграций тех или иных народов на этнический состав населения Средней Азии было не одинаковым. Наиболее важную роль в этом сыграли миграции ираноязычных и тюркоязычных народов.

Миграция восточноиранских народов привела вначале к образованию нескольких этносов, говорящих на близкородственных среднеиранских языках, - бактрийцев, согдийцев, парфян, хорез-

мийцев. Миграция тюркоязычных племен, шедшая несколькими мощными и разновременными потоками, способствовала, начиная с VI в. (если судить по сведениям письменных источников, эпиграфическим и археологическим данным), активному внедрению тюркского языка на всей территории Средней Азии, ассимиляции местных восточноиранских народов и этническому симбиозу, на базе которого впоследствии сформировались такие тюркоязычные народы Средней Азии, как узбеки и туркмены, по своему антропологическому облику в основном европеоидные, тогда как другие тюркоязычные народы Средней Азии - казахи, каракалпаки, киргизы - монголоиды.

Эти данные также показывают, что современные народы Средней Азии сформировались на полиязычной - многостадийной основе при разнообразии антропологических типов. Субстратная их основа, уходящая своими корнями в эпоху бронзы, растворилась в среде этнических миграций и перемещений многочисленных народов и племен, не оставив никакого следа в языке, но, возможно, сказавшись на их антропологическом облике. Неизвестные нам языки аборигенов Средней Азии эпохи бронзы сменились восточноиранскими (с начала I тыс. до н.э.) и тюркскими (с середины I тыс. н.э.) языками, которые сыграли огромную роль в глоттогонии современного населения этого региона.

II. ГОСУДАРСТВА

1. Становление и развитие древней государственности

Историко-правовые и археологические исследования показывают, что о появлении форм государственности можно говорить только в том случае, когда возникает достаточно развитая экономика, отраженная в земледелии, основанном на ирригационном орошении, металлургии, ремесле, торговле - вначале менового характера, а затем в денежной, слитковой форме; появляется имущественная дифференциация с выделением соответствующих социальных групп и классов, устанавливаются сложная иерархия общества во главе с монархом, государственно-управленческий аппарат, право наследования и институт письменности, способствующий составлению различного рода юридических документов для управления государством.

Таковы основные, но далеко не все признаки, характеризующие самые ранние государственные образования Нижней Месопотамии (Шумер и Аккад), Египта и Восточного Средиземноморья, возникшие в конце IV тыс. до н.э. - начале III тыс. до н.э.

Первичным типом государственных объединений являются древнейшие города, представляющие собой хозяйственные, политические и религиозные центры весьма маленьких по занимаемой территории «государств». Так, в Нижней Месопотамии на площади всего лишь в 1000 кв. км располагалось несколько городов-государств: Урук, Ларса, Лагаш, Ур, причем Урук и Лагаш находились на расстоянии всего лишь в 24 км. В дальнейшем в результате захватнических войн происходит насильственное объединение этих городов-государств в единые уже сравнительно большие царства в несколько сотен квадратных километров с установившейся системой деспотической власти. Эти ранние царства затем, чаще всего в результате насильственных покорений соседних владений, превращались в монархии, занимающие порой громадные по размерам площади.

Логика развития государств и определенные условия превращают некоторые из них в гигантские мировые империи, раскинувшиеся на территории нескольких континентов. Наиболее наглядный пример - Ахеменидская империя, в состав которой входили страны Азии, Европы и Африки. Таков вкратце основной путь эволюции государственных объединений в месте их зарождения, на Ближнем и Среднем Востоке. Процесс генезиса и эволюции государственных образований в Среднеазиатском Двуречье зна-

чительно разнится с ним, хотя в силу определенных исторических причин вышеуказанные территории входили в состав одних и тех же государств (Ахеменидская империя, царство Селевкидов).

Среднеазиатское Двуречье - особая историко-географическая и историко-культурная территория, цивилизация которой на протяжении многих тысячелетий существовала благодаря двум великим рекам: Амударье (древний Окс) и Сырдарье (древний Яксарт). Возникшие здесь государства по многим признакам как в древности, так и в средневековье при наличии общих черт отличались от других государств в остальных частях Средней Азии. Да и в пределах территории Среднеазиатского Двуречья северные области (Хорезм) и южные (Бактрия), особенно в древности, заметно отличались друг от друга в этническом и культурном отношении, языке и письменности, системе государственного устройства. Это было обусловлено свойственными каждой области культурно-генетическими типами, соперничеством кочевых и оседлых народов, соотношением которых в разных областях было различным.

Периодизация развития древних государств.

В эволюции государственности в Средней Азии в древности можно выделить несколько периодов, охватывающих время от второй половины II тыс. до н.э. до III в. н.э. - IV в. н.э., т.е. до перехода к государствам средневековья.

Становление ранней формы государственности происходит в оседло-земледельческой культуре эпохи поздней бронзы, распространенной на юге Туркменистана и Узбекистана. Ее завершение приходится на время почти одновременной гибели Кушанской и Парфянской империй, существовавших на территории Средней Азии в первой половине III в. н.э. Примерно тогда же прекращает свое существование государство Кангюй.

Первый период - вторая половина II тыс. до н.э. - становление протогосударственного образования в эмбриональной форме на юге Узбекистана, приближающегося по своей структуре к ному. Подобный тип, по-видимому, отражает Джар-Кутан - доминантное поселение с укрепленной цитаделью и монументальными постройками - дворец, храм.

Второй период - начало I тыс. до н.э. - 539 г. до н.э. - формирование так называемых историко-культурных областей - Бактрии, Согда, Хорезма, в которых возможно усмотреть первоначальные формы государств с разветвленной системой иерархии политической власти. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Авесты, где упоминаются структурные единицы общества: нмана (дом-семья), вис (род, родовое поселение), занту (племя),

дахью (область, страна), а также различные высшие правящие лица: вплоть до владыки страны, области (дахью-пати), правителя, повелителя (састар) и др.

Не исключено, что в это время зарождаются и более крупные территориальные владения типа царств Древнебактрийское и «Большой Хорезм», или конфедерация племен, обычно во главе с царицей, как у саков (Зарина, Томирис).

Третий период - 539 г. до н.э. - 330 г. до н.э. - перерыв в развитии местной государственности, вызванный завоеванием Ахеменидов и вхождением областей Средней Азии в состав Ахеменидского государства.

На протяжении двухсот лет юг Средней Азии входил в состав Ахеменидской империи, причем вся ее территория была разделена на сатрапии, вносившие дань в определенных весовых единицах серебра - талантах в казну ахеменидских царей. Три из среднеазиатских сатрапий - Бактрия, Согд, Хорезм - полностью или частично находились на территории современного Узбекистана. Крах империи наступил с приходом Александра Македонского, который, покончив с главными силами Ахеменидов в 330 г. до н.э., вступил на территорию Средней Азии в погоне за последним претендентом на ахеменидский престол - сатрапом Бактрии Бессом. Три года (330-327 гг. до н.э.) потратил Александр Македонский на завоевание Средней Азии, народы которой, особенно согдийцы во главе со Спитаменом, оказывали его войскам ожесточенное сопротивление.

Четвертый период - конец IV в. до н.э. - начало второй половины II в. до н.э. - от завоеваний Александра Македонского и до конца политического господства эллинов (падение Греко-Бактрийского царства). Одновременно происходит процесс возрождения местной государственности: в последней четверти IV в. до н.э. возникает царство в Хорезме. Из сочинения Арриана известно, что в 329 г. до н.э. в Мараканде Александр Македонский принял хорезмийского царя Фарасмана, который прибыл к нему с целью заключения союзнических отношений. В конце III в. до н.э. - II в. до н.э. формируются отдельные владения в Бухаре, Давани (Фергане), Согде. Вероятно, в это же время происходит становление государства Кангюй, в состав которого впоследствии вошло почти все Среднеазиатское Двуречье.

После смерти Александра и последующей за ней ожесточенной войны диадохов юг Средней Азии входит в состав Селевкидской империи (310-250 гг. до н.э.). Но уже в середине III в. до н.э. сатрап Селевкидов в Бактрии Диодот поднял восстание против метрополии и создал самостоятельное государство, получившее

в науке название Греко-Бактрийского. Греко-Бактрийское царство пало под ударами сакских племен (асиев, пасиан, сакаравлов), а затем юечжей тохаров, пришедших в Бактрию под давлением хуннов. Юечжи-тохары вначале расселились в Северной Бактрии (современная Сурхандарьинская область Узбекистана и Южный Таджикистан), а затем захватили всю Бактрию, основав столицу в Бактрах (нынешний Балх в Северном Афганистане). Они создали своеобразное государство конфедеративного типа, состоящее из отдельных самостоятельных владений. Аналогичного типа государство Кангюй складывается во II в. до н.э. в Трансоксиане - Среднеазиатском Двуречье, состоящее, по сведениям Хоуханьшу, из пяти владений, каждое из которых чеканило свою монету, что свидетельствует об их самостоятельности.

Пятый период - вторая половина II в. до н.э. - начало I в. н.э. - укрепление и дальнейшее развитие местной государственности - Кангюя, Хорезмийского царства, владений Бухары, Согда, Давани, становление Юечжийского государства и распространение его власти вплоть до Гандхары. Наличие почти у каждого из этих владений развитой монетной системы (за исключением Давани), основанной на серебре или меди. Появление местной письменности: согдийской и хорезмийской, что вкуче с монетным чеканом является главенствующим признаком развитой государственности.

Шестой период - начало I в. н.э. - первая половина III в. н.э. - расцвет местной государственности в античное время. Вхождение юга Узбекистана в состав могущественной Кушанской империи, возникшей на основе конфедеративного Юечжийского государства. Укрепление и дальнейшее развитие государственных образований в Двуречье. Возможно появление нового владения в Чаче и чеканка им своей медной монеты. Приход к власти в Хорезме династии Афригидов, традиционность здесь династического правления, что выразилось, в частности, в проставлении на оборотной стороне монет государственного символа - конного всадника.

Широко распространены на чеканенных в среднеазиатских владениях монетах государственные символы - тамги и династические знаки, что, наряду с широким размахом дипломатических связей со многими странами Западного края, Восточного Средиземноморья и Парфией, говорит об устойчивом и традиционном характере государственной власти.

Во второй половине II в. до н.э. Ханьский Китай впервые благодаря миссии Чжан Цзяня открывает для себя Западный край, т.е. Среднюю Азию, а с конца II в. до н.э. между ними осуществляются регулярные дипломатические и торговые отношения. Выда-

ющимся результатом этих отношений явилось становление Великого шелкового пути - первой в истории цивилизаций трансконтинентальной дороги, соединившей страны Запада и Востока.

В период местной античности (I в. н.э. - первая половина II в. н.э.) Северная Бактрия входит в состав могущественной Кушанской империи, основанной в первой половине I в. н.э. вождем одного из юечжийских родов Куджулой Кадфизом. Согд (Кашкадарьинская и Самаркандская области Узбекистана), в это время представляющий собой независимое государство, управлялся династией Гиркода, также, вероятно, юечжийского происхождения.

В Хорезме к власти приходит династия Афригидов, правившая здесь в течение 700-800 лет. Самостоятельные владения представляли собой Бухара и Давань (Фергана), а также, по-видимому, Чач, на что указывает, в частности, наличие в них (кроме Давани, пользующейся китайскими монетами типа У-шу) своего монетного чекана. Впрочем, не исключено, что все эти владения Трансоксианы номинально все же входили в состав Кангюя.

III-IV вв. н.э. в истории Средней Азии характеризуются крушением великих империй древности - Кушанской и Парфянской, образованием множества мелких самостоятельных владений, вторжением кочевых племен хионитов и кидаритов, разрушением древней социальной формации, определенным упадком экономики, материальной и художественной культуры.

2. Типы государственных образований

На протяжении всего древнего периода в Среднеазиатском Двуречье существовали различного типа государственные объединения. По своему генетическому признаку среди них выделяются автохтонные, т.е. государственные объединения, возникшие и поступательно развивающиеся на местной субстратной основе (Кангюй, Хорезм), и иноземные, т.е. государства, в состав которых Среднеазиатское Двуречье вошло в результате прямого военного захвата и последующего подчинения (Ахеменидская империя, Греческое государство Бактрии). Следует выделить и государственные объединения, возникшие в результате симбиоза пришлых завоевателей, прочно и надолго осевших и смешавшихся в определенной мере с субстратным населением. К такого рода государствам смешанного типа относятся, к примеру, государственные объединения, созданные юечжами - выходцами из Средней Азии в конце II в. н.э. - начале I в. н.э. в Согде и Северной Бактрии. Согласно «Истории Северных дворов - Бейши (VII в.)» и

«Истории династии Суй (VII в.)», правители владения Ань, отождествляемого с Бухарой, и Самаркандского Согда имели общее происхождение из дома Чжаову, т. е. юечжей, первоначально обитавших по северную сторону хребта Циланьшань, на территории нынешней провинции Ганьсу, в Средней Азии. Но после переселения в Согд все династии юечжийского происхождения, утвердившиеся здесь, в том числе в Самарканде и Бухаре, - «удержали прозвище Чжаову». Эти династии правили здесь вплоть до VII-VIII вв. Так, в письме таньскому императору Тхацзуну в 627 г. бухарский правитель Алинга утверждал, что «дом его преемственно царствует в двадцать втором колене». Если отвести на каждое царствование усредненную цифру в 20-30 лет, то получится, что юечжийский дом Алинга царствовал примерно 400-600 лет, т. е. с начала I в. н.э.

Устойчивый характер имела династия правителей Хорезма, происхождение которой связывают с домом Чжаову.

Эта династия, судя по нумизматическим данным, правила в Хорезме с I в. н.э. и до VIII в. н.э. включительно. Об этом свидетельствует государственная символика: конь-всадник и измененная тамга, присутствующие на всех монетах древнего и средневекового Хорезма от начала их чеканки и до завершения. Это своего рода уникальное явление для всех династий, правивших не только в Средней Азии, но и в иных государствах Востока.

Таковы основные типы генетической природы династий, правивших в домусульманской Средней Азии. Рассмотрим теперь типологию и формы государственных образований.

Ранние типы государств на территории Узбекистана

Царство

Форма правления - абсолютная монархия. С 539 г. до н.э. по 330 г. до н.э. почти вся территория Среднеазиатского Двуречья, за исключением Ферганы и Чача, подчинялась власти персидских царей из династии Ахеменидов, причем Хорезм, Согд, Бактрия, а также саки составляли определенные административные единицы - сатрапии во главе с назначаемыми ахеменидскими царями сатрапами, выплачивавшие определенную дань в государственную казну.

Северная Бактрия и Согд с конца IV в. до н.э. и до середины III в. до н.э. входили в состав греческого эллинистического царства Селевкидов, хотя второй правитель из этой династии - Антиох I (280-261 гг. до н.э.) был наполовину согдийцем, рожденным от брака Селевка с Апамой, дочерью согдийского вождя Спитамена. И, следовательно, во всех представителях этой династии, просуществовавшей до середины I в. до н.э., текла согдийская кровь.

Абсолютной монархией с системой наместников, пользовавшихся определенной самостоятельностью, являлось и Греко-Бактрийское царство. Оно было создано в середине III в. до н.э. и просуществовало вплоть до начала второй половины II в. до н.э. На протяжении всего этого периода в его состав входила Северная Бактрия и на определенных этапах - Согд. Однако власть царей в этом государстве не всегда была наследственной: первых его царей - Диодота I и Диодота II сменил в результате насильственного захвата власти Евтидем, не связанный с ними узами родства.

Парфянские цари.

Абсолютной, более того, ярко выраженной теократической монархией являлось Кушанское царство, просуществовавшее с I в. н.э. до середины III в. н.э.

На протяжении всего этого периода, за исключением времени правления первого царя, Куджулы Кадфиза, южные области Среднеазиатского Двуречья входили в состав этого государства. Оно также было разделено на определенные сатрапии, правители которых находились в полной зависимости от кушанских царей. Кроме того, в Кушанском царстве существовали особые

пограничные области типа маркграфств, во главе которых стояли канаранги - военачальники, по-бактрийски называемые карала-раго. Такого рода областью, вероятно, являлась нынешняя Сурхандарьинская область Узбекистана.

По-видимому, к такому же типу государства относится и Хорезмийское царство, возникшее во второй половине IV в. до н.э., после распада Ахеменидского государства.

С I в. н.э., в нем утверждается новая наследственная династия, имевшая централизованный монетный чекан.

С середины III в. н.э. и вплоть до конца IV в. н.э. Северная Бактрия входила в Сасанидское царство, причем Бактрия в его составе пользовалась особыми правами. Во главе ее стояли сасанидские принцы, происходящие из различных ветвей этой династии, носившие титул «кушаншах» и имевшие право на чеканку золотой, серебряной и медной монеты. Некоторые из них впоследствии становились царями всего Сасанидского государства.

Конфедеративное царство

Форма правления - ограниченная монархия. К этому типу государств можно отнести Кангюйское и Юечжийское государства или государство Больших юечжей в первый, докушанский период его существования.

Они состояли обычно из нескольких самостоятельных владений, управляемых вождями племен или главами родов, чеканивших свою монету.

К примеру, в пределах государства Кангюй было по крайней мере пять таких владений: Бухара и ее окрестности, правители которой выпускали подражания монетам Евтидема со своими именами и титулами, юго-восток Бухарского и северо-запад Самаркандского Согда, где правили вожди из династии Гиркода, Самаркандский Согд, выпускавший свои монеты с именами различных царей, и Южный Согд, где также существовал свой самостоятельный чекан.

В то же время отсутствовал общий для этих владений кангюйский монетный чекан.

Аналогичного типа было и Юечжийское государство в первый докушанский период его существования, созданное юечжами.

Это государство, так же, как и Кангюй, состояло из пяти владений, возглавляемых представителями различных юечжийских родов. Эти владения - Хюми, Шуаньми, Гуйшуань, Думи, Хитунь располагались в различных частях Бактрии, подчиняясь, по-видимому, номинально верховному главе юечжей.

Для этого периода удается выделить пять монетных чеканов: Сападбиза, Фсейгахариса, Кушана (Герая), подражания монетам Гелиокла и Евкратиды, что свидетельствует о фактической независимости чеканивших их вождей различных юечжийских родов.

Потомки одного из них - Кушана спустя некоторое время создали великое Кушанское царство. По существу это было то же государство Больших или Великих юечжей, как точно именовали его древнекитайские письменные источники, на новой стадии существования.

Хорезм представлял совершенно самостоятельное царство, правители которого носили наиболее высокий титул - MR'Y MLK' (государь-царь).

Владения

Форма правления - наследственная власть вождей племен или глав родов. Этот тип государственного объединения - небольшие владения - отмечен уже Чжан Цзянем, посетившим Бактрию после падения Греко-Бактрийского царства в 128 г. до н.э. или 126 г. до н.э., согласно которому Бактрия состояла из множества мелких самостоятельных владений, «где почти каждый город ставит своего правителя».

Китайские источники указывают на наличие 55 владений на территории Среднеазиатского Двуречья, пользовавшихся известной самостоятельностью и проводивших свою внешнюю политику, в частности, установление дипломатических отношений с Китаем.

3. Титулы правителей государств и владений в Средней Азии в начале I тыс. до н.э. – III-IV вв. н.э.

Политическая значимость того или иного государства, помимо разного рода факторов, во многом определяется титулом, т.е. почетным званием. Эти титулы были наследственными или приобретенными в процессе борьбы за власть с другими равными первоначально по званиям лицами. В процессе укрупнения государства и увеличения его могущества первоначальный его глава, носивший скромный по значению титул, обрстал все более возвышающим его личность, а, следовательно, и его государство, титулами, в ряде случаев ставившими глав подобных государств в родство с божествами, как, к примеру, китайский титул «сын бога» или равнозначный ему индийский титул «девапутра» или бактрийский «багопойро». Конечно, истории известны случаи, когда владельцы незначительного по площади и политической значимости

владения, присваивали себе титул «царь» и «царь царей», но это скорее исключение, чем правило.

Титулатура царей и владетелей Средней Азии давно интересовала исследователей и в ее изучении сделано немало, особенно в трудах В.А. Лившица, Б.И. Вайнберг, И.М. Дьяконова, Е.В. Зеймаля, С.П. Толстова, О.И. Смирновой, В. Хеннинга. Однако в основном изучалась титулатура отдельных государств, к примеру, Хорезма или империи Кушан, причем главный акцент делался на выявление происхождения титула, его содержания и этнической принадлежности. Вместе с тем отсутствуют исследования, в которых бы рассматривалась титулатура домусульманских правителей Средней Азии, характер ее развития и изменения в хронологической последовательности.

Анализ имеющихся данных выявляет исторически закономерный процесс смены титулатуры правителей Средней Азии на всем протяжении исследуемого времени, в зависимости от языковой принадлежности доминирующих государств или от историко-культурных причин. Сложность изучения этого процесса заключается в недостаточности данных - это краткие сведения, приводимые в китайских и греко-римских письменных источниках, дополняемые нумизматическими и отчасти эпиграфическими данными. В эволюции титулатуры правителей Средней Азии рассматриваемого времени можно выделить пять периодов: авестийский (первая половина I тыс. до н.э.), ахеменидский (середина VI - конец IV в. до н.э.), эллинистический (конец IV в. до н.э. - начало второй половины II в. до н.э., а в Бактрии этот период длился до II в. н.э.) и арамейско-кушанский (начало его приходится на II в. до н.э., а завершение на раннее средневековье), причем арамейско-кушанская титулатура сохранялась в ряде владений Среднеазиатского Двуречья до VIII в. н.э. включительно.

Это отнюдь не означает, что в Средней Азии не существовало титулов правителей другой языковой принадлежности, к примеру сакской, древнехорезмийской или кангюйской, но, к сожалению, наука пока не располагает подобными данными. Мы не знаем и того, какие титулы носили правители оседло-земледельческих племен Средней Азии времени зарождающейся государственности в эпоху поздней бронзы. Попытки связать с ними авестийскую титулатуру не оправданы, так как отсутствуют прямые доказательства того, что авестийский язык бытовал на пространстве всей Средней Азии уже во II тыс. до н.э.

Первый период - авестийский. Первая половина I тыс. до н.э. Древнейшим известным науке титулом правителей Средней Азии был, вероятно, кави, как считают исследователи, означающий ца-

рей Бактрии или Дрангианы в доахеменидское время. Именно при дворе одного из таких кави - Кави Виштаспы, которого зороастрийская традиция упорно связывает с Балхом (Бактрами), начал свои проповеди Заратуштра.

И.М. Дьяконов считал, что первоначально кави было прозвищем «стихотворец, прорицатель», лишь потом превратилось в нечто подобное царскому титулу. По мнению В.А. Лившица, титул кави носили вожди по преимуществу кочевых племен, враждебных зороастрийской общине.

Этот титул, упоминаемый в Гатах, восходит, по его мнению, ко времени индоиранской общности, т.е. по крайней мере ко II тыс. до н.э. Кави были также верховными жрецами племени, тем самым совмещая религиозную и светскую власть. Следовательно, уже на ранней стадии развития первые государственные объединения, во всяком случае, на юге Средней Азии, были теократического характера. Эта традиция сохранялась и в более позднее время, к примеру, в Кушанском государстве, найдя свое воплощение в иконографии монет, где царь изображен перед алтарем огня, выполнявшим жреческие функции. Как считает В.А. Лившиц, в иранской мифологии кави - «добрые князья», покровители Заратуштры и зороастризма. Он полагает, что титул кави был более высоким, нежели только вождь племени.

От титула кави происходит название второй легендарной династии восточноиранских народов Кавианидов, основателем которой был некий Кави-Кавата (в Шах-наме - Кей-Кобад), в имени которого сочетаются титул - кави и имя Кавата.

Но могли ли правители Средней Азии в первой половине I тыс. до н.э. носить титул царь? Сведения местных источников, в том числе Авесты и древнеиранского эпоса, в этом отношении недостаточно аргументированы. Однако интересные данные можно извлечь из древнегреческих источников, описывающих события VII-VI в. до н.э., т.е. в доахеменидский и раннеахеменидские периоды.

Так, согласно Ктесию «саки стояли вне сатрапий», их возглавлял царь, в греческой передаче «басилевс» Кидрей, муж легендарной Зарины, правивший, вероятно, в VII в. до н.э., он носил титул «басилевс», т.е. царь. Аморг, предводитель саков в войне с Киром, т.е. во второй половине VI в. до н.э., и предводитель дербиков Аморея имели тот же титул.

Басилевсом назван и правитель Бактрии Оксиарт. О том, что греки хорошо понимали различия в иерархии титулов правителей Средней Азии, свидетельствует уже тот факт, что правитель Парфии Мермер назван просто династом, а правитель племени бар-

каниев Астиал архонтом, т.е. титулами, по своей иерархической значимости стоявшими ниже, чем басилевс.

Таким образом, можно утверждать, что в доахеменидское время, по крайней мере, правители саков и Бактрии носили царский титул, и их государства, возможно, именовались царствами. Из этого следует, что титул кави бытовал в это время и был равнозначным греческому титулу басилевс.

Как титул кави фигурирует и в более позднее время. Так, на медных монетах с изображением жертвенника т.н. «туранской» серии IV-V в. н.э., обращавшихся в Бухарском оазисе, справа от него помещено слово кави. На бухархудатских монетах VI-VII вв. н.э. перед лицом царя имеется надпись - *rwu'g xwb k'w* - которую обычно переводят как «государь Бухары царь», где *xwb* передает титул «государь», а *k'w* - царь. Таким образом, титул *k'w* = кави, *kaw*, вероятнее всего, был местного среднеазиатского происхождения и бытовал в отдельных областях почти полторы тысячи лет.

Титулы правителей приведены и в Авесте, древнейшие части которой Яшты и Гаты отражают период начала I тыс. до н.э. Среди наиболее значительных в частности упомянут, «састар» - правитель округа и ее центра, возможно, типа оазисов с центральным поселением, подобных тем, которые характерны для Бактрии начала I тыс. до н.э., типа Бандыханского оазиса, с центральными поселениями Бандыхан I и II (IX-VI вв. до н.э.). Этот же правитель осуществлял и функции военачальника.

«Сатар» - правитель области, страны. «Дахьюпати», по-видимому, равнозначен владыке области. Возможно, правители небольших областей, объединяющих оазисы типа тех, которые упоминаются при описании похода Александра Македонского в Бактрию и Согд, - Наутака, Ксениппа, Габаза, Парейтакена, Бубакена.

Во главе таких небольших владений стояли правители Оксидарт, Сисимитр, Хориен, Катан. Не исключено, что правители такого ранга существовали здесь и в более раннее время, так как в V-IV вв. до н.э. сохранялась та же традиционная оазисная структура, начало сложения которой относится к эпохе бронзы. Вероятно, именно такие правители носили титул дахьюпати.

«Дахьюпат всех дахью» - по мнению В.А. Лившица, этот титул означал «владыка над всеми областями», правитель некоего территориального и племенного объединения. Такого же мнения придерживаются и другие ученые. Возможно, подобный титул носили правители таких крупных территориальных объединений, как Бактрия, Согд, в состав которых входили более мелкие территориальные единицы - области и оазисы, подобные выше перечисленным (Габаза, Бубакена, Парейтакена и т.д.).

И.М. Дьяконов полагал, основываясь на данных Авесты, что в Средней Азии существовали некие объединения областей типа «Мауру Харийской», т.е. объединение Маргианы с Харией (Гератом), - рыхлые военные федерации, напоминающие федерации городов Месопотамии времени первых династий Киша и Урука (XXVII-XXVI вв. до н.э.).

Таким образом, различного рода источники указывают, что в доахеменидский период, т.е. ранее второй половины VI в. до н.э. для правителей высшего ранга в Средней Азии применялись два титула «кави» и «дахьюпат всех дахью», которые греческие авторы считали равнозначными титулу *басилевс*.

С завоеванием южных областей Средней Азии Александром Македонским и установлением в них власти Селевкидов, а затем греко-бактрийских царей, с середины III в. до н.э. и вплоть до начала второй половины II в. до н.э. здесь бытует исключительно эллинская царская титулатура: «*басилевс*» - царь и «*басилевс басилеон*» - царь царей.

Что же касается местной титулатуры правителей, то, в Средней Азии в это время по-видимому не существовало государств, помимо вышеупомянутых, греческого происхождения, статус которых соответствовал бы статусу государств типа царства. Исключение составлял, по-видимому, только Хорезм, правитель которого Фарасман или в другом чтении Фатуфарн, прибывший в Мараканд к Александру Македонскому с предложением дружбы и сотрудничества, в греческих письменных источниках именуется «*басилевсом*» т.е. царем (Арриан).

Парфянские цари, освободившиеся от селевкидского господства в середине III в. до н.э., тем не менее сохранили, во всяком случае в легендах на монетах, греческую царскую титулатуру и соответствующие эпитеты.

Иным был процесс сложения титулатуры в других историко-культурных областях Средней Азии, в частности в Среднеазиатском Двуречье - Трансоксиане, которые освободились от греческого господства: одни, как Согд и Бухара, вероятно, уже к началу II в. до н.э., а другие, как Северная Бактрия, в начале второй половины II в. до н.э. Однако титулатура верховных правителей в них складывалась по-разному, в зависимости от преобладающей роли тех или иных культурных влияний или в силу этнических причин.

Основной источник наших знаний - монеты, которые, начиная со II в. до н.э. - I в. до н.э., чеканятся в подражание греко-бактрийским монетам и на которых на определенном этапе появляются

ся легенды на хорезмском, бактрийском и согдийском языках, где отражена титулатура правителей тех или иных владений Среднеазиатского Двуречья. Этот период в развитии титулатуры правителей можно обозначить как арамейско-кушанский - по наиболее характерным признакам титулатуры, имеющей арамейское и юечжийско-кушанское происхождение. Так, уже во II в. до н.э. в подражаниях тетродрахмам Евтидема, обращавшихся и чеканившихся в области Бухары во II в. до н.э., появляется, как установил В. Хеннинг, арамейский титул MR'Y - мрай. Первоначальное его значение «господин», но применительно к владельцам Средней Азии он обычно переводится как правитель, но не царского статуса.

Следовательно, владения, во главе которых стояли правители с титулом MR'Y, не были в подлинном смысле государствами типа царств. Титул MR'Y имеется также на южносогдийских серебряных монетах с изображением Геракла и Зевса. На них указывается также имя правителя, которое Е.В. Зеймаль читает как uw'nw'n, а автор, исходя из восстановленного прототипа надписей - 'btt MR'Y. Начало чеканки этих монет относится, вероятно, ко второй половине II-I в. до н.э., судя по архаическому написанию алефа, сходному с написанием алефа на подражаниях тетрадрахмам Евтидема.

Примерно в это же время на древнехорезмийских монетах группы Б и В, датируемых I в. до н.э. - I в. н.э., появляется другой арамейский титул, но более высокого ранга - MLK', который передает титул верховного правителя (царя) «различных по своей политической значимости государственных образований, но стоявших по своему статусу значительно выше», чем те государственные образования, во главе которых стояли правители с титулом MR'Y. На монетах группы Г, начало чеканки которых относится к IV-V в. н.э. появляется двойной титул арамейского происхождения MR'Y MLK' - «господин-царь» или «правитель-царь».

Аналогичный сдвоенный титул, но иранского происхождения - xwb k'w - правитель-царь, где титул xwb-xwt'w эквивалентен титулу MR'Y, а k'w - MLK', появляется на бухархудудских монетах в V в. н.э. и бытует вплоть до VII-VIII в. н.э.

Следовательно, Хорезм, в отличие от других владений Среднеазиатского Двуречья, был в первых веках н.э. государственным образованием более высокого статуса, за исключением Бактрии, которая входила в состав Кушанского царства, чьи правители носили значительно более высокий титул, чем правители Древнего Хорезма.

Таким образом, можно констатировать, что в III-I вв. до н.э. - первых веках нашей эры правители Хорезма, Бухары и Кеша (Южного Согда) носили титулы арамейского происхождения. К сожалению, в отношении Самаркандского Согда каких-либо определенных данных не имеется, поскольку в легендах на монетах, чеканившихся там в это время, проставлялись только имена, без титулов. Можно, однако, полагать, что, согласно китайским письменным источникам, во главе владения Кан (Согд) стояли правители из Дома Чжаову, т.е. юечжей, а значит эти титулы могли быть юечжийского происхождения. Гиркод - основатель, по-видимому, этого Дома - как и другие правители Согда, чеканившие монеты, в частности, с изображением лучника, мог, подобно своему юечжийскому собрату Куджуле Кадфизу, носить титул племенного вождя ябгу, возможно, юечжийского происхождения. Во всяком случае, юечжийский (кушанский) вождь Куджула Кадфиз был первым правителем, на монетах которого впервые появляется этот титул.

Причины появления на монетах в большей части Среднеазиатского Двуречья, за исключением Бактрии, титулов арамейского происхождения остаются неясными. Не исключено, что это связано с распространением арамейской письменности и языка, ставшего здесь, как в Ахеменидском Иране, официальным языком и письменностью административного аппарата государства, делопроизводства и т.д. Во всяком случае, первые памятники древнехорезмийской (или еще арамейской?) письменности арамейского происхождения, обнаруженные к настоящему времени, относятся, по мнению В.А.Лившица, уже к IV-III до н.э.

Совсем иным был процесс формирования официальной титулатуры в южной части Среднеазиатского Двуречья, исторические судьбы которой теснейшим образом связаны с формированием и развитием Кушанского государства. Титулы правителей этого государства имели сако-хотанское, юечжийское, греческое, бактрийское и китайское происхождение. Согласно китайским источникам, правители пяти юечжийских владений, среди которых было и владение Гуйшуань Кушан, носили титул си-хоуили хи-хоу, который, по мнению многих исследователей равнозначен титулу шаньюй, употреблявшемуся гуннскими и другими правителями кочевых племен Центральной Азии.

Однако многие ученые считают его равнозначным титулу ябгу - вождь кочевых племен. На монетах Кушана («Герая») употреблен греческий титул «тиран», сопоставляемый с этрусским *turan* - господин, и следовательно равнозначный арамейскому *MR'Y*, означавшему то же самое - господин.

Титулом MR'Y именовались, как мы показали выше, тогда же правители Хорезма, Бухары и Южного Согда. Таким образом, правители владений, образовавшихся в II-I вв. до н.э. в Среднеазиатском Двуречье, носили одинаковые по своей политической значимости титулы, но разного этнического происхождения - арамейского и греческого.

Согласно Э. Кеннеди, титулом «тиран» именовались мелкие зависимые правители, однако в греческой традиции тираном именовался человек, насильственно захвативший власть в полисе и установивший там единоличное правление. Основополагающий признак тирании - единовластие. Наряду с тиранами мелких, мало-значимых территорий в греческой истории существовали и тираны, владевшие большими территориями и обладавшими неограниченной властью, Лисистрат в Афинах, Дионисий I и II, Гиерон I и II в Сиракузах, тираны Самоса и Коринфа.

Если в отношении Кушана (Герая) употребляли данный титул, то можно предположить, что первый известный науке правитель Кушан пришел к власти насильственным путем, подчинив себе остальных юечжийских правителей, и что процесс объединения юечжей под властью кушан начался ранее, чем об этом сообщают китайские источники, и что не Куджула Кадфиз, а сам Кушан («Герай») пытался создать первое Кушанское государство. Ареал монет Кушана («Герая») не препятствует такому предположению, они распространены на большей территории Бактрии, особенно в восточной ее части, а также в Гандхаре. Его последователь на пути становления кушанского государства Куджула Кадфиз носил иные титулы. На всех четырех самых ранних типах монет в легендах кхароштки он именуется как «Kushana Yavvusa», что означает «ябгу Кушан».

Этот титул в греческом написании на его монетах передан как Зоуу (род. падеж от Zone), что также означает предводителя или вождя кочевых племен.

Существует определенное расхождение в трактовке этнической принадлежности данного титула. Одни ученые считают титул ябгу тюркского, другие - сакохотанского, т.е. восточноиранского происхождения, перешедшим затем в тюркские языки. Затем, по-видимому, во второй период правления Кадфиза I, на его монетах появляются уже царские титулы индийского происхождения «великий царь» и «царь царей» (махараджа; раджатираджа). Следующий за ним царь «Сотер Мегас», которого сейчас, исходя из данных Рабатакской надписи, отождествляют с Вимой Ток (то) или Садашкой, носил греческий титул «Басилевс басилеон», «царь ца-

рей». Этот же греческий титул сохраняется и у его приемников - Вимы Кадфиза и Канишки.

Более пышной и высокозначимой титулатура кушанских царей становится только при Кадфизе II, при котором в состав Кушанской империи вошли обширные территории Северной и Центральной Индии. Титулатура Кадфиза I в основном индийского происхождения, хотя еще сохраняется традиционный греческий титул «Басилевс басилеон». Вместе с тем, в матхурской надписи впервые по отношению к кушанскому царю употреблен иранский титул *Shahi*. В последующем этот титул в бактрийской форме *Shao* или в сочетании *Shaonano shao* употребляется всеми кушанскими царями от Канишки I до Канишки III включительно.

На монетах Кадфиз II именуется как *Maharaja Rajatiraja, Sarvaloga - Ishvara, Mahishvara*, т.е. «царь царей, повелитель мира» (Махишвара - один из эпитетов Шивы). Кроме того, в ряде эпиграфических надписей приведен еще один титул Кадфиза II - «*devaputra*», «сын неба», являвшийся, по мнению некоторых ученых, начиная с Э. Томаса, заимствованием из китайской практики, где «сыновьями неба» именовались китайские императоры из династии Хань. Вместе с тем, Мукерджи не исключает здесь некоторого греческого и аршакидского влияния.

В отличие от своего предшественника Кадфиза II, отдававшего предпочтение индийским традициям, Канишка I в своей административной, религиозной и языковой политике опирался на Бактрию. В частности, им была проведена реформа языка, что давно установлено по данным монетных легенд, а теперь подтверждается и данными Рабатакской надписи.

В монетных легендах греческая титулатура «Басилевс басилеон» была заменена эквивалентной бактрийской титулатурой «*Shaona Shao*», являвшейся заимствованием из сакского языка и повторяющей древнеперсидскую форму «*Kshayathiyānam Kshayathia*» - «царь царей». Из монетных легенд исчезла и индийская титулатура. Вместе с тем, в эпиграфических надписях употребляются и другие бактрийские титулы - такие как *hoadeo* (в Сурх-Котале и Дильберджине), восходящий к древнеперсидскому *hva-tavya*, т.е. самодержец, государь, выступающий наряду с *Shao* как синоним к слову царь. Этот титул, но в форме ХОНО широко употреблялся на территории Бактрии - Тохаристана вплоть до VIII в. н.э.

В надписи из Сурх-Котала употреблены и другие бактрийские титулы Канишки, подчеркивающие божественность его происхождения, такие как «*Vago shao*» - «Бог-царь» и «*Vago rougo*» - «Сын бога», равнозначные индийскому «*devaputra*» и китайскому *T'ien-tzu*.

Во второй половине III-IV в. н.э., после падения Кушанского государства, такие титулы как Shao и Xoadeo в несколько видоизмененной форме, иногда Shayo и Xdeo, хотя и сохраняются, но теряют свою былую значимость. Носившие эти титулы правители зачастую являются владельцами небольших территорий, как, к примеру, Shao Goboziko в районе Термеза или Shao Rogoz(iko) в Чаганиане. Этот процесс утраты былого значения титулатуры продолжился и в раннее средневековье.

В III-IV вв. н.э. почти на всей территории Среднеазиатского Междуречья по отношению к правителям употреблялись прежние арамейские титулы MR'Y и MLK', иногда в двойном сочетании, как в Хорезме, MR'Y MLK'. Исключение составляли только Бухара и Северный Тохаристан. В Бухаре на медных монетах IV в. н.э. с изображением жертвенника употреблялся очень древний титул k'w.

В Тохаристане, как и в его северной части, завоеванном Сасанидами, возможно, при Шапуре I (241-272 гг.) преобладающее значение по отношению к правителям занимает титулатура на среднеперсидском языке. Тохаристан, составивший при Сасанидах особую область, управлялся в это время правителями, которые в легендах на сасанидо-кушанских монетах именуется: kws'n MLK' - царь кушан, RB'KWS'n MLK'n - Великий царь кушан и RB'KWS'n MLK'n MLK' - великий царь царей кушан.

На кушано-сасанидских монетах те же титулы, но на среднеперсидском языке: вместо Shaonanoshao Koshono - Ozorko Koshono Shohonoshoho, или Ozorko koshono Shoho «Великий царь царей кушан», или «Великий царь кушан».

Таким образом, анализ эволюции титулатуры правителей Среднеазиатского Двуречья показывает, что титул «царь», если таковым считать титул «кави», применяется к ним уже в начале I тыс. до н.э. Затем в его применении наступает большой перерыв: на юге до середины II в. до н.э., на севере, в Хорезме, до конца IV в. до н.э., связанный с господством в этой области иноземных династий, в середине VI в. - конце IV в. до н.э. Ахеменидов, а затем на юге с конца IV в. до н.э. до второй половины II в. до н.э. - правителей эллинского происхождения.

Только в конце третьей четверти I в. до н.э. во главе созданного тогда же древнехорезмийского государства становится правитель, носивший титул царь. Титул «царь» и «царь царей» носили и греческие правители Бактрии, по-видимому, до начала III в. до н.э. владевшие и Согдом.

Правителей остальных владений в Среднеазиатском Двуречье, судя по монетным данным, начиная со второй половины II в. до н.э., т.е. после падения Греко-Бактрийского царства и установле-

ния здесь власти правителей юечжийского происхождения, имели титул MR'Y (в Согде, Бухаре, Чаче), иерархически стоявший ниже титула «царь» MLK' или XWB.

Подобное положение сохранялось здесь на протяжении всего древнего периода, вплоть до эпохи раннего средневековья, т.е. до IV в. н.э. Только правители двух областей Среднеазиатского Двуречья в античный период имели титулатуру высшего ранга. Это владетели Хорезма, именуемые на монетах MR'Y MLK' - «господин царь» и правители Бактрии-Тохаристана, входившей в состав кушанского государства, чьи цари носили титулы самого высшего иерархического порядка, сравнимые разве что с титулатурой самых значимых государств античного мира - Китая, Парфии и Рима.

Что же касается Кангюя, то в этом, вероятно конфедеративного устройства государстве не существовало общегосударственного монетного чекана и неизвестно, какой иерархической значимости титул имел его правитель.

Надо сказать, что в китайских письменных источниках упоминаются пять кангюйских владений, локализация которых вызывает большие сомнения, равно как и то обстоятельство, что некоторые из них якобы находились в пределах Согда, Бухары и Хорезма. Те же китайские источники утверждают, что во главе этих владений стояли правители из «дома Чжаову», т.е. юечжийского происхождения. Не исключено, что в локализации этих владений более верную точку зрения высказал А.Н. Бернштам, помещавший их по Сырдарье. Причем, как нам представляется, крайним юго-восточным пределом этого государства был Чач, а северо-западным - низовья Сырдарьи. Монеты этого периода разных областей Среднеазиатского Двуречья и титулатура на них указывает на достаточно высокую политическую самостоятельность этих владений-государств, особенно Хорезма, правителю которого принадлежал царский титул.

Если в соответствии со значимостью титулатуры построить иерархическую лестницу древних государств Среднеазиатского Двуречья, то высшая ее ступень, несомненно, принадлежит Кушанскому царству (государству Больших Юечжей). На следующей ступени находятся Хорезмийское царство, а на более низких ступенях располагаются такие владения (но не царства!) как Бухара, Самарканд, Кеш, Чач.

Что касается лингвистической принадлежности титулатуры древних государств и владений Среднеазиатского Двуречья, то, в зависимости от разного рода обстоятельств, в частности, политического господства того или иного государства и культурных традиций, она была различного происхождения: арамейского,

греческого, древне- и среднеперсидского, индийского, сако-хотанского, бактрийского и согдийского. Это показывает, сколь разнообразным был исторический процесс сложения государств и владений в Среднеазиатском Двуречье и какие этнические группы принимали в нем участие на рассматриваемых этапах их развития.

4. Эволюция художественной культуры и развитие государственности

Как и многие другие виды политической, общественной, культурной жизни, искусство также отображало закономерности и особенности развития государственности. Это особенно наглядно видно на примере древнего Египта, Месопотамии и Передней Азии, где развитие государственности и культуры, и в частности художественной, шло параллельным курсом от первичных, зачаточных форм типа города-государства до деспотических, могущественных монархий и собственно от слабо развитых форм культуры до грандиозных памятников монументального искусства, призванных подчеркнуть перед прочими смертными величие и божественную сущность фараонов и шахиншахов, по воле которых они сооружались.

Иными словами, определенной стадии развития государственности соответствует определенный уровень развития художественной культуры: зачаточной форме государственности соответствуют примитивные формы искусства, в большей степени прикладного, нежели изобразительного, развитому государству соответствуют развитые формы искусства, подчас очень высокого уровня. В так называемые «переходные периоды», возникающие в основном после крушения великих империй и сопровождавшиеся чаще всего социально-экономическими, общественными и другого рода потрясениями, искусство опять как бы возвращается назад, к примитивному, хотя иногда бывают и исключения.

Развитие официального искусства во многом определяла государственная политика. Так было в древности, так в большинстве своем происходит и сейчас, хотя порой самосознание художника приводит к поискам и воплощениям новых направлений в искусстве, не зависящим от официальной политики.

В отличие от Переднего и Среднего Востока для древней Средней Азии до недавнего времени не имелось письменных свидетельств о доминирующей роли государственной политики в искусстве. Открытие Рабатакской надписи, в которой кушанский царь

Канишка дал своему наместнику Шафару указания на сооружение храма и возведение в нем статуй предшествующих царей - прадеда Куджулы Кадфиза, деда - Вимы Ток (то), отца Вимы Кадфиза, позволяет утверждать, что и в Средней Азии, во всяком случае в кушанском царстве, развитие монументального искусства определялось во многом волей царей.

Археологические исследования Бактрии, Согда, Хорезма, Маргианы позволили по-новому охарактеризовать материальную и художественную культуру этого огромного региона, раскинувшегося между Каспийским морем на западе и Памиром на востоке, ограниченного степями Казахстана на севере и горами Гиндукуша на юге. Новые данные достаточно убедительно свидетельствуют об основных путях развития древнего искусства Средней Азии, охватывающего три важнейших исторических периода: эпоху Ахеменидов (вторая половина VI в. до н.э. - 330 г. до н.э.), эллинизм (конец IV в. до н.э. - вторая половина II века до н.э.) и местную античность (I в. до н.э. - III-IV в. н.э.).

В соответствии с этим тезисом рассмотрим эволюцию искусства на территории Узбекистана в древности. Очагом ее становления являлась Сурхандарьинская область, где в середине II тыс. до н.э. сформировалась оседло-земледельческая культура древневосточного типа Саппали. В это же время возникают и получают развитие определенные формы прикладного искусства, выразившиеся в совершенствовании форм глиняных изделий от небольших плошек до ваз тончайшей работы на высоких профилированных ножках, увеличении ассортимента посуды, развитию ювелирного искусства, где используются различные полудрагоценные камни и определенные формы украшений.

Этому времени не чужда и изобразительность, отраженная в металлообработке и глиптике, в украшениях заколок из бронзы миниатюрными фигурками животных и в нанесении на плоскость каменных и глиняных печатей схематических изображений фантастических животных и фигурок человека. Появляются и зачатки монументального искусства, что, возможно отражают глиняные раскрашенные скульптурные изображения людей малых форм из погребений на Джар-Кутане, но весьма схематичного облика.

Таким образом, искусство этой эпохи развивалось в соответствии со стадией становления зачаточной формы государственности.

Искусство Ахеменидского периода. Древнегреческие письменные источники указывают на существование в Бактрии, Согде, Маргиане в конце IV в. до н.э., т.е. еще в ахеменидский период городов с развитой и сложной структурой.

Археологические исследования не только подтвердили факт их существования, но и дали важные факты для характеристики городов и поселений, их структуры и фортификации, а также материальной культуры. В их ряду наиболее интересные материалы дали исследования Эрк-калы - древнейшего ядра городища старого Мерва в Маргиане, городища Афрасиаб (древняя Мараканда) в Согде, городищ Узун-Кыр, Сангиртепа в Южном Согде и Кызылтепа в Северной Бактрии, а также ряда более мелких поселений этого времени.

О развитии монументального изобразительного искусства в этом регионе есть косвенные и прямые данные. Например, известный рассказ автора IV в. до н.э. Хареса Митиленского о любви Зариадра к Одатиде, «самой красивой женщине в Азии», о том, что романтическая история их любви пользовалась широкой популярностью у населения Средней Азии: «сказание о ней изображают на картинах в храмах и дворцах, а также и в частных домах».

Можно предположить наличие здесь в предахеменидское и ахеменидское время настенной монументальной живописи. Наличие скульптуры подтверждают находки из Исфары в Канибадамском районе Таджикистана. Это две объемные, пустотелые головы барана в натуральную величину весом 8,1 и 14,8 кг, отлитые из бронзы и датируемые V - III вв. до н.э. Возможно, они представляли собой или одиночную скульптуру, или входили в состав скульптурной композиции, украшавшей интерьер какого-то здания, или являлись оформлением зооморфного трона, широко распространенного в Средней Азии и Иране в доисламское время. На развитие форм монументального вааяния указывает и находка в горах Султан Уиздага (Хорезм) каменной капители, оформленной по бокам обращенными в разные стороны полиморфными фигурами в виде лежащих с подогнутыми ногами животных с головами бородатых мужчин. Она имеет близкие аналогии в искусстве ахеменидского Ирана.

Керамическое искусство данного времени характеризуется разнообразием и стандартизацией форм сосудов, высоким качеством техники изготовления, ангобным покрытием и отсутствием орнаментации. Остальные сюжеты в виде росписей красной и коричневой краской на поверхности сосудов, широко распространенные в керамике I тыс. до н.э., в этот период сходят на нет.

Характерной особенностью керамического искусства становится совершенство форм сосудов, приобретающих в основном цилиндрические формы, генетически восходящие к керамике предшествующего периода VII-VI вв. до н.э. Цилиндрическая керамика широко распространяется почти на всей территории Средней Азии

от Хорезма до Бактрии. Предметы других видов прикладного искусства представлены глиптикой - несколькими геммами, выполненными в ахеменидском стиле (собрание Музея истории Узбекистана в Ташкенте), якобы найденными на городище Афрасиаб.

Особняком в этом скудном ряду памятников искусства оседло-земледельческих областей Средней Азии ахеменидского времени стоят многочисленные предметы художественной культуры (малые формы искусства - металлическая круглая пластина, торевтика, ювелирное дело) из Амударьинского клада или сокровища Окса, а также сокровищницы храма Окса в Тахти-Сангине. Строго научный подход к ним показывает, что за редким исключением они не могут служить подлинным историческим источником для характеристики искусства ахеменидского периода в Средней Азии и дают лишь представление о том, какие сокровища и из каких стран могли накапливаться в бактрийских храмах в течение нескольких веков. Судя по дате сокрытия этих «кладов», гораздо более поздней, чем даже конец ахеменидского периода, связан-

ный с завоеванием Александром Бактрии в 327 г. до н.э., это можно датировать почти в пределах двухсот лет: и в том и в другом случае Амударьинский клад сокрыт во II в. до н.э., сокровищница храма Окса укрыта накануне нашествия юэчжей, т.е. в начале второй половины II в. до н.э. Эти предметы могли привноситься в храм (или храмы?) как вотивы когда угодно и могли быть привезены откуда угодно.

Не вызывает сомнения подлинность состава сокровищницы храма Окса в Тахти-Сангине, зафиксированная с соблюдением подлинно научной археологической методики, но сомнительна подлинность состава Амударьинского клада, который, строго говоря, представляет собой коллекцию предметов, собранных при различного рода обстоятельствах в Равалпинди (Пакистан). Часть из них действительно принадлежит Амударьинскому кладу, найденному, может быть, на городище Тахти-Кобад, а другая, вероятнее всего, присоединена на месте в Равалпин-

Обнаженный юноша.
Серебро. V-IV вв. до н.э.

ди и состоит из находок, сделанных, возможно, в Гандхаре или Кабулистане.

Сомнение вызывает и монетная часть клада, присоединенная Е.В. Зеймалем из различных музейных собраний к вещевой его части, при невыясненных условиях находки, а также потому, что до сих пор никаких монет V - IV вв. до н.э. греческих городов и ахеменидских сатрапов Малой Азии на территории Средней Азии, в том числе Бактрии, не найдено. Только в последние годы, по-видимому, в Южном Туркменистане, найден клад ахеменидских сиклей, часть которого попала к ташкентским коллекционерам.

Исследование ранней части Амударьинского клада позволило выделить по месту их происхождения пять групп предметов, изготовленных из золота и серебра.

1. мидийские и луристанские предметы доахеменидского времени;

2. предметы из Западного Ирана царского или сатрапского достоинства, относящиеся к ахеменидскому времени;

3. предметы, выполненные в малоазийских традициях и изготовленные до конца IV в. до н.э.;

4. предметы местного бактрийского происхождения того же времени;

5. предметы, выполненные в скифо-сибирских традициях.

Только две последние группы могут характеризовать особенности искусства Средней Азии в ахеменидское время и только развитие торевтики и ювелирного искусства. Что же касается первых трех групп, то, согласно одной из гипотез, они привнесены в бактрийский храм во время пребывания здесь войск Александра Македонского или как военные трофеи, захваченные македонской армией в иранских столицах и пожертвованные в храм. Но это лишь одна из гипотез, которая может быть постулирована при условии доказательства существования храма Окса (с которым И.Р. Пичилян связывает Амударьинский клад) уже при Александре Македонском. Существенно отсутствие на городище Тахти-Сангин культурных слоев с характерной для V-IV вв. до н.э. цилиндрической керамикой, что предполагает более позднее его возведение - селевкидский или греко-бактрийский период.

Маловероятно, что Амударьинский клад - это выбранная из сокровищницы храма Окса часть предметов из драгоценных металлов. Очевидно, это два разновременных комплекса: один Амударьинский клад более ранний, VI -IV вв. до н.э., где почти полностью отсутствуют предметы эллинистического времени (III - II вв. до н.э.), сокрытый, как правильно считал Р. Гиршман, в конце IV - начале III в. до н.э. Другой - сокровищница храма Окса - более

поздний (III - начало второй половины II в. до н.э.) с небольшим числом предметов ахеменидского времени при преобладании вещей эллинистического времени.

Само по себе существование двух близко расположенных храмов (в данном случае в 5 км друг от друга), даже если допустить, что они функционировали одновременно, в религиозной практике обычное явление. Сомнительно предположение, что Амударьинский клад относится к храмовым сокровищам, несмотря на то, что большую его часть составляют культовые вотивные предметы: в составе этого клада присутствует и масса предметов бытового назначения. Вызывает также сомнение предположение о том, что он является сокровищницей бактрийского аристократического рода. Е.В.Зеймаль считает, что для храмовой сокровищницы и сокровищницы целого рода он недостаточно велик и мог принадлежать одному богатому и знатному человеку, как например, Дальверзинский клад, который несоизмеримо более весом по содержащемуся в нем золоту (один только золотой брусок из этого клада весит больше, чем все золото Амударьинского клада), найденный в доме знатного кушанского горожанина.

Очевидно, часть ахеменидского клада и часть сокровищ из храма Окса, датирующихся ахеменидским временем, отражают искусство далеких от Средней Азии стран и, в первую очередь, идейные особенности искусства ахеменидского Ирана с его регламентированным канонem, сложной религиозной символикой, единством и в то же время многообразием художественных стилей: собственно иранских, ирано-месопотамских, малоазийских и скифо-иранских. К числу объектов бактрийского происхождения в основном относятся или незавершенные художественные изделия типа головы лошади или более тридцати тонких золотых пластинок с профильным изображением стоящей фигуры, держащей в руке связку прутьев. Таковыми же могли быть и многие произведения ювелирного искусства: кольца с разнообразными изображениями на щитках, браслеты, завершающиеся на концах головками животных, подвески в виде птиц, золотые пластины и диски с изображениями животных - лошадей, верблюдов, льво-грифонов. Другая категория предметов местного происхождения выполнена, как считают, в традициях скифского звериного стиля. Не только примитивно исполненные предметы искусства из Амударьинского клада, но и другие - высокохудожественные изделия этого клада могли быть изготовлены непосредственно в Бактрии, учитывая высокую степень ее развития в ахеменидский период. При этом следует учесть глубокие традиции бактрийского изобразительного и прикладного искусства, уходящего корнями в эпоху бронзы.

Памятники искусства эпохи эллинизма, или четвертого периода на территории Узбекистана представлены пока недостаточно, поскольку слои этого периода на ряде городищ, например, Афрасиабе, Ер-Кургане, Старом Термезе, Дальверзинтепа, перекрыты мощными культурными слоями позднего времени и почти недоступны для изучения. Однако, как и во многих областях Ближнего и Среднего Востока, искусство развивается здесь в русле эллинистических традиций. Об этом можно судить хотя бы по составу найденного в Южном Таджикистане Амударьинского клада и предметам из Тахти-Сангина, многие из которых были привезены из эллинистического Ближнего Востока или выполнены в соответствии с эллинистическими нормами. По этим предметам можно констатировать развитие в Северной Бактрии таких видов искусства, как монументальная глиняная и гипсовая скульптура, глиптика, торевтика, ювелирное, резьба по кости и многие другие. Наряду с эллинистическими традициями, на некоторых из этих находок имеется отпечаток художественных приемов скифского звериного стиля.

Мустахара. Фляга. II-I вв. до н.э.

Высоко развито было в это время в Бактрии медальерное дело, в частности, монетная иконография. Монеты греко-бактрийских царей по своему художественному оформлению - одни из лучших в мире. Портретные образы, нанесенные на лицевую сторону мо-

неты, воплощают в себе реальные выразительные образы монархов, а фигуры божеств на оборотной стороне являются копиями знаменитых греческих скульптур.

Искусство юэчжийского периода. В третьей четверти II в. до н.э. Северная Бактрия была завоевана юэчжами (тохарами по греко-римским источникам), переселившимися сюда под давлением хуннов с территории, соответствующей современной китайской провинции Ганьсу. Несколько позднее юэчжи-тохары покорили Южную Бактрию и создали конфедеративное юэчжийское государство с центром в Бактрах, просуществовавшее вплоть до образования Куджулой Кадфизом Кушанского царства в первой половине I в. н.э.

К памятникам искусства юэчжийского периода можно отнести здание в Халчаяне с его уникальными скульптурными композициями и остатками монументальной живописи, исследованными Узбекистанской искусствоведческой экспедицией в 1959-1963 гг.

По поводу датировки и интерпретации этого здания существуют разные мнения. Согласно Г.А.Пугаченковой, это здание представляло собой небольшой дворец, возведенный на рубеже новой эры плюс-минус два десятилетия в ту или иную сторону, просуществовавший около двух столетий, причем со временем главный зал дворца приобрел функции зала обожествленных предков. Иного мнения придерживаются Б.Роуланд, Б.Я.Ставиский, А.Седов, относя возведение халчаянского здания к кушанскому периоду - к I в. н.э. - началу II в. н.э.

Б.Я.Ставиский, а вслед за ним А.Седов считают, что изначально это здание возводилось как храм династийного культа. Однако их мнение по поводу датировки и интерпретации здания не подтверждено существенными фактами, на что уже было обращено внимание, и аргументы Г.А.Пугаченковой по этому вопросу наиболее обоснованы.

Иное дело - интерпретация содержания скульптурных сцен и конкретных образов. Дворец в Халчаяне представляет собой большое здание из сырцового кирпича (35x20м), на главном фасаде которого находился глубокий шестиколонный портал-айван, а за ним - приемный зал, тронное двухколонное помещение; справа и слева от центрального зала располагались подсобные помещения, арсенал и т.д.

Айван и зал дворца были оформлены разнообразными скульптурными композициями, достаточно выразительными в главном зале и неясными в айване. Скульптура пристенная, выполненная из глины с последующей раскраской в основном красным, изредка белым и черным цветом. Раскрашенным был также фон, на ко-

тором располагались скульптурные композиции. Головы скульптур выполнены в полном объеме, ниже, до пояса - в три четверти или в пол-объема, сходя к ногам на барельеф. Скульптура размещалась на высоте двух метров в виде широкого фриза, непрерывно переходящего с одной стены на другую.

Согласно предложенной Г.А.Пугаченковой реконструкции, здесь были три самостоятельные сцены, в которых были представлены десятки одиночных человеческих фигур, всадников на лошадях, а также скульптур божеств. Главную композицию представляла тронная стена, центральное место в которой занимали восседающие на тронах правитель и его супруга, по обе стороны от которых располагались скульптуры членов семьи, местной знати, а вверху над ними - скульптуры «варваризированных» Афины, Геракла, Ники.

В композиции на северной стене представлен сидящий на невысокой скамейке правитель, слева и справа от которого размещались скульптуры его сородичей и приближенных из рода «Герая».

Скульптурная композиция на южной стене включает динамичную сцену битвы легковооруженных лучников с тяжело вооруженными воинами – катафрактариями. Они мчатся на конях навстречу друг другу.

Поверх стен над этими композициями располагался другой фриз, где изображены танцовщицы, ряженные скоморохи и нагие мальчики, несущие тяжелые гирлянды, в свесах которых помещено погрудное изображение музыкантов, сатиров, скоморохов. В целом, представленные здесь персонажи отражают дионисийский цикл, широко распространенный в искусстве эллинистического мира.

Образы человеческих персонажей в скульптурных композициях глубоко индивидуальные и несомненно наделены портретными чертами, отражая художественные нормы в стиле экспрессивного реализма в изобразительном искусстве Бактрии, характерного для II в. до н.э. - начала I в. н.э.

Анализ халчаянской скульптуры показал: при сохранении эллинистических черт в художественном стиле и сохранении образов греческих божеств, основным предметным содержанием ее становятся представители иной этнокультурной среды, что повлияло и на форму и на содержание художественного воплощения.

В интерпретации Г.А.Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» рода в сценах торжественного представительства, военных побед и в пиршественных сценах с участием музыкантов, комедиантов и ряженных, проходящих под покровительством богов, среди которых - Афина, Ника,

Геракл и, возможно, Кибела. Мнение о связи халчаянского скульптурного цикла с триумфом «гераева» рода было основано на преобладании в нем определенной скульптурной группы, наделенной общими типологическими и этническими признаками: густые черные волосы, приподнятые вверх и подхваченные у основания прически начельной лентой, густые бакенбарды, небольшие усы, подквадратный овал лица с большими, слегка раскосыми глазами. По этим признакам эта скульптурная группа находит прямые аналоги в изображении правителя на синхронных кушанских монетах так называемого «Герая».

Однако подобное название для данной скульптурной группы представляется некорректным в силу неправильно понятой легенды, изображенной на этих монетах.

Легенда на тетрадрахмах состоит из четырех слов: TYRANOINTOS HPAOY ΣΑΝΑΒΟΥ ΚΟΡΡΑΝΟΥ, что в переводе означает «Правящего «Герая» Санаба Кушана», где в обычной трактовке первое слово легенды - это титул, второе - личное имя, третье - личное имя или название области, а четвертое - обозначение племени или династии, данное в родительном падеже.

С учетом новых нумизматических данных эта легенда должна читаться и пониматься таким образом: первое ее слово - греческий титул, второе - также титул, но не местный, может быть, юэч-

жийский, третье слово - прозвище (на одних монетах греческое ANTEIX, на других - иранское ΣΑΝΑΒ, означающее одно и то же - «отражающий врага»), и четвертое слово - это личное имя Кушан.

Вероятнее всего, именно так - Кушан, а не надуманный «Герай», звали правителя, выпускавшего эти загадочные тетрадрахмы и оболы, основателя новой юэчжийской династии. Впоследствии все правители кушанского государства, сохраняя пиетет к имени основателя, помещали его имя на своих монетах, подобно тому, как правители Парфянского государства - выходцы из такой же кочевой среды - парны, сохраняли в течение ряда столетий в легендах на монетах имя основателя парфянской династии - Аршака.

Голова юэчжа. Глина.
Халчаян. I в. до н.э.

Сочетание двух титулов встречается уже на монетах Хорезма с первых веков н.э. - MR'Y MLK', и позднее на монетах бухархудатов XWB K'W, что означает «государь-царь». В такой же интерпретации должны быть поняты два первых слова в легенде на тетрадрахмах Кушана.

Второе обстоятельство - в легендах на монетах, чеканенных в древних государствах Средней Азии вплоть до III-IV вв. н.э. не проставлялись этнические и династические наименования, а только титул + имя, изредка почетное прозвище - на греко-бактрийских и парфяньских монетах, + имя основателя династии - на парфяньских и, как теперь выясняется, на кушанских.

Таким образом, халчаянское здание действительно является дворцовым, превращенным впоследствии в храм обожествленных предков. Основные скульптурные композиции его посвящены прославлению и приходу к власти новой юэчжийской династии - Кушанидов. Скульптура правителя в сцене приема, вероятнее всего, изображает основателя новой династии - Кушана. Основные персонажи скульптуры Халчаяна отображают общеэтнический юэчжийский тип, а не представителя какого-либо определенного рода. Скульптурные композиции в Халчаянском дворце могли появиться только после присоединения этой части Северной Бактрии к кушанскому государству, которое произошло, судя по нумизматическим данным, при сыне Куджулы Кадфиза - Виме I Ток(то).

Очевидно, одной из составных частей генезиса династийного искусства государства Кушанидов или государства Великих юэчжей, как точно именовали его древнекитайские письменные источники, является скульптура Халчаяна.

Что касается других видов искусства юэчжийского периода, то они еще недостаточно выявлены. Однако можно определенно говорить о развитии коропластики, отраженной в некоторых типах терракотовых статуэток.

Наивысшего пика своего развития искусство в древности на территории Узбекистана достигает в эпоху античности, или в определенном нами пятом периоде, в пору существования могучей Кушанской империи и влиятельного Кангюя.

На этот период, в частности, приходится расцвет городов. Большие и малые города густой сетью покрывают территорию Междуречья. Интенсивно функционирует Великий шелковый путь, способствующий обмену художественных и духовных ценностей между Востоком и Западом. Центральная Азия выступает в нем не только в роли посредника, но передатчика многих достижений своей культуры, а согдийские колонии возникают вдоль всей трассы восточной части этого пути вплоть до столицы Ханьского Ки-

тая - Чаньяня. Интенсивно развивается экономика - сельское хозяйство и ремесла, высокую степень развития получают товарно-денежные отношения.

Все это не могло не сказаться и на развитии искусства. Именно на это время приходится становление и интенсивное развитие изобразительного искусства, причем таких видов, которых прежде почти не было. В частности, пристенная и объемная монументальная глиняная и гипсовая раскрашенная скульптура, представленная разнообразными сюжетными композициями в Халчаяне, Дальверзинтепа, Фаязтепа, Каратепе и Топраккале. Интерьеры многих дворцовых и храмовых сооружений украшаются настенной монументальной росписью с применением разнообразной палитры красок на самые различные сюжеты светского и культового содержания. Широкое распространение получает коропластика в штампованных формах, а также глиптика и ювелирное искусство. Не чуждо было местным мастерам и искусство художественной обработки металла и камня, отраженное, в частности, в скульптурных рельефах Айртамского фриза. В художественных приемах всех этих видов искусств отражены, наряду с эллинистическими и гандхарскими влияниями, местные, уходящие в глубокую древность, традиции.

Кушанское царство. Юг Средней Азии вошел в состав Кушанского государства при великом царе Виме I Ток(то) в середине или начале второй половины I в. н.э. и оставался в нем вплоть до завоевания Сасанидами при Шапуре I (241-262 гг.). На севере этого

региона границы Кушанского царства проходили по Гиссарскому хребту, где была создана мощная фортификационная система, отделяющая Бактрию от Согда, Кангюйское государство от Кушанского. Поэтому кушанское искусство этого региона - это искусство Бактрии данного периода.

Памятники искусства данного времени в Сурхандарьинской области Узбекистана и в Северном Афганистане разнообразны и выразительны: монументальная скульптура, настенная живопись, архитектурный декор, коропластика, керамика, резьба по кости, глиптика, ювелирное искусство,

Голова кушанца. Глина.
I в. до н.э. - I в. н.э.

художественный металл. Кушанское искусство развивалось в двух основных направлениях: индо-буддийском и местном бактрийском, в значительной степени эллинизированном, при определенном вкладе, особенно в прикладном искусстве, традиций искусства кочевых народов.

В монументальном искусстве этого региона особенно выделялась скульптура, традиции изготовления которой, как показали раскопки храма Окса, уходят в селевкидское и греко-бактрийское время. Основным материал - глина, гипс и камень. Но не исключено, что существовала металлическая и комбинированная скульптура, что подтверждает найденная на Кампыртепа статуэтка мужчины, выполненная из дерева и обложенная сверху тонким серебряным покрытием. Техника исполнения глиняной скульптуры - вручную, при которой на внутренний каркас накладывалось несколько слоев и уточнялась общая форма фигуры, а затем наносился пластически тщательно обработанный слой из той же глины или гипса, раскрашенный в соответствующие цвета тела и лица. Для оттиска отдельных деталей лица и украшений часто применялись штампы. Как правило, глиняная скульптура - пристенная или настенная - выполнена в высоком рельефе. Каменная скульптура передавалась в виде фриза (Айртама) или отдельных скульптурных групп сидящих (Айртама) или стоящих (Сурх-Котал) людей. Бактрийской скульптуре присуща монументальность и строгая фронтальность. Но вместе с тем, судя по изображению образов царей и божеств на монетах, являющихся, по-видимому, копиями монументальных скульптур, ей не чужда и профильная и трехчетвертная передача изображений.

Монументальная скульптура в Бактрии, предназначенная в первую очередь для установки ее в храмах, тематически и идейно воплощала два основных содержания: культовое и светское, каких-либо мифологических образов пока не отмечено. Культовая, прежде всего буддийская скульптура, многочисленна: она представлена образцами из Айртама, Дальверзинтепа, Каратепа и Фаязтепа и других, менее значительных памятников. Менее представительна бактрийская культовая скульптура: Дальверзинтепа и Сурх-Котал. Однако на тот факт, что она имела в Бактрии широкое распространение, указывает надпись из Сурх-Котала и особенно Рабатака, где точно установлено: статуи каких зороастрийских божеств были установлены в сооруженном при Канишке храме - это Умма, Нана, Ахурамазда, Маздован, Срошард, Нараса, Михр. Нет сомнений, что скульптуры местных божеств стояли и в других бактрийских храмах, но пока единственным реальным фактом их существования является скульптурная голова богини, ве-

роятно, Наны, из храма на Дальверзинтепа, передающая облик немолодой женщины с повязкой на голове.

Широкое распространение в кушанский период получило и светское направление, ведущее место в котором занимало «династийное искусство». Из той же Рабатакской надписи теперь совершенно очевидно, что в храмах Бактрии, наряду со статуями божеств-покровителей, устанавливались статуи царей, причем не только правящего - Канишки, но и всех предшествующих: прадеда Куджулы Кадфиза, деда Вимы Ток(то) и его отца Вимы Кадфиза. В том же убеждает каменная статуя царя на троне из Мата, как теперь установлено Дж. Криббом, Вимы Ток(то).

Терракота. Парфянин.
Кампыртепа.
I в. до н.э. - I в. н.э.

Вероятно, статую царя (Канишки?) представляет собой каменная стоящая фигура в богатом одеянии из Сурх-Котала, для которой характерна монументальность и строго фронтальная передача. Не исключено, что образ царя (Хувишки?) передан на скульптурном блоке из Айртама с бактрийской надписью, где изображен сидящий мужской персонаж и стоящая рядом с ним женская фигура.

Светскую направленность отражают глиняные и гипсовые изображения донаторов из пригородного буддийского святилища Дальверзинтепа. Наиболее впечатляющая скульптура отсюда - голова «кушанского принца» с благородными чертами лица и высокой конической шапкой, украшенной, по-видимому, золотыми бляшками. Эту скульптурную голову Г.А. Пугаченкова сравнивала с головой царя Антиоха из святилища в Комагене,

находя в них стилистическую близость. Вместе с тем, тщательное сравнение изображения кушанского царя Васудевы I на золотых монетах с головой «кушанского царя» из Дальверзинтепа показывает наличие близкого сходства в чертах лица, в форме головного убора и украшений у обоих этих персонажей. Не исключено поэтому, что скульптурная голова безымянного «кушанского принца» передает изображение кушанского царя Васудевы I.

Очевидно, что монументальная скульптура Бактрии представляет собой выдающееся художественное явление, воплотившее в себе эллинистические, индо-буддийские и бактрийские черты.

Возникновение настенной монументальной живописи в Средней Азии после перерыва в несколько тысячелетий (древнейшие образцы этой живописи здесь связаны с эпохой неолита VI тыс. до н.э. - росписи в Песеджиктепа) целиком связано с эпохой античности. Наиболее ранними являются фрагменты росписей из Халчаяна, относящиеся к началу I в. н.э. I-II вв. н.э. датируется настенная живопись из храмов бактрийских божеств и дворцовых зданий на Дальверзинтепа, буддийского пещерного комплекса Каратепа и буддийского наземного монастыря в Старом Термезе. Живопись этого времени обнаружена и на Зартепа. За пределами Бактрии настенная монументальная живопись кушанского времени обнаружена в Топраккале (II - III вв. н.э.).

Настенная монументальная живопись, судя по месту ее находок, служила, вероятно, частью декора интерьера здания культового и светского назначения. Росписями покрывались стены айванов, залов и отдельных помещений. Она осуществлялась минеральной краской на клеевом растворе по поверхности сухой глино-саманной штукатурки или по тонкому слою алебаstra. По своему характеру она была сюжетной и орнаментальной, идейное же ее содержание было светским, культовым или мифологическим.

Образцы светского направления представлены весьма незначительными фрагментами из дворца в Халчаяне с изображением голов мальчиков - одной эллинистического, а другой, вероятно, центральноазиатского типа. Вероятно, светский характер имела и живопись из дворца Дальверзинтепа, где найден фрагмент с изображением бактрийского воина в шлеме и морда бронированного коня.

Живопись культового характера отражена двумя религиозными направлениями - буддийским и местным бактрийским. В Фаязтепа на стене сохранилась часть многофигурной сцены с участием более десяти персонажей, в центре которой - изображение Будды и идущих к нему местных божеств с нимбами над головами. Над головой одного из них сохранилась надпись с именем божества огня Фаро.

Роспись из Каратепа дошла до нас также в сильно фрагментированном состоянии. На одном из фрагментов сохранилась сюжетная сцена - Будда с нимбом над головой и в мандале, и монахи, сидящие под деревом Бодхи. На другом фрагменте - сидящий Будда в позе «дхьяна-мудра». Еще на одном фрагменте, как это ни

странно для буддийского святилища, вероятно, изображен обряд зороастрийского очищения костей перед погребением их в наус.

Коренную бактрийскую религию отражает настенная живопись из храма богини Наны на Дальверзинтепа, найденная также в фрагментированном состоянии на полу. В реконструированной сцене на ней представлена восседающая на зооморфном троне богиня, к которой направляется жрец в белом одеянии с поднятым над головой младенцем и жрица с двумя младенцами на руках. Содержание сюжета остается неясным, но оно явно связано с культовыми действиями: приношение младенцев богине для благословения или обряд жертвоприношения богине.

В росписи храма отсутствует свободное пространство, все фигуры изображены на красном фоне, заполненном растительными побегами в сочетании с шестилепестковыми цветами. Палитра весьма широка, в росписи использованы черный, голубой, коричневый и желтый цвета, причем у детских и женских персонажей кожа окрашена в светло-розовый, а у мужских - в красный цвет. Контуры фигур прорисованы тонкой черной линией. Объемность фигур достигалась при помощи светотени и частой штриховкой красными линиями по краям контура. Своеобразна манера передачи изображений: тонко прорисованные выразительные лица всех персонажей сочетаются с полным нарушением анатомии в передаче рук и пальцев у младенцев. Но не исключено, что тем самым передавалось их внутреннее состояние безволия и полной покорности. Живопись храма выполнена в экспрессивной манере, без свойственной культовым сюжетам иератичности, полна динамики и выразительности.

По краям вся живописная композиция была оформлена орнаментальными бордюрами, представляющими или сочетание растительных побегов (трилистники или двулистники) с геометрическими фигурами (белые круги на черном фоне), или просто полосы красного, черного, коричневого цветов. Верхнюю часть стены помещения украшала роспись по алебастру, передающая мотив бегущей волны, широко распространенной в эллинистическом искусстве.

В культовой комнате дома ремесленника на Дальверзинтепа обнаружено много фрагментов с росписью, на одном из которых представлена многофигурная сцена - конь, стоящий рядом с ним мужчина и смотрящие на них с двухъярусного балкона женщины. Вероятно, вся эта сцена передает какой-то мифологический сюжет.

Вероятно, мифологического содержания и монументальная живопись, обнаруженная в одном из зданий на Зартепа, где изображена огромная птица.

Таким образом, при сохранении эллинистических черт в палитре красок, технике и манере исполнения, орнаментальных мотивах, настенная монументальная живопись кушанского периода наполняется новым сюжетным содержанием и художественным стилем.

Несмотря на небольшое количество, найденные образцы свидетельствуют о существовании в Бактрии крупной и своеобразной школы настенной монументальной живописи, оказавшей впоследствии значительное влияние на сложение этой живописи в Хорезме и Сирииндии (Миране), что прослеживается в манере и технике изображения.

5. Фискальная служба и деньги в древних государствах Средней Азии

Налоговая (фискальная) служба. Существование государственности как таковой определяется наличием различного рода институтов, в том числе и такого, как институт сбора налогов. О наличии фискальных служб на территории Средней Азии и, в частности, древнего Узбекистана, известно только со времени ее вхождения в состав Ахеменидской империи. Около 518 г. до н.э. царь Дарий I (522-486 гг.) начал реформы по реорганизации административной системы и финансовых служб государства. Согласно Геродоту, вся территория Ахеменидского царства была разделена на 20 сатрапий, из которых Бактрия, Саки, Хорезм, Парфия, Согд и Харайва находились в пределах Средней Азии.

Каждая из них была обязана вносить в царскую казну определенную сумму налогов, выраженную в весовой единице - таланте, равной 25,92 кг. Так, с Бактрии взималось 360 талантов серебра (8972 кг); с саков - 250 талантов (6230 кг); с Хорезма, Парфии, Согда и Харайвы совокупно 360 талантов (7476 кг).

Таким образом, со всей территории Средней Азии, подвластной Ахеменидам, уплачивался ежегодный налог в 970 талантов, или около 23000 кг серебра. Очевидно, что по общей сумме собранного денежного налога области Средней Азии занимали одно из ведущих мест в Ахеменидском царстве, уступая лишь сатрапиям Месопотамии - 1000 талантов, и Малой Азии - более 1000 талантов.

Известный рассказ Геродота о реке Акес, отождествленной с рекой Теджен, показывает, что налоги в казну ахеменидских царей за пользование водой также взимались в денежной форме. «Я знаю, - пишет Геродот, - что царь сверх обычной подати взимает большие деньги за открытие шлюзов».

Сатрапии Ахеменидского царства, в том числе и среднеазиатские, помимо денежных налогов должны были вносить подати и натурой. Так, для строительства дворца Дария I в Сузах из Бактрии доставлялось золото, из Согдианы - ляпис-лазурь и сердолик, из Хорезма - синий самоцвет (бирюза?). На известных рельефах дворца в Персеполе показаны представители разных сатрапий, несущие дань ахеменидскому царю. В частности, бактрийцы изображены с сосудами и двугорбыми верблюдами, саки ведут лошадей и несут какие-то предметы, согдийцы идут с кубками в руках в сопровождении двух двугорбых верблюдов, а хорезмийцы - с мечами, браслетами и лошадьми. Эти предметы и виды животных, изображенные на стенах дворца в Персеполе, отражают специфическую для каждой области дань, вносимую в казну Ахеменидской империи.

Ответственность за сбор налогов лежала на сатрапах, номархах, градоначальниках, сельских старостах и племенных вождях. Существовали специальные царские сборщики налогов и налоговые инспекторы. Причем, по мнению ряда ученых, налоги с населения в определенных сатрапиях Ахеменидской империи брали не непосредственно у жителей, а с помощью откупщиков, т. е. какое-либо лицо вносило заранее подати в царскую казну, приобретая у государства монополию на откуп, а затем собирало их с населения, увеличивая при этом сумму собираемых налогов. Непосредственных данных о технике сбора налогов с налогоплательщиков на территории Средней Азии не имеется, но, по всей вероятности, здесь существовала одна из фискальных систем, практиковавшихся в других частях Ахеменидской империи.

После завоевания южных областей Средней Азии Александром Македонским и последующего их вхождения в состав Селевкидского и Греко-Бактрийского царств здесь установилась фискальная система, характерная для эллинистического мира, но с возможным учетом местных особенностей.

До недавнего времени, однако, отсутствовали какие-либо сведения о характере налоговой службы и системе налогов, взимаемых с населения этой территории. Открытие в последние десятилетия остраков с греческими надписями в Ай-Ханум (Северный Афганистан) и на городище Кампыртепа (Южный Узбекистан) позволяет в какой-то мере осветить эту проблему. Так, в Кампыртепа, находящемся в 30 км к западу от г. Термеза на берегу Окса, были найдены два острака с греческими граффити. На одном из них проставлено обозначение денежной единицы или меры веса - 15 драхм, на другом - меры жидкости - 7 хоев (хой - древнегреческая мера жидкостей, равная 3,28 л). Эти два небольших по содер-

жанию греческих граффити имеют важное значение для характеристики определенных сторон налоговых отношений в Северной Бактрии в эллинистическое время, так как до сих пор здесь, как, впрочем, и во всей Средней Азии, не было прежде известно находок надписей этого времени с обозначением денежных единиц и мер веса.

В сокровищнице дворца Ай-Ханум, как известно, было найдено несколько сосудов, покрытых надписями - этикетками, в которых наряду с древнеиндийскими клейменными монетами - каршпана упоминаются драхмы. По мнению К.Рапэна, эти сосуды предназначались для хранения денежных поступлений от налогоплательщиков специальным налоговым чиновникам, осуществлявшим сбор этих поступлений для последующей их передачи в царскую казну, где они и хранились. В надписях упоминаются даже имена чиновников-хранителей этой сокровищницы: Зенон, Тимодем, Страбон, Филиск, Никерат.

Другой тип налоговых финансовых документов, принятых в эллинистическом мире, - остраки птолемеевской эпохи, происходящие из Египта. Они представляют собой своего рода квитанции, выдаваемые банкирами и ситологами при получении фискального сбора.

Из-за краткости содержания и уникальности весьма трудно определить, какого рода финансовый документ представляет собой греческое граффити из Кампыртепа с обозначением драхм. Очевидно, однако, что оно являлось иного рода документом, чем айханумские надписи, так как в последних, как правило, упоминаются имена нескольких должностных лиц, а кампыртепинское граффити анонимное. К тому же оно нанесено не на целый сосуд, а на его фрагмент, который не мог использоваться для хранения денежных поступлений. По всей вероятности, данное граффити являлось остраком-квитанцией типа вышеупомянутых остраков птолемеевского Египта.

К такого же рода уникальным документам относится и второе граффити с обозначением 7 хоев. Семь хоев - 22,96 л, тогда как данная надпись была нанесена на сосуд, даже если бы он был целый, вмещавший едва ли литр. Отсюда острак с указанной надписью являлся, вероятно, своеобразной квитанцией, выдаваемой для учета поступления какой-то жидкости, скорее всего вина. Такого рода учетные документы характерны для парфянской Нисы.

Находки в Ай-Ханум и в какой-то мере в Кампыртепа позволяют сделать вывод о том, что в греко-бактрийское время на юге Средней Азии существовала развитая система сбора и учета налогов, а следовательно и института фиска. Это подтверждает и

замечательный налоговый документ на пергаменте начала II в. до н.э., приобретенный в Северо-Западном Афганистане, а затем поступивший в Ашмолеан Музеум Оксфорда. Его публикация осуществлена на английском и французском языках. В этом документе, составленном в Бактрии при царе Антимaxe Теосе, упоминается некий Менодот - сборщик налогов, а также Диодор - контролер государственных доходов, т. е. лицо, осуществлявшее надзор за сбором налогов.

По мнению К.Рапэна, упоминаемый в документе топоним Асангорна соответствует средневековому Сангаран и более позднему Сангарака - небольшому городу или району, расположенному в верховьях Балхаба в Западной Бактрии.

О наличии налоговой системы в другом государстве Средней Азии - Парфянском царстве - позволяют судить остраки с парфянскими надписями, найденные на городище Новая Ниса. Надписи на остраках из Нисы, как показали исследования, отражают систему налоговых обложений виноградников, расположенных в округе этой первой столицы Аршакидов во II-I вв. до н.э. В них приводятся названия податных виноградников, таких, как Накбакан, Натпак, Кашаши, наименование большого сосуда для хранения вина - хум, сумма подати, год взноса, а также, что весьма важно, имя составившего документ чиновного лица с титулом «марубар», т. е. счетовод.

К примеру:

1. «По расписке этой (?) из виноградника, податного ... хумов 10 (?) доставили. Вахуман счетовод. Взнос на год 141 (или 140)».

2. «По расписке (?) этой из виноградника податного, из (местности) Нтрк (?) называемой, сосудов 8 (или 7), взнос на год 133 доставили Михредат, счетовод (?)».

Подробное исследование содержания надписей нисийских остраков, проведенное М.Массоном, И.Дьяконовым, М.Дьяконовым, В.Лившицем, позволило им сделать следующие выводы:

1. Прием подати оформлялся специальным документом, своего рода налоговой квитанцией.

2. Существовали две категории земель - подлежащих обложению налогами и не подлежащих обложению. Причем используемый в надписи термин (а) в а z (ср. в а z) применялся для обозначения поземельного налога.

3. Количество вносимого налога измерялось в больших сосудах - хумах, которые были стандартных размеров и выполняли роль мер емкости.

4. Налог взимался не с какого-либо конкретного лица, а с общины, на что указывает характер формулы «доставили, доставили».

5. При взимании налога велся строгий государственный учет, причем вносился налог ежегодно.

6. Непосредственным сборщиком налогов или его приемщиком был чиновник-счетовод марубар или мадубар (?).

7. Налоги доставлялись из округи в административный центр Михрдаткерт.

8. Остраки являлись копиями расписок, хранившихся в счетной канцелярии, тогда как подлинники выдавались владельцам натуры для исключения повторного сбора.

9. Сравнение близких по времени налоговых документов из различных государств - Греко-Бактрийского и Парфянского, в состав которых входили южные области Средней Азии, позволяет говорить о наличии по крайней мере двух видов налогов: денежном и натуральном.

10. Для осуществления их сбора существовал развитый административный аппарат, в котором служили чиновники различного ранга, обеспечивавшие фискальный сбор, учет и контроль доходов.

Вероятно, та же система управления, характер фискальных служб и источник сложения налогов существовали в древних государствах Средней Азии и в первых веках нашей эры, но конкретных данных об этом пока почти не имеется.

Хозяйственные документы из дворца Хорезмшахов в Топраккале, датированные III в. н.э., представляют собой перечень, по видимому, налоговых поступлений от отдельных лиц, осуществляемых мукой, вином и скотом в определенных объемах, вероятно, в царскую «казну».

Такого же рода документы обнаружены в одном из помещений здания, принадлежавшего большой семье, на городище Кампыртепа, в слое первой половины II в. н.э., но они сохранились очень плохо.

Важный материал для исследования нашей проблемы может дать клад золотых предметов из Дальверзинтепа, зарытый, по видимому, в начале III в. н.э., хотя некоторые предметы в нем (украшения), несомненно, более ранние. В составе клада помимо других предметов имеется 21 золотой литой брусок двух групп: 1- размером 85x24-25x20 мм, весом от 876,2 до 877,8 г; 2- размером 68x16-17 мм, весом от 358,1 до 449,7 г. Десять из них содержат надписи кхароштки, в которых, согласно чтению М.Воробьевой-Десятовской, приводится вес каждого из брусков в статерах, драмах и дхане, а также даны имена собственные, возможно, должность и слово «шрамана», обозначающее буддийского монаха. Приведем перевод трех наиболее наглядных примеров:

1. 51 статер, 1 драхма, 2 дхане. Митрой дано.
2. 25 статеров, половина драхмы. Начальника. Дано Митрой.
3. 50 статеров. Кальяны. Шраманы (дали).

По поводу интерпретации содержания надписей и назначения самих брусков высказано несколько предположений. Согласно мнению М. Воробьевой-Десятовской, имя Митра, учитывая специфический характер дальверзинских надписей, имел один из чиновников кушанского казначейства. В то же время Е. Зеймаль предположил, что употребленная в надписи формула «Mitrena dite» имела сакральное значение, что правильность написанного подтверждается именем бога Митры, что связана она с главной функцией этого божества - гаранта договора и обязательства. Однако М. Воробьева-Десятовская отвергает данное предположение. Касаясь употребления в надписях на четырех брусках слова «шрамана», она предполагает, что дальверзинские бруски были частью собственности буддийской общины этого города и могли предназначаться для покрытия расходов, связанных с сооружением буддийских ступ, а также для изготовления золотых статуэток Будды и украшений храмовой скульптуры, что предусмотрено правилами «Винди».

Г. Пугаченкова рассматривала дальверзинский клад в качестве военной добычи, захваченной в Северо-Западной Индии владельцем обширного дома - ДТ-5, принадлежавшим, по ее мнению, к кушано-бактрийской военной знати.

Возможно, однако, и другое предположение, представляющее более реальным. Эти бруски, как с надписями, так и без них, являлись налоговыми поступлениями, осуществляемыми золотыми брусками определенного веса, в данном случае двух весовых групп: первой - 358,1 - 449,7 г, второй - 876,2 - 877,8 г. Подобного рода налог, как мы уже отмечали, существовал в Средней Азии с середины I тыс. до н.э., причем поступал он в казну ахеменидского царя. Отсюда в формулах надписей на брусках «Митрой даны, даны Митрой, шраманы (дали)» следует усматривать определенных лиц, вносящих налоговые уплаты: в первом и втором случаях богатый землевладелец или купец Митра, в третьем - представители богатой буддийской общины города (Дальверзинтепа), владевшей в нем двумя храмами.

Надписи проставлялись пуансоном специальным налоговым чиновником, ведающим учетом поступающего налога, подобным мадубару - счетоводу в парфянском Михридаткерте или учетчику налоговых поступлений в греко-бактрийском Ай-Ханум.

В Ай-Ханум денежные поступления хранились в особых сосудах в сокровищнице дворца правителя города, откуда затем передавались в царскую казну. Не исключено, что и объект ЛГ-5 на

Дальверзинтепа являлся дворцовым зданием сатрапа Чаганиана, куда доставлялись налоговые сборы со всей области для последующей их передачи в царскую казну. На возможность трактовки этого здания не как дома представителя знати, а дворца указали уже Г.Пугаченкова и В.Массон.

На Дальверзинтепа найден еще один важный документ - острак с пехлевийской надписью, датирующейся серединой III - серединой IV в. н.э. Согласно В.Лившицу и А.Никитину, надпись переводится как «Год 12. Навбун (?) пусть заплатит денаров 100 (?)....» Исследователи считают, что речь здесь идет о выплате весьма крупной суммы в 100 и даже 1000 (допустимо такое чтение) золотых монет, связанной с денежными операциями, которые вели персидские купцы, прибывшие из Ирана на Дальверзинтепа. Это лишь черновик документа, так как финансовые документы в окончательном варианте писались на коже. Однако и в данном случае этот острак мог быть налоговым документом - напоминанием о необходимости выплаты задолженности некоему лицу (Навбуну?), или памятная запись учета налогов, которую вел специальный чиновник.

Дальверзинтепа, как и вся Северная Бактрия, по-видимому, в середине III в. н.э. было завоевано Сасанидами, и в присутствии здесь сасанидской администрации, а не только приезжих из Ирана купцов нет ничего странного.

Приведенные факты пока еще немногочисленны, но они отражают существование в древней Средней Азии установившейся фискальной системы, получившей свое дальнейшее развитие в раннее и развитое средневековье.

Деньги

Научными исследованиями установлено два основных центра происхождения металлических денег:

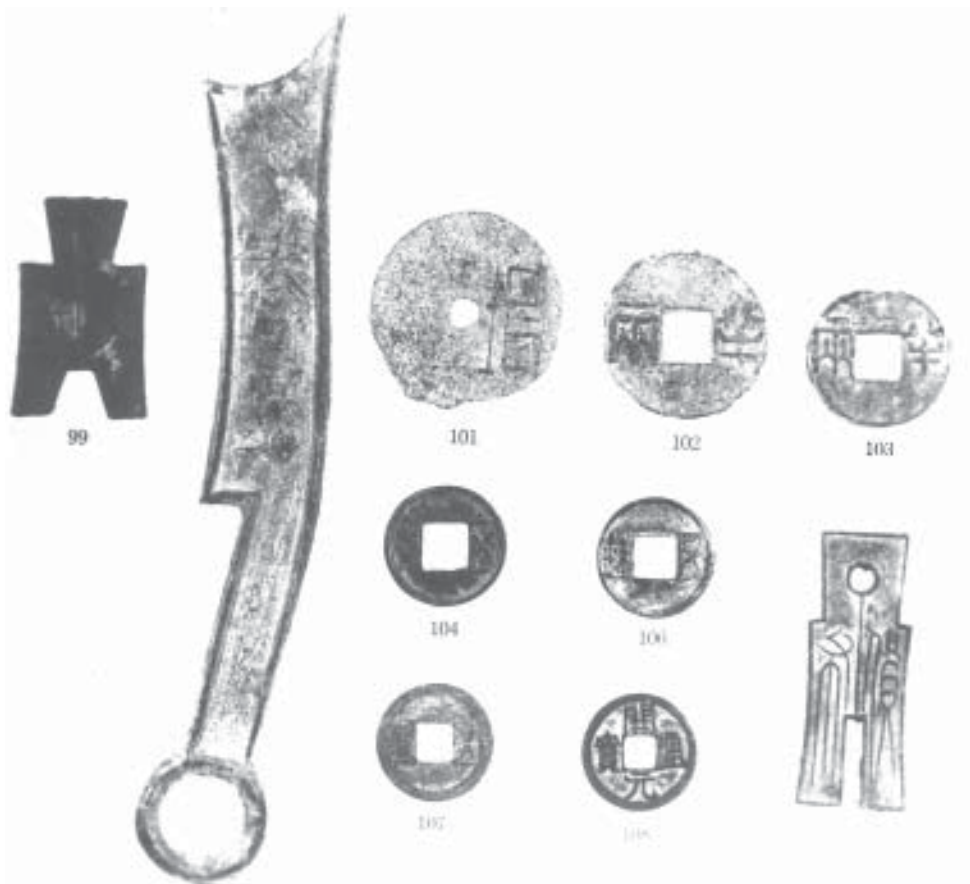
1. Греко-лидийский, объединяющий греческие города Ионийского побережья Малой Азии, находившегося в ту пору под властью лидийских царей, и остров Эгина, причем наиболее ранней - VII в. до н.э. и даже VIII в. до н.э. - среди четырех монетных систем (милетской, эвбейской, коринфской, фокейской) признавалась милетская монетная система. Согласно последним данным, чеканка лидийских монет возникла не ранее 640-630 гг. до н.э.; наиболее древние из сохранившихся монет чеканены около 615 г. до н.э.

Первые монеты чеканились из электра (естественного сплава серебра и золота). На лицевую поверхность монет наносились клейма с изображением головы льва и быка, удостоверяющие их полновесность и доброкачественность металла, что впервые позволило осуществлять торговые операции без взве-

шивания металла.

2. Китайский. Здесь своеобразные монеты-ножи и монеты-пикеты появляются впервые в небольшом царстве Шу, на северо-востоке Китая, в VII или начале VI в. до н.э. В это же время изредка выпускаются и монеты круглой формы с отверстием посередине, позднее, с эпохи ранней Хань, возникает традиционный тип китайских монет с квадратным отверстием и иероглифами по обеим сторонам. Все ранние китайские монеты - бронзовые, отлитые в металлических формах из камня и глины. Золотые и серебряные монеты на ранних стадиях развития китайской монетной системы, впрочем как и позднее, не выпускались.

К числу самостоятельных центров происхождения металлических денег относят также древнеперсидские и древнеиндийские монетные системы, однако и та и другая возникли, вероятно, под влиянием греческих центров.

Китайские монеты

В ахеменидском Иране чеканка золотой (дарик) и серебряной (сикль) монет возникла при Дарии I, как полагают, в 518 г. до н.э., вскоре после завоевания Малой Азии персами. Существует, однако мнение, что монеты выпускались в Иране еще до Дария I, причем наиболее ранними из них были серебряные сикли.

В Индии чеканка так называемых «клейменных монет» из серебра с разнообразными сплавами, украшавшими лицевую сторону, возникает под ахеменидским или греческим влиянием в V в. до н.э. Чеканка этих монет, называвшихся каршпаны, появляется вначале в Гандхаре на северо-западе Индии, а затем распространяется в глубь Индийского полуострова. Несколько позднее здесь вырабатывается самостоятельный монетный тип, в частности четырехугольные монеты из серебра и бронзы.

Весьма рано, в V-IV вв. до н.э., возникает чеканка монет в финикийских городах Восточного Средиземноморья. Вместе с тем именно греко-лидийская и китайская монетные системы оказали решающее влияние на возникновение и последующее развитие монетного дела на различных территориях Евразии: китайская - на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, а в VII-VIII вв. н.э. - в Средней Азии; греко-лидийская - в странах Средиземноморья, на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе, особенно в первых веках до н.э. - первых веках н.э., - в Средней Азии.

Возникновение денег, этого «товара товаров», - закономерный результат социально-экономического развития передовых цивилизаций древности. Длительный и сложный процесс товарообмена и развития розничной и международной торговли во II-начале I тыс. до н.э., пройдя через стадии обращения товаров-денег и металлических слитков определенных весовых стандартов, привел в конечном итоге к появлению металлических денег.

Ранние монеты отличались от металлических слитков тем, что они имели на одной или двух сторонах удостоверяющие их полновесность клейма-изображения. Первоначально эти клейма-изображения представляли собой сочетания различных геометрических фигур, изображения животных, птиц и рыб: льва, черепахи, тюленя, совы, тунца. Аналогичного характера клейма, но с преобладанием местных особенностей, в частности астральных символов, имелись на древнеиндийских монетах - каршапанах. Лишь спустя некоторое время на монетах появляются надписи, изображения божеств, а в середине IV в. до н.э., при Александре Македонском, - портретные изображения царей.

В Лидии первые монеты чеканились из электра, а затем из серебра. Только при царе Крезе (561-546 до н.э.) распространилась монетная система, основанная на биметаллизме (одновре-

менном употреблении золота и серебра), получившая затем широкое распространение в Древней Персии.

Уже в древнейших монетных системах - милетской, фокейской, эгинской, эвбейской - существуют различные номиналы монет, битые по-своему для каждого весового стандарта. Приведение их к единой норме осуществляется в эпоху возвышения Македонии и создания государства Александра Македонского, когда в основу серебряных монет была положена так называемая аттическая система с тетрадрахмой весом 17,44 г, драхмой весом 4,36 г, оболон 1,6 г. С тех пор и на протяжении нескольких столетий аттическая система, с некоторым изменением веса основных номиналов монет, господствует во всех странах, попавших под влияние эллинистического мира, в том числе и в южных районах Средней Азии.

Средняя Азия не входила в число областей первоначального зарождения металлических денег, основной причиной чему являлся недостаточно высокий уровень социально-экономического развития. На протяжении многих веков до появления монет здесь употреблялись различные формы меновой торговли и, возможно, слиткового обращения, хотя конкретных объектов последнего на данной территории пока не найдено.

Проблема возникновения собственной монетной чеканки в Средней Азии до недавнего времени обсуждалась лишь в хронологическом и территориальном аспектах: где и когда впервые монета стала использоваться здесь в качестве средства обращения. Характер и особенности ранних этапов ее становления теоретически и конкретно на основе обширного нумизматического материала обоснованы в ряде исследований Е. В. Зеймаля, изданных в последние годы.

По его мнению, возникновение денежного обращения и появление самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье происходило по следующей модели: первоначально сюда в качестве сокровища поступают иноземные монеты, затем по образцу иноземной монеты, наиболее «привычной» для той или иной области, стали чеканиться местные подражания ей, являющиеся не только начальной формой монетной чеканки, но и начальной формой денежного обращения в областях и странах, соседствующих с государствами, уже обладавшими развитым денежным обращением. Заключительная фаза этого процесса - выпуск самостоятельных монетных эмиссий в некоторых областях Среднеазиатского Двуречья. Однако, если даже согласиться с данным предположением, остается все же неясным вопрос о том, являлись ли селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты

иноземными по отношению к Согду и Северной Бактрии, или же они обращались здесь в силу того, что обе эти области входили в состав эллинистических государств. Вопрос этот упирается в политическую историю Среднеазиатского Двуречья в III-II вв. до н.э., которая, в свою очередь, базируется на скудных сведениях письменных источников и тех же нумизматических данных.

Сомнительно, что селевкидские и греко-бактрийские монеты всегда выполняли здесь функции сокровищ, а не средств обращения, тем более что среди находок часто встречаются медные халки, очень редко выходявшие за пределы того государства, где они чеканились. Возможно, что привозными для территории Средней Азии являлись ахеменидские дарики и сикли (вероятно, найденные здесь, хотя обстоятельства их находок неясны) или монеты VI-V вв. до н.э.: статеры ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин, монеты царей Македонии из Амударьинского клада.

В последние годы где-то в Южном Туркменистане найден клад серебряных ахеменидских сиклей. Тем не менее ахеменидские монеты, являющиеся, вероятно, определенным вкраплением в мир натурального обмена, не оставили никакого следа в последующей истории монетного дела Средней Азии, они не стали основой для возникновения здесь впоследствии монетной чеканки, в то время как селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты на несколько веков определили процесс становления и развития денежного обращения и монетной чеканки в Средней Азии. Они явились тем базисом, на котором возникают здесь вначале подражательные эмиссии, а затем и свои монеты.

Очевидно также, что модель, предложенная Е. В. Зеймалем (это показывает анализ нумизматических данных), не была универсальной; в различных историко-культурных областях Среднеазиатского Двуречья становление самостоятельной монетной чеканки происходило иным путем, что уже показано нами.

К настоящему времени накоплен огромный монетный материал, обеспечивающий возможность впервые дать достаточно подробную и содержательную **периодизацию** развития денежного обращения в Среднеазиатском Двуречье (разумеется, не ограничиваясь только его географическими рамками) вплоть до III-IV вв. н.э. К сожалению, почти полное отсутствие сведений письменных источников и эпиграфических данных не позволяет конкретизировать многие вопросы денежного обращения, связанные с курсом, финансовой политикой и т.д.

Первый период (вторая половина II тыс. до н.э. - первая половина I тыс. до н.э.). Натуральный обмен и меновая торговля. Ис-

пользование в качестве денежного средства товаров-денег и, возможно, металлических слитков. Конкретные объекты их пока не выявлены, но, судя по аналогии с другими странами, это могло быть зерно, скот, различные ремесленные товары, раковины и т.д. Обращает на себя внимание наличие на памятниках первой половины I тыс. до н.э. керамических круглых предметов, похожих по форме на монеты. Некоторые исследователи считают их фишками для игры, но не исключено, что они могли использоваться в качестве эквивалента монет или выполнять роль счетных единиц.

Второй период (V-конец IV в. до н.э.). Знакомство населения юга Средней Азии с монетой. Обращение металлических слитков и первых ахеменидских монет. Появление местных надчеканов на ахеменидских монетах.

Сведения о находках монет указанного периода имеются, но во всех известных случаях они предположительны: пока нет ни одной монеты этого времени, найденной при археологических раскопках. По некоторым данным, ахеменидские дарики были якобы найдены на городище Афрасиаб, в Старом Термезе и в Керки.

В последние годы где-то в Южном Туркменистане, по одним данным, или в Хорезме, по другим, был найден клад серебряных ахеменидских сиклей с изображением лучника в тиаре на лицевой стороне и различного рода надчеканами. Две монеты из этого клада опубликованы Д. В. Бирюковым, который пришел к выводу о возможности постановки вопроса о вхождении юга Средней Азии в сферу денежного обращения империи Ахеменидов. Вместе с тем наличие на этих монетах надчеканов позволяет говорить о них как о первой начальной форме обращения среднеазиатских металлических денег. Ахеменидские дарики и сикли, как считают, входили в состав Амударьинского клада, но обстоятельства, связанные как с его находкой, так и с последующим пополнением его состава, сомнительны.

В состав этого клада входили и другие монеты VI-V вв. до н.э.: тетрадрахмы и драхмы греческих городов и ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин и монеты царей Македонии. Однако даже если эти монеты происходят из Амударьинского клада, то они, скорее всего, использовались как сокровище, а не как средство обращения.

Вероятно, существовало здесь и слитковое обращение. Известно, что области Средней Азии, разделенные на три сатрапии, выплачивали в казну ахеменидских царей налог серебром, выраженный в весовой единице - таланте, равном 25,92 кг. Так, к примеру, Бактрия выплачивала 360 талантов, что составляло около 9

тонн (Геродот: III, 117).

Не исключено, что это была не просто аморфная масса серебра, а весовые слитки, по всей вероятности клейменные. Таким образом, в ахеменидское время (середина VI-конец IV в. до н.э.) в наиболее развитых областях Средней Азии уже существовали начальные формы денежного обращения: слитковое и монетное, в виде золотой и серебряной монеты, но еще в недостаточно развитом виде.

Нельзя упустить из виду и еще одно обстоятельство, связанное со знакомством среднеазиатских народов с монетой и указывающее на возможный путь ее раннего проникновения в Среднюю Азию. Имеется в виду хорошо известный факт службы в армии и проживания бактрийцев, согдийцев и хорезмийцев в различных частях Ахеменидского Ирана, Греции и Египта. Они могли сами привозить ахеменидские монеты или передавать их на родину в Среднюю Азию посредством соответствующих банкирских домов (как дом Мурашу в Вавилонии).

Вместе с тем исключительно редкие реальные находки монет этого времени в Средней Азии позволяют охарактеризовать его как период первоначального знакомства населения этого региона с монетой и возможного использования ее, в особенности надчеканенных сиклей, в определенных торговых операциях; при этом активную роль в торговле составлял натуральный обмен, а в выплате налогов - слитки драгоценных и полудрагоценных металлов определенных весовых стандартов.

Третий период (конец IV-середина II в. до н.э.). В целом характеризуется вхождением ряда областей Средней Азии (Бактрии, Согды, Парфии) в эллинистическую систему монетного дела; становлением и развитием здесь настоящих товарно-денежных отношений; проникновением денежных отношений в сферу мелкой рыночной торговли, что определяется находками медных (бронзовых) монет на многих городищах; разнофункциональным использованием монет в качестве денег, сокровища и т.д.; возникновением чеканки монет в Бактрии при Селевке I, а в греко-бактрийское время, возможно в Согде, - и возникновением первых монет, чеканенных от имени местного правителя (монеты Вахшувара конца IV в. до н.э. в Бактрии), и первых местных подражаний селевкидским монетам Антиоха I (в Согде в начале III в. до н.э.) и подражаний монетам Александра Македонского.

Весь этот период можно разделить на два этапа: 1) конец IV-середина III в. до н.э.; 2) середина-начало второй половины III в. до н.э. Для первого этапа характерно становление денежного обращения, что подтверждается находками (правда, редкими) монет Александра Македонского (336-323 до н.э.), Селевка I (311-281 до

н.э.) и Антиоха I (281-261 до н.э.) в Северной Бактрии и Согде.

Так, драхмы Александра Македонского или Селевка I (ранние выпуски этих монет не отличаются друг от друга) найдены в районе к. Дарбанд, около Старого Термеза (Северная Бактрия) и на городище Куня-Фазли (Южный Согд). Редкий тип драхм Селевка I обнаружен на городище Шахри-Мунк (Северная Бактрия). Дихалк Селевка I происходит с Афрасиаба. Большое число монет (47 экз. тетрадрахм и драхм Селевка I) имелось в составе Амударьинского клада.

Расширение ареала товарно-денежных отношений и более интенсивное развитие их в Северной Бактрии и Согде происходит при Антиохе I. Монеты этого царя найдены в Тахти-Сангине - шесть халков (вес от 0,72 до 3,12 г), Старом Термезе - три драхмы и один халк, Кампыртепа - два халка, в районе Денау - один халк (Северная Бактрия), в Самарканде - халки, Кургантепа - обол (Согд).

Преобладание среди этих находок халков указывает на достаточно развитое денежное хозяйство и, в частности, существование мелкой розничной торговли. Следует отметить также, что селевкидские монеты от Селевка I до Антиоха II найдены и на территории, непосредственно прилегающей к Среднеазиатскому Двуречью в Ай-Ханум - 67 экз., среди них монет Антиоха I - 62 экз., Селевка I - 1 экз., совместного чекана Селевка I и Антиоха I - 3 экз., Антиоха II (261-246 до н.э.) - 1 экз.

Важнейшим событием этого периода явилось возникновение собственно бактрийского монетного чекана Селевкидов при Селевке I и Антиохе I. При Селевке I в Бактрах чеканили серебряные монеты крупного достоинства (тетрадрахмы, драхмы, хемидрахмы) с изображением на лицевой стороне головы Зевса, а на реверсе - Афины на колеснице, запряженной двумя слонами или четырьмя лошадьми, битые по аттическому весовому стандарту (вес драхмы - 4,27 г).

Исключение составляет одна серия с именем Селевка и Антиоха, битая в соответствии с древнеиндийским весовым стандартом каршапана, равным в практическом исполнении 3 г. При Антиохе I бактрийский чекан стал еще более разнообразным: выпускались золотые статеры и серебряные тетрадрахмы и драхмы, также битые по аттическому стандарту с изображением на лицевой стороне бюста Антиоха, а на оборотной стороне - головы рогатой лошади. Выпускались, вероятно, и медные халки, связанные с розничной торговлей.

Не исключено, что драхмы Антиоха I чеканились и в Согде, что, в частности, подтверждается эмиссией здесь в конце III-II в. до н.э. согдийских подражаний драхам Антиоха I с головой рогатой ло-

шади.

В этот период был осуществлен также выпуск первых монет, чеканенных от имени местного бактрийского правителя, а не от имени греческого царя Бактрии. Это монеты правителя Вахшувара, что явствует из арамейской легенды, помещенной на лицевой стороне: известны золотые статеры (бюст мужчины в киртаски / мужчина на квадриге вправо) и двойные статеры (голова Александра в слоновом шлеме / стоящая Ника влево).

В определении места и времени выпуска монет Вахшувара нет единого мнения, хотя Е. В. Зеймаль и И. М. Дьяконов относят их (наряду с монетами Андрагора) к раннепарфянскому (аршакидскому) чекану середины III в. до н.э. Вместе с тем И. Р. Пичикян настаивает на бактрийском происхождении монет Вахшувара-Оксиарта, тестя Александра Македонского и отца Роксаны, который после смерти Александра был, по данным Арриана, сатрапом Парапамисад. Однако не исключено, что, помимо Парапамисад, в состав контролируемой им территории входила и коренная область его владений - Северная Бактрия. В этой же области, в Байсунских горах, но к северо-западу от г. Денау, расположен кишлак Вахшувар, название которого полностью совпадает с именем Вахшувар на вышеописанных монетах, находки которых концентрируются в приамударьинской зоне (Тахти-Сангин - 27 экз., Старый Термез - более 30 экз., Кампыртепа - 15 экз.). Второй район компактных находок этих монет (15 экз.) - долины Сурхандарьи и Кашкадарьи (Дальверзинтепа, Денау, Регар, Хаитабадтепа, Шахринау). Отдельные находки монет имеются и на других городищах и поселениях:

Согд. В общей сложности здесь зафиксировано более 10 отдельных находок монет, а также два монетных клада.

Кеш и Нахшеб. Найдено три обола Антимаха в Шахрисабзе и халк Диодота на Сангиртепа, а также клад, включающий оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратиды.

Самаркандский Согд. Зафиксировано около 10 монет, в том числе драхмы Евтидема, тетрадрахмы Деметрия и Антимаха, Гелиокла и оболы Евкратиды, найденные на Афрасиабе, в окрестностях Самарканда и в Пенджикенте.

Бухара. В восточной части Бухары на Тахмачтепа найден клад, состоящий из 56 тетрадрахм Диодота, Евтидема (около 50 экз.) и Агафокла. Кроме того, в окрестностях Бухары (Ходжа, Обон) найдены тетрадрахмы Деметрия и Евтидема.

Хорезм. Доказательств существования в этой области денежного обращения для данного периода пока не имеется. Известны лишь три находки греко-бактрийских монет, которые попадали сюда, вероятно, в качестве иноземных, т. к. Хорезм не входил в

состав Греко-Бактрийского царства. Это тетрадрахма Евкратида из Джанбас-калы, тетрадрахма Евтидема из Хивы и халк из Якке-Парана.

В других областях Среднеазиатского Двуречья находки греко-бактрийских монет пока отсутствуют. Таким образом, только в двух наиболее развитых областях этого региона - Северной Бактрии и Согде, находившихся под юрисдикцией греко-бактрийских царей, существовали денежные отношения, причем в Согде (вероятно, кроме таких крупных городов, как Мараканда, Ер-Курган, Бухара) в отдельных районах господствовал натуральный обмен.

Четвертый период (вторая половина II в. до н.э.-начало I в. н.э.). После падения Греко-Бактрийского царства в начале II в. до н.э. под давлением саков и юечжей политическая ситуация в Среднеазиатском Двуречье полностью меняется. В Бактрии возникает конфедеративное юечжийское государство, Согд остается под номинальной властью также конфедеративного государства Кангюй, состоявшего из нескольких достаточно самостоятельных владений, управляемых юечжийскими династиями, тогда как в Хорезме, по-видимому, сохраняется древняя династия.

Важнейшей особенностью этого периода является повсеместное распространение почти во всех областях Среднеазиатского Двуречья, за исключением Ферганы и Чача, чеканки подражаний греко-бактрийским монетам. В начальной фазе эти подражания почти полностью воспроизводят свой прототип - греко-бактрийские монеты, затем происходит искажение греческих легенд и появление новых божественных символов, на заключительной фазе возникают подражания переходного типа со смешанной греческой и собственно арамейской легендой и изображениями местных правителей.

Эту стадию Э.В.Зеймаль справедливо оценивал как начальную в становлении самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье. Причем в каждой области этого региона чеканились особые, свойственные только ей изображения. Так, в Северной Бактрии выпускались юечжийские подражания монетам трех греко-бактрийских царей - Деметрия, Евтидима и Гелиокла.

Наиболее широкий ареал, разнообразие типов и интенсивность чеканки имели бронзовые подражания монетам Гелиокла нескольких весовых стандартов 23-26, 10-16, 3-5 г и двух групп. Первая группа - копия монет Гелиокла с незначительными изменениями, вторая группа - с изображением местного правителя и лошади.

На юго-востоке северной Бактрии обращались серебряные

подражания оболам Евкратида, весом 0,3-0,6г (т.е. по существу хемиоболы), на которых на определенной фазе развития появляется «портрет» местного правителя. Определенное место в денежном хозяйстве этой области занимали мелкие бронзовые и серебряные подражания монетам Деметрия.

Юечжийские правители Северной Бактрии не чеканили серебряные монеты крупных номиналов, но их недостаток восполнялся греко-бактрийским серебром, по-прежнему, как это показал Е.В.Зеймаль, находившимся в обращении, по-видимому, вплоть до начала I в. до н.э.

Еще более пестрым был состав монетной массы, обращавшейся в различных областях Согда в этот период. Так, в области Самарканда широкое распространение имели мелкие подражания монетам Антиоха I, весом от 0,3-3,2 г (оболы, хемидрахмы и драхмы), чеканившиеся, вероятно, с конца III в. до н.э. и вплоть до I в. до н.э. Эти подражания Дж.Лернер относил к согдийскому чекану Евтидема в ту пору, когда он еще не узурпировал греко-бактрийский престол. Судя по их находкам на городище Ер-курбан, они, наряду с подражаниями монетам Деметрия, имели хождение и в западной части Южного Согда. В районе Бухары в этот же период осуществляется эмиссия крупных серебряных подражаний тетрадрахмам Евтидема весом 13-16г.

Между Бухарским и самаркандским Согдом, по-видимому во второй половине II в. до н.э. начали чеканиться мелкие серебряные монеты весом 2-3г, принадлежавшие юечжийской династии Гиркода или Уркода, с изображением головы правителя на лицевой стороне и стоящей фигурой божества на оборотной стороне, сопровождаемой греческой легендой ΜΑΚΑΡΟΥ ΟΡΤΑΔΡΟΥ. В этот же период в Хорезме впервые возникает чеканка собственной монеты - крупных серебряных подражаний тетрадрахмам Евкратида весом 13-16 г.

Каждая из охарактеризованных групп монет имела узколокальный круг обращения и ходила, судя по топографии их находок, в пределах области, в которой они выпускались.

Таким образом, происходит сложение локальных денежных рынков, в которых потребности в монете обеспечиваются за счет собственного чекана. Даже в пределах одной крупной области, например Согда, складывается по крайней мере четыре таких локальных рынка.

Различны были и монетные системы в различных областях Среднеазиатского Двуречья. В Северной Бактрии чеканились и обращались монеты различных номиналов из серебра и бронзы. В Согде и Хорезме обращались только серебряные монеты, при-

чем в Хорезме только крупного номинала, тогда как в Согде как мелкого, так и крупного номиналов. Роль «тетрадрахм» здесь, вероятно, исполняли подражания монетам Евтидема, которые, судя по топографии находок, обращались на территории всей области Согда.

Очевидно, что денежная система в Согде и Хорезме уже отходит от основанной на драхме аттической системы, сохранившейся несмотря на смену формы правления в Бактрии. Основными денежными единицами в Согде становятся «обол» и «тетрадрахма», в Хорезме - «тетрадрахма». Недостаток разменной монеты в Согде, по-видимому, восполнялся многочисленными эмиссиями мелкой серебряной монеты - «оболов» и кратных от него, тогда как в Хорезме в ряде видов торговли по-прежнему, вероятно, господствовал натуральный обмен.

Изменяются и весовые стандарты монет, отходящих от аттических норм; так, вес подражаний тетрадрахмам Евтидема и Евкратиды лежит в пределах 13-16 г, при весе аттической тетрадрахмы 17,36 г.

Пятый период (I-первая половина III в. н.э.). Денежное хозяйство этого периода в различных частях Среднеазиатского Двуречья кардинально меняется в связи с новой политической ситуацией. Происходит, в частности, дальнейший отход от эллинистических традиций монетного дела как в весовых стандартах и металлах монет, так и в иконографии и символике, на смену которым приходят местные азиатские нормы и традиции. Южная часть Среднеазиатского Двуречья со времени правления Вимы I Ток(то), сына Куджулы Кадфиза, по-видимому, со второй половины I в. н.э. входит в состав владений могущественного кушанского царя.

На протяжении всего периода от Вимы I Ток(то) до Канишки II включительно денежное хозяйство этой области, состав монетной массы следовали государственной монетной политике кушанских царей.

Политическая стабильность, способствовавшая стремительному росту городов и селений, расцвету ремесел, сельского хозяйства, торговли, определила интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Так, к примеру, на территории Северной Бактрии зафиксировано, по нашим подсчетам, несколько тысяч кушанских монет отдельными находками и в кладах. Причем количество содержащихся в некоторых кладах монет исчисляется многими сотнями экземпляров, что говорит о скоплении значительных денежных средств у отдельных лиц. Товарно-денежные отношения интенсивно развиваются и в сельских поселениях, а также проникают в глубинные горные районы. Видимо, в этот

период натуральный обмен если и сохраняется, то в значительной мере утрачивает свое былое значение.

В денежном обращении этого периода в Северной Бактрии можно выделить три этапа. На первом этапе при Виме I Ток(то) (Сотер Мегас) в обращении находились бронзовые монеты двух различных номиналов - крупные весом 8-9 г и мелкие весом 2-3 г. Они в весьма большом количестве найдены фактически на всех кушанских городищах Северной Бактрии.

Весовые стандарты монет Вимы I отличаются от весовых стандартов монет его предшественника Куджулы Кадфиза, так же как и иконография и символика. Это, вероятно, говорит о возможной, небольшой по сути своей, денежной реформе, проводившейся Вимой I в пору его правления. О каких-либо золотых и серебряных монетах, чеканенных этим правителем, неизвестно, и остается неясным, монеты каких достоинств применялись для расчета при крупных торговых операциях: не исключено, что при подобных сделках применялось греко-бактрийское серебро, а также монеты Кушана («Герая»), чьи тетрадрахмы и оболы известны уже в достаточно большом количестве.

Второй этап пятого периода связан с проведенной преемником Вимы I Ток(то) Кадфизом II кардинальной денежной реформой, основанной на использовании серебра и меди и полностью изменившей монетную систему Бактрии, бытовавшую здесь с эллинистического времени. Новая монетная система, введенная Вимой Кадфизом II, по-видимому под римским влиянием, была основана на золоте и бронзе. Основной денежной единицей стала золотая монета, условно названная «статером», вес ее - 8,3 г - почти точно совпадал с весом римского ауреуса 7,6-8,1 г, но был меньше, чем вес аттического статера, - около или немногим более 8,6 г. В денежное обращение были введены также двойной статер весом 16,07 г и четверть статер весом 2,01 г.

Название «статер» для этих монет было введено в науке условно, однако, как показали материалы Дальверзинского клада, оно бытовало действительно. В кладе находились десять золотых брусков с надписями кхароштки, содержащими обозначения весовых стандартов - статер, драхма, дхане. Сравнение веса брусков и количественного обозначения статеров в надписях показало, что вес последних колеблется от 17,08 г до 18,04 г при вычисленном среднем весе 17,08 г. По этой причине Г. А. Пугаченкова полагает, что, несмотря на употребление в надписях слова «статер», речь на самом деле идет о двойном статере, потому как вес статера 8,03 г. Однако не исключено, что в них передан истинный вес обычного

статера, так как в противном случае в надписях было бы обозначено именно два статера по отношению к драхам и дхане - местной весовой единице. Согласно содержанию надписей, один статер был приравнен к четырем драхам, средним весом 4,4 г, а одна драхма - к 5 или 6 дханам средним весом 0,77 г.

Употребление в надписях названий статера и драхмы показывает, что в кушанское время по-прежнему бытовали греческие обозначения основных весовых единиц, принятых здесь в эллинистическое время. Они, вероятно, применялись и для обозначения стоимостных единиц, как, к примеру, в Нии и Крорайне, согласно найденным здесь хозяйственным документам на пракрите.

Изменились иконография и весовые стандарты бронзовых монет. В обращение были введены крупные халки весом 16-17 г, в большом количестве найденные на многих городищах Северной Бактрии.

Третий этап приходится на время правления Васудевы II и Канишки III, последних кушанских царей, которым принадлежала Северная Бактрия. Сопоставление метрологических данных монет показывает, что они заметно изменяются к позднекушанскому времени, уменьшаясь в диаметре и весе. Уже при Хувишке бронзовые монеты постепенно падают в весе, а при Васудеве I и Канишке III происходит дальнейшая редукция основного бронзового номинала.

В правление Васудевы I чеканят бронзовые монеты, по-видимому, двух номиналов: 6-8 г и 9-11 г, тогда как при Канишке III - одного: 6-8 г. Соответственно, видимо, изменяется и соотношение бронзовой и золотой монет, как и состав металла бронзовых монет, которые, в отличие от монет ранних кушанских правителей, чеканятся из двух- или трехкомпонентных бронз.

Приведенные данные позволяют предположить, что в позднекушанское время также была проведена денежная реформа, затронувшая, в первую очередь, область бронзовых номиналов: главной ее особенностью была замена громоздкой тяжеловесной монеты на более удобную в обращении на внутреннем рынке монету пониженного веса и уменьшенного диаметра. Имеющиеся данные (количественное соотношение находок монет) показывают, что в позднекушанское время объем товарно-денежных отношений сохраняется на высоком уровне как в городах, так и в селениях Северной Бактрии.

Аналогичную картину дает и анализ монетных кладов. Клады первого этапа содержат только монеты Сотера Мегаса и никаких других предшествующего времени, в частности, монет «Вар-

варского Гелиокла». Зарыли их, судя по всему, в начальный период раннекушанского времени.

Ко второму этапу относятся семь кладов: шесть из них содержат монеты Кадфиза II и Канишки I, и только в одном (клад из храма Окса) имеются монеты Сотера Мегаса. Фактически это означает, что монеты предшествующего времени в период правления Кадфиза II - Канишки I уже не играли видной роли или вообще выпадали из денежного обращения.

Ту же тенденцию полной смены старых монет новыми показывают клады третьего - позднекушанского этапа. К этому времени относятся пять кладов, в четырех из которых содержатся только монеты Васудевы и Канишки III и в одном - монеты Хувишки (клад из Кызыл-Кетмана). Время Хувишки, как представляется из анализа состава кладов, по-видимому, можно охарактеризовать как переходный этап от развитого к позднекушанскому этапу в денежном обращении, поскольку незначительная доля этих монет содержится в кладах как предшествующего, так и последующего этапов (клад монет Хувишки и Канишки из храма Окса и клад из Кызыл-Кетмана). Ни одной монеты раннекушанских правителей Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки I в составе кладов позднекушанских царей не имеется. Поскольку все клады, как это видно из их состава, являются результатом кратковременного накопления, то они отражают непосредственную картину денежного обращения на том или ином этапе. Отсюда напрашивается вывод, что замена старой монеты на новую в кушанской Бактрии происходила намного быстрее, чем предполагалось ранее, и что период циркуляции старых монет был ограничен во времени. Иными словами, есть основания говорить о вероятности изъятия старых монет из обращения и постепенной замене их новыми.

В Согде характер номинала монет и состав металла в этот период сохраняются («тетрадрахмы» и «оболы»), но появляются новые чеканы и монетные центры. Так, в Южном Согде чеканятся мелкие серебряные монеты весом 0,4-0,9 г (хемиоболы) с изображением Геракла и Зевса, но с согдийской, еще недостаточно понятной легендой из двух слов, в которой хорошо читается только слово MR'Y - «правитель». Эти монеты обращались на территории всей области, по-видимому, с середины I в. до н.э. и вплоть до IV в. н.э., когда их сменили бронзовые монеты со сценой единоборства. Если раньше были известны только единичные экземпляры (всего их было зарегистрировано более 20 экз.), то сейчас зафиксирована и находка клада этих монет в Тилимарине.

В Центральном Согде, в разных его частях, обращались следующие группы монет. В Самарканде, Пенджикенте и прилегающих к

ним районах обращались мелкие серебряные монеты с изображением лучника с согдийской легендой, передающей имена различных правителей a'st'm, βywrty, hrgwmh, кудг, tyrak.

В низовьях Заравшана, в Бухарском и частично Самаркандском Согде в обращении по-прежнему находились мелкие серебряные монеты группы Гиркода с изображением правителя на лицевой стороне и протомы лошади на оборотной стороне, с греческой и согдийской легендой. Вес этих монет колеблется в пределах 0,6-3,0 г, что означает, по-видимому, различия в номиналах (хемиоболы и оболы).

В самой Бухаре и прилегающих к ней районах чеканились крупные серебряные монеты «тетрадрахмы» весом 9-11 г, далеко отошедшие от аналогичных прототипов как в весовых стандартах, так и в иконографии: «портрет» Евтидема заменяется на изображение местного правителя, а греческая легенда - на согдийскую.

Таким образом, на протяжении всего этого периода рынки Согда были в полном объеме обеспечены как мелкой серебряной монетой различных номиналов, так и крупной монетой. Причем самые мелкие серебряные монеты весом 0,3-0,6 г заменяли отсутствующие здесь бронзовые монеты и играли роль разменной монеты, тогда как в больших торговых сделках в Согде применялись «тетрадрахмы» - подражания монетам Евтидема.

Причины отсутствия в Согде чеканки бронзовых монет - как в этот, так и в предшествующие периоды - остаются неясными. Увеличивающееся число находок кладов монет, содержащих только «тетрадрахмы» или только мелкие серебряные монеты, свидетельствует о скоплении больших денежных средств у определенного слоя населения Согда.

Состав монетной массы в Согде и Бактрии в этот период был совершенно разным по всем параметрам, что свидетельствует о кардинальных династических и государственных различиях. Бактрия входила в состав Кушанского царства, в Согде в этот же период правили в различных его частях четыре не зависящие друг от друга династии, что и нашло отражение в монетных чеканах (подражания тетрадрахам - монеты Гиркода - монеты с лучником - монеты с Гераклом и Зевсом).

В Хорезме также происходят важные изменения в монетном деле: налицо полный переход от подражательных эмиссий к совершенно самостоятельной монетной чеканке. Наиболее ранний этап становления монетной чеканки Хорезма представлен группой А. На монетах этой группы отчетливо прослеживается введение новых элементов - хорезмийской царской тамги и изображения всадника вместо Диоскуров на оборотной стороне и появление

изображения царя на лицевой стороне. Всего в ней выделены три последовательные стадии, отражающие становление хорезмийского монетного чекана. Наиболее ранней признана монета, впервые опубликованная М. Е. Массоном и отличающаяся от тетрадрахм Евкратиды деталями изображения лица на лицевой стороне и наличием на оборотной стороне хорезмийской царской тамги - А I. Следующую стадию отражают монеты типа А II из Самаркандского музея, образцом для чеканки которых послужили, по мнению Б. И. Вайнберг, монеты типа А I. Наконец, монеты типа А III демонстрируют при сохранении некоторых признаков предшествующих типов принципиально новые изменения: появление на лицевой стороне бюста безбородого царя, позади которого схематизированное изображение богини Ники, венчающей царя, а на оборотной стороне - всадника на едущем вправо коне. Монеты группы А - серебряные, по весовым данным близки к тетрадрахам. Они датируются в пределах второй половины I в. до н.э. - начала I в. н.э.

Не решен, однако, вопрос о месте чеканки монеты первой стадии типа А I. В. М. Массон полагал, что они чеканились в районе Сырдарьи, тогда как С. П. Толстов отстаивал ее хорезмийское происхождение. Б. И. Вайнберг колеблется в определении места ее происхождения: не исключается чеканка этой монеты на юге Среднеазиатского Двуречья, а также чеканка ее в Хорезме после захвата данной области кочевыми племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии. В то же время чеканку монет типов А II и А III она уверенно относит к Хорезму.

Монеты группы Б представлены множеством типов с изображением на лицевой стороне бюста царя, а на оборотной стороне - едущего на коне всадника в сопровождении остатков искаженной греческой легенды и надписи хорезмийским письмом, передающей имя царя и его титул. В этот же период незадолго до времени правления царя Вазамара (тип Б V) возникает медный хорезмийский монетный чекан, а в его правление устанавливается стабильный тип медных монет.

Монеты Б I, которые Б. И. Вайнберг датирует серединой или третьей четвертью I в. н.э., свидетельствуют о новом и принципиально важном этапе монетного дела Хорезма - на них впервые появляется тамга, которая становится традиционной в монетном чекане Хорезма вплоть до конца VIII в., и местная легенда, содержащая имя царя и титул. Монеты Б I демонстрируют уже полный разрыв с эллинистическими традициями, на них полностью исчезает искаженная греческая легенда, присутствующая на всех монетах предшествующих групп.

На протяжении всего этого периода в Хорезме существовали развитые денежные отношения, обеспечивавшие сферы крупной и мелкой рыночной торговли и базировавшиеся на серебре и бронзе. Однако, в отличие от Согда, здесь не выпускались мелкие серебряные монеты.

Таким образом в I в. - первой половине III в. н.э. в Среднеазиатском Двуречье существовали три большие нумизматические провинции, три локальные области денежных отношений, различающиеся весовыми стандартами и металлом монет: 1. Хорезм, где чеканились только крупные серебряные и бронзовые монеты разных номиналов; 2. Согд, в котором выпускались крупные серебряные монеты одного номинала и мелкие серебряные монеты разных номиналов; 3. Северная Бактрия, входившая в сферу кушанской денежной системы, основанной на выпуске только золотых и бронзовых монет.

Можно предварительно говорить о выделении четвертой области - Ферганы, где, по-видимому, роль денег выполняли китайские бронзовые монеты у-шу. Не исключено, что в сферу денежных отношений и начала чеканки собственной монеты в этот период вошел и Чач, однако для этого вывода данных еще недостаточно.

Анализ данных показывает, что все монетные чеканы Среднеазиатского Двуречья имели узколокальную сферу обращения в пределах выпускавших эти монеты областей. Они не проникли как в соседние области и владения, так и за пределы Среднеазиатского Двуречья, обслуживая сферу местных рыночных отношений. Роль международной валюты на трассах Великого шелкового пути, проходящих через этот регион, вероятно, выполняли кушанские, парфянские и римские монеты, находки которых зафиксированы далеко за пределами чеканивших их государств - в Индии, Средней Азии, Восточном Туркестане, Китае.

Характер денежных отношений во второй половине III-IV в. н.э., как бы переходном периоде от эпохи древности к эпохе раннего средневековья, значительно отличается от предыдущего периода и требует самостоятельного рассмотрения.

Крушение великих царств древности - Кушанского и Парфянского повлияло на общую политическую обстановку и подготовило почву для перехода к новой социальной системе. Важнейшими признаками этого времени стали массовое движение кочевых народов - кидаритов, хионитов и эфталитов, возникновение новых, более мелких, владений, смена династий в прежних владениях, политическое господство Сасанидского Ирана в Среднеазиатском Двуречье. Все это привело к изменению состава монетной массы и характера денежных отношений,

к появлению новых центров монетной чеканки, к исчезновению эллинистических традиций как в иконографии, так и в метрологии и эпиграфике.

6. Международные отношения в древних государствах Средней Азии

История становления и развития дипломатии государств и владений Центральной Азии в древности до сих пор в исторической науке недостаточно разработана. Отсутствуют как обобщающие монографии, так и отдельные публикации по этой важнейшей проблеме.

Не касаясь истории ее изучения, отметим тем не менее, что наиболее обстоятельно она рассмотрена Б.А.Литвинским в отдельных разделах «Истории таджикского народа», что однако затрудняет ее понимание в целом. Исходя из этого наша цель - изложить историю становления и развития дипломатических отношений этого региона с различными государствами древнего мира поэтапно и в хронологическом порядке. На основе греко-римских и китайских письменных источников, позволяющих где кратко, а где и более детально охарактеризовать данную проблему.

Уже в Авесте, созданной, вероятнее всего, в первой половине I тыс. до н.э., содержатся данные о зарождении ранних форм дипломатических отношений. Причем основным гарантом заключения межплеменных договоров и улаживания разногласий и военных конфликтов выступает в ней бог Митра, важнейшей стороной деятельности которого являлась функция божества договора и согласия.

Так, в одном из старейших гимнов Авесты - Михр Яште (гимн Митре), верховный бог Ахура-Мазда, обращаясь к пророку Спитаме Заратуштре говорит: Страну разрушит подлый, Тот, кто не держит слов. Он хуже ста мерзавцев благочестивых губит. Будь верен договору Ты, данному Спитаме, И лживым иноверцам, И верным в благочестье. Ведь слово договора Принадлежит обоим - И лживым, и праведным. (перевод И. Стеблина-Каменского).

В Авесте имеются и другие сведения о заключении межплеменных договоров под эгидой бога Митры.

Международные отношения народов Центральной Азии с Мидией и Ассирией. Вероятно с IX в. до н.э. на территории современного Ирана через Кавказ и Центральную Азию происходит миграция иранских племен. Здесь они создали несколько племенных объединений, занявших определенные области, наиболее крупными из которых были Мидия на северо-западе и Парсуа на юго-

западе Ирана, стоявших на пути создания государств.

Первым на историческую арену выходит Мидийское царство, основателем которого был некий Дейок, но подлинного своего могущества оно достигает при царе Киаксаре (625-585 гг. до н.э.). Этим царем, в частности, была завоевана Ассирия, Северная Месопотамия, Гиркания, Парфия, Арея и, возможно, часть Согда - т.е. южная область Центральной Азии.

По данным Ктесия Книдского, Киаксар также якобы покорил Бактрию, что весьма сомнительно. Более вероятно, что границы Индийского царства ограничивались с северо-востока Аму-Дарьей, где мидяне столкнулись с сакскими племенами.

Согласно Ктесию, в правление мидийского цари Астиабара, отождествляемого с Киаксаром, парфяне подняли восстание и отложились от Мидии. На помощь себе они призвали саков во главе с царицей Зариной, причем, продолжавшаяся несколько лет война между саками и мидянами, завершилась мирным договором, по которому парфяне, при номинальном подчинении Мидии, фактически сохраняли за собой прежние владения (Диодор. II, 34, 1-4).

Таким образом, этот договор является первым известным науке в истории дипломатии Центральной Азии международным договором, который можно датировать концом VII в. - началом VI в. до н.э.

У Ктесия сохранился и другой рассказ о войне парфян и саков с мидянами. Та же Зарина после смерти своего мужа Кидрея выходит замуж за династа области Парфиена - Мермера, после чего началась война с мидянами, возглавленная Стриангеем. В сражении сакская армия терпит поражение и сама Зарина была ранена и взята в плен, но Стриангей, пораженный красотой Зарины, пошадил ее. Позднее Мермер, разбив войска Стриангея и взяв его в плен, решил убить его, но Зарина не только освобождает пленных, но и убивает Мермера. После чего Зарина заключает договор о дружбе с мидийским царем, передав ему в управление область Парфиены.

При всей легендарной окраске этих сведений Ктесия и других авторов и романтической любви мидийца Стриангея и сакской царицы Зарины, можно тем не менее заключить, что какие-то формы дипломатических отношений в виде мирных договоров уже существовали в Центральной Азии в доахеменидское время, в VII-VI вв. до н.э.

Дипломатия ахеменидского периода (середина VI в. до н.э. - конец IV в. до н.э.).

Сакско-ахеменидские отношения. Во второй половине VI в. до н.э. западные области Центральной Азии вошли в состав Ахе-

менидской империи. Завоевание Бактрии, Парфии, Согдианы, Маргианы, Хорезма было осуществлено основателем этой империи Киром (559-530 гг. до н.э.) в процессе его ранних походов. Продвижение Ахеменидов на северо-восток неизбежно привело к столкновению их с могущественной сако-массагетской конфедерацией племен. Поэтому для обеспечения безопасности границ ахеменидского государства Кир предпринял в последние годы жизни военный поход против саков-массагетов занимавших в это время территорию между низовьями Сырдарьи и Амударьи. Походу предшествовал обмен дипломатическими посланиями в устной форме между Киром и царицей массагетов Томирис, сохранившимися в передаче Геродота.

В частности Кир предпринял дипломатический маневр, через послов предложив Томирис стать его женой. Однако Томирис разгадала эту хитрость, поняв, что «Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение» (Геродот. I, 205). Поняв, что хитрость не удалась, Кир начал военные действия против массагетов, переправившись через реку Аракс (Аму-Дарья-Э.Р.)

В ответ на эти действия, Томирис через специального вестника отправила Киру устное послание, смысл которого сводился к тому, чтобы ахеменидский царь прекратил войну и оставил массагетов в покое. Она также предложила, что если Кир не пожелает следовать этому совету и захочет начать войну, то пусть царь отведет свои войска на три дня пути от реки и там померяется силами с саками (Геродот. I, 206). Послание Томирис было обсуждено на военном совещании персидской армии, где Кир принял совет лидийского царя Креза, который предложил перейти реку, продвинуться вперед, насколько отступит враг, оставить в лагере худшую часть войска, различные яства и чистого вина, а остальной армии вернуться к реке.

Хитрость Креза вполне удалась: передовая часть армии массагетов во главе с сыном Томирис Спаргаписом разбила оставшуюся ахеменидскую армию, после чего устроила пир, на котором массагеты предались чрезмерному возлиянию и заснули. Воспользовавшись этим, Кир напал на лагерь массагетов, многих уничтожил и взял в плен, в том числе Спаргаписа (Геродот. I, 210-211).

Коварные действия Кира вызвали второе послание к нему Томирис, переданное также в устной форме через специального вестника. В этом послании Томирис предложила Киру вернуть ей сына, а самому с войском уйти из земли массагетов: «Если же не сделаешь этого, - говорит она, - клянусь солнцем - владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и не насытен».

Последующие действия показали, что Кир не последовал совету

Томирис, а Спаргапис покончил жизнь самоубийством, не выдержав своего позора.

В последующей за этим жесточайшей битве массагеты одержали полную победу, большая часть персидской армии была уничтожена, сам Кир был убит, а его отрубленную голову Томирис поместила в мешок с человеческой кровью (Геродот. I, 213). Лишь спустя много лет ахеменидскому царю Камбизу удалось получить останки Кира и захоронить в специальной гробнице в Пасаргадах.

Таким образом можно заключить, что в ахеменидский период дипломатия как специальная форма выяснения взаимоотношений между различными государствами и племенными объединениями в Центральной Азии получает уже более устойчивый характер: происходит обмен дипломатическими посланиями, правда еще в устной форме, из-за отсутствия в данном случае у саков-массагетов письменности. Вероятно появляются специальные лица, занимающиеся передачей посланий, которые они должны были выучивать наизусть.

Дипломатические отношения в эпоху эллинизма (конец IV в. до н.э. - вторая половина II в. до н.э.) Политическое господство эллинов в Центральной Азии, начавшееся с захватом большей ее части Александром Македонским в 330-327 гг. до н.э., продолжалось почти двести лет, вплоть до падения Греко-Бактрийского царства в начале второй половины II в. до н.э.

Дипломатические отношения в это время можно разделить на два периода: первый - отношения Александра Македонского с народами Центральной Азии, второй - отношения времени вхождения южных ее областей в состав эллинистических государств - Селевкидского и Греко-Бактрийского.

Первый период. Согласно Арриану, в 329 г. до н.э. во время пребывания Александра в Мараканде к нему пришло посольство от скифов, абиев, а также от европейских скифов. Под предлогом договора о дружбе Александр отправил к ним ответное посольство, настоящая цель которого однако состояла в том, чтобы узнать природу скифской земли, выяснить количество народонаселения, и состав вооружения (Арриан. IV, 1, 1-2; Квинт Курций Руф. VII, 6, 12).

В следующем году Александр совершил поход в Уструшану, где на берегу Танаиса - Сырдарьи им был выстроен город - Александрия Эсхата, по-видимому на месте Ходжента. Затем на правом берегу этой реки состоялось сражение со скифами, завершившееся их поражением, после чего к Александру явились послы от скифского царя с предложением мирного договора и извинениями за действия отдельных групп скифов, но не самого царя,

который готов подчиниться Александру. На это Александр любезно ответил, что доверяет царю, но военные действия несвоевременно прекращать до полной победы. В 328 г. до н.э. в Мараканду прибыло новое посольство от европейских скифов, с которым вернулось и ранее посланное к ним посольство Александра. Скифские послы передали ему предложение своего царя о заключении мирного договора и преподнесли дары. Царь скифов предлагал выдать свою дочь за Александра, а дочерей скифских вельмож в свою очередь за «верных друзей» Александра. В ответном дружеском послании Александр, однако, отказался от предложений скифов (Арриан. IV, 15, 1-4). В том же году в Мараканду к Александру прибыло посольство от царя Фарасмана в сопровождении полутора тысяч конников из Хорезма - первого суверенного государства на территории Центральной Азии, созданного, по-видимому, после освобождения от Ахеменидской империи в 330 г. до н.э.

Фарасман поведал Александру о своем царстве, которое граничило с колхами и амориками и предложил ему военный союз и помощь в походе на эти народы и другие племена, проживающие у Эвксинского (Черного) моря. Некоторые сведения в этом рассказе вызывают сомнения, в частности то обстоятельство, что хорезмийцы проживали по соседству с колхами - жителями Западной Грузии, что предполагает распространение границ Хорезмского царства вплоть до Кавказского хребта.

Александр поблагодарил Фарасмана, но в ответной речи указал, что подобный поход был бы несвоевременен и его следует отложить до завоевания Индии и возвращения его в Элладу, откуда он предполагал совершить поход в Причерноморье. После пребывания в Мараканде Фарасман, в сопровождении правителя Бактрии Артабаза вернулся на родину (Арриан. IV, 15, 1-4; Квинт Курций Руф. VIII, 1, 8-9).

Таким образом, первый период характеризуется возросшей дипломатической активностью государств и племенных объединений Центральной Азии, выразившейся в заключении различного рода мирных договоров и военных союзов с Александром Македонским. Не исключено, что уже в это время, а возможно и несколько ранее здесь формируется определенная группа людей, специализирующихся, если можно так сказать, на дипломатической деятельности.

Второй период (конец IV-начало второй половины II вв. до н.э.) характеризуется вхождением части юга Центральной Азии в состав эллинистических государств - Селевкидов (конец IV - середина III в. до н.э.) и Греко-Бактрийского (середина III - начало второй

половины II в. до н.э.) и широким распространением эллинистической культуры. В это же время в середине III в. до н.э. на юго-западе Центральной Азии было создано выходцами из центральноазиатских кочевников Парфянское государство, а в Центральноазиатском Междуречье во II в. до н.э. - ряд самостоятельных государств - Кангюй, Давань. Судя по монетному чекану, какие-то местные владения возникают и в Бухарском и Самаркандском Согде. Сильным и независимым оставалось в это время Хорезмийское царство, возникшее, по-видимому, в конце IV в. до н.э. после освобождения от ахеменидского господства.

Таким образом, в этот период наряду с сохранением эллинистического государства - Греко-Бактрийского царства происходит активный процесс формирования местных государственных объединений. Несомненно, что все эти государства поддерживали определенные формы дипломатических отношений и союзов, но к сожалению, в письменных источниках пока не найдено сведений об этом.

Известно, к примеру, о парфянско-греко-бактрийских военных договорах и союзах, заключенных в частности Диодотом II, по-видимому после 237 г. до н.э. с Тиридатом (Юстин. XI, 1, 4, 9) в борьбе с их общим врагом - Селевком II, попытавшимся вновь завоевать Центральную Азию. Имеются сведения и о других договорах, заключенных греко-бактрийскими царями. Так, селевкидский царь Антиох III (223-187 г. до н.э.) предпринял в 208 г. до н.э. поход против греко-бактрийского царя Евтидема (230-200 гг. до н.э.), войска которого он разгромил в сражении на р. Герируд (Теджен). В 206 г. до н.э. между ними начались переговоры, в результате которых был заключен мирный договор, по которому Евтидем при сохранении царской власти отдавал своих боевых слонов и признавал в определенной мере власть Антиоха III, от которой впрочем, он вскоре освободился.

Между 141 и 129 г. до н.э. Греко-Бактрийское царство пало под напором сакских и юэчжийских племен, а вместе с тем происходит крушение господства эллинов на юге Центральной Азии, хотя небольшие их владения, как это выяснено в последнее время, продолжали сохраняться в Северной Бактрии и Южном Согде и спустя много лет после этих событий.

Северная, а впоследствии и Южная Бактрия была занята юэчжами, переселившимися сюда под давлением гуннов. Впоследствии одним из юэчжийских родов - кушанами была образована Великая Кушанская империя, и именно юэчжи послужили первопричиной открытия китайцами для себя Западного края, так в ту пору они именовали Центральную Азию.

Дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем в эпоху правления династии Хань (206 г. до н.э. - 222 г. н.э.)

Первый период (конец II в. до н.э. - первая половина I в. н.э.). Со времени своего создания империя Хань проводила агрессивную экспансионистскую политику, стремясь выйти за пределы небольшой территории в междуречье Хуанхэ и Янцзы, которой она владела. Особенно усилилась эта тенденция при императоре У-ди (140-86 гг. до н.э.), уделявшем большое внимание западным территориям.

Миссия Чжан Цзяня. Западный край - Центральная Азия и Восточный Туркестан, как считают, оставался неизвестным для китайцев вплоть до путешествия Чжан Цзяня. Но это вовсе не означает, что они совсем не знали, что на западе от них существует огромный край, заселенный многочисленными народами. Есть сведения, что еще до этого путешествия из области Кангюй в Китай было отправлено посольство.

Но несомненно и то, что только при ханьском императоре У-ди (140-87 гг. до н.э.) были предприняты активные попытки установления дипломатических отношений с населяющими этот край народами, разведка караванных дорог с целью его колонизации и дальнейшего продвижения на запад.

Первопричиной дипломатических контактов Китая с Западным краем была война, развернувшаяся в первой половине II в. до н.э. между двумя наиболее могущественными племенами Центральной Азии - хуннами и юэчжами, или тохарами, как они назывались в греческих источниках. В этой войне юэчжи потерпели страшное поражение и были вынуждены в большей своей части с территории современной провинции Ганьсу, где они первоначально обитали, переселиться в Семиречье. Но и здесь хунны настигли юэчжей, убили их вождя, из черепа которого сделали лакированный сосуд для питья. Юэчжи двинулись на юг Центральной Азии в Бактрию, где наряду с другими племенами участвовали в разрушении Греко-Бактрийского царства, а спустя много лет их потомки создали великую Кушанскую империю.

Юэчжи, опасаясь хуннов, искали для себя союзников в борьбе с ними. В свою очередь Ханьский Китай, от части тоже страдавший от набегов воинственных хуннов, прослышав о желании юэчжей, начал искать пути для установления подобного рода союзнических отношений. Осуществить эту трудную и ответственную миссию вызвался уроженец области Хан-Чжун, начальник привратного караула по имени Чжан Цзянь, который, видимо за

свои доблести, был выбран из числа других претендентов.

Об этой миссии Чжан Цзяня рассказано в Шицзы. В свой путь на запад Чжан Цзянь отправился вместе с хуннским проводником Таньганьфу. Однако по дороге он был задержан хуннами и приведен ими к своему князю, который совершенно резонно спросил у Чжан Цзяня, по какому праву китайский император отправляет посланника к юэчжам через хуннские земли. Чжан Цзянь был задержан и оставался в плену у хуннов около десяти лет, его женили на хуннской женщине, от которой у него родился сын. Однако, воспользовавшись предоставленной ему свободой, он вместе со своими спутниками бежал на запад, и, спустя несколько десятков дней, прибыл в Давань - древнюю историко-культурную область, соответствующую Фергане.

Правитель Давани в разговоре с Чжан Цзянем высказал свое пожелание установить дипломатические отношения с домом Хань. Тот ответил, что если его проводят к юэчжам, то по возвращению в Китай император вознаградит даваньского правителя большим числом даров. Впоследствии в своем послании к императору Чжан Цзянь писал, что даваньцы занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу, у них много виноградников и вина. В Давани до 20 больших и малых городов. Но главной достопримечательностью этой области являются аргамки с кровавым потом, которые происходят, якобы, от небесных лошадей. В другом китайском источнике Цянханьшу сказано, что в даваньских высоких горах водятся лошади, которых невозможно поймать, поэтому «выбирают пятишерстных, т.е. пестрых кобылиц и выпускают их при подошве гор - для случки с горными. От сих кобылиц рождаются жеребцы с кровавым потом, и посему называются «жеребятами породы небесных лошадей».

В первой миссии Чжан Цзянь из Давани в сопровождении специально выделенных ему проводников был переправлен сначала в Кангюй - многоплеменное владение, занимавшее обширную территорию северной и центральной части Центральноазиатского Междуречья и земли по правую сторону Сырдарьи. Из Кангюя в 128 или 126 г. до н.э. он со своими спутниками отправился к Большим Юэчжам. К тому времени юэчжи потерпели новые поражения от хуннов, которые убили юэчжийского правителя, а на престол возвели его старшего сына. Тот решил сменить прежнее свое местопребывание, опасаясь новых войн с хуннами, и ушел вместе со своим племенем на юг, покорив территорию к северу от р. Гуйшуй - Амударьи, примерно в пределах современной Сурхандарьинской области Узбекистана, и юг Таджикистана, а затем захватил область к югу от этой реки, которую китайские источники

именуют Дахя, местное население называло Бактрия, а греки - Бактриана.

В середине или в начале второй половины II в. до н.э. Бактрия была завоевана кочевыми племенами сакаравлов, асиев, пасиан и тохаров. По-видимому от искаженного в китайской передаче названия народа тохаров происходит слово Дахя. Так во всяком случае считают некоторые исследователи этого вопроса. Примечательно, что в более поздних источниках наименование этой области передается как Тохаристан, что означает - страна тохаров.

По данным Шицзы, «Дахя лежит с лишком в 2000 ли от Давани на юго-запад, на южной стороне реки Гуйшуй. Там ведут оседлую жизнь, имеют города и дома».

К тому времени юэчжийский правитель отказался от отмщения хуннам, предпочитая мирный образ жизни на новых территориях, заселенных его племенем.

В Бактрии Чжан Цзянь пробыл более года и, ничего не добившись, южной дорогой пытался пробраться назад в Китай, но был вновь захвачен в плен хуннами. Из нового плена Чжан Цзянь вместе со своей женой и проводником Таньганьфу бежал, воспользовавшись междоусобицей в хуннской орде спустя год, и сумел добраться до Китая. Его первая миссия в Западный край продолжалась 13 лет, а из ста спутников, отправившихся с ним в Китай, вернулись только двое - сам Чжан Цзянь и его проводник.

По возвращению в Китай Чжан Цзянь написал подробное донесение императору о тех странах, которые он посетил и о которых он слышал от местных жителей. В частности, он привел первые сведения о Западном Средиземноморье, странах Тяочжи - Малая Азия или Восточное Средиземноморье и Личань, вероятно, Египет или Древний Рим, который китайцы также называли Фолинь или Дацинь.

В своем донесении Чжан Цзянь привел подробные сведения о центральноазиатских владениях: Давань, Усунь, Кангюй, Дахя, Янцай, Большие Юечжи, о их местоположении, столицах, дорогах и расстояниях, родах занятий, обычаях, количестве населения и войск. В частности он писал, что владения Кангюй и Большие Юечжи, имеют сильное войско, которое можно нанимать в службу, а если будет случай склонить их в подданство, то можно распространить китайские владения почти на 10000 ли.

По прибытии в Китай Чжан Цзянь получил, так же как и его спутник, знатный чин, а затем за успехи в войне с хуннами княжеское достоинство Бо-ван-хэу и военные должности Сяюй и Вэйюй (начальник определенного контингента войск). Однако все эти чины и достоинства Чжан Цзянь потерял в 122 г. до н.э., когда

вверенное ему войско опоздало к месту сражения китайцев с хуннами, в результате чего большая часть китайцев была окружена и погибла, а сам Чжан Цзянь был приговорен к отсечению головы, но помилован.

Опала Чжан Цзяня продолжалась несколько лет, за это время китайцы в нескольких сражениях разбили хуннов и добрались до Соленого озера - Лобнор, перед ними открывалась прямая дорога в Центральную Азию. В связи с этим ханьский император вновь стал интересоваться положением дел в центральноазиатских владениях, в частности Дахя и Усунь, и возможностью их присоединения к Китаю. Для бесед с императором был призван Чжан Цзянь, который составил для него подробное донесение, характеризующее положение дел у усуней. Он в частности писал, что усуньский правитель Гуньмо сумел освободиться от опеки хуннов и, если правильно проводить политику, то можно присоединить к Китаю Усунь, а затем Дахя и другие центральноазиатские владения.

Это донесение оказало решающее влияние на назначение Чжан Цзяня хуннским приставом, в помощь ему было придано 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10 000 голов быков и баранов, он вез большое количество подарков. Вместе с Чжан Цзянем в Усунь отправился большой штат помощников с бунчуками, которые назначались посланниками в различные среднеазиатские владения.

Переговоры с верховным правителем усуней Гуньмо не привели однако к желаемым для Китая результатам, так как усуньское владение было разделено на три части, правители которых вели самостоятельную политику. Тем не менее, будучи у усуней, Чжан Цзянь сумел организовать отправку китайских посланников в Давань (Фергану), Кангюй (Согд, Хорезм), Дахя (Бактрия), Большие Юечжи (Северная Бактрия), Аньси (Бухара или Бактрия). После этого он вернулся в Китай в сопровождении небольшого усуньского посольства, главе которого Гуньмо поручил собрать как можно больше сведений о китайском дворе.

Спустя год, в 104 или 103 г. до н.э., после возвращения в Китай Чжан Цзянь, занимавший к тому времени важный государственный пост, скончался.

А еще через год в Китай вернулись посланники, отправленные Чжан Цзянем с различными заданиями в вышеназванные владения, вместе с ними прибыли в Китай от них посольства. Это были собственно первые дипломатические посольства из Центральной Азии. Именно с этого времени наступает эпоха интенсивных различного рода сношений государств Центральной Азии и Китая, продолжавшихся много столетий, и это еще один важ-

ный итог миссий Чжан Цзяня. Четырнадцать лет своей жизни он провел среди народов Центральной Азии, завоевав непререкаемый авторитет.

В Шицзы сказано, что «Бо-ван-хэу Чжан Цзянь умел приобрести расположение иностранных дворов и по сей причине и иностранцы вознесли доверенность к нему».

Китайско-Ферганские взаимоотношения. Первой страной этого региона, с которой Китай установил отношения, приобретшие первоначально весьма напряженный характер, была Давань - Фергана. Причем одной из основных причин военных столкновений между двумя странами послужили знаменитые «небесные лошади» Ферганы, о которых император У-ди узнал из рассказа Чжан Цзяня.

Согласно Шицзы, У-ди отправил к правителю Давани специального посланника с 100 ланами золота и золотым конем с просьбой прислать ему в обмен на эти дары даваньских аргамаков.

Однако правитель Давани отказал китайскому посланнику в его просьбе, не желая отдавать лошадей, при этом он полагал, что из-за большой отдаленности Китай не сможет послать в Давань свои войска. Это вызвало гнев посланника и он ответил грубостью на данный ответ даваньского владетеля. Выражаясь современным языком, возник скандал, причем посланник был убит (видно, в ту пору еще не существовало понятия дипломатической неприкосновенности), а его вещи были конфискованы в пользу даваньского владетеля.

В ответ на это действие китайский император послал в Фергану почти сотысячную армию во главе с полководцем Ли Гуан-ли. Началась китайско-даваньская война, продолжавшаяся четыре года и закончившаяся поражением Давани. На место прежнего ее владетеля Мугуа, казненного по приказу Ли Гуан-ли был посажен один из старейшин Моцай, и китайцы, получив 3000 лошадей, отправились в обратный путь. Спустя год даваньские старейшины убили Моцай из-за его прокитайских позиций, а на престол возвели его младшего сына Чжань-фыня. Последний заключил мирный договор с Китаем (это был первый договор между этой страной и одной из стран Центральной Азии), отправив своего сына в заложники и взяв на себя обязательство ежегодно отправлять в Китай по паре лошадей «небесной породы». В ответ императорский двор, чтобы укрепить мирные отношения с Даванью, отправил сюда посланника с дарами. Отправляясь из Давани в обратный путь, китайский посланник взял с собой виноград и семена растения му-су(люцерна -Э.Р.), которые затем были разведены во дворце китайским императором на большой территории. Таким

образом, Китай впервые познакомился с такими важнейшими сельскохозяйственными культурами как виноград и люцерна.

После завершения даваньско-китайской войны дипломатическая деятельность Китая в Западном крае стремительно возрастает. Согласно «Истории старшего дома Хань», ежегодно в различные государства Центральной Азии при императоре У-ди отправлялось не менее 10 посольств.

Китайско-парфянские дипломатические отношения. В конце II в. до н.э., по Г.Дабсу - между 111-105 гг. до н.э., Китай по инициативе императора У-ди впервые устанавливает дипломатические отношения и с парфянским царством, именуемым в китайских источниках Аньси. Китайский посланник был торжественно встречен на восточной границе военачальниками с 20000 конницы и препровожден в столицу парфянского государства.

Выдающимся результатом этих посольств и открытия Западного края являлось возникновение Великого шелкового пути - первой в истории цивилизаций трансконтинентальной дороги, соединявшей страны Запада и Востока. Огромную роль в его создании сыграли народы Центральной Азии в особенности согдийцы. Торговые фактории согдийцев возникали вдоль всей восточной трассы Великого Шелкового пути от Самарканда до Чань-аня, а согдийский язык стал lingua Franca для всех народов, обитавших вдоль этого пути.

Китайско-кангюйские дипломатические отношения. Дипломатические отношения Ханьского Китая с еще одним центральноазиатским государством Кангюй складывались несколько по-иному. Обладая значительной военной мощью (в состав его в определенное время входил Хорезм, Согд, Чач и другие владения Трансоксианы), Кангюй проводил независимую от Китая политику, не признавая в дипломатических отношениях превосходства китайцев. Так, согласно данным «Истории старшего дома Хань», китайские посланники на приемах у кангюйского правителя занимали место ниже усуньских, а обед им подавали позже, чем усуньским князьям и старейшинам.

Однако Китай, высоко ценивший приобретенную известность в Западном крае, во что бы то ни стало стремился удержать здесь свои позиции, мирясь с подобным положением. Не признавая Китай своим сюзереном, как, к примеру, усунь, Кангюйский правитель тем не менее отправлял своих сыновей на службу при императорском дворе. Китайцы считали, что это был хитрый предлог, способствующий развитию торговли Кангюя с Китаем.

Дипломатические отношения юэчжей с Китаем. Несмотря на то, что при посещении Чжан Цзянем Бактрии, юэчжи, по-видимо-

му отвергли предложение о военном союзе между ними и Китаем против хуннов, их дипломатические отношения продолжали развиваться. Одним из важнейших достижений этих отношений стало проникновение буддизма в Китай, чему немало способствовали юэчжийские посольства в Китай и китайские посольства в Бактрию.

Для данного периода характерно установление дипломатических отношений Ханьского Китая со странами и владениями Центральной Азии, их регулярность, заключение различной формы договоров. Дипломатическая активность Ханьского Китая в Центральной Азии, а также, вероятно, война с Даванью привела к признанию некоторыми из этих владений вассальной зависимости от Ханьского Китая. Согласно китайским письменным источникам, в Западном крае было первоначально 30 владений, а к началу I в. н.э. их количество увеличилось до 55. Зависимость некоторых из них была чисто номинальной, а другие - как Кангюй - вообще не признавали главенства Китая, обращаясь с его посланниками в унижительной форме.

В китайских письменных источниках сообщается, что для управления Западным краем назначен наместник и военный пристав, что кажется сомнительным. В этом отношении характерно одно сообщение «Истории Старшего дома Хань», где говорится, что китайские послы «без наличных денег не могли получить ни пищи для себя, ни скота для верховой езды и сему причина отдаленность Китая». Если бы зависимость данных владений была значительной, то лица, находившиеся на государственной службе, в данном случае империи Хань, не попадали бы в подобное положение.

Вероятнее всего, что так называемый наместник и пристав были ответственными лицами за дипломатические отношения, но не занимались вопросами, связанными с управлением владениями в Центральной Азии. Важным результатом установления дипломатических отношений между Ханьским Китаем и Центральной Азией явилось развитие торговых и культурных связей, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные.

Так, сообщается, что даваньцы получили из Китая серебро и золото и употребили их на изготовление различных изделий, но не монет. Из Давани - Ферганы китайцы вывезли, наряду с лошадьми небесной породы, такие сельхозкультуры, как виноград и люцерну, впервые затем в широком масштабе разведенные в Китае. Отсюда в Центральную Азию стали поступать изделия из лака и шелковые ткани.

Китайцы наладили в Центральной Азии чугунолитейное производство, чему способствовали бежавшие из китайских посольств служители.

Согласно археологическим данным, из Китая в Центральную Азию, в особенности в Фергану и отчасти в Согд, проникают китайские бронзовые монеты - у-шу, положившие, по-видимому, начало развития в Фергане денежных отношений. В массовом количестве в Центральной Азии найдены знаменитые китайские бронзовые зеркала нескольких типов, изредка встречаются и изделия из нефрита.

В 7 г. н.э. власть в Китае захватил Ван-ман (7-23 гг. н.э.), в китайской исторической традиции считающийся узурпатором. После этого дипломатические отношения стран Центральной Азии и Китая были прерваны.

Приход к власти Младшего Дома Хань в 25 г. н.э. также первоначально не способствовал развитию этих отношений, хотя в правление императора Тянь-ву из одного из центральноазиатских владений было отправлено посольство в Китай с просьбой принять его в подданство с назначением китайского наместника. Согласно «Истории Младшего Дома Хань», Западный край находился в разрыве с Китаем в течение 65 лет, и только в 74 г. н.э. были возобновлены различные формы взаимоотношений.

«Младший Дом Хань», в отличие от своих предшественников, первоначально придерживался несколько иной политики в отношениях с Западным краем. Правители из этого дома считали, что бремя финансовых расходов на осуществление связей с ним было весьма тяжелым для Китая, и по этой причине они становятся нерегулярными.

Более прочному установлению дипломатических отношений владений Центральной Азии с Китаем способствовал поход китайского полководца Бань Чао в Западный край. По свидетельству «Истории Младшего дома Хань», Бань Чао с войском прошел всю Центральную Азию и достиг даже Западного моря - по-видимому, Каспийское или Аральское море. После этого похода ко двору императора явились посольства из Центральной Азии с данью. Однако это были, вероятно, отдельные случаи, так как по данным того же источника, владения Западного края то прекращали, то возобновляли связь с Китаем. В основном здесь, видимо, имеются в виду сношения с Кангюем, состоящим в то время из пяти главных владений: Ги, вероятно, Бухара, Сусе - Кеш, Фуму - Самарканд, Юни - Чач, Юегань - Хорезм и множества более мелких.

Дипломатические же отношения с Аньси - Парфией и возникшим в I в. н.э. могущественным Кушанским государством, в состав

которого вошли Северная Бактрия и до Гиссарского хребта, составляли, видимо, особую статью.

Во всяком случае, Парфия продолжала поддерживать дипломатические отношения с Китаем, ограничившись присылкой посланника и даров в виде редкостных животных. Так, в правление императора Чжан-ди в 87 г. н.э. в Китай был отправлен посланник, привезший с собой в качестве дара льва и зверя дубу, а в 101 г. н.э. парфянский государь Манькюй (вероятно, Митридат -Э.Р.) прислал ко двору также льва и страуса. Следует также отметить, что именно через территорию Парфии по повелению Бань-Чао некий Гань-Ин в 97 г. н.э. первым из китайцев достиг Средиземного моря, подробно описав при этом находящиеся здесь страны.

Дипломатические отношения владений Центральной Азии с Китаем в III-V вв. н.э. Как явствует из анализа сведений китайских письменных источников, дипломатические отношения различных владений Центральной Азии и Китая в период правления в ней династий Цао Вэй (220-265 гг.), Цзинь (265-480 гг.) и западного Вей (386-556, 557 гг.) приходят в полное расстройство, чему в немалой степени способствовала военно-политическая обстановка. Происходит крушение великих империй древности - Кушанской и Парфянской; на территории входившей в состав Кушанского государства Северной Бактрии образуется ряд самостоятельных владений, а в юго-западной части Центральной Азии, после падения Парфянского государства устанавливается власть Сасанидов. Кангюй также вероятно в это время распадается на множество мелких независимых владений. С северо-запада и северо-востока в Трансоксиану вторгаются племена хионитов и кидаритов.

Неустойчивостью политической обстановки, династийной борьбой, усугублявшейся вторжением хуннов и жужаней, характеризуется это время и в Китае. Примечательно, что для второй половины III в. н.э. - начала V в. фактически отсутствуют сведения о каких-либо формах дипломатических отношений центральноазиатских владений с Китаем. Более того, сообщается, к примеру, что во время царствования императора Минь-юань (409-423 гг.) «совсем не принимали послов из Западного края».

Возобновление этих отношений связано с именем императора из династии Вей Тай-У (424-452 гг.), который отправил в Центральную Азию большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дун Вань и Гао Мин, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчи и шелковых тканей.

В Центральную Азию миссия Дун Ваня проникла северным

путем, первоначально попав к усуням, обитавшим в Семиречье, государь которых принял их с большим почетом. При этом усуньский государь сообщил Дун Ваню, что государство Полона (Фергана - Э.Р.) и Чжеше (Чач - Э.Р.) давно мечтают об установлении связей с Китаем, «но жалеют об отсутствии дорог». Это надо понимать не как вообще их отсутствие, а то обстоятельство, что жужани и гунны фактически перекрыли эти дороги, прервав сношения Китая с Центральной Азией если не полностью, то в значительной мере.

От усуней Дун Вань отправился в Фергану, а Гао Минь - в Чач, где они заключили договор о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая и вручили подарки.

Значение миссии Дун Ваня, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный край.

В обратный путь с Дун Ванем отправились посольства 16 государств Центральной Азии и, как свидетельствует «Бей шу», с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило и года, чтобы не появилось несколько государственных посольств. Значительная активизация дипломатических и другого рода взаимоотношений владений Центральной Азии с Китаем, превосходящих все предшествующие, происходит в пору правления в Китае династии Тан (628-907 гг.) до второй половины VIII в., когда продвижение Китая в Центральную Азию было остановлено арабами.

Как видим дипломатия как особая форма международных отношений зарождается в Центральной Азии уже в первой половине I тыс. до н.э., но ее становление и развитие приходится на первые века до н.э. - первые века нашей эры.

Если на ранней стадии развития особое значение, в силу определенных политических причин, имели дипломатические отношения с Ираном и эллинистическими государствами Запада, то с конца I тыс. до н.э. основное место в них занимает Китай.

Дипломатические отношения с различными династиями, правившими в этой стране имели не однозначный характер. Если в эпоху правления династии «Старшего Дома Хань» они носили весьма активный характер, то в начале правления династии «Младшего Дома Хань» приходят в упадок, но затем, хотя и нерегулярно, возобновляются.

Военно-политическая обстановка в Центральной Азии, набеги кочевых племен жужаней, гуннов, хионитов, кидаритов, династическая борьба в Китае привели к почти полному прекра-

щению этих отношений.

Их возобновление происходит лишь во второй четверти V в. н.э., но связано, по-видимому, с поиском Китаем союзников в Центральной Азии в борьбе с кочевыми племенами, а также в изменении государственной политики в международных отношениях с государствами Центральной Азии с возобновлением своей традиционной экспансионистской политики в этом регионе.

Не исключено, что в государствах Центральной Азии в это время уже существовали специальные ведомства, осуществлявшие международные отношения, складывается определенная прослойка лиц, специализирующихся в этой области. Во всяком случае, имеются данные о наличии посланников, их помощников, толмачей – переводчиков.

Таким образом, дипломатия в Центральной Азии имеет давние и многовековые традиции.

III. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

1. Письменная культура - определяющий фактор уровня развития цивилизаций и государств

Значимость культуры того или иного народа во многом определялась наличием письменности как одного из самых выдающихся достижений цивилизации. При этом важнейшей функцией письменности является способность хранить в памяти новых поколений людей достижения и деяния предков. Она появляется с возникновением государства, ибо последнее не может существовать без письменности, обеспечивающей функционирование различных государственно-правовых институтов.

Так, в древнем Египте письменность - египетская иероглифика - возникает в начале III тыс. до н.э., с периода возникновения здесь единого царства. Еще раньше, на рубеже IV-III тыс. до н.э., письменность вначале в виде рисунка, а затем клинописи появляется в Месопотамии, в древнейших государствах Шумера.

Обе эти системы первичной письменности отражали собой словесные, затем слоговые знаки и детерминативы.

Впоследствии, в конце II тыс. до н.э., вероятнее всего, в Финикии возникает семитское буквенное письмо, передающее уже не смысловое значение, а звучание употребляемых слов. Создание буквенного письма явилось подлинной революцией в истории человечества, так как оно заменило громоздкие иероглифы и клинопись, состоящие из сотен сложных в графическом отношении знаков, на систему, насчитывающую немногим более двадцати письменных знаков. В силу особенности семитских языков первоначальное буквенное письмо передавало только согласные звуки (впоследствии, правда и некоторые гласные).

Как считают исследователи, древнейшей надписью, выполненной буквенным письмом, является финикийская надпись около 1000 лет до н.э. на саркофаге царя Библа Ахирама, сделанная по приказу его сына и содержащая проклятья тому, кто попытается вскрыть этот саркофаг. Заключительная часть ее гласит: «...И если царь среди царей и правитель среди правителей, и военачальник поднимется в Библе и этот саркофаг откроет, то пусть будет сломан жезл его судейства, пусть будет опрокинут трон его царствования и мир пусть бежит из Библа, а он пусть будет уничтожен».

Впоследствии, по-видимому, в начале I тыс. до н.э. семитское буквенное письмо было перенято греками, которые значительно

усовершенствовали его, добавив гласные буквы, что обеспечивало точность передачи, как звучания, так и написания слова.

Именно эти две системы письменности - семитская, посредством арамейской, и греческая легли в основу местных древних доарабских систем письменности в Средней Азии. Следует вместе с тем отметить, что в определенное время, по-видимому, с начала I в. н.э. и вплоть до VIII в. н.э. в Средней Азии получило распространение китайское иероглифическое письмо, возникшее самостоятельно в ходе поступательной эволюции великой цивилизации Дальнего Востока. Известно, что, в первой половине VIII в. н.э. в Согде даже чеканились монеты с двойной согдийской и китайской легендой.

Возвращаясь назад, отметим, что Средняя Азия не входила в зону первоначальных очагов возникновения письменности. На ее территории, пока не удастся проследить ранние этапы развития письма - от примитивных форм письменности, так называемых предметного и рисуночного письма (пиктография и идеография), до словесно-слогового, слогового и, наконец, буквенного письма.

Среди изображений на керамике II тыс. до н.э. из Южного Туркменистана имеются отдельные группы знаков, отличающиеся систематичностью и устойчивостью изображения и определенным порядком в сочетании рисунков - знаков, в чем, вероятно, можно видеть зачатки пиктографической письменности.

До сих пор не найдено в Средней Азии памятников египетского иероглифического письма, а также клинописи - основного вида письма в Ахеменидском государстве, а следовательно и многих древних странах Ближнего и Среднего Востока.

В конце XIX - начале XX появились сообщения некоторых путешественников и краеведов о якобы виденных ими на крайнем юге Средней Азии клинописных надписях. Эти сообщения пока не подтверждаются современными научными данными, но нельзя и полностью отрицать наличие таких надписей в Средней Азии, а также знакомства населения этого региона с клинописью, поскольку Средняя Азия почти 200 лет (с середины VI в. до н.э. до 330 г. до н.э.) находилась в составе Ахеменидского государства. Правда, в это время клинопись использовалась ахеменидскими царями в особо торжественных случаях, в частности в фиксации победных реляций на скалах. Такова, в частности, Бехистунская надпись царя Дария I, высеченная аккадской клинописью и повествующая о деяниях этого царя в Средней Азии, в сопровождении рисунков, изображающих данников этого царя - саков, бактрийцев, маргианцев и других народов.

Очевидно, эти изображения и надписи свидетельствуют о знакомстве народов Средней Азии с клинописью. Некоторые из них наверняка овладели другим видом письменности, широко распространенным в Ахеменидском государстве, - арамейским.

Арамеи - народ северосемитской группы, первоначально обитали в Сирии, а с конца II начала I тыс. до н.э. переселились на территорию Средней Месопотамии. Арамеи восприняли финикийское письмо и усовершенствовали его, несколько видоизменили формы графем - знаков письменности, ввели пробелы и обозначения гласных. Арамейское письмо было буквенно-слоговым. В начале и в конце слова гласные, как правило, обозначались, в середине слова буква могла выражать либо только согласный, либо целый слог (согласный и гласный).

Со временем арамеи стали применять обозначения гласных, чаще всего долгих, и в середине слова, но делали это весьма непоследовательно. Древнейшие памятники арамейского письма IX-VIII вв. до н.э. найдены на территории Сирии (Бар-Хадад) и юго-восточной Турции (Зинджерли).

В VII-VI вв. до н.э. арамейское письмо, легкое для изучения - оно насчитывало всего около 20 букв, - сильно потеснило громоздкие системы клинописи, ранее господствовавшие в Передней Азии - аккадскую, эламскую, урартскую. В огромной по территории и разноплеменной империи Ахеменидов, почти во всех сатрапиях - от Малой Азии до Северо-Западной Индии, в том числе и в Средней Азии, арамейский язык стал основным средством общения, языком административного управления и канцелярского делопроизводства.

Согласно Геродоту, у каждого сатрапа Ахеменидской империи были так называемые царские писцы, которые читали грамоты, посылаемые царем. Более того, грамотой в ней владели и знатные люди, приближенные царя. Когда царь Дарий решил отправить к сатрапу Лидии Орету знатного перса Багея, то последний написал по поручению царя несколько грамот и по прибытию в Сарды - столицу Лидии дал их для прочтения царскому писцу (Геродот III, 128). Писцы-арамеи писали документы чаще всего под диктовку местных чиновников - персов, мидийцев, парфян, бактрийцев, согдийцев, производя в уме перевод на арамейский язык, такая же процедура совершалась и при чтении полученного в данной сатрапской канцелярии документа: он устно переводился писцом с арамейского на местный язык. В результате такой практики постепенно выработались системы арамейско-местных лексических и грамматических соответствий. В то же время арамейский язык документов стал испытывать сильное влияние со стороны мест-

ных языков, в нем появились заимствованные слова (главным образом, административные термины) и целые выражения из местных языков, менялся арамейский порядок слов.

По-видимому, уже в это время жители Средней Азии освоили арамейскую письменность. Об этом свидетельствует арамейский папирус, найденный наряду с другими папирусами, на острове Элефантина в низовьях Нила. В этом документе, датированном 464 г. до н.э. речь идет об имущественном споре на обладание земельным участком между хорезмийцем Даргаманом, служившем в военном гарнизоне на острове Элефантина из отряда Артабана и иудеем Махсеем из другого отряда этого же гарнизона. Этот документ, начинающийся со слов «Даргаман, сын Харшина, хорезмиец из отряда Артабана в крепости в Элефантине сказал Махсею...» показывает, что выходец из Хорезма Даргаман, проживающий на острове Элефантина вместе с семьей, знал арамейский язык и письменность.

В Средней Азии старейшим памятником арамейского письма является краткая надпись на сохранившемся хуме, найденном при раскопках городища Большая Айбуйир-кала (Северный Хорезм) археологом М.Мамбетуллаевым. По начертаниям букв и по археологическим датировкам она может быть отнесена к V или IV вв. до н.э. На городищах Хорезма найдено еще несколько надписей на керамике, однако краткость их (как правило, они содержат только хорезмийские имена собственные) не позволяет решить, имеем ли мы дело с арамейским текстом или уже с хорезмийским, выполненным практически тем же письмом. Таковы некоторые надписи из Койкрылганкалы - памятника, относящегося, по мнению археологов, к периоду от IV-III вв. до н.э. до I в. н.э.

К числу наиболее ранних арамейских надписей, датируемых III-IV вв. до н.э. относятся еще две. Одна из них надпись на перстне печати из Амударьинского клада. Она состоит из четырех знаков, нанесенных поверх изображения человека быка Гопатшаха, и передает имя божества Амударьи - Вахшу.

Другой памятник - это арамейская легенда на золотых монетах, передающая имя Вахшувар в (греческой транскрипции Оксиарт).

На соседней со Средней Азией территории современного Афганистана - в области древней Арахозии - была найдена большая серия арамейских надписей на предметах из зеленовато-синего камня - ступках, пестиках, блюдах, которые играли важную роль в обряде приготовления хаомы, почитавшегося священным напитком у всех зороастрийцев. В этих надписях содержатся, в частности, имена арахозийских ремесленников, очень близкие бактрийским, согдийским и другим древним восточно-иранским -

	<i>Тексты из Нисы II в до н.э</i>	<i>Согдийское письмо Бухары</i>	<i>Согдийская надпись из Мунчак-тепе</i>	<i>Согдийские документы IV в н.э.</i>	<i>Согдийское письмо VII-IX в н.э</i>
'	𐰀	𐰀𐰀𐰀	𐰀	𐰀𐰀	𐰀𐰀
B	𐰁	𐰁𐰁	𐰁	𐰁	𐰁
C				𐰂𐰂	𐰂
H	𐰃				
W	𐰄	𐰄	𐰄	𐰄𐰄	𐰄
Z	𐰅	𐰅	𐰅	𐰅	𐰅
X(H)	𐰆	𐰆𐰆𐰆	𐰆	𐰆𐰆	
J	𐰇	𐰇	𐰇	𐰇𐰇	𐰇
K	𐰈	𐰈𐰈	𐰈	𐰈	𐰈
D(L)	𐰉	𐰉	𐰉	𐰉𐰉	𐰉
M	𐰊	𐰊𐰊	𐰊𐰊	𐰊	𐰊
N	𐰋	𐰋	𐰋	𐰋	𐰋
S		𐰌𐰌	𐰌	𐰌𐰌	𐰌
P	𐰍	𐰍𐰍	𐰍	𐰍	𐰍
Č(Ş)				𐰎𐰎	𐰎
R	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏
Š	𐰐	𐰐		𐰐	𐰐
T	𐰑	𐰑	𐰑	𐰑𐰑	𐰑
h			𐰒	𐰒	𐰒

Таблица некоторых древних алфавитов Средней Азии
(на арамейской основе)

старейшее собрание таких имен для всего Восточного Ирана и Средней Азии.

После падения государства Ахеменидов под ударам армий Александра Македонского арамейская канцелярия в Средней Азии продолжала сохраняться, хотя греческий язык и письменность также применялись в делопроизводстве. В Парфянском царстве некоторое время функционировал арамейский язык наряду с греческим, в возникшем Греко-Бактрийском царстве основным языком управления был греческий.

К первой половине II в. до н.э. относится острак, найденный на городище Ай-Ханум с письмом арамейского происхождения. Язык этого краткого текста хозяйственного содержания - всего три неполных строки и приписка (или более ранний, но не смытый текст), сделанный другой рукой - по мнению П. Бернара и В.А. Лившица, скорее всего, бактрийский, а не арамейский.

Находка в Ай-Ханум показывает, что в Греко-Бактрийском царстве, очевидно, на всем протяжении его истории наряду с греческой действовала и арамейско-бактрийская канцелярия, обслуживавшая, прежде всего, местное население.

Любая письменность, как правило, очень консервативна и традиционна. Эта особенность связана с одной из важнейших ее функции - хранить культурное наследие в памяти многих поколений. Неудивительно поэтому стойкость традиции арамейского письма в Средней Азии и Восточном Иране, в том числе в Бактрии, даже в период господства здесь эллинов.

Бактрийско-арамейская письменность существовала и в Термезе в первые столетия нашей эры, в период владычества Кушан. Об этом, как установил В.А.Лившиц, свидетельствует краткая, всего одно слово, надпись на черепке, найденном Л.И. Альбаумом при раскопках буддийского комплекса Фаязтепа.

По-видимому, арамейским, но еще не согдийским письмом, выполнены легенды на подражаниях тетрадрахмам Евтидема, обращавшихся в Бухарском Согде, наиболее ранние экземпляры которых относятся ко II в. до н.э. Арамейским письмом, наряду с греческим выполнены легенды на подражаниях монетам Антиоха, начало чеканки которых в Самаркандском Согде приходится на конец III - начало II в. до н.э. Некоторые исследователи считают, что упомянутые легенды выполнены согдийским письмом и на согдийском языке, однако определить это невозможно, ввиду их краткости.

В легендах обычно указывались имя царя и титул, который передавался, кстати, не согдийским, а арамейским словом MR'Y,

как и второй титул, встречающийся в легендах на монетах также арамейский - MLK'. Поэтому о замене арамейской письменности на местную согдийскую и хорезмийскую в первых веках до н.э. говорить преждевременно. Хотя общеизвестно, что где-то на грани III-II вв. до н.э. единое прежде арамейское письмо распадается на ряд разновидностей - еврейское квадратное, пальмирское, набатейское. В Средней Азии появление местных письменностей, возникших на арамейской основе, и вытеснение как собственно арамейской, так и греческой письменности произошло позднее.

Проследить этот процесс возможно благодаря исследованию эволюции письма легенд на монетах, выпускавшихся в древних областях Среднеазиатского Двуречья. Как показывают полученные данные, в III-I вв. до н.э. на монетах Бактрии и отчасти Согды господствовала греческая письменность. Это неудивительно, так как с конца IV в. до н.э. и вплоть до начала II в. до н.э. или начала второй половины II в. до н.э. в Согде политическое и военное господство принадлежало эллинам.

Вместе с тем находки греческих надписей на территории Среднеазиатского Двуречья пока немногочисленны. К ним относятся шесть надписей из Северной Бактрии: надпись III-II вв. до н.э. на алтаре «По обету посвятил Атросок Оксу», с городища Тахти Сангин; надписи II в. до н. э. на фрагментах сосудов, передающие меры веса и жидкостей - 15 драхм и 7 хоев, а также греческое имя - КЛЕ...; греческая надпись на фрагменте хума кушанского времени, найденная при раскопках Гарав-калы. Вероятно, к первым векам н.э. относится посвятельная греческая надпись, вырезанная на стенах митраического храма в Кара-Камаре.

Большое количество надписей на греческом языке III-II вв. до н.э. на различного рода материалах (черепках, папирусе, камне) обнаружено на городище Ай-Ханум. Особо примечательны среди них две надписи, найденные в мавзолее правителя города или особо почитаемого лица. Одна из них гласит, что некий клеарх - младший ученик Аристотеля - выписал здесь изречения, скопированные им в рельефах в храме Аполлона, а в другой действительно приводятся фрагменты этих философских изречений.

Интересно, что при раскопках другого объекта на этом городище - дворца - позднее были найдены рукописи на папирусе III-II в. до н.э. (кстати, древнейшие в Центральной Азии) на греческом языке, представляющие собой, по мнению исследовавшего их Клода Рапэна, тексты философского содержания, связанные с учением Аристотеля.

Две краткие греческие надписи обнаружены и в Согде на городище Афрасиаб. Одна из них из слоя конца IV - начала III в. до

н.э. вырезана на бараньем астрагале и состоит из четырех букв КТНΕ. По мнению Х.Ахунбабаева, эта надпись, вероятнее всего, является аббревиатурой от греческого имени владельца игровой кости - КТН? [ΙΟ?], стоящей на страже домашнего очага.

В Бактрии греческий язык и письменность сохранялись и после падения Греко-Бактрийского царства, о чем в частности свидетельствуют легенды на монетах юечжийских правителей Северной Бактрии - подражания монетам Гелиокла, Евкратида, Деметрия, монеты Фсейгахариса, Сападбиза, тетрадрахмы и оболы основателя кушанского рода - Кушана («Герая»). В этих легендах по-прежнему фигурируют типично греческие титулы (базилевс, тиран). Однако начертания букв в них подвергаются, с одной стороны, значительным искажениям, а с другой - указывают на знакомство резчиков легенд с дальнейшим развитием греческой палеографии. Так, «сигма» в соответствии с общим изменением своего вида на поздних подражаниях, приобретает вместо старой формы с изогнутой спинкой новую - квадратную или лунарную.

Греческое письмо и язык, в частности, титулы и эпитеты типа «Басилевс, Басилевс Басилеон» (царь царей), «Сотер Мегас» (великий спаситель), имена греческих богов (Гелиос) еще сохраняются на монетах ранних кушанских царей - Вимы Ток (то), Вимы Кадфиза, Канишки I, но уже в правление этого величайшего из кушанских царей, приходящееся на первую половину II в. н.э., происходят кардинальные изменения - переход в государственной политике на бактрийский язык и письменность, правда, возникшую на греческой основе с добавлением одной буквы - Ш. Об этом прямо свидетельствует третья строка надписи из Рабатака, передающая эдикт царя Канишки I :«... И он (т.е. царь Канишка) издал эдикт на греческом языке, а затем переложил его на арийский язык. Об этом же прямо говорят и легенды на его монетах, где греческий титул «Басилевс Басилеон» заменяется на равнозначный бактрийский «Шаонано Шао» (Царь царей).

Параллельно, но, вероятно, еще более ускоренно происходит трансформация греческих легенд в местные - согдийские и хорезмийские - на монетах правителей Согда и Хорезма.

Особенно наглядно этот процесс демонстрируют монеты юечжийских правителей Согда из так называемой группы Гиркода или Уркода. На наиболее ранних (вероятно, I в. до н.э.) монетах этой группы первых двух типов с изображением стоящей фигуры с копьем, а затем протомой скачущей лошади, легенды на лицевой и оборотной стороне еще полностью греческие, но передающие местные имена и названия: ΥΡΚΩΔΟΥ и ΟΡΑΝΤΡΟΥ ΜΑΚΑΡΟΥ.

ДАЛЬВЕРЗИНТЕПА

КЛЕИМА НА СЫРЦОВЫХ КИРПИЧАХ
С КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ЦИТАДЕЛИ

10 0 10 20 30 40

На монетах этой же группы, но относящихся уже к более позднему времени (I-III в. н.э.) легенды выполнены уже только согдийским письмом. Только согдийским же письмом выполнены легенды на монетах Южного Согда и Самаркандского Согда с изображением лучника, а также Геракла и Зевса, начало чеканки которых относится к I в. н.э.

Аналогичный по времени и содержанию процесс замены греческих легенд происходит и в Хорезме. Наиболее ранние монеты в этой области - подражания тетрадрахмам Евкратиды с частично искаженной греческой легендой группы А, датированные второй половиной II в. до н.э. - I в. до н.э. Краткая хорезмийская или еще арамейская легенда появляется лишь на монетах группы Б, начало чеканки которой относится к середине I - началу второй полови-

ны I в. н.э. Начертание букв в этих легендах на монетах еще мало чем отличается от подлинно арамейских букв. К тому же титулы в надписях на этих монетах только арамейские Мрай - правитель и Млка-царь.

Итак, судя по легендам на монетах, греческое и арамейское письмо заменяется в Согде и Хорезме на местные системы письма (на арамейской основе) в I в. н.э. То же наблюдается и в Парфии, где с приходом в середине I в. н.э. младших Аршакидов греческие легенды на монетах, заменяются на парфянские. Несколько позднее этот процесс затронул Бактрию, где только в первой половине II в. н.э. греческие надписи на монетах заменяются на бактрийские по содержанию и исполнению.

Вместе с тем можно полагать, что процесс замены арамейской письменности и языка на местные системы был весьма продолжительным и начался, вероятно, в первые века до н.э. Установление этого события затрудняет в первую очередь то обстоятельство, что наука не располагает находками пространственных текстов, выполненных, к примеру, согдийской или хорезмийской письменностью на этих же языках. Фактически самые ранние из них относятся к II-III вв. н.э. (Хорезмийские тексты из Топрак-калы) или к началу IV в. н.э. (Согдийские старые письма). Имеющиеся же в распоряжении науки краткие легенды на монетах показывают, что начертания букв на них еще весьма близки арамейским, а среди надписей II-I вв. до н.э. трудно отличить, к примеру, парфянскую надпись от хорезмийской или согдийской.

Теперь более конкретно рассмотрим письменности, существовавшие в Среднеазиатском Дворечье в доарабский период.

Одной из наиболее широко распространенных, возникших, по-видимому, в I в. до н.э. - I в. н.э., была согдийская письменность. В древности и особенно в раннем средневековье она бытовала на огромных просторах Евразии - от Старого Мерва до Алтая, Монголии, Китая и Тибета, а согдийский язык являлся основным средством общения, особенно в торговле между различными народами. В Средней Азии памятники согдийской письменности найдены помимо Согда в Чаче, Ферганской долине, в Семиречье. Столь широкое распространение согдийской письменности связано с активной торговлей, которую вели купцы Согда на трассах Великого шелкового пути, и с согдийскими поселениями, возникшими далеко за пределами Согда. Этим объясняются и находки основной массы известных в настоящее время согдийских рукописных текстов в Восточном Туркестане. В согдийских колониях переписывались переводы буддийских, манихейских и христианских текстов, а также оригинальных произведений со-

гдийской светской литературы, от последней до нас дошли, к сожалению, лишь несколько фрагментов. В Восточном Туркестане и в Монголии, где были особенно тесными контакты согдийцев с тюрками, согдийское письмо было приспособлено к фиксации древнеуйгурского языка, начав великую эстафету центральноазиатской письменности от согдийцев к уйгурам и далее к манчжурам.

Когда и где впервые появляется согдийская письменность, пока еще точно не установлено. Древнейшими ее образцами считаются краткие надписи на серебряных подражаниях тетрадрахам греко-бактрийского царя Евтидема, выпускавшихся в области Бухары в I в. до н.э. - I в. н.э. В это же время или несколько позднее согдийские надписи сменяют греческие на других монетах (подражаниях чекану Антиоха, монеты из группы Гиркода и другие), чеканенных в различных районах Согда. Известны также несколько ранних согдийских надписей на геммах - драгоценных и полудрагоценных камнях с изображениями.

Имеется, однако, группа замечательных по своему содержанию согдийских документов, известных в науке как «Старые согдийские письма». Некоторые ученые датируют их началом IV в. н.э., а другие относят даже ко II в. н.э.

В Восточном Туркестане найдено еще множество согдийских рукописей. Это переводы на согдийский язык буддийских, манихейских и христианских религиозных текстов, написанные черной «тушью» на коке, бересте и других материалах. Очень интересны немногочисленные остатки литературных произведений на согдийском языке. Среди них фрагмент рукописи в 16 неполных строк, передающий эпизод борьбы эпического героя Рустама с дэвами, и несколько фрагментов рукописей, содержащих согдийские переводы сказок о купце сверлильщике жемчуга и о трех рыбах.

Своеобразными памятниками согдийской письменности являются наскальные надписи, оставленные согдийскими паломниками к святым местам, купцами и гонцами. На отвесных скалах они зачастую писали свои имена, иногда с указанием даты, как бы удостоверяя тем самым посещение этих мест. Такие надписи обнаружены в Монголии, Семиречье, Тибете и Индии. Так, самаркандский согдиец Ношфарн, христианин по вероисповеданию, оставил надпись на скале в Ладаке на границе Тибета и Кашмира.

Замечательное открытие было сделано немецким археологом К. Йеттмаром в верховьях Инда. Здесь у моста Шатнал, вдоль Каракарумского шоссе возвышаются отвесные скалы, на которых имеется множество кратких так называемых «посетительских» согдийских надписей. Как показали исследования Х.Хумбаха и

Н.Симс-Вильямса они оставлены либо согдийскими пилигримами, шедшими на поклонение буддийским святыням Индии, либо согдийскими купцами - выходцами из различных областей Средней Азии. Некоторые надписи по особенностям начертаний и формам букв датируются учеными III и даже II в. н.э. и являются по существу не только одними из самых древнейших согдийских надписей, но и вообще самыми ранними согдийскими наскальными надписями. По нисбе (месту происхождения) ученым удалось определить, что среди согдийцев, оставивших свои надписи на скалах у моста Шатнал, были выходцы из областей Маймурт (вблизи Самарканда) и Чача (современный Ташкентский оазис).

Самые поздние по времени наскальные согдийские надписи (IX-X вв.) найдены на территории Кыргызстана. Наскальные надписи наряду с другими памятниками согдийского письма, обнаруженные далеко от родины согдийцев, убедительно свидетельствуют о выдающейся роли согдийского языка и письменности, о путях проникновения согдийских колонистов в самые отдаленные уголки Центральной Азии.

На территории собственно Узбекистана обнаружена масса самых разнообразных согдийских надписей, но наиболее значительной из них является вертикальная настенная надпись "тушью" в 16 строк, открытая при раскопках на городище Афрасиаб в 1965 г. Она относится ко второй половине VII в. н.э. В надписи, прочитанной В.Лившицем, рассказывается о посольстве, прибывшем к самаркандскому царю Авархуману с дарами и невестой из области Чаганиан (бассейн р. Сурхандарьи) от тамошнего царя Туранташа, возглавляемом начальником канцелярии (дапирпатом) Пукарзате. Очень интересные результаты получены в последнее время при изучении памятников согдийской письменности Чача. Это краткие надписи на монетах, содержащие титул и имя правителя, а иногда название области. Среди чачских монет есть более ранние - III-IV в. н.э., свидетельствующие о том, что согдийская письменность и, возможно, язык уже бытовали в этой области.

Вторая группа монет относится к VII - первой половине VIII в. н.э., она очень разнообразна по иконографическим сюжетам - на этих монетах имеются изображения правителей в коронах, солнечные (солнечные) и лунные символы, изображения животных - верблюда, лошади, а также особых знаков - тамг.

Каждая монета сопровождается легендой, зачастую с именами правителей: Арчаниа, Вийартфарнук, Сочак, Тарнавч, Йазатпир (чтение В.А. Лившица). Исследование надписей на чачских монетах сейчас позволяет совершенно по-иному рассматривать историю этой области в раннее средневековье.

Известно несколько согдийских надписей на серебряных сосудах. Большинство их выполнено обычным курсивом, характерным для согдийских текстов VI-IX вв. Одна из надписей этой группы, судя по формам букв, относящаяся к IV в., примечательна тем, что в ней упоминаются титул и имя правителя Чача (Ташкентский оазис), рядом с надписью изображена тамга, точно совпадающая по форме с тамгой на многих монетах, находимых в Ташкентской области - самое раннее свидетельство бытования согдийской письменности и согдийского языка в Чаче. Согдийские надписи имеются и на монетах, выпускавшихся государями и удельными владельцами Чача в VI - начале VIII вв. (среди имен правителей есть и древнетюркские).

Три другие надписи выполнены бухарской разновидностью согдийского письма. Вероятно Бухарский или Западный Согд - отличался от Самаркандского Восточного не только политической структурой, но и диалектом.

Бухарский вариант письма, помимо надписей на серебряных сосудах, представлен также на монетах правителей Бухарского оазиса. Бухарское письмо, отличавшееся от общесогдийского самаркандского лишь начертаниями нескольких букв, применялось, очевидно, только для официальных надписей.

Выдающееся значение для истории и культуры народов Средней Азии согдийского языка и письменности имеет архив согдийских документов начала VIII в. н.э., найденных при раскопках замка на горе Муг в 120 км к востоку от Самарканда. Здесь было обнаружено 89 документов на согдийском, арабском и китайском языках. Подавляющее большинство рукописей (74) написано согдийским письмом на согдийском же языке. Это частные и дипломатические письма, контракты, календарь, хозяйственные и счетные записи. Перевод их осуществлен группой ленинградских ученых: А.А.Фрейманом, В.А.Лившицем, М.Н.Боголюбовым и О.И.Смирновой.

Многие документы происходят из Пенджикента и его округа, с верховьев Зарафшана. Они связаны с именем правителя Панча (Пенджикента) Деваштича, который именуется в ряде документов как согдийский царь, самаркандский государь.

Особый интерес представляет донесение Деваштичу от его эмиссара Фатуфарна, который был послан в Чач для заключения договора с правителями Чача, Ферганы и тюркским каганом для совместной борьбы с арабами. Приведем образец одного из согдийских документов в переводе А.А.Фреймана: «От согдийского царя, самаркандского государя Деваштича начальнику уделов здравия и почтения, а теперь, когда мое письмо получишь, то больно-

му духовному одно благовонное вино дать следует, которое называют целебным и промедления не следует делать и от этого он весьма пусть окрепнет и его, таким образом, следует держать...».

Документы с горы Муг содержали ценнейшие сведения о социально-экономической, военной и культурной истории Согда. Из них, в частности, впервые стало известно о наличии в регионе четырех категорий рабов, об основных установлениях согдийского семейного права, об участии тюрков в городской жизни Согда и его администрации.

Второй по ареалу распространения и продолжительности употребления в Средней Азии была бактрийская письменность, распространившаяся в раннее средневековье на огромной территории от Индии до Восточного Туркестана. О ее значимости свидетельствует тот факт, что она была официальной в двух великих государствах Кушанском и Эфталитском, а также в более мелких раннесредневековых княжествах и владениях Тохаристана.

Название языка и письменности этих надписей «бактрийская» было предложено В.Хеннингом. В дальнейшем это название стало наиболее общепринятым и вытеснило применявшиеся прежде названия «эteo-гохарский», «кушанский», «кушано-бактрийский», греко-бактрийский. Однако сами кушанские цари предпочитали называть этот язык арийским, что явствует из эдикта Канишки, нанесенного на каменной плите из Рабатака. В нем сказано: «И он (т.е. царь Канишка - Э.Р.) издал эдикт на греческом языке, а затем переложил его на арийский». Бактрийское письмо, как показали исследования, происходит от греческого делового курсива, широко распространенного в эллинистических государствах. Его образцы, в частности, представлены находками пергаментов из Авромана и Иранского Курдистана. Бактрийское письмо зародилось в Бактрии, что неслучайно, и объясняется устойчивым бытованием здесь прочных эллинистических традиций, греческого алфавита и языка. На первых порах существования Кушанской империи ее официальной государственной письменностью была греческая, о чем свидетельствуют легенды на монетах первых кушанских царей Сотера Мегаса и Кадфиза II с греческой титулатурой. При кушанском царе Канишке (вероятно, первая половина II в. н.э.) на монетах вместо титулатуры на греческом языке появляются бактрийские надписи с бактрийской же титулатурой Шаонаношао Канишки Кушана «Царя царей Канишки (из рода) Кушана».

На этом основании считалось, что бактрийская письменность была изобретена также при этом царе. Однако сейчас имеется ряд находок надписей, позволяющих предполагать употребление бактрийской письменности до Канишки. В частности, в наскаль-

ных надписях из Дашти-Навура, согласно Ж.Фусману, наряду с надписями кхароштки и неизвестным письмом имеется бактрийская надпись, в которой сохранилось имя царя Вимы Кадфиза II - предшественника царя Канишки. Это мнение сейчас оспорено Дж. Крибом, полагающим, что в надписи передано имя Вимы Ток (то), еще более раннего кушанского царя.

Бактрийское письмо и бактрийский же язык, как нам представляется, употреблены уже на монетах Танлисмай дата, датированных концом I в. до н.э. - I в. н.э. В легенде на этих монетах в женском имени Раггодема, первый компонент которого происходит от иранского «ранк» - цвет, сочетание «нк» передано типично бактрийским удвоением согласного «г». Следует также упомянуть попытки передачи на монетах правителя Кушана («Герая»), отсутствующего в греческой письменности звука «ш» через различное сочетание букв. Имеются и остраки с бактрийскими надписями, которые могут быть датированы более ранним временем, чем время правления Канишки - первая половина II в. н.э. Возможно, это говорит о том, что бактрийское письмо вошло в обиход уже в I в. н.э., т.е. когда возникли и другие виды письменности Среднеазиатского Двуречья - хорезмийская и согдийская. В эпоху же Канишки эта письменность и язык стали государственными, что и было объявлено в эдикте царя и удостоверено в легендах на монетах.

Бактрийский алфавит насчитывал, вероятно, 25 букв. Во всяком случае такое их количество указывает для письменности Тохаристана, восходящей, по мнению всех ученых, к бактрийской, буддийской монах Сюань-Цзянь, посетивший Бактрию - Тохаристан в начале VII в. н.э. Он писал: «...По составу языка (Тохаристан) немного отличается от других царств количеством букв письменности, которое исчисляется 25, они сочетаются и образуют комбинации, при их помощи изображается все. Письмо читается по горизонтали, в направлении слева направо. Литературные произведения создаются в большом количестве и превосходят по объему согдийские...».

Однако во всех известных памятниках бактрийской письменности до сих пор нет примеров употребления букв «пси» и «кси». Отличительной особенностью бактрийского письма является введение специального знака «сан» для обозначения шипящего звука, графически изображающегося подобно букве «ро».

Различаются две разновидности бактрийского письма - монументальное или лапидарное и курсивное. Для первого из них характерно раздельное написание букв, сочетание остроугольных и округлых форм знаков, отсутствие заглавных букв, слитное на-

писание слов. Курсивное же письмо отличается значительным разнообразием почерков и очень сложным характером начертания букв-знаков, зачастую слитным написанием букв.

Хронологически бытование бактрийской письменности охватывает период примерно в восемьсот лет (от I-II в. н.э. до VIII-IX в. н.э.). Известные сейчас бактрийские надписи можно условно разделить на три группы: эпиграфические - надписи на скалах и каменных плитах, глиняных сосудах и черепках (остраки), геммах и других предметах; нумизматические (надписи на монетах); рукописные документы (надписи на папирусе, пальмовых листьях, бумаге и бересте). По технике исполнения среди них можно выделить надписи - «граффити», высеченные на скалах, каменных плитах до обжига, а также выполненные черной «тушью» тонкой кистью на черепках, папирусе или иных материалах.

Вплоть до середины 50-х годов XX в. число обнаруженных памятников бактрийского письма, особенно кушанского времени, было крайне незначительным - в основном это краткие надписи на монетах, печатях и геммах. Только открытие в 1954-1959 гг. французскими археологами при раскопках храмового комплекса на холме Сурх-Котал в районе Баглана (Северный Афганистан) бактрийских надписей на известковых плитах положило начало подлинному изучению бактрийского языка и письменности. В 60-80-е годы множество бактрийских надписей было открыто при раскопках в различных районах Бактрии, но они более краткие, чем надписи из Сурх-Котала.

Для кушанского времени находки бактрийских надписей зафиксированы в основном только на территории Бактрии и два места находки за ее пределами - каменная плита с трилингвой бактрийским, кхароштли и «неизвестным» письмом из Дашти-Навура и наскальные надписи из Вахана.

В Северной Бактрии отмечены следующие места находок бактрийских надписей, начиная с запад на восток: пещерный комплекс Кара-Камар - надписи «граффити» на поверхности скалы; городище Кампыртепа: надпись черной «тушью» на глиняном сосуде, надписи той же техники на черепках, рукописное письмо на папирусе; Старый Термез: буддийский наземный монастырь Каратепа - надписи «граффити» на стенах пещер, надписи на черепках и сосудах; буддийский наземный монастырь Фаязтепа - надписи «граффити» черной «тушью» на черепках и сосудах, район свалки - черепок с надписью черной «тушью»; Мирзакултепа - черепок с процарапанной надписью; Ялангтуштепа - процарапанные надписи на хуме, надписи черной «тушью» на черепках сосудов; Айртам - каменный скульптурный блок с шестистрочной бактрийской над-

писью на постаменте; Шахтепа - фрагмент венчика сосуда с процарапанной надписью; Душанбе - надпись на венчике хума.

В Южной Бактрии зафиксированы следующие места находок бактрийских надписей, следуя с севера на юг: Дильберджин - надписи монументальным письмом на каменных плитах, остраки с надписью черной «тушью», надписи «граффити»; Балх - фрагмент глиняного сосуда с процарапанной курсивной надписью; Сурх-Котал - самая большая из известных сейчас бактрийских надписей, состоящая из 25 строк, вырезанных на известняковой плите, там же найдены две более короткие копии этой надписи, также вырезанные на известняковых плитах; Рабатак - надпись монументальным письмом на каменной плите.

Раннему средневековью на территории Бактрии-Тохаристана соответствуют малочисленные находки бактрийских надписей. Это легенды на монетах, широко распространенных от Гиссарского хребта на севере до Гиндукуша на юге: монеты с надчеканками бактрийским письмом в Северном Тохаристане в основном выпускались в области Чаганиан, изредка в Гуфтане и, возможно, в других областях, кроме того, вероятно, в Кобадiane выпускались медные монеты с квадратным отверстием и бактрийской курсивной легендой.

Из других памятников бактрийской письменности отметим черепок с надписью черной «тушью» из Зангтепа и находки в Калаи-Кафирнигане. Монеты с бактрийскими легендами выпускались во многих областях Южного Тохаристана, но также и за его пределами: в Кабустане, Забулистане, Гандахаре и даже в Северной Индии.

В отличие от кушанского времени раннесредневековых бактрийские надписи найдены далеко за пределами собственно Бактрии-Тохаристана. Так, наскальные бактрийские надписи обнаружены к югу от Гиндукуша, в Джагату, к западу от Газни и в Урузгане (Афганистан), а также в долине р.Точи и в Шотилале (Пакистан). Настенная бактрийская надпись, выполненная черной «тушью», вероятно, выходцами из Чаганиана, найдена в дворцовом здании на городище Афрасиаб. Найденные памятники бактрийской письменности большей частью весьма кратки по своему содержанию. На монетах они передают имена и титулы царей, имена божеств, на геммах - имена владельцев, их социальное положение, к примеру - «Варахран сатрап», иногда религиозную формулу. Наиболее интересна надпись на бумаге из Ашмолеан Музеум, очень трудная для прочтения. В переводе В. Лившица она гласит: «Луна-Канишка, ябгу, сын царя Индостана». В. Хеннинг считал, что Луна-Канишка - полное имя великого кушанского царя, которое

он носил до вступления на престол, будучи еще князем Тохаристана. Надписи на сосудах и черепках сосудов, так называемых остраках, в основном плохо поддаются чтению из-за своей фрагментарности. Они содержат название содержимого сосудов, имена людей, иногда религиозные формулы. В этом отношении показательна двуязычная надпись - бактрийская и кхароштли - на сосуде, найденном на раскопках буддийского монастыря в Старом Термезе. Она гласит: «Дар Буддаширы проповедника дхармы». (Перевод Г.Грек и В.Лившица).

Эта надпись вотивного характера означала, что Буддашира, проповедующий дхарму, т.е. благое дело, преподнес данный сосуд в дар буддийскому храму. Интересна процарапанная на венчике хума бактрийская надпись, найденная на городище Зартепа, которая переводится как «.. .бог Шива-Виша». Иного характера надпись на большом сосуде - хуме, найденном при раскопках буддийского храма на Дальверзинтепа. В ней сохранилось начало фразы: «...Это мною написано...».

Широко известны надписи «граффити» на стенах пещерного буддийского монастыря Каратепа в Старом Термезе. Их изучением занимались В.Лившиц, Х.Хумбах и Я.Харматта. Надписи были открыты экспедицией Б.Ставиского, с 1960 г. ведущей углубленное исследование этого выдающегося памятника буддийской культуры в Средней Азии. В основном это посетительские надписи, которые передают имена бактрийцев, пришедших на поклонение буддийским святыням: Борзомиро, Оромаздо, и в некоторых случаях начинающиеся со слов: «...калдо мало/а/гадо... . Когда сюда пришел». Вместе с тем Я.Харматта в одной из надписей прочел якобы даже название этого буддийского монастыря как «оадо га/б/о», что означает «тысяча пещер». Такое прочтение не было поддержано другими исследователями буддийских надписей из Каратепа. Очень важная бактрийская надпись была открыта Б.Тургуновым при раскопках городища Айртам, где в одном из помещений был найден скульптурный блок, увенчанный горельефными фигурами стоящей женщины и сидящего мужчины. На его постаменте была высечена шестистрочная бактрийская надпись монументальным письмом. Надпись, к сожалению, сохранилась лишь частично из-за разрушения поверхности постамента. Первоначально в ней имелось примерно 350-360 букв, каждая из первых пяти строк содержала 60-65 букв, а шестая строка 51 букву (их них полностью или частично сохранилось 260 букв).

Лучше всего сохранилась последняя, шестая строка, большая часть которой была прикрыта землей. Уже при первом осмотре надписи нам удалось прочесть в этой строке заключительную

формулу, вычленив ней отдельные слова: «...и это написал Мирозадо по приказу Шодийа». В последующем, несмотря на плохую сохранность, удалось в основном восстановить содержание надписи, определить ряд неизвестных прежде бактрийских слов. Надпись содержит сведения о том, что в четвертый год правления кушанского царя Хувишки некий Шодийа был послан в Айртам для восстановления пришедшего в негодность буддийского монастыря.

Чтение надписи осуществлено В.Лившицем и Э.Ртвелазде; перевод ее в последнем варианте следующий:

1. Царя Хувишки /был/ год правления четвертый, когда «...город/или страну/... Царь наделил/?/или подарил/?/, дал в дар/?/ эту сангху и/??/город...

2. ... это /т.е. сангху/ основал/ установил/ ШОДИЙА/ и... который храм привел в порядок/ или украсил/.

3. .../святилище???, которое царь нарек/ сделал/ именем Канишки/?/ и кроме того/ Шодийа ?/ в акрополе соорудил для богов большие ворота/?/.

4. ...текущая вода/ была безводной/?/ поэтому/ Шодийа/ выкопал/ в ??/.

5. ...Шодийа вырыл и оба/?/ божества/? Были принесены/ или пришли/.

6. ...и это написал Мирозадо по приказу Шодийа.

Это первая и самая пространный монументальная бактрийская надпись на территории Средней Азии и первая бактрийская надпись, сопровождающая скульптуру. Она играет большую роль в понимании создания айртамского культового комплекса и его датировки, а также обогащает наши сведения о лексике бактрийского языка и о его диалектологии. Дело в том, что ряд бактрийских слов, заканчивающихся в надписях из Сурх-Котала на «омикрон», в надписи из Айртама передается с конечной «альфой». Вполне возможно, что это продиктовано диалектным различием в бактрийском языке, на котором говорило население левобережной и правобережной Бактрии. Исключительный интерес для изучения истории бактрийской письменности представляют фрагменты рукописей на папирусе, найденные при раскопках Кампыртепа в здании, расположенном в восточной ее части.

Фрагменты рукописей были обнаружены почти по всей площади помещения под завалом и в завале. Всего найдено около 30 фрагментов различных размеров (2,8x6 см; 2,8x1 см; 1,8x1,2 см), а также несколько слипшихся друг с другом целых тончайших листков, свернувшихся в трубочку и распавшихся на несколько фрагментов при расчистке. Ширина листков примерно 5,0 см, толщиной - 0,1-0,2 см, с левой стороны имеются поля до 1,5 см. надписи

нанесены с двух сторон черной «тушью» ровными строками по три-четыре и даже более строк, расстояние между которыми 2,0-2,5 см, высота букв - 3,0-5,0 мм.

Надписи выполнены курсивным бактрийским письмом, язык бактрийский. На двух фрагментах имеется слово АВО. Это или предлог «в», «на», или существительное «вода». На одном фрагменте сохранилось слово ВІДО - «начальник» (ср. бактрийское слово на гемме «асбаробидо» - «начальник кавалерии»). На другом фрагменте сохранились остатки слов и предлогов, но и в целом ни один из фрагментов не дает связного чтения. Найденные фрагменты рукописей датируются временем правления Канишки, т.е. первой половиной II в. н.э.

До находок на Кампыртепа о бактрийских рукописях кушанского времени на территории Средней Азии не было известно. По палеографическим и археологическим данным, самой старой (предположительно IV в. н.э.) бактрийской рукописью считался «лондонский» фрагмент или «фрагмент из Лоу-Ляна», найденный А. Стейном в Восточном Туркестане и в настоящее время утраченный.

К VIII-IX вв. н.э. относятся семь рукописных фрагментов, так называемые «Берлинские эфталитские фрагменты».

Очевидно, что открытия на Кампыртепа удревляют на несколько столетий возникновение бактрийских рукописей и свидетельствуют, что бактрийское курсивное письмо для записи документов стало применяться, вероятно, одновременно с письмом на монетах, каменных плитах и черепках сосудов.

Археологические исследования в последние годы привели к открытию новой письменности, получившей название «неизвестное письмо». Оно стало достоянием науки после того, как Ж.Фусман определил, что трилингва из Дашти-Навура наряду с кхарош-тхи и бактрийским содержит надпись, выполненную неизвестным письмом. Он также выявил подобные надписи на известняковой плите из Сурх-Котала и глиняном черепке из Халчаяна.

Позднее В.Лившиц отметил наличие надписей аналогичным письмом на остраках из Фаязтепа и в Старом Мерве. Более архаичный вариант этого же письма, по его мнению, представлен на серебряной чаше V в. до н.э. из Иссыкского кургана. В 1980 г. П.Бернар опубликовал надпись на серебряном слитке из Ай-Ханум, которая по характеру знаков близка иссыкской и надписям неизвестным письмом.

В.Вертоградова издала несколько надписей - на глиняных черепках из Каратепа и Хатын-Рабада. Новые надписи с неизвестным письмом из Коштепа, Кампыртепа и Старого Термеза опубликованы в 1998 г. Э Ртвеладзе.

В отношении языка этого письма в настоящее время высказано несколько гипотез. Так, Ж.Фусман, опираясь на находку даштинавурской надписи, считал, что она отражает язык древнего населения Джагады - праормури и Камбоджи. Однако, открытие данной письменности далеко за пределами распространения этих языков говорит о несостоятельности данного предположения. Привлекательна гипотеза П.Бернара, который полагал, что язык айханумской надписи - бактрийский.

В.Лившиц высказал свое мнение о принадлежности этого письма, представленного в более архаичном варианте в иссыкской надписи. В.Вертоградова, суммировавшая все эти данные, считает, что сейчас возможно говорить о двух видах неизвестного письма: раннем, представленном надписями Иссыка и Ай-Ханум, и более сложном, состоявшем из нескольких вариантов, и, что поздние варианты этого письма сложились в самом начале нашей эры. Она приходит к мнению, что общая структура неизвестного письма близка к арамейскому и кхароштни.

Бактрия являлась основной областью ее бытования, так как на эту область приходится более десяти находок памятников неизвестной письменности. За пределами Бактрии найдены лишь три надписи - курган Иссык (архаический вариант), Дашти-Навур и Старый Мерв.

Кроме того, новые находки добавляют три новых знака в алфавит неизвестной письменности, расширяя его содержание на сегодняшний день до 15 знаков. Существенно, что уже в четырех случаях зафиксировано начало того или иного слова с знака, который был весьма распространенным гласным или согласным звуком в языке, отраженном этой письменностью. Судя по имеющимся данным, существовало два вида письма: округлое и геометрических очертаний. Касаясь версии о его языковой принадлежности, отметим тот бесспорный факт, что именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являясь также одной из трех официально признанных в Кушанской империи письменностей.

Если это так, то неизвестная письменность должна отражать язык народа, составляющего в Бактрии и Кушанском государстве значительный пласт населения и игравшего важную роль в религиозной и административной жизни, или язык правящей династии и привилегированного слоя населения.

Основную массу автохтонного населения в Бактрии составляли собственно бактрийцы - народность восточно-иранского происхождения, письменность и язык которой отражен во многих надписях, в том числе Сурх-Котала. Другой значительный, но при-

шлый этнос Бактрии - греческий, бывший в недалеком прошлом привилегированным слоем в этой области и сохранившийся, вероятно, в кушанское время, также имел свой язык и письменность.

Индийские надписи кхароштки и брахми, отражающие соответствующие языки пракрит и санскрит, убедительно свидетельствуют о глубоком внедрении индийских этнических групп в этносферу Бактрии. Итак, три значительных этноса Бактрии имели свою письменность. Две из них - бактрийская и кхароштки - применены в надписи из Дашти-Навура, и это вполне естественно, так как первая из них отражала язык еще основной массы коренного населения Бактрии, а вторая - язык населения индийских колоний и буддийской религии, игравшей исключительно важную роль в жизни Кушанского государства. Третья письменность в таком случае должна отражать язык еще одной из основных народностей, населявших Бактрию. Помимо упомянутых выше этносов, следует особо выделить три волны кочевых народов, пришедших в Бактрию - саки, юечжи, асии, пасиане, тохары и сакаравлы.

Из них важнейшее место в истории Бактрии занимали юечжи и тохары. Ведущая роль тохаров закреплена в названии Тохаристан - страна тохаров, которое сменило или бытовало параллельно с прежним названием - Бактрия - уже, вероятно, с I в. до н.э. Не исключено, правда, что юечжи и тохары - один и тот же этнос, как предполагают некоторые исследователи. Юечжи - выходцы из Центральной Азии - были пришлым этносом, а следовательно, не имели отношения к автохтонному бактрийскому языку. Однако до сих пор наука не располагает данными о том, какого происхождения был собственно юечжийский язык, так как ни одного слова на языке юечжей в письменных источниках не сохранилось. Напрашивается логический вывод - поскольку роль юечжей, и в первую очередь кушан, в истории Кушанского государства была велика, а в трилингве из Дашти-Навура неизвестная письменность фигурирует как официальная наряду с кхароштки и бактрийской, то в качестве аргументированного предположения, но не доказанного пока факта, можно считать, что неизвестная письменность передает юечжийско-тохарский язык.

Определение языка неизвестной письменности внесло бы окончательные коррективы в эту проблему. Во всяком случае определение ее как юечжийской объясняет и довольно широкое ее распространение, и разную сферу ее применения. Она была не только официальной, но и употреблявшейся в народной среде, если судить по надписям на глиняных сосудах ряда сельских поселений Бактрии.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что основной задачей исследователей в настоящее время является сбор материала и составление полного алфавита неизвестной письменности.

Еще одним видом местной письменности Средней Азии была хорезмийская, но в отличие от согдийской и бактрийской она была распространена в основном лишь на территории древнего Хорезма.

Памятники древнехорезмийской письменности выявлены в 1930-х гг. Их открытие - целиком заслуга Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, возглавляемой А.В.Столетовым. Ему же принадлежит приоритет и в первых расшифровках легенд на монетах, выполненных этой письменностью. Подлинное понимание самой письменности стало возможным после находки в 1948-1949 гг. архива хорезмийских документов на коже, на деревянных палочках и дощечках при раскопках Топрак-калы. Однако многие из документов на коже истлели и от них остались лишь обрывки со слабыми следами букв или отпечатки текстов на глине, доступными для чтения остались лишь восемь документов на коже. Сохранилось также более 20 целых и фрагментов документов на деревянных палочках и дощечках. Их первое чтение было осуществлено С.Толстовым, а затем дополнено и исправлено В.Хеннингом, позднее В.Лившиц дал полную их публикацию с чтением и переводом. В последующие годы был найден еще ряд хорезмийских надписей на керамике и оссуарии из Ток-калы. Одновременно продолжалась работа над уточнением хорезмийских легенд на монетах. Выдающаяся заслуга в их чтении, переводе и интерпретации принадлежит В.Лившицу. Как показал анализ надписей, они отражают хорезмийский язык, принадлежащий восточно-иранской группе.

Исследованию языка этих надписей способствовало то обстоятельство, что хорезмийские слова и фразы сохранились в арабоязычных сочинениях XII-XIII вв. и в особенности в книге хорезмийского законоведа ал-Газмини «Приобретение желанного» (всего около 3 тыс. слов). Кроме того, в «Хронологии» Бируни (973-1048 г. н.э.) зафиксированы хорезмийские названия дней, месяцев, созвездий и праздников, а отдельные хорезмийские слова приведены арабскими и персидскими географами X в. - Мукаддаси, Истахри, Ибн-Фадланом.

Все эти средневековые памятники хорезмийского языка были подробно исследованы А.Фрейманом, а несколько позднее В.Хеннингом и А.Мак-Кензи.

Хорезмийское письмо возникло на основе арамейского и долгое время, как и согдийское, сохраняло арамейские идеограммы, которые употреблялись только на письме, но не в живой речи.

По этой причине хорезмийскую письменность, так же, как и другие виды письменности на арамейской основе, зачастую называют идеографической. Направление хорезмийского письма - справа налево горизонтальными строками. Количество букв его алфавита доподлинно неизвестно. Гласные, как и в других письменностях арамейского происхождения, писались крайне редко.

Всего, по подсчетам В.Лившица, употреблено 20 букв арамейского прототипа из 22, причем три буквы отмечены только в идеограммах, как и еще две буквы.

Следовательно, практически лишь 15 букв использовались в топраккалинских документах для передачи слов «живого» древнехорезмийского языка. Документы на коже представляли список поступлений, в частности, вина и муки от отдельных лиц, возможно, в государственные хранилища.

Но особенно интересны документы на дереве, среди которых выделяются три категории:

1. «Списки домов», содержащие перечень имен свободных и домашних рабов, из которых состояла большая семья.

2. Налоговые документы, в которых приведены сведения о доставке и выдаче колес и других предметов.

3. Бирки, содержащие, вероятно, имена собственные.

Наиболее интересны из них «списки домов», расшифровкой которых занимались С.Толстов, В.Хеннинг, но особенно большой вклад в их понимание внес В.Лившиц. Эти документы отражают состав большой и малой семьи и дают представление о характере рабства в Древнем Хорезме.

К примеру, в документе имеются имена 21 мужчины, из которых одно принадлежит домовладельцу, два других - его сыновьям, одно - зятю и семнадцать - рабам, причем 12 рабов принадлежали домовладельцу, его сыновьям и зятю, два - его жене, два - внукам и еще один раб являлся собственностью наложницы.

Документы из Топрак-калы - единственные в своем роде письменные свидетельства, ценнейшие источники о составе семьи в древний период истории Средней Азии. Для наглядности приведем текст документа №1 в переводе В.Лившица, заменив латинские обозначения имен (как у него в статье) на кириллицу: «Дом Гаунашами: Гаунашами; (сыновья) - впервые присутствующий М..., впервые присутствующий Фрийафхваш, зять Гауфарнак; рабы: Сагайдак, Катфанак, Душитанак, Хвашак, Фработак, Мартиасак, Мхрибиртак, Хварзбанак, Пандакасак, Саубагдак, Беварсавак, Вах (у) швари; эти рабы жены (домовладыки) - Размбеварак, Питанак, рабы детей - как, Фарнабгавак, раб сына наложницы, впервые присутствующий Дагтеганак...

Другие древнехорезмийские надписи очень кратки по содержанию: легенды на монетах, надписи на глиняных фрагментах сосудов. Особый интерес представляют надписи VII-VIII в. н.э. из Токкалы, выполненные черной «тушью» на крышках и стенках оссуариев. Надписи нанесены по вертикали в одну или несколько строк и содержат, как установил В.Лившиц, имена собственные и даты с указанием дней и года по древнехорезмийской эре, начавшейся в середине I в. н.э. Определена еще одна группа хорезмийских надписей VII-VIII в. н.э. на серебряных сосудах, найденных в Прикамье, куда они попали по трассам меховой торговли. Эти надписи содержат даты: день, месяц, год, а также имя владельца, обозначения веса.

Громадный урон памятникам древнехорезмийской письменности был нанесен в начале VIII в. во время похода на Хорезм Кутейбы ибн Муслима, по приказу которого, как пишет Беруни, уничтожались целые библиотеки. Несмотря на начавшуюся замену древних среднеазиатских письменностей на арабскую и последующее повсеместное ее господство, здесь хорезмийский алфавит, по мнению В.Лившица, продолжал использоваться еще в начале XI в.

Кроме местных систем, на юге Средней Азии, преимущественно в Северной Бактрии-Тохаристане, в древности и раннем средневековье бытовали индийские системы письменности - кхароштки и брахми. Они были достоянием буддийской общины сангхи и индийских колоний, образовавшихся на юге Средней Азии в связи с проникновением сюда буддизма и торговыми операциями.

Изучение этих систем началось в конце 30-х годов XX в., когда на городище Старый Термез был найден обломок каменной плиты с частично сохранившейся надписью, определенной М.Массоном как кхароштки.

В последующие годы исследований на Каратепа, а затем и Фаязтепа в Старом Термезе было найдено значительное число индийских надписей на фрагментах и целых сосудах, а также найденных надписей - граффити и дипинти. Здесь же обнаружены и надписи на керамике, выполненные несколькими алфавитами: брахми-бактрийским, брахми-бактрийским-кхароштки, брахми-кхароштки. Находки индийских надписей за пределами Старого Термеза довольно редки - это надписи кушанского времени на глиняных черепках из Дальверзинского клада. К раннему средневековью относятся рукописи на бересте, выполненные брахми, из Старого Мерва и Зангтепа, наскальная надпись кхароштки, найденная на восточном Памире. Имеются сведения (правда, еще не проверенные) о наличии наскальных надписей в Зараутсае, рядом с знаменитыми наскальными рисунками.

Большинство найденных индийских надписей или процарапаны на старой глине, или нанесены черной «тушью», надписи на золотых брусках выбиты штампом-пунсоном.

Наиболее ранние надписи кхароштки из Каратепа относятся к I-II в. н.э., хотя Я.Харммата относит надпись кхароштки из восточного Памира уже к III-II вв. до н.э.

Наиболее поздние надписи - брахми датируются VII-VIII в. н.э.

Сведений о наличии средневековых индийских надписей на территории Средней Азии почти не имеется за исключением одной надписи на горе Тахти-Сулейман в Оше, относящейся, по-видимому, к XVI в.

Прототипом индийских систем письменности, как и среднеазиатских - парфянской, согдийской, хорезмийской, было арамейское письмо.

В дешифровку и исследование индийских надписей из Средней Азии большой вклад внесли Т.Грек, М.Воробьева-Десятовская, Я.Харммата и в особенности В.Вертоградова, опубликовавшая монографию о надписях подобного рода из Каратепа.

По своему содержанию индийские надписи из Каратепа и Фаязтепа на керамике - дарственного характера. Они содержат части вотивных формул, а также имена собственные, звание или должность буддийских монахов, название сосудов, и, что особенно важно, название буддийских школ и монастыря.

Они зачастую содержат формулу, восстановленную Вертоградской, которая по нескольким фрагментам определяет цель дарения: «Ради блага и счастья всех живых существ», имена с эпитетом типа «Буддашира - дхармакатхика», т.е. Будда, проповедующий благое дело, и другие имена: Буддхамитра, Сангханала, Асвахара. В одной из надписей В.Вертоградова найдено название, которое, по-видимому, имел пещерный буддийский монастырь Каратепа «Кхадевака (государева) вихара».

Не менее важным достижением являлось определение благодаря надписям принадлежности буддистов Термеза к школе «Махасангхика» - одной из основных школ в махаяне. Это предположение, высказанное впервые Я.Хармматой, нашло подтверждение в последующих исследованиях надписей из Каратепа.

2. Роль Средней Азии в распространении мировых религий в Восточном Туркестане и на Дальнем Востоке

Древнейшие религии.

Средняя Азия сыграла выдающуюся роль в распространении мировых религий: буддизма, ислама, зороастризма, христианства,

а также иудаизма и манихейства в странах Центральной Азии и Дальнего Востока. Среди миссионеров, принесших идеи этих религий, были выходцы из Передней Азии: арабы, греки-византийцы, сирийцы, иудеи. Коренные жители Средней Азии: бактрийцы, согдийцы, парфяне, а также представители различных народностей Индостана.

Основными факторами, способствовавшими появлению этих религий в Средней Азии, являлись: вхождение данного региона в состав государств, где господствующей была та или иная религия (буддизм в Кушанском государстве, ислам в арабских халифатах, зороастризм в Ахеменидской, Парфянской, Сасанидской империях). Миссионерская деятельность, религиозные гонения, (несторианство, манихейство, иудаизм), разногласия между сторонниками того или иного направления (несторианство), военные действия и борьба с неверными «джихад» (ислам). Пройдя определенный период адаптации и внедрения в жизнь народов Средней Азии, эти религии посредством тех же факторов были перенесены их адептами в страны Дальнего Востока. Но значение, продолжительность бытования, широта распространения их здесь от периода появления и до нашего времени были далеко не равнозначными. Наиболее значимое место в религиозных системах стран Дальнего Востока занял буддизм, распространение которого шло, начиная главным образом с кушанского времени, мирным путем в основном через посредничество среднеазиатских народов.

Среди буддийских монахов, сыгравших выдающуюся роль в распространении, пропаганде и разработке буддийского вероучения, китайские источники называют согдийцев Кан Сэн-Хуэ и Бао-и (Ратнами), бактрийцев Чжу Таньмонога (Дхармаракаша) и Дармамитру, парфянина Ан-ши-гао, причем первые переводы буддийских сочинений на китайский язык были осуществлены выходцами из стран Индии и Юэчжи (Бактрия-Тохаристан). Буддизм до сих пор в той или иной форме сохраняется и является господствующей религией в странах Дальнего Востока.

Христианство внедряется в Среднюю Азию в первых веках н.э. (выдающуюся роль в его распространении в Индии сыграл апостол Фома, а в Средней Азии епископ Баршабб) и укрепляет свои позиции благодаря несторианам. Адепты несториане внедрили свою религию вплоть до Чаньяня, в Китае, среди тюрков (особенно уйгур) и монголов. Несторианство среди них сохранялось и играло важную роль вплоть до XIII-XIV в. В Средней Азии последние христианские общины были устранены при Улугбеке. Повторный возврат христианства в страны Дальнего Востока и Среднюю

Азию связан с колонизацией этих стран и деятельностью португальских, голландских, итальянских и русских миссионеров.

Манихейство, в котором была сильна миссионерская деятельность (сам Мани утверждал, что «вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны») через посредничество среднеазиатских миссионеров, особенно широкое распространение получает среди тюрков-уйгуров в областях Восточного Туркестана, у которых она являлась государственной религией. Манихейские общины имелись и в Китае. Известно, например, что правитель Чаганиана (область в долине Сурхандарьи) просил китайского императора принять великого мо-джо (манихейский учитель) и разрешить ему построить в китайской столице храм, естественно, манихейский. С внедрением в Восточном Туркестане ислама манихейство фактически как религиозная система исчезает, хотя идеи его еще долго сохраняются среди различных сект Передней Азии и Европы (павликаны, альбигойцы).

Дура-Европос.
Фреска Канона. I в. до н.э.

Роль иудаизма в религиозной жизни стран Центральной Азии и Дальнего Востока не ясна, в Средней Азии, в особенности в области Мерва эта религия внедряется, по-видимому, в первых веках нашей эры и затем проникает в Восточный Туркестан. В Хотане Аурелом Стейном был найден ранний иудейско-персидский документ, свидетельствующий о проникновении иудаизма в эту область.

Распространение зороастризма в Восточном Туркестане и Китае связано, вероятнее всего, с согдийцами, основавшими многочисленные колонии на трассах Великого шелкового пути. Зороастризм, видимо, исповедовался только в среде согдийской

диаспоры и не оказал какого-либо влияния в странах Дальнего Востока. Любопытно однако, наличие на острове Окинава погребальных глиняных сооружений с рельефными украшениями, весьма напоминающих среднеазиатские оссуарии.

Зороастризм. Зороастризм - древняя религия. Название свое она получила от имени основателя - Заратуштры, что со староперсидского переводится, как обладающий золотым (или старым) верблюдом. Большинство ученых считает, что Заратуштра - лицо вполне реальное, а не мифическое.

Время жизни Заратуштры зороастрийская традиция определяет в «258 лет до Александра» (имеется ввиду Александр Македонский). Принимая во внимание эту дату и привлекая другие косвенные данные, многие исследователи считают, что Заратуштра (в греческом произношении Зороастр) жил в конце VII - начале VI века до н.э. Согласно той же традиции проповедь новой религии Заратуштра начал при дворе Кави Виштаспы - правителя Бактры (нынешний Балх в Северном Афганистане), куда прибыл со своей родины Арьянам Вайтах. В чем суть религии Заратуштры, или если быть более точным, религиозной реформы, поскольку в нее очень много вошло и из старого многобожия ираноязычных народов?

Время, когда Заратуштра начал проповедь своих идей, было чрезвычайно важным в истории Средней Азии и Ирана. Происходила ломка старых первобытнообщинных отношений, складывались новые классовые. Новая религия отражала эти перемены и служила новому зарождающемуся классовому обществу. Она призывала к политическому объединению и созданию сильной централизованной власти, к решительной борьбе против кочевых народов, ставших в этот период настоящим «бичом божьим» для населения земледельческих оазисов.

В религиозном аспекте, так же как и в социальном, реформа Заратуштры сводилась к проповеди единого божества Ахура - Мазды (буквально господин «мудрый»), к борьбе с бывшими племенными божествами асурами и дайвами, которые отныне объявлялись врагами Ахура - Мазды. Отныне провозглашается постоянная и непримиримая война между добром и злом, правдой и ложью, светлым и темным. Борьба эта приобретает космические масштабы и становится основой зороастрийского дуализма, причем светлые силы возглавляет Ахура - Мазда, а во главе темных становится Ангро - Манью - Ахриман.

Все многообразные функции языческого пантеона отныне передаются своеобразной коллегии так называемых Амэша - Спэнта, которых шесть и которые не являются божествами, наделен-

ными плотью и кровью в языческом понимании, а представляют собой отвлеченные сущности, наделенные плотью условно и по существу являющиеся лишь функциями единого божества. Решительно отвергаются древние языческие обряды, в частности употребление хаомы - ритуального наркотика.

Правда, с течением времени религия Заратуштры, постепенно распространяясь среди ираноязычных народов и сохраняя свою основу, претерпевала некоторые изменения. Постепенно складывается зороастризм - одна из важнейших религий древности, впитавшая в себя религиозно-философский дуализм Заратуштры, старые иранские культы и исторические предания.

Окончательно оформился зороастризм при Сасанидах (III - VII века н.э.). В это же время широко распространяется зороастрийская литература. Надо сказать, что на первых порах священные тексты зороастрийской религии передавались из поколения в поколение устно и только по прошествии нескольких веков после смерти Заратуштры были сведены в единый текст и записаны.

Была создана Авеста - священная книга зороастрийцев. Считается, что первая кодификация Авесты произошла, по-видимому, в I веке до н.э., хотя ряд ученых, опираясь на зороастрийскую традицию, возводит это событие ко времени первых Сасанидов (III - IV века н.э.). Тогда же появился и термин «Авеста» - по-среднеперсидски - апастак, что означает «основа», то есть основной текст. Авеста - сборник религиозных текстов зороастрийской религии, наподобие Корана у мусульман или священного писания у христиан, сложившийся в разное время и на разной территории. Большая часть Авесты после принятия ислама погибла, и до нас дошли лишь те ее тексты, которые были необходимы для повседневной религиозной практики.

Зороастризм выработал сложную и весьма своеобразную погребальную обрядность. В основе ее - строгое предписание Авесты о том, что ни землю, ни огонь, ни воду нельзя осквернить соприкосновением с трупом. Тот, кто закопает труп человека или собаки в землю, совершит тяжкий грех и за это должен быть подвергнут 500 ударам «лошадиной плетью». А участок земли, где погребен человек или собака, в течение года нельзя орошать или засеивать. Но как же тогда быть? Как похоронить умершего? Зороастрийские жрецы выработали строгую последовательность сложного погребального обряда, изложенного в Видевдате. В нем предписывалось, что труп умершего человека сперва необходимо поместить в ката - небольшую постройку, а затем отнести на дахму (естественную возвышенность или специальную постройку) где птицы, хищники или специально обученные собаки обглодают

труп. И только после этого очищенные кости разрешается помещать в определенные костехранилища, выстроенные из камня, глины или извести. В Видевдате эти костехранилища именуются Уздана, а в более поздних пехлевийских текстах - астодан, перевод названий до сих пор остается неясным и понимается двояко. Одни ученые полагают, что термином астодан обозначались глиняные ящики - оссуарии - их находки очень часты в Средней Азии. Другие ученые, в частности выдающийся немецкий иранист В.Хенинг, переводили термин как земляной склеп - гробница. Погребением занимались специальные люди, так называемые ристокаша, считавшиеся нечистыми. Им запрещалось находиться ближе 30 шагов от огня, воды, барсмана (культовый предмет, представляющий собой пучок ветвей), подходить к людям ближе, чем на три шага.

Кроме авестийских терминов широко был распространен и термин "наус", восходящий к греческому слову "наос" - храм, обозначающий у зороастрийцев сасанидского периода и первых веков ислама надгробное сооружение для хранения очищенных костей умерших.

Погребальные сооружения зороастрийцев - уздана, оссуарии, дахма ката и храмы обнаружены и исследованы во многих местах Средней Азии - в Бактрии, Маргиане, Парфии, Хорезме.

Особую роль в становлении зороастризма играли Хорезм и Бактрия. Открытие в последнее время разнообразных буддийских памятников в Бактрии с их выдающимися произведениями искусства как бы заслонило тот несомненный факт, что основной религией этой страны был зороастризм. Буддизм в Бактрии базировался в городах, его опорой прежде всего было пришлое население, в пору существования Кушанской империи широко расселившееся по всей ее территории, тогда как зороастризм являлся религией исконного населения Бактрии, следы которого фиксируются в археологических памятниках.

Бытование и продолжение существования данной религии здесь подтверждаются целым комплексом источников, письменными свидетельствами, эпической традицией, археологическими, эпиграфическими и нумизматическими данными.

В «Видевдате», систематизированном в I в. до н.э. Бактрия (Бахди) фигурирует в числе таких праведных зороастрийских стран, как "страна с высокого поднятыми знаменами". Светская историческая традиция, опирающаяся на сасанидский "Худайнаме", сохранила более древнее представление о бактрийском царе - кави Виштаспе - покровителе Заратуштры, при дворе которого пророк начал проповедь новой религии. О царе Балха (Бактр) Гуштаспе,

покровителе Зардушта, писали Табари, Макдиси, Фирдоуси, Даккики, Беруни и другие средневековые авторы.

Несомненная связь Заратуштры и зороастризма с Бактрией подтверждается и сведениями греко-римских авторов, начиная с Ктесия Книдского (V в. до н.э.), в ряде фрагментов труда которого он назван “Маг Зороастр, бактриец” или “Зороастр маг, царь бактрийцев”. Традиция, связывающая Заратуштру с Бактрией, нашла отражение в более поздних греко-римских источниках, как например, в трудах Аммиана Марцеллина (IV в. до н.э.), писавшего о “бактрийце Зороастре” (XIII в., 6, 32), а также в сочинениях ранних христианских авторов о Зороастре как основателе Бактр, откуда “новый закон” пошел “по всей земле”. (цит. по И.В.Пьянкову с.11).

Вопреки скептицизму прежних ученых (В.Хеннинг) ярким свидетельством существования погребального обряда зороастрийского характера является сообщение спутника Александра Македонского Онесекрита о том, что “людей, изнуренных болезнями, они бросали живыми собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке называли “могильщиками”. Территория вне стен столицы имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей (Страбон. XI,II, 3). Подтверждением этому сообщению являются обнаруженные мною и А.С. Сагдулаевым разрозненные человеческие кости на поселениях ахеменидского времени в северной Бактрии и Южном Согде. Б.А.Литвинским ныне доказана зороастрийская принадлежность храма Окса, возведенного, по видимому, в конце IV в. до н.э. на городище Тахти-Сангин.

Значительное число бесспорных свидетельств существования зороастризма в Бактрии имеется для кушанского времени. Это прежде всего Рабатакская надпись, опубликованная Н. Симс-Вильямсом и Дж. Криббом. В 8-11-й строках этой надписи говорится о том, что царь Канишка отдал приказ Шафару каралрангу о постройке святилища и возведении в нем изображения богов, “которых ... великолепный Умма возглавлял, госпожа Нана и Госпожа Умма, Ахурамазд, Маздован, Срошард, Нараса, Михр», а над именами этих зороастрийских божеств вписаны имена индуистских божеств Maaseno(Mahasena) и Bizaro (Visaka).

Таким образом, Рабатакская надпись устанавливает главенствующую роль зороастрийских божеств в религиозных взглядах царя Канишки I, а, следовательно, и Бактрии, поскольку вышеупомянутое святилище было построено в Баглане, на территории этой страны. Имя божества Сраошо зафиксировано в одной из пещер Каратепы. Имена других зороастрийских божеств Фарро и Мао

обнаружены в надписях из буддийских храмов Фаязтепа и Дальверзинтепа. Это возможно, свидетельствует о каком-то слиянии зороастризма и буддизма или включении зороастрийских божеств в состав бодхисатв (включение чужих божеств в состав бодхисатв характерная черта одного из двух направлений буддизма - махаяны).

Не менее важное свидетельство почитания зороастризма в Бактрии и в целом в Кушанской империи - изображение божеств на монетах Канишки и Хувишки, многие из которых, как доказал еще А.Стейн, зороастрийского характера. Бактрийская ономастика, выявленная в эпиграфических памятниках на территории Бактрии, также подтверждает устойчивый характер зороастризма в этой стране. Особенно часто отмечены сложносоставные имена, в одном из компонентов которых обязательно присутствует имя великого зороастрийского йазата - Митры (Михра) Михрзад, Борзомихр.

Слово «йазадо» в словосочетании «и божества» присутствуют в надписи из Айртама. Это, кстати сказать, самое раннее и единственное свидетельство (если не считать, более позднего (VII в.) имени Йазатпир на монете Чача), документально подтверждающее существование культа йазатов в Средней Азии, что прежде устанавливалось лишь, в предположительной форме.

Наконец, ярчайшим свидетельством существования зороастризма в Бактрии являются погребальные сооружения, зороастрийский характер которых был доказан Б.Л. Литвинским и автором этих строк. Сейчас в Северной Бактрии открыты, раскопаны все виды погребальных сооружений, отмеченные в «Видевдате» (ката, дахма, уздана, наусы). Они исследованы на городищах Дальверзинтепа, Старый Термез, Ялангтуштепа, Шахтепа и в особенности, на Кампыртепа. Здесь же отмечены (с определительными отклонениями от изложенного в соответствующих фрагментах «Видевдата») и другие зороастрийские обряды очищения и оберега от нечистого, в частности такой обряд, как «баршум».

Из Средней Азии зороастризм возможно вместе с буддизмом проникает в Китай и Сериндию. В распространении несторианства и манихейства в Восточном Туркестане и Китае значительную роль сыграли согдийцы. О распространении зороастризма в этих странах сведений меньше. Подавляющее большинство согдийцев исповедовали зороастризм в его местной среднеазиатской интерпретации. Некоторые исследователи именуют его маздеизмом.

Первое знакомство китайцев с зороастризмом произошло, вероятно, еще до новой эры. Во всяком случае, уже путешествия Чжан Цзяня (вторая пол. II в. до н.э.), регулярные китайские посольства в Бактрию, Согд, Парфию в I в. до н.э., где зороастризм яв-

лялся господствующей религией, несомненно, свидетельствуют о том, что китайцы были хорошо осведомлены об этом вероучении. Зороастрийцами были жители согдийских колоний, основанных в первые века н.э. вдоль восточного участка Великого шелкового пути, а также бактрийцы городов Восточного Туркестана.

Согласно китайским письменным источникам, первый иранский храм огня был построен в Чаньане в 627 г. Храмы огня - «Сяньцы» (религия Небес), существовали в других китайских городах - Лояне, Кайфане и, бесспорно, в городах Восточного Туркестана, подчиненных Китаю. Причем, здесь согдийские храмы огня возникли гораздо раньше, чем собственно в Китае, да и сами согдийские зороастрийцы принесли эту религию в это государство раньше, чем персы. Одним из наиболее ранних зороастрийских памятников в Китае является погребальная, или поминальная каменная стела, найденная в Северной Хэнани близ Чжандэфу с изображением согдийских алтарей огня. Собственно зороастрийских сочинений здесь пока не обнаружено, но считается, что найденные в окрестностях Дуньхуана фрагменты «Сказания о Рустаме», были созданы зороастрийцами. В одном из фрагментов, хранящихся в Британском музее, упоминается «Совершенный, праведный Заратуштра», а первые две строки содержат согдийский вариант авестийского гимна Аше воху. Таким образом, можно совершенно определенно говорить о том, что согдийцы сыграли выдающуюся роль в распространении в Средней Азии великих религии Востока: буддизма, христианства, зороастризма и манихейства.

Буддизм. Исключительно важная роль в духовной жизни народов, обитавших вдоль трасс Великого шелкового пути в древности и раннем средневековье, принадлежит буддизму.

Эта одна из наиболее распространенных мировых религий зародилась в Индии в VI в. до н.э. Ее основатель Шакьямуни («отшельник из племени шакьев»), реальное лицо, царевич Сиддхартха, принадлежавший к знатному роду Готама, отсюда его родовое имя Гаутама. Он жил в Северной Индии в 566-476 гг. или в 563-473 гг. до н.э.

Согласно буддийским религиозным преданиям, грядущий Будда, что в переводе с санскрита означает «просветленный высшим знанием, осененный истиной», явившись на землю для того, чтобы указать человечеству путь спасения от страданий, воплотился в царевича Сиддхартху. Уйдя из дома, он стал искать средство, ведущее к избавлению от страдания, и однажды, сидя под священным деревом Бодхи, познал «четыре благородные истины», став Буддой.

Недалеко от Бенареса он произнес перед пятью будущими учениками первую проповедь, затем, в течение сорока лет проповедовал свое учение, которое первоначально называлось «последователи дхармы».

Дхарма - одно из основных понятий буддизма, включающее учение Будды, текст, в котором изложено это учение, и элемент текста или состояние сознания. Лишь позднее это учение по имени его основателя стало называться буддизмом.

Наряду с различными школами в буддизме существуют два главных направления. Хинаяна, или «малая колесница», «узкий путь спасения» с характерным для нее полным отказом от мирской жизни, получила распространение в раннем буддизме и играла основную роль в Магадхском царстве. Существенным моментом в учении хинаяны является малозначительная роль бодхисатв, которые не являлись в ней объектом почитания и никакой роли в спасении человека не играли.

Спасение человека зависело от него самого, если он вставал на путь, указанный Буддой.

Другое направление - махаяна, «большая колесница», ставшее наиболее распространенной школой буддизма после IV буддийского собора, созванного царем Канишкой в Кашмире.

В отличие от хинаяны, бодхисатвы в махаяне - это сверхъестественные существа, небожители, различные воплощения самого Будды. Они добровольно, ради помощи людям, отказываются от своего права погружения в нирвану, им свойственна любовь и милосердие к людям, поэтому они пользовались исключительным почитанием в махаяне.

Пантеоны бодхисатв постоянно пополнялись в основном за счет шиваитских и вишнуитских богов, но также в него включают и божества народов, принявших полностью или частично буддизм. Эти божества, по словам А.Н.Кочетова, «подвергаются небольшой мифологической обработке, сводившейся главным образом к созданию рассказов об обращении их в буддизм».

Уже в период правления великого царя Ашоки (273-239 гг. до н.э.) буддизм становится государственной религией обширного индийского царства Маурьев (322-184 гг. до н.э.), а затем распространяется в Бактрии, Согде, Сериндии (Восточный Туркестан) и Китае.

Согласно Б.А.Литвинскому уже во второй половине и в конце существования греко-бактрийского времени (т.е. в середине II в. до н.э. - Э.Р.) в Афганистане, а затем в Средней Азии появились буддийские миссионеры, а затем и местные адепты учения Будды, а в кушанское время (I-II в. н.э.) его проникновение значительно

усиливается. Еще более раннюю дату проникновения буддизма в Бактрию предлагает Багчи время Ашоки (261 - 226 г. до н.э.).

Е. Цюрхер относил время появления буддизма на юге Средней Азии к I в. до н.э.

Близкой точки зрения придерживаются Т.К. Мкртычев и другие исследователи. По мнению А.Фуше буддизм в Бактрии не существовал ранее конца I в. н.э. - начала II в. н.э. Согласно же Б.Я. Ставискому буддизм в Средней Азии и только в Северной Бактрии - Тохаристане появляется во II-III в. н.э. В IV в. н.э. буддийская община появляется в Мерве (Маргиана), но по Г.А. Пугаченковой и З.И.Усмановой первый буддийский памятник здесь датируется III-IV в. н.э. Ранее Г.А.Кошеленко относил его к первым векам н.э.

Согласно нашему мнению, всю историю раннего буддизма (до IV в. н.э.) в Средней Азии можно разделить на три периода.

I. Период знакомства с буддизмом и возникновения в Северной Бактрии - Тохаристане первых буддийских сооружений - Айртам, Каратепе, Фаязтепе (I в. до н.э. - I в. н.э.)

II. Период утверждения и укрепления буддизма в Северной Бактрии и его распространение в Согде, Маргиане и Чаче (II в. н.э. - первая половина III в. н.э.)

III. Период временного ослабления позиций буддизма. Разрушение и запустение ряда буддийских комплексов в Северной Бактрии - Тохаристане (вторая половина III в. н.э. - IV в. н.э.).

Распространение буддизма в Китае шло двумя путями: непосредственно из Индии и из ряда историко-культурных областей Средней Азии, в которых буддизм ко времени его первого появления в Китае, по-видимому, уже занимал достаточно крепкие и прочные позиции.

Согласно Е.Цюрхеру, буддизм в Китае появился между первой половиной I в. до н.э. - серединой I в. н.э. Это мнение разделяют и другие ученые. Так, П.Ч. Багчи придавал большое значение роли Тохаристана в распространении буддизма и индийской культуры. О значении распространения буддизма из Средней Азии в Китай писали Е.Цюрхер и Г.Масперо, Э.Шавань и другие. Неоднократно подчеркивал важную роль буддизма в Средней Азии в своих работах Б.А.Литвинский. Вместе с тем, В.М.Штейн, например, писал, что не следует преувеличивать роль среднеазиатского буддизма и юечжей в его распространении в Китае.

Один из современных исследователей буддизма - Б.Я. Ставиский выразил сомнение в том, что Средняя Азия была ретранслятором буддизма в Китай.

В китайских письменных источниках переданы две основные версии знакомства китайцев с буддизмом. Обе они связаны с юечжами, народом, во второй половине II в. до н.э. поселившимся в Северной Бактрии, а затем по всей этой области.

Согласно первой версии, изложенной во введении к «Сутре в сорок втором отделе», ханьский император Минди отправил группу посланников в страну юечжей, дабы получить священные тексты. Эта миссия имеет разные датировки - 60, 61, 64, 68 гг. н.э. После трех, а по одной из версий одиннадцати лет, посольство вернулось с текстом или переводом «Сутры в сорок втором отделе».

Вместе с посольством прибыли и первые иностранные миссионеры-буддисты в Китае - Кашьяпа Матанга и Дхармаратна. После чего император построил в Лояне буддийский монастырь Пай-массу.

Бытуют различные оценки этой версии. Так, известный китайский ученый Таньан-Тун не исключает возможность использования этой версии как исторического факта. Напротив, Г.Масперо считал эту версию фикцией, пропагандистской историей, полной анахронизмов. По его мнению, она появилась в III в. н.э. и получила дальнейшее развитие в IV-V вв. н.э.

По второй версии, согласно традиции, сложившейся в начале III в. н.э., китайский посланник ко двору юечжей, студент императорской академии Чин Лю (имеются различные формы написания его имени) был обучен юечжийским кронпринцем буддийским сутрам во II в. до н.э. Эта история впервые изложена в очень испорченном пассаже об Индии из Ши-дзунчан Вей-Лео, созданном около середины III в. н.э. Полностью этот пассаж выглядит так:

«В древности в правление императора Аи из династии Хань в первый год периода Ян-Шоу (II в. до н.э.) студент императорской академии Чин Лю получил от И-Изуна, посланника царя Великих Юечжей, устную инструкцию о буддийских сутрах».

Е.Цюрхер считает, что Чин Лю получил эту инструкцию от юечжийского посланника, вероятнее всего, в столице Китая. Э.Шавань предлагал внести поправку в текст этого пассажа, основанную на двух поздних параллельных версиях этой истории:

«Студент императорской академии Чин Лю отправился с миссией к Великим Юечжам. Юечжийский царь приказал кронпринцу обучить его устной передаче буддийских сутр», т.е., как указал Е.Цюрхер, Э.Шавань полностью исправляет этот пассаж из текста Вей-Лео. Получается, что Чин Лю научился буддийским сутрам не в Китае при дворе императора от И-Изуна, юечжийского посланника, а сам, будучи посланником китайского императора к Великим Юечжам, обучился им от юечжийского кронпринца на

земле юечжей. Заметим кстати, что версии о первом знакомстве китайцев с буддийскими священными текстами не совсем точно переданы в русской научной литературе.

И в исторической оценке последней версии существуют также противоречия. Одни считают ее недостоверной, другие - исторически верной. Е. Цюрхер указал, что эта версия не находит подтверждения в китайской официальной истории Хань-шу, где отсутствуют сведения о китайском посольстве к юечжам во II в. до н.э. или юечжийском посольстве в Китае в том же году и что сведения об этом появляются лишь в III в. н.э. По его мнению, этот материал нельзя использовать для исторических выводов.

Е.Цюрхер обращает внимание на то, что традиция, связанная с первым появлением буддизма в Китае, упорно сочетает это важнейшее событие с юечжами, а, следовательно, с Бактрией - Тохаристаном, где, согласно Р.Ч.Багчи, буддизм мог появиться еще в конце III в. до н.э. при Ашоке. Таким образом, если мы не имеем подтверждения этого события в «Хань-шу», вовсе не исключено, что юечжи способствовали проникновению буддизма в Китай, ведь традиция, какая бы она ни была, опирается на некогда существовавшие реальные факты.

Значительная роль ряда областей Запада Средней Азии - Парфии, Бактрии, Согда в распространении буддизма подтверждается сведениями китайских письменных источников. Эти данные неоднократно использовали в своих работах А.Пельо, Э.Шавань, Г.Масперо, О.Франк, Е.Цюрхер и другие западные, а также китайские и японские ученые.

Будда. Оттиск с матрицы. Согд.
перевал Тахта-Карача

Парфия. В китайских письменных источниках упоминаются пятеро парфян, способствовавших распространению и пропаганде буддизма в Китае. Деятельность двух из них - Ань-Шигао и Ань-Шаня проходила еще в правление династии поздняя Хань (25-220 гг. н.э.), деятельность двух других - Тан У-Ти (Дхармасатья?) и Ань-Фачженя (Дхармамадхаэра?) при династии Вей (220-265 гг. н.э.); монах-каллиграф Ань-Ху Изе жил в IV в. н.э. Наиболее известный из них Ань-Шигао.

Он прославился в первую очередь тем, что был первым переводчиком буддийских сутр на китайский язык, а также создал школу переводчиков буддийских текстов, из которой впоследствии вышли знаменитые личности.

Согласно традиции, Ань-Шигао был наследным принцем, отказавшимся от престола ради служения религии. По Г.Масперо, Парфянское государство при Аршакидах представляло собой конгломерат мелких царств и Ань-Шигао, вероятно, был членом правящей семьи в одном из таких царств.

Попытку увязать Ань-Шигао с парфянским принцем, фигурирующим в западных источниках, предпринял Леон Вейгер, но она не нашла поддержки со стороны ученых. Из Парфии Ань-Шигао отправился в Китай и в 148 г. н.э. поселился в Лояне, где прожил двадцать лет. Г.Масперо предполагал, что в Лояне существовала специальная парфянская школа переводчиков, основателем которой был Ань-Шигао. Число написанных им сочинений поздние библиографы оценивают от 30 до 176. Ань-Шигао оказал огромное влияние на становление буддизма в Китае, систему буддийской философии и практики.

Второй парфянин, распространитель буддизма в Китае, Упасака Ан-Чжан был вначале купцом. В 181 г. н.э. он прибыл в Лоянь и вступил в буддийскую общину, возглавляемую Ань-Шигао. Совместно с первым известным нам китайским монахом Ян-Фотао, который называл себя учеником Ань-Шигао, они перевели на китайский язык буддийское сочинение «Уградаммапарипрера», содержащее сведения о жизненном пути Бодхисатвы.

Китайские письменные источники упоминают еще об одном парфянине - Ань-Фачжене (Дхармамадхаэра?), игравшем активную роль в распространении буддизма в период правления династии Западный Цинь (216-316 гг. н.э.). Он перевел на китайский язык пять буддийских сочинений, в том числе Ашокараджавадано - легендарную историю императора Ашоки.

Другой выходец из Парфии Тан У-Ти (Дхармасатья ?) также внес свою лепту в пропаганду буддизма в Китае в это же время, но подробных данных о нем не сообщается.

Последний парфянский буддист - монах Ань-Ху Изе, упоминаемый в китайских письменных источниках, помимо выполнения своих религиозных функций, был известным каллиграфом, выполнял миниатюрные рукописи сутр, а также копии текста Панкавитсатисахасрика.

Основные научные исследования по истории буддизма в Китае, в т.ч. участие в них выходцев из Средней Азии, проводились в конце XIX-первой половине XX вв., когда на территории Парфян-

ского государства не были еще обнаружены буддийские памятники. В начале шестидесятых годов прошлого столетия выяснилось, что Древний Мерв, столичный город области Маргианы, являлся в первой - начале второй половины I тыс. н.э. крупным буддийским центром. Здесь были открыты два буддийских памятника - крупный наземный монастырь, расположенный в юго-восточном углу города, в котором найдены голова Будды и индийские рукописи, и буддийская ступа, возведенная за пределами восточной стены города.

Время возведения ступы не вызывает сомнения - VI в. н.э., эпоха Сасанидов. Что касается буддийского монастыря, то мнения о его датировке различны. Первоначально его отнесли к первым векам н.э. однако, недавно появилась версия - кон. III - нач. IV вв. н.э.

Эта датировка вызывает сомнение. Как показывают археологические исследования, Сасаниды, во второй половине III в. н.э. завоевавшие Северный Тохаристан, разрушили здесь многие буддийские памятники. В это время прекратили функционировать буддийский комплекс в Айртаме, пещерный монастырь Каратепа и наземный монастырь Фаязтепа, буддийские сооружения Дальверзинтепа.

И в то же самое время, якобы, в Мерве, подчиненном Сасанидам, возводится крупный наземный буддийский монастырь. Нонсенс. Первоначальная датировка памятника более корректна, а во время наступления Сасанидов против буддизма этот монастырь переживал, видимо, значительный упадок.

Все упоминаемые в китайских письменных источниках проповедники буддизма были прямо или косвенно связаны с Мервом и Маргианой - первой парфянской, а в последствие сасанидской областью, в которой имелись буддийские сооружения.

Согд. Эта область Средней Азии сыграла выдающуюся роль в установлении торговых и культурных взаимоотношений с Китаем. Немаловажное значение имели выходцы из Согда и в распространении буддизма в Китае.

Китайские письменные источники называют четырех согдийских монахов-буддистов: K'ang-chu, K'ang-Meng-hsiang, самого знаменитого из них K'ang-Seng-Kai или K'ang-seng-hui (индийское имя его Е.Цурхер дает как Sanghavarman?, а Р.Багчи как Sanghamar) и Бао-и (Ратнами). Кан Изюй был современником известного юечжийского монаха Локакшемы и действовал в Китае после 190 г. н.э. Он родился в Лояне, а затем переселился в Чаньань, где существовала большая буддийская община с группой переводчиков на китайский язык сочинений Махаяны. В этой же

группе переводчиков упоминается и другой согдиец Кан Мэн-сян, работавший над переводами сочинений из жизни Будды.

Родители Кан-Сэн-уэй (умер в 280 г. н.э.) из Согда переселились в Индию, а затем в Тонкин, где в первой четверти III в. н.э. родился Сэн-уэй. После смерти отца он покинул мирскую жизнь и стал монахом. В 247 г. н.э. переехал в Нанкин, где построил монастырь и основал буддийскую школу. Кан-Сэн-уэй был первым проповедником буддизма в Южном Китае. Ему приписывается обращение в буддизм императора Сунь Хао, строительство множества монастырей и ступ, переводы на китайский язык многих буддийских сочинений и комментариев к ним, часть из которых сохранилась до сих пор.

Другой согдийский монах Бао-и (родовое имя Кан, индийское имя Ратнами) вместе с семьей из Согда вначале переселился в Индию, затем в 454-456 гг. в Китай, где местом его пребывания стал монастырь Ваганьси. Ратнами был выдающимся знатоком буддийских сутр и виная, различного рода заклинаний и предсказаний, получив от современников прозвище «Наставник в Трипитаке».

Кроме того, китайские письменные источники упоминают для IV в. н.э. двух лиц, имеющих непосредственное отношение к пропаганде буддийского вероучения в Китае. Это Кан Фа-ши, который был не только буддийским монахом, но и первым известным в китайской истории каллиграфом, оформителем буддийских сочинений. Он работал в тесном контакте с величайшим каллиграфом этого времени Кан-Чином, также, судя по его имени, согдийцем. Буддийские сутры, оформленные этими лицами, имели весомую ценность.

Таким образом, и согдийцам, также как парфянам, принадлежит особая роль в распространении буддизма в Китае. Однако большинство из них были уроженцами Индии или Китая, но не Согда.

Вопрос о распространении буддизма в Согде остается открытым. До сих пор, за исключением буддийского святилища в Саназаре здесь не открыто каких-либо буддийских памятников. Известны, правда, находки головы Будды вблизи Самарканда и буддийских статуэток из Южного Согда.

Бактрия-Тохаристан. С этой областью китайская традиция связывает первое знакомство китайцев с буддийским вероучением. Выходцы из Тохаристана сыграли незаурядную роль в распространении и пропаганде буддизма в Китае.

Самый первый из них, монах Чжи Лоуцзянчань или Чжи-Чжан, индийское прозвище которого Локакшема, прибыл в Китай из страны Юечжей спустя двадцать лет после Ань-Шигао. Его деятель-

ность здесь имела место между 168-188 гг. н.э., по Е.Цюрхеру, хотя Р.Ч.Багчи указывает, что Локакшема прибыл в Лоянь в 147 г. н.э. Локакшеме приписывается от двенадцати до четырнадцати переводов буддийских сочинений на китайский язык, а также честь первого переводчика Сиратгамасамуахисутра. Особая роль принадлежит Локакшеме в деле перевода сутр махаяны и внедрения буддизма махаяны в Китае.

Другой юечжийский монах-упасака Чжи Цзянь (первая половина III в. н.э.) по прозвищу Гун-Мин, родовое имя Юэ, был учеником Локакшемы. Внешне он был худым, иссохшим до черноты человеком, с очень светлыми глазами и золотистыми зрачками (кстати, это первое и единственное описание физического облика юечжей). Из Лояня он переселился в Нанкин, где жил до середины III в. н.э. и занимался переводами буддийских сочинений. Чжи Цзянь обладал выдающимися знаниями и не случайно про него говорили, что «телом он тщедушен, а ума палата», владел многими языками, изучил «варварскую» письменность. В период с 222 по 253 гг. он перевел на китайский язык в изысканной литературной форме сорок девять буддийских произведений, сочинил три гимна на тему о Бодхисатве и прокомментировал Шолистамбхака-сутра.

Выдающееся значение для распространения и пропаганды буддизма в Китае имела деятельность буддийского монаха Чжу Таньмалоча по прозвищу Дхармаракша (китайское имя Фа-Ху), выходец из тохарской семьи, поселившейся в Дуньхуане в середине III в. н.э. Отсюда другое его прозвище «Дуньхуанский Бодхисатва». Он приехал в столицу Китая - Чаньань в 284 г. н.э. и действовал там до 313 г. н.э. Дхармаракша обладал незаурядными знаниями и феноменальной памятью, знал 36 языков. Ему приписывается перевод на китайский язык ста буддийских сочинений. В пригороде Чаньяня, Дхармаракша основал монастырь, где прошли обучение несколько тысяч монахов. Как особо выдающееся качество Дхармаракши отмечается, что он понял «идею конца перерождения нирваны». Скончался Дхармаракша в возрасте семидесяти семи лет.

Итак, приведенные данные свидетельствуют о выдающейся роли буддийских монахов - выходцев из Средней Азии в распространении буддизма в Китае в первой половине первого тысячелетия нашей эры, в переводах буддийских сочинений на китайский язык, в создании буддийских школ и приобщении китайцев к буддийскому вероучению.

Обратимся еще к одной важной особенности ранних буддийских сооружений, проливающей свет на содержание буддийского вероучения в Средней Азии.

В Айртаме - одном из наиболее ранних и основных центров буддизма в Северной Бактрии среди найденных скульптур изображения бодисатв отсутствуют. Скульптурные изображения Айртамского фриза передают образы музыкантов «панча махашабта» - пяти священных звуков. Скульптурный блок с шестистрочной бактрийской надписью передает, по мнению П.Бернара, Шиву и Парвати. По мнению Я.Харматта - Фарро и Ордошхо. Имена Будды или бодисатв в самой надписи не упоминаются. В Каратепе среди живописных рисунков и скульптур отсутствуют изображения бодисатв, которые не упоминаются и в найденных здесь многочисленных надписях брахм и кхароштки. Нет изображений бодисатв в живописи Фаязтепа среди найденных там скульптур.

В первом буддийском загородном храме Дальверзинтепа среди большого количества светских и культовых персонажей отсутствуют изображения бодисатв. Напротив, при раскопках второго буддийского храма, расположенного в центре Дальверзинтепа найден ряд их скульптурных изображений.

Такое достаточно четко прослеживаемое разграничение, по моему, является свидетельством того, что такие буддийские центры как Айртам, Каратепе, Фаязтепа, первый буддийский храм Дальверзинтепа создавались в еще доканишкинскую эпоху, в период господства Хинаяны, когда культ бодисатв не пользовался почитанием.

Характерно, что изображение бодисатв в сравнительно большом количестве появляется только во втором буддийском храме на Дальверзинтепа, время возведения которого датируется по археологическим данным II-III вв. н.э.

Существенны также и следующие исследования наблюдения. В живописи Фаязтепа за головой одного из мужских персонажей проставлена бактрийская курсивная надпись, означающая имя одного из основных божеств – Фарро - божества благодати в кушанском пантеоне. При раскопках второго буддийского храма на Дальверзинтепа был найден фрагмент стенки сосуда с однострочной бактрийской надписью черной тушью, в которой хорошо читается Мао - имя божества луны в кушанском пантеоне.

Таким образом, уже в двух случаях в буддийских храмах Северной Бактрии зафиксирован факт присутствия в них же буддийских и авестийских божеств. Также изображение Митры в буддийских росписях Бамиана. Данное явление не случайно. Известно, что махаяна в свой пантеон охотно включала божества других религий, что определялось большей доступностью и легкостью победы буддизма над другими религиями. Учитывая это положение, можно предположить, что буддисты Бактрии включили в свой

пантеон древних авестийских божеств Фарро и Мао, а возможно и других.

В двух надписях из Фаязтепа и некоторых, по-видимому, надписях кхароштки из Каратепа упоминается буддийская школа Махасангхики. В буддийской ступе в пригороде Старого Мерва найдены рукописи, являвшиеся компиляцией на основе сутр учения «Шравакаяны», т.е. колесницы спасения для шраваков, принадлежавшего к школе Сарвастивадинов. Обе эти школы относятся к махаянистическому направлению в буддизме.

Христианство. Громадный вклад в установление культурных контактов между Западом и Востоком внесли представители различных направлений христианской церкви, которые, начиная с первых веков нашей эры, в силу определенных причин - миссионерской деятельности, гонений на них в странах, где они ранее обитали, разногласий между сторонниками того или иного направления, вначале появляются в Средней Азии, переселившись в основном из Персии и Сирии, а затем по трассам Великого шелкового пути проникают в Восточный Туркестан и Китай.

Среди них были православные мелькиты, яковиты - представители одного из направлений западной сирийской церкви - название которых происходит от имени ее основателя - Якова Цанцалы, но в основном несториане - последователи Нестория (380-440). Пребывание их и роль в христианизации вышеназванных стран, связана с определенными политическими и особенно религиозными причинами.

В IV - первой половине V вв. православная церковь в Византии и поддерживающее ее правительство по мере укрепления своих позиций усиливают борьбу с еретиками, к числу которых относились и несториане.

Наметившиеся еще в прошлые века среди единой тогда православной церкви разногласия по поводу толкования священного писания, церковных обрядов, сущности Христа привели в конечном итоге к ее расколу и созданию отдельных многочисленных сект и различных направлений.

Несторианство окончательно оформилось в первой половине V в. н.э., после развернувшихся в ту пору среди христиан ожесточенных споров по поводу единства или двойственности божественной и человеческой сущности Христа.

Несторианство в лице его духовного наставника Нестория было осуждено как ересь на Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. н.э. Несториане разграничивали две природы Христа, признавая лишь чисто внешнее соединение между ними, отрицали они и Деву

Марию как мать божью. Это направление - диофизитство нашло своих сторонников в основном в восточной сирийской церкви, тогда как апологеты другого направления - монофизитства признавали единую божественную сущность Христа, а человеческая природа его была лишь его принадлежностью, не имеющей самостоятельного значения. Среди сторонников монофизитства были армянская, египетская и западная сирийская церковь. В борьбе между монофизитами и диофизитами верх одержали первые, и несториане, составляющие большинство второго направления, бежали в Иран. Надо сказать, что к этому времени и то и другое направления отделились от православной церкви. В Иране большинство православных приняло несторианское учение. Несториане играли в Иране важную роль, занимая государственные должности, занимались торговлей, среди них были искусные врачи, ученые, ремесленники.

Надо отметить, что до массового притока несториан в Персию, здесь существовали большие христианские общины, зафиксированные еще во II в. н.э. Особенно усилились позиции христиан в Сасанидском государстве при шахе Йездегерде I (399-420), когда христианская церковь в Персии провозгласила себя независимой от Византии. После переселения в Персию несториан, при шахе Перозе (459-484), несторианская церковь получает большую поддержку и признается здесь официальной, тогда как позиции православных мелькитов значительно ослабевают, что было вызвано в первую очередь политическими причинами. Сасанидский Иран почти всегда находился в состоянии войны с Византией, а несториане, изгнанные оттуда, по понятным причинам не испытывали к ней симпатий. Тем не менее, несториане, так же как и представители иных христианских направлений, время от времени подвергались в Персии гонениям, в чем определенную роль играло зороастрийское жречество, боявшееся утратить свои позиции.

Это стало одной из причин массового оттока христиан-несториан из Персии в Среднюю Азию и далее на Восток в конце V-VI вв. н.э., хотя нельзя не учитывать свойственную этой религии миссионерскую деятельность.

Однако христианство проникает в Среднюю Азию задолго до прибытия несториан.

В христианской традиции распространение христианства на Востоке, в Индии и сопредельных странах, в частности, в Бактрии, связано с именем апостола Фомы, которому Индия досталась по жребию при разделе мира между апостолами. Фома, однако, не хотел идти в эту страну, тогда явившийся Господь продал его в качестве искусного плотника купцу Наббану (или Хаббану)

за двадцать серебряников, посланному в южную страну «царем Индии» Гундафаром. Прибыв в Индию ко двору царя Гундафара, апостол Фома начал проповедовать христианское вероучение, обратив в эту веру царя, его брата по имени Гад и много других жителей городов и деревень. Затем он пришел в город, где правил царь Маздай, обратив там в христианскую веру его жену Тертю и другую знатную даму. Своими действиями он вызывал подозрения и был убит четырьмя воинами, после чего якобы был погребен в царской усыпальнице, откуда тело его тайком было вывезено на Запад.

Этой легенде о деяниях Фомы можно, конечно, не верить, но упоминавшееся в ней реальное историческое лицо - «царь Индии» Гундафар известно из и других источников. Согласно христианской традиции, апостол Фома посетил Гундафара в 29 г. н.э., на этом основании время его правления относят ко второй четверти I в. н.э. Династия индо-парфянских правителей просуществовала недолго и, по-видимому, во второй половине I в. н.э. была упразднена кушанами.

Вместе с тем, имеются более достоверные источники, помимо деяний апостола Фомы, свидетельствующие о раннем распространении христианства в Средней Азии и в сопредельных странах. Согласно сирийской «Книге законов стран», авторство которой, по одной версии приписывают некоему Вардесану (154-222 гг.) из Эдессы, а по другой - она, якобы, составлена его учениками в середине III-го в. в Бактрии. В Персии и Лидии в это время уже было распространено Евангелие. Там же упоминается о наличии христиан в Кушане, т.е. на территории Кушанского государства.

О наличии христиан в Бактрии и стране кушан вплоть до Инда, в правление Шапура II (309-379) свидетельствует армянский историк Егише. Согласно исследованиям О.Хансена, еще один этап переселения христиан в эту область приходится на правление сасанидского шаха Исздегерда II (438-457 гг.).

Выдающаяся роль в христианизации Средней Азии, согласно христианской традиции, принадлежит Баршаббе - легендарному епископу Мерва и основателю христианской церкви в Восточном Иране. Баршабба происходил из Сирии, откуда он был вывезен сасанидским царем Шапуром II (309-672 гг.) в Иран, где обратил в христианскую веру сестру и жену Шапура - Ширран. Дабы освободить ее от влияния Баршаббы, Шапур отправил Ширран в Мерв, однако несколько позднее Баршабба последовал за ней. В Мерве он стал первым христианским епископом. После смерти и погребения, Баршабба чудесным образом воскрес и прожил еще 15 лет. В

одном из согдийских текстов, найденных вблизи Турфана, утверждается, что Баршабба основал церкви в Фарсе, Горгане, Тусе, Абаршахре, Серахсе, Мерверуде, Балхе, Герате и Систане.

В знаменитой работе Беруни «Памятники минувших поколений» говорится о том, что литургический календарь христиан-мелькитов в Хорезме включал 21 июня - день поминаения священника Баршаббы, который принес христианство в Мерв спустя 200 лет после рождения Христа.

В 334 г. в синодальных документах упоминается, что в работе Синода принимал участие епископ из Мерва. Этот факт свидетельствует о существовании здесь достаточно большого христианского прихода, коь скоро во главе его стоял епископ - значительная по церковному табелю о рангах фигура. Но также это свидетельство того, что христианские идеалы и их носители проникают в Мерв задолго до 334 года.

Таким образом, уже в первых веках нашей эры христианство в Средней Азии, особенно в Мерве и Бактрии было достаточно широко распространено. Но очевидно также, что укрепление его позиций происходит с массовым притоком несториан. Если до этого можно, видимо, говорить о том, что распространение христианства в этой области имело скорее стихийный характер, то с

приходом несториан этот процесс приобрел целенаправленный характер.

В VI-VII вв. христианство несторианского типа в Средней Азии настолько усилилось, а христианские общины выросли, что в ряде городов потребовалось учреждение митрополий. Согласно сирийским хроникам, при патриархе Иешубе II (628-643 гг.) были учреждены митрополии в Самарканде, Герате, а также в Индии и Китае. Согласно другим источникам, приведенным В.В.Бартольдом и Э.Захау, митрополия в Герате была основана во второй половине VI в., а в Самарканде, якобы, еще при патриаршестве Ахая (410-416 гг.). Вероятно, в VI в. митрополия была учреждена и в Мерве. В VII в. была учреждена митрополия Кашгара и Невакета. Известно, что в 644 г. мервский митрополит Илия обратил в христианство тюрков, обитав-

Бодхисатва. Кампыртепа.
I в.н.э.

ших за рекой Оксус (Амударья). Некоторые тюркские племена, вероятно, еще ранее стали исповедовать христианство. По данным Феофилакта Симокаты, когда в 591 году был разгромлен мятежный сасанидский полководец Бахрам Чубин, то у многих из бывавших с ним его союзников-тюрков, был на лбу знак креста. По их словам, такой знак наносили у них новорожденным по совету христиан для отвращения всяких напастей.

Вероятно, христианами была и какая-то часть эфталитов - могущественного племени, создавшего во второй половине V - первой половине VI вв. н.э. одно из самых значительных государств в Средней Азии. По данным Егише, при заключении союзного договора с армянами, хоны-эфталиты «приняли на себя клятву христиан - с твердостью хранить с ними единство».

Кроме христиан-несториан, в Средней Азии проживало, вероятно, немало православных. По мнению С.П. Толстого, основанного на изучении документа VIII в., в состав Хазарской митрополии входила также особая Хвалисская, т.е. Хорезмская христианская епископская кафедра.

Согласно Беруни, местопребыванием митрополита Хорасана был город Мерв, а это означает существование весьма большой христианской общины православных мелькитов, ибо до высшего духовного сана - митрополита священнослужители этого направления проходили через стадии певчего, чтеца, иподиакона, диакона, священника, епископа.

Тот же Беруни пишет, что четвертого дня месяца Айяр происходит праздник роз, который также справлялся и в Хорезме. «В этот день приносят в церковь джуржийские розы, и причина в том, что Мария одарила в этот день первыми розами Елизавету, мать Иоанна».

Данные письменных источников о широком распространении христианства в домусульманской Средней Азии подтверждаются материальными свидетельствами. Среди них - церкви-монастыри, предметы христианского культа, погребальные памятники, монеты с христианскими символами.

Особое место в этом перечне занимают церкви-монастыри. Их обнаружено на территории Средней Азии пока весьма мало, но они по данным письменных источников существовали в Мерве, Самарканде, Хорезме, Тара-

Монета правителя
Чача. VII в. н.э.
С изображением
креста.

зе, Мерке, Семиречье и других местах, где были христианские общины.

Многие из них после прихода арабов разрушились, на месте других возводились мусульманские мечети. Наршахи писал, «...что если войдешь во внутренний город (Бухары), то сейчас налево будет улица, которая называется «Риндан» (улица развратников). За ней была христианская церковь: теперь там мечеть, которая называется мечетью племени Бану-Ханзала. Наршахи также сообщает, что когда Исмаил бин Ахмад в 893 г. взял Тараз и обратил многих его жителей в ислам, то христианская церковь этого города была превращена в соборную мечеть.

В 1938 г. М.Е. Массон обследовал развалины монастыря в районе Ургута в Самаркандской области. В 50-е годы отрядом Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ) в 15 км к северу от Старого Мерва были исследованы остатки сооружения, известного у местных жителей под названием Хароба-Кошук. На основании архитектурного анализа, Г.А. Пугаченкова определила его как христианский храм и датировала V-VI вв. н.э. Последующие исследования подтвердили это предположение.

Небольшой монастырь, принадлежащий, по предположению Г.Я.Дресвянской, православным христианам-мелькитам, исследован ЮТАКЭ в северо-восточном углу городища Гяур-кала в Старом Мерве. Христианская церковь, датируемая VII-VIII вв. н.э. обнаружена на городище Ак-Бешим в Киргизии.

К христианским культовым сооружениям относят вскрытое на поселение Коштепа I в Ургутском районе Самаркандской области прямоугольное здание с круглым залом, датированное VII-VIII вв. н.э. Основанием для этого вывода послужили его архитектурные особенности, в некоторой степени близкие византийским христианским храмам, а также найденный здесь фрагмент стенки хума с оттисками печати, на которой, вероятно, представлен обряд крещения.

У арабского географа Ибн-Хаукаля (X в.) имеется интересное сообщение о христианском селении Вазгерд, опубликованное В.В.Бартольдом. Согласно Ибн-Хаукалю: «К югу от Самарканда есть гора Шавдар... На горе Шавдар есть христианская церковь: здесь собираются христиане, и здесь находятся их кельи. Я нашел там много иранских (месопотамских) христиан, удалившихся туда вследствие плодородия места, его уединенного положения и здорового воздуха. Церковь, в которой постоянно обитает много христиан, владеет недвижимой собственностью: место господствует над большей частью Согда и известно под именем Вазгерда».

По мнению В.В.Бартольда, это христианское селение находилось в районе Ургута, к югу от Самарканда. Здесь же, в местности, расположенной к юго-западу от Ургута, в ущелье Гульбог найдено несколько десятков сирийских надписей граффитти и изображений креста. Все эти данные свидетельствуют, что район Ургута на протяжении нескольких столетий являлся крупным христианским центром Средней Азии.

Христианское селение Винкерд, по данным того же Ибн-Хаукаля, существовало и на территории современной Ташкентской области, на берегу Сырдарьи.

Весьма интересными памятниками, выявленными лишь в последнее время, являются среднеазиатские монеты с христианскими символами. Одна из таких монет, найденная в Пенджикенте, имеет в центре оборотной стороны прямой четырехконечный крест с расширяющимися концами несторианского типа: рядом помещен династийный знак согдийского владетеля. На лицевой стороне второй монеты, происходящей с городища Варахша, помещено изображение хищного животного, идущего вправо, а в центре оборотной стороны - несторианский крест. О.И.Смирнова полагает, что эти монеты, вероятнее всего, выпущены согдийскими князьями-христианами или главой христианской общины или монастыря.

Бронзовые монеты с изображением несторианского креста выпускал Роханч IV (VII в.) - правитель (афшин) Уструшаны.

Крайне любопытна бронзовая монета VII в., выявленная на Афрасиабе. На лицевой стороне - погрудное изображение правителя с монголоидными чертами, в высоком башлыкообразном головном уборе. Справа от головы - большой крест, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной, а слева - небольшой крест несторианского типа. Подобный принцип размещения крестов характерен для монет христианской Византии, в частности, Юстиниана I (527-595), находки которых в Средней Азии нередки и, вероятнее всего, скопирован с них. Насыщенность монеты христианскими символами свидетельствует о том, что выпустивший их тюркский правитель придерживался христианского вероучения, скорее всего несторианского типа. А.Мусакаева выявила в коллекции монет, собранных экспедицией В.А.Шишкина на городище Варахша, около десятка бронзовых монет с изображением на лицевой стороне хищного зверя или оленя, а на оборотной - несторианского креста.

Наряду с монетами, в Средней Азии обнаружено немало предметов с христианскими символами и сюжетами, датирующихся ранним и развитым средневековьем. Одна из наиболее интерес-

ных находок - клад раннехристианских предметов, найденных в 20-х годах XX в. на городище Геоктепа в Южном Туркменистане. В составе частично сохранившегося клада VI в. имелись круглые бляшки и медальоны с дырочками на краях, предназначенные для нашивания на ткань. На них помещены изображения барана-агнца, являющегося в раннем христианстве символическим изображением Христа, которое практиковалось в христианстве вплоть до конца VII в., когда на Трильском соборе 691-692 гг. оно было отменено и Христа стали изображать «по человеческому естеству». На других бляшках было нанесено изображение птицы-феникс, являющейся в раннем христианстве символом бессмертия и воскресения.

Наиболее интересные сюжеты переданы на золотом медальоне. На одной его стороне имеется изображение барана, стоящего на постаменте из трех горизонтальных черт, над ними - маленький крест, а позади головы барана - древко, на верхнем конце которого прикреплены развевающиеся полотнища. На другой стороне - стоящая человеческая фигура, а позади - древко знамени.

М.Е.Массон доказал, что здесь переданы христианские образы и символы: баран - это агнец, человеческая фигура - изображение Христа-пастыря, древко с развевающимися полотнищами передает хоругвь - культовое знамя христианской церкви, а три горизонтальные черты - это символическое изображение горы Голгофы, на которой Христос принял свою мученическую смерть.

На Коштепе I был обнаружен венчик хума с тремя оттисками печати и изображением двух мужских фигур. Одна из них, в длинном одеянии и высоком головном уборе стоит в полный рост. В левой его руке книга, возможно, евангелие, в правой высоко поднятой руке он держит крест, как бы осеняя склонившегося перед ним в коленопреклоненной позе мужчину в богатом одеянии и короне(?). Возможно, что здесь передан обряд крещения, причем, судя по короне и богатому одеянию, новообращенное в христианство лицо было знатного рода.

Из того же Ургута происходит еще ряд христианских культовых предметов, в частности - это бронзовое кадило, на поверхности которого изображены сцены из Нового завета: «Благовещение», «Встреча Марии и Елизаветы», «Рождество», «Крещение», «Распятие», «Жены-мироносицы у гроба».

По данным В.Н.Залесской, кадило сирийского происхождения и может быть датировано VIII-IX вв.

Из Самарканда происходит так называемая «Ампула Святого Мины», хранящаяся в Эрмитаже. Она представляет собой небольшой сосуд с уплощенным туловом и двумя ручками, прикреплен-

ными к горлу. С обеих сторон поверхность тулова покрыта штампованными медальонами, в которые помещены изображения Святого Мины, стоящего во весь рост с распростертыми руками. Слева и справа наверху изображения крестов, а внизу - фигуры двух верблюдов. Такого рода «ампулы» изготовлялись в IV-VII вв. в коптском монастыре Святого Мины к западу от Александрии в Египте. Они заполнялись водой из целебного монастырского источника и из монастыря разносились паломниками за пределы Египта. В краеведческом музее Оша хранится керамическая плитка с изображением несторианского креста. Здесь же на склонах священной горы Тахти-Сулейман есть несколько аналогичных изображений. В Средней Азии найдены и другие категории христианских предметов. В некрополях Джамуката и Наваиста вскрыты христианские погребения с бронзовыми нательными крестами. Аналогичный крест найден в одной из могил некрополя Дашти-Урдакон в районе Пенджикента. На Афрасиабе, по данным А.И.Тереножкина, обнаружен несторианский бронзовый крест. Нагрудный несторианский крест VIII-IX вв. из нефрита найден на Краснореченском городище в Киргизии. Изображения несторианских крестов помещены на стенках оссуариев, найденных в Афрасиабе, Миздахкане, в некоторых районах Согда, Хорезма, Чача.

Несомненно, внедрению в сознание местного населения христианской символики определенную роль сыграли византийские монеты, которые, начиная с Константина Великого и последующих императоров, в значительном количестве, так же как изготовленные с них индикации, встречаются в Средней Азии.

Все они на поверхности имеют изображение крестов от простых до патриарших.

Одним из свидетельств христианства в Средней Азии являются также христианские письменные памятники. Наиболее ранний из них (не позднее 740 г. н.э.) - обломок сосуда из Пенджикента с сирийским текстом - фрагментом из псалмов, входивших в Пештитту - сирийскую версию Библии. Сирийские наскальные надписи, вероятно, христианского содержания в значительном количестве имеются в районе Ургута, но они из-за плохой сохранности плохо поддаются чтению. К IX-X вв. относятся несколько согдийских христианских надписей из Киргизии, переведенных В.А.Лившицем.

Одна из них, выполненная на венчике хума, найденного на городище Красная Речка (древний Сарыг), гласит: «Этот хум предназначен для учителя Йарук-тегина. Мастер-Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь». Как считает В.А.Лившиц, опираясь на содержание надписи, знатный тюрок

Йарук-тегин был, видимо, одним из христианских руководителей города Сарыга.

Другая согдийская надпись, происходящая из городища Яккалыч в Чуйской долине состоит из духовного титула и типично согдийского имени «епископ Ширфарн». Сирийские и согдийские христианские надписи найдены в Таразе (соврем. г. Джамбул). Краткая вертикальная согдийская надпись на стенке хума отражает духовный титул и тюркское имя «пресвитер Иль-Таг».

Интересна сирийская надпись, вырезанная на сосуде, передающая два христианских имени: Петр и Гавриил, которые, по мнению А.Я. Борисова, были христианами яковитами.

Значительное число христианских несторианских надгробий с сирийскими надписями и изображениями крестов, датируемых XIII-XIV вв., найдены в Семиречье.

Интересны также христианские надгробные гальки-кайраки с эпитафиями, выполненными сирийской письменностью. Наиболее ранние из них найдены при раскопках цитадели городища Красная речка, которые относятся к 789 и 909 гг. Среди большого числа погребальных памятников, раскопанных в Средней Азии, удалось выделить и христианские погребения, например, в некрополях Старого Мерва, Тараза, Ак-Бешима, Навакста, Джамуката и др. Судя по ним, христиане Средней Азии практиковали захоронение в хумах, ассуариях, склепах, обычных грунтовых могилах с трупоположением. В частности в некрополе Ак-Бешима найдено погребение в хуме с процарапанным на нем несторианским крестом.

В области Восточного Туркестана христианство несторианского толка проникает, вероятно, ранее VI в., но уже в следующем столетии оно заняло здесь прочные позиции. Его появление в этих областях, видимо, связано с деятельностью несторианских миссионеров и с согдийцами-купцами, христианами по происхождению, которые способствовали распространению христианства не только здесь, но и в соседнем Тибете. Об этом красноречиво свидетельствует надпись, найденная в Ладаке, на границе Кашмира и Тибета. Она исполнена согдийским вертикальным письмом, рядом с ней на камне вырезаны изображения крестов. Надпись гласит: Год 210. Я прибыл изнутри (т.е. - из Восточного Туркестана). Самаркандец раб (божий) Ношфарн пойдет к кагану Тибета (перевод В.А.Лившица). Надпись датирована по эре Сасанидского царя Иездегерда и соответствует 841-42 г. н.э.

Письменных источников о распространении христианства в восточном Туркестане сохранилось очень мало. Но о его широком распространении свидетельствуют найденные здесь тексты христианских сочинений, исполненных сирийским алфавитом -

эстрангело на согдийском языке. Вместе с тем согдийцы, переводившие христианские сочинения на свой язык, использовали и согдийскую письменность.

Из оазисов Восточного Туркестана несторианство по трассам Великого шелкового пути проникает в Китай. Уже в VI в., согласно китайским хроникам, в провинции Ганьсу проживала семья несторианина сирийца Мар-Саргиса, предки которого прибыли сюда с Запада. Патриарху Иешубе II (628-643 гг.) приписывается учреждение первой митрополии в этой стране. Большую роль в распространении христианства сыграла свойственная несторианам активная миссионерская деятельность. Так, согласно сирийским хроникам, при патриархе Тимофее I (780-819 гг.) один из выдающихся пропагандистов несторианства Субхалышу из прикаспийских областей через Среднюю Азию проник в Китай, обратив в христианство язычников-тюрков, огнепоклонников, манихеев и мархионитов.

Но наиболее ярким свидетельством пребывания несториан в Китае является знаменитая каменная стела из Чаньяня, установленная в 781 г. хорепископом Хумдана Язедбоузидом - сыном Милиса, священника из Балха, города в Тохаристане. В ней излагается краткая история этого вероучения в Китае. Надпись на стеле двуязычная: китайско-сирийская. Автором сирийской версии был «персидский священник» Адам, которому принадлежит перевод 36 христианских сочинений на китайский язык.

Первое несторианское посольство, возглавляемое епископом Алобеном, прибыло в Чаньянь в 635 г. В Китае несториане основали несколько монастырей: четыре из них в Чаньяни, один в Лояне и четыре в Сычуане, Угоне, Линьфу.

В основном несторианство в Китае исповедывали иноземцы, данные о его распространении среди самих китайцев отсутствуют. Несторианство в Китае пользовалось, как считает А.Никитин, особым покровительством при императорах Танской династии, заинтересованных в торговых контактах с Западом, проводниками которых в основном были несториане-согдийцы, персы, сирийцы. Однако впоследствии, с изменением политической обстановки, несторианство начинает подвергаться гонениям, а эдиктом 845 г. христианам, также как манихеям и буддистам предписывалось покинуть пределы Китая. К концу X в. христианство в Китае полностью исчезает. Несмотря на то, что несторианство сравнительно недолго существовало в Китае, оно оставило здесь определенный след, что выразилось в строительстве монастырей, переводах христианских книг на китайский язык, воздействии на китайскую философию. Японский исследователь Саэки считает,

что в трудах некоторых китайских философов встречаются изречения, заимствованные из Евангелия.

В распространении несторианства в Китае, наряду с сирийскими миссионерами видная роль принадлежала священникам - выходцам из Средней Азии - тохаристанцам и согдийцам, согдийским купцам-христианам.

Переходя из одной страны в другую, преследуемые приверженцами иных религий, христиане-несториане преодолели весь многотрудный Великий шелковый путь от далекой Сирии и Византии до Чаньяна в Китае. Многие из них приняли мученическую смерть, но ничто не могло заставить их изменить своей вере. Они несли с собой слово божье и распространяли его, перефразируя в некотором роде известные слова апостола Фомы из Деяния Святых Апостолов.

Манихейство. Манихеи, гонимые превратностями судьбы, преследуемые официальными властями, уничтожаемые и презираемые... Истории и духовной сущности их учения немало строк посвятили как древние авторы, так и современные ученые, что впрочем, остается малодоступным для широкого круга читателей.

Манихеи оставили заметный след не только в истории культуры Средней Азии, но фактически и на всей трассе Великого шелкового пути. Ибо начали они свой путь из городов Ирана, а закончили в степях и пустынях Центральной Азии.

Основу «мировой религии» Мани составляет дуалистическая концепция о том, что мир состоит из двух начал: светлого и темного, которые находятся в непрерывной борьбе между собой. Манихеи уверяли, что в космосе существовало два вечных противоположных друг другу бога - света и тьмы. На борьбу с богом тьмы был послан первый человек - Хормизд, в помощь которому бог света придал пять священных элементов: чистый воздух, теплый ветер, свет, воду и очистительный огонь. Борьба оканчивается неудачей, и первочеловек просит помощи у бога, который посылает ему духа «живого», однако, несмотря на это, душа первочеловека остается во власти тьмы. В каждом человеке, по вероучению манихеев, душа также является порождением зла, а доброе истинное начало заключено в «искре божьего света». Задача каждого истинного манихейца заключена в ее освобождении, что может быть достигнуто путем нравственного совершенства. По этой причине миряне не должны убивать себе подобных, животных, отказываясь от мясной пищи. Еще больше запретов налагалось на так называемую «категорию избранных», которые не должны вступать в брак и даже рвать те растения, которые шли в корм животным. Основные задачи «избранных» - молиться

за отпущение совершаемых мирянами грехов, а также проповедывать манихейскую религию. За это «избранные» сразу же попадают в рай Света, тогда как миряне, прежде чем достигнуть его, должны пройти ряд перевоплощений, появляясь на земле все в новом и новом обличье.

Высокие моральные категории, проповедываемые манихеями, выдвинутый ими социальный лозунг: «кто богат, тот будет беден, будет просить подаяние и претерпит великие муки» - привлекли к ним массы бедного и среднего населения. Манихейство, благодаря хорошо поставленной пропаганде, еще при Мани стало распространяться не только в Иране, но также и в Месопотамии, Малой Азии, Риме, проникает на Восток и в Среднюю Азию. Мани утверждал, что «вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны».

Манихеи создали обширную литературу, главным образом, религиозного характера. Сам Мани написал множество сочинений на восточноарамейском наречии и среднеиранском языке, а для их записи он применял разновидность сирийского письма «праэстрангело», передающего гласные звуки иранского языка, что в большей степени облегчило чтение и письмо. Кроме того, согласно многим преданиям, Мани был выдающимся художником, проиллюстрировавшим свои произведения, равному которому не было в мире. До недавнего времени имя Мани у народов Средней Азии и Ирана являлось символом великого художника.

Успехи учения Мани, отдельные элементы социального протеста, какими бы они не были пассивными, не могли не вызвать опасений у правящего класса и зороастрийского жречества Ирана. Поэтому уже при следующем сасанидском царе Варахране I (273-276 г. н.э.) Мани был заключен в тюрьму и казнен, сторонники манихейской религии подверглись жестокому преследованию. Массы манихеев переселяются в Среднюю Азию.

Арабский историк Ан-Надим писал: «Первой религией, помимо саманства (буддизма), которая проникла в Мавераннахр, было манихейство. Причиной было то, что, когда Хосрой убил Мани и распял его, и запретил людям в своем государстве участвовать в распрях по вопросам религии, он приступил к избиению последователей Мани, где бы он их ни находил. И они (манихеи) бежали от него, пока не перешли реку Балха (Амударья) и не вступили в страну Хана, и оставались они при нем».

В Средней Азии манихейские общины были основаны еще при жизни Мани. Огромную роль в распространении манихейства здесь сыграл один из самых примечательных деятелей манихейской церкви Мар-Амо - весьма образованный человек, знавший

парфянский язык и письмо. Мани сам послал его в Среднюю Азию пропагандировать манихейство. Мар-Амо прибыл вначале в Абаршахр, затем в Мерв, а оттуда в Кушанское государство, где также основал манихейскую общину.

Уже после смерти Мани Мар-Амо вел активную миссионерскую деятельность по среднему течению Амударьи, где в городе Зембе (Средневековый Зем) им была основана манихейская община.

О деятельности Мар-Амо в Средней Азии свидетельствуют два важных документа, найденных в Турфанском оазисе в Восточном Туркестане. Один из них - письмо, отправленное первым преемником Мани - Сисионом из Мерва к Мар-Амо в Земб. В этом письме предписывается проводить активную пропагандистскую деятельность, терпеливо и настойчиво разъяснять основы манихейской веры. Позднее манихейство широко распространяется во многих городах и областях Средней Азии, но главными ее центрами были Мерв, Самарканд и Чаганиан.

В Самарканде, в частности, одно время находилась резиденция верховного главы манихеев, а согдийский язык к концу VII в. становится официальным языком восточной манихейской церкви.

Позиции манихейства были сильны и в Чаганиане, царь которого в 719 г. направил китайскому императору манихейского учителя (великого Мо-джо) в качестве посла и проповедника этой религии. Он писал, что этот человек искушен в астрономии и обладает глубокой мудростью, не существует ни одного вопроса, на который он не смог бы дать ответа. Царь просил, чтобы учителю позволили построить храм, где он смог бы выполнять служения, согласно предписаниям его религии.

Все это говорит о том, что манихейство являлось в Чаганиане не только официально признанной, но и возможно, господствующей религией. Очень интересна в этом отношении согдийская надпись, сопровождающая настенную живопись, открытая в одном из зданий Афрасиаба и прочитанная В.А.Лившицем. В ней рассказывается о посольстве царя Чаганиана Туранташа к царю Самарканда Авархуману и, в частности, говорится, что прибывшие в столицу Согда чаганианцы не будут внедрять и пропагандировать среди жителей Самарканда своей веры, под которой весьма вероятно, подразумевалось манихейство.

Известно, что манихейская религия широко распространяется среди тюркских племен. Многие манихейские рукописи написаны на древнетюркском языке. Именно в Восточном Туркестане было найдено большое число богато иллюстрированных манихейских сочинений и среди них - уйгурский текст «Хвастуванифти» -

«Покаянной молитвы» - одного из основных сочинений манихейской религии, обнаруженных английским археологом Аурелом Стейном в развалинах древнего городища у Дуньхуана.

В 762-763 гг. уйгурский правитель Бегю-каган в китайском городе Лояне встретился с высшими иерархами манихейской церкви, после чего он и его приближенные приняли манихейство, объявленное затем государственной религией в Уйгурском Каганате. Данный статус манихейство сохраняло здесь до 840 г.

В Китай манихейство проникло из Средней Азии через Восточный Туркестан. Главными его проводниками, как считает В.Хеннинг, являлись согдийцы. Многие манихейские сочинения были переведены на китайский язык, а в городах Лояне - столице Танской империи и Гайюани в 807 г. были воздвигнуты манихейские храмы.

Манихейство в Восточном Туркестане и других областях Центральной Азии еще долго сохраняло свое значение.

На протяжении нескольких столетий манихейство играло важную роль в развитии архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, о чем свидетельствуют находки из Восточного Туркестана, особенно Турфанского оазиса. Особую роль играли манихеи в развитии музыки, настенной живописи, книжной миниатюры. Богато иллюстрированные манихейские книги поражали современников.

Считается также, что манихейские монастыри являлись прототипами появившихся позднее мусульманских ханако.

Для исследователей остается до сих пор сложным вопрос о выделении манихейских древностей среди великого множества и разнообразия культур Средней Азии. Благодаря находкам манихейских текстов, живописи и миниатюр, а также монастырей этот вопрос в той или иной степени решен для Восточного Туркестана.

Но до сих пор нет ни одного убедительного научного свидетельства о манихейской принадлежности того или иного памятника.

Ряд исследователей считают манихейскими храмы, раскопанные в Пенджикенте, связывая с манихеями некоторые типы оссуариев и терракот.

В конце 70-х годов был исследован своеобразный могильник Биттепа, расположенный в отрогах Бабатага на левом берегу Сурхандарьи. Он состоит из нескольких склепов, вырубленных в конгломератах на высоте 15-20 м. В склепах находились костяки, лежащие на спине в вытянутом положении в сопровождении разнообразного погребального инвентаря.

Этот некрополь принадлежал, видимо, жителям раннесредневековой одноименной столицы области Чаганиан, ныне горо-

дища Будрач, расположенного в 4 км от вышеназванного могильника, прямо напротив его, на другой стороне реки.

Обычно некрополи, как это показывают археологические исследования, располагались вблизи города или селения. А здесь достаточно далеко и к тому же в столь уединенном месте, что наводило на мысль о том, что погребенные в могильнике Биттепа принадлежали к отдельной религиозной общине.

Основываясь на анализе отдельных сторон погребального обряда могильника Биттепа, можно предположить, что он мог принадлежать манихейской общине. В частности, в нем отсутствуют керамические сосуды. Возможно, их здесь заменяли деревянными, но таковых также нет, что, кстати сказать, не может быть объяснено плохой сохранностью дерева - в могильнике прекрасно сохранилась коробочка-пиксида. Таким образом, отказ ставить в могилу сосуды с пищей и водой связан, скорее всего, с какими-то изменениями в погребальном культе. Душа по пути в загробный мир больше не нуждается в пище - так можно сформулировать новые изменения в представлениях о душе в загробном мире жителей Чаганиана, которые прежде, заботясь о покойных, еще с эпохи бронзы ставили в могилы многочисленные сосуды с пищей и водой. Нередки находки в них и жертвенной мясной пищи - костей баранов, изредка и крупного рогатого скота. В могильниках же раннесредневекового Чаганиана - ни одной находки костей животных, за исключением астрагалов - культовых игровых предметов, пока не обнаружено, тогда как в некоторых из них в могилы положены зерна различных злаков.

Следовательно, происходит отказ не вообще от пищи, а в первую очередь, от мясной. В этой связи очень любопытно, что запрет мясной пищи, является одним из главных предписаний манихейской религии, служители и приверженцы которой должны были питаться только растительной пищей.

Но как все же хоронили манихеи и были ли выработаны у них какие-то особые погребальные обряды? К сожалению, эта сторона манихейской религии остается все еще загадкой для ученых, так как в письменных источниках сохранилось очень мало сведений об этом. Судя по отдельным фрагментам манихейских сочинений, одним из способов захоронения у них было, вероятно, труположение. В отрывке парфянского текста о смерти Мани говорится: «...Апостол света снял нателные боевые доспехи и воссел в корабль Света и воспринял божественное одеяние, диадему света и прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами света, которые сопровождали (его) справа и слева, при (звуках) чанга и радостной песни полетел с божественной

мощью, словно молния быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу восхода света и Луносфере, к месту божественного собрания и остался у отца Ормузда-бога».

Нам представляется, что у манихеев не существовало какого-то канонически утвержденного погребального обряда, во всяком случае, в тех областях Средней Азии и Восточного Туркестана, где укрепилась манихейская религия. Адепты ее приспосабливались к уже существующей в этих областях погребальной практике, несколько видоизменяя ее в соответствии с требованиями этой религии, а вновь обращенные неопиты приносили в погребальную обрядность черты местных, издавна существовавших здесь обычаев и верований.

Проживая совместно с христианами в одних и тех же городах и областях, имея много общего и зачастую разделяя их полную превратностей судьбу - жестокие гонения и преследования - манихеи могли воспринять и христианскую символику, и христианские предметы.

Так, в найденной в Биттепа небольшой деревянной круглой коробочке с крышкой, находилась часть фаланги пальца руки. Подобного рода коробочки - пиксиды, широко распространены в христианском мире, являясь непременным атрибутом этой религии, изготовленные из серебра, золота, кости и дерева, они зачастую были украшены христианскими сюжетами и символами, но встречаются и без таковых.

Первоначально они предназначались для хранения реликвий «истинного креста», а затем - для реликвий различных святых. Пиксиды найдены во многих христианских захоронениях. Исследователи считают, что в данном случае они являются личной вещью и носились и хранились подобно медальонам и ладанкам, выполняя магическую лечебную функцию.

Находка пиксиды в могильнике Биттепа пока единственная в Средней Азии.

Другой интересный культовый предмет, найденный здесь - это миниатюрный бронзовый амулет в виде кувшинчика с вырастающим из него «древом жизни», имеющим форму креста. Вполне возможно, что данный амулет не имеет отношения к христианству, так как мотив «древа жизни» свойственен многим религиям, в том числе и манихейству, но и в христианской догматике существует прямая связь между понятиями «крест» - «древо жизни». Поэтому изображения «древа жизни» в христианском искусстве зачастую воспринимаются как изображение креста.

Еще одна чрезвычайно важная находка была сделана в последние годы. Научный сотрудник Сурхандарьинского краеведческого

музея К.А.Шейко обнаружил небольшой керамический сосуд, от венчика до дна покрытый письменами, выполненными тушью. По его словам, этот сосуд был найден в Сараассийском районе, на одном из тепа.

Надписи на сосуде изучаются специалистами, но уже сейчас очевидно, что они исполнены сирийским письмом, которое в Центральной Азии использовали в основном христиане и отчасти манихеи. Конечно, до прочтения надписи на этом сосуде трудно утверждать, кому она принадлежит - христианам или манихеям. Но и в том и в другом случае она имеет большое значение для истории культуры Средней Азии. Во-первых, это первые сирийские надписи из Тохаристана, во-вторых, наиболее значительные из всех прежде найденных в Средней Азии, и в-третьих, одни из наиболее ранних. Христианство и манихейство сыграли важную роль в истории Центральной Азии, оставили заметный след в истории культуры народов и стран, лежащих на трассах Великого шелкового пути. Они пронесли духовные ценности своих верований через страны и народы, через страдания и гонения. Поистине прав творец: «дерзай... вера твоя спасла тебя». (Евангелие от Матфея, 9,22).

Митраизм. «*Milites Mithrae*» - воины Митры - одно из названий адептов некогда великой, но сейчас забытой мировой религии - митраизма.

Митра, побеждающий быка

В I-IV вв. н.э. митраизм охватил громадные просторы Римской империи от парфянских границ до Британии. Митре-таврактону поклонялись многие слои римского общества: солдаты легионов, матросы, рабы и колоны, высшая знать и императоры, такие как Нерон, Коммод, Диоклетиан, Лициний и особенно Юлиан (361-363 гг. н.э.), вошедший в историю под прозвищем Апостат (отступник) - ярый враг набирающего силу и могущество христианства.

«Если бы в своем развитии христианство было остановлено какой-либо смертельной болезнью, - писал Эрнест Ренан, - мир стал бы митраистическим».

Было время, когда митраизму оставался один шаг для окончательной победы над христианством. И все же оно восторжествовало. И причины этого, помимо социально-экономических, кроются в свойствах человеческой психики.

Воинствующая религия Митры (не случаен один из главных его эпитетов - «Непобедимый Митра» - «Invicto Mithrae») призывала к вечной борьбе и уничтожению зла; религия Мессии-Христа - к долготерпению, страданию и искупительной жертве. Христос - бог страданий, Митра - бог победы.

И в самом деле, в подавляющем большинстве человечество по своей природе склонно скорее страдать и терпеть в вечной борьбе со злом, нежели его побеждать. Побежденный, но в то же время оставшийся непобедимым, митраизм навсегда закрепился в сознании человечества: два важнейших символа христианства - рождение Христа в пещере и начало великого праздника - Рождества Христова, приходящееся у католиков на 25 декабря, заимствованы у митраизма - именно в этот день митраисты отмечали день рождения Митры.

Символы Митры.
Рельеф из Плуэса (Югославия)

Митра, давший название самой религии, - божество солнца, договора и союза. Он принадлежал к среднему слою божеств - йазатов и первоначально являлся божеством индоарийских народов. Наиболее раннее упоминание о нем (середина II тыс. до н. э), наряду с божествами Варуной и Насатьей, содержится в так называемом трактате Кикулли о конном тренинге, найденном на территории древнего государства Митании (северо-восток Турции и северо-запад Ирана).

Позднее образ Митры (Михра, Мирро) вошел в религию Заратуштры, где он стал одним из главных божеств многих великих империй Востока: Ахеменидской, Кушанской, Сасанидской.

Однако митраизм, распространенный в первых веках н.э. в Римской империи, имеет весьма мало общего с особенностями культа бога Митры индоарийских народов и зороастризма.

Источники митраизма - это главным образом лапидарные надписи: посвящения ревностных поклонников богу Митре, найденные в большом количестве особенно в области Паннонии на Дунае (нынешняя Австрия), памятники митраистического искусства и храмы митраистов - митреумы. Не сохранилось ни одной

собственно митраистической священной книги, и о сущности этого учения можно судить по отдельным текстам о митраизме, содержащимся в сочинениях римских и христианских авторов. Существуют две основные гипотезы о месте происхождения митраизма. Согласно первой из них - «иранской», выдвинутой Францем Кюмоном, - митраизм имеет корни в древней религии Ирана.

Приверженцы этой гипотезы полагают, что распространению митраизма, возникшего в Сирии, на запад - в Рим и Паннонию способствовали «эллинизированные маги». Важная роль в этом процессе отводится солдатам пятнадцатого легиона Апполинарис (legio XV Appolinaris). Этот легион в 62 г. н.э. был отправлен из Паннонии для борьбы с парфянами, а затем возвращен назад. Доказано, что именно в этом легионе в римской армии появились митраисты. К судьбе одного из солдат легиона Апполинарис мы обратимся позже.

Сторонники второй гипотезы - «дунайской», введенной в науку Стигом Викандером, полагают, что митраизм зародился в области Паннонии, где он прошел стадию становления и оформления как религии и уже отсюда проник в Рим и другие части империи. Так, по мнению П. Бескова и Э.Френсиса, в распространении митраизма в Сирии и, в частности, в Дура-Европосе важную роль сыграли наемные войска из Пальмиры, охранявшие в начале II в. н.э. Дунайскую границу Римской империи, а затем возвращенные домой в Сирию. Такая же роль отводится и XV легиону Апполинарис, солдаты которого якобы принесли митраизм на Ближний Восток из места его зарождения - Паннонии.

Гипотеза о дунайском происхождении митраизма с его специфическими религиозными таинствами - мистериями находит все больше сторонников, так как именно в Паннонии, в знаменитом митреуме в Карнунте, найдено самое раннее из всех известных посвящений Митре - алтарь, поставленный, судя по надписи, центурионом XV легиона Апполинарис.

Основная идея митраизма - извечная борьба добра со злом, где силы добра олицетворяет Митра, а силы зла - Ариман.

Согласно мифу, Митра родился из скалы в пещере с ножом и факелом в руках, с фригийским колпаком на голове (отсюда одно из его прозвищ - бог из скалы - theos ek petras).

Пастухи, оказавшиеся в это время поблизости и ставшие первыми свидетелями, преподнесли ему в дар первенцев от их скота и плоды деревьев. Спустя некоторое время, следуя своему предназначению, Митра начал борьбу с могучим быком, олицетворявшим зло, грубые и темные силы мироздания. Яростная и ожесточенная борьба между ними завершается победой Митры,

ранившего быка ножом. Раненого быка Митра тащит в пещеру. Этот путь, полный опасностей и препятствий, получивший в митраизме название «переход божий» (*transitus dei*), является как бы аллегорией трудностей и превратностей человеческой жизни. Но на этом сражение Митры с быком не оканчивается, бык убегает. От посланника Солнца, передавшего весть с вороном, Митра получает приказ убить быка, что он с помощью собаки и осуществляет. После этого происходит великое чудо, смерть быка вызывает к жизни добрые силы природы, а Митра превращается в подателя всех благ человеку: из тела и хвоста быка вырастают полезные растения и травы, из крови - виноград. Сцена с образом Митры-таврактона («побеждающего быка») стала основным символом митраизма и изображалась во всех святилищах-митреумах; зачастую в ней изображались и главные спутники Митры: олицетворяющая землю змея, пьющая кровь быка; собака, кусающая его, и скорпион, впивающийся в гениталии быка.

Своей умиловительной жертвой - быком - Митра спасает человечество от повсеместного зла. Отсюда один из его важнейших эпитетов - спасающий («*salutaris Mithra*»).

Совершив этот подвиг, Митра созывает своих почитателей на прощальную вечерю, где происходит главное митраистическое таинство - причащение вином, воплощающим священную кровь побежденного быка. После этого Митра возносится на небо.

Но этим не завершается миссия Митры на земле. Впоследствии, когда силы зла в лице Аримана насылают на человека множество бед и напастей, возвещающих конец мира, Митра придет на помощь человечеству и совершит ряд подвигов, пока не уничтожит зло мировым пожаром, символизирующим очищение и обновление всего мира. По слову Митры, все мертвые восстанут и соберутся на одно большое собрание, где он, бог справедливости, отделит добрых от злых и предложит добрым причаститься кровью священного быка и даст им вечное бессмертие.

Таким образом, именно в митраизме происходит окончательное оформление идеи и обрядовой стороны Воскресения - одного из главных догматов христианской церкви.

Приверженцы Митры (мисты) в своем служении богу должны были пройти семь ступеней, нравственно возвышаясь по мере перехода от одной ступени к другой. Эти ступени назывались: Ворон, Скрытый, Воин, Лев, Перс, Солнечный бегун, Отец. Во главе последней, самой высокой ступени, требующей особой нравственной чистоты, стоял «отец отцов» (*pater patres*), в котором некоторые исследователи видят прообраз будущего римского папы. «Отец

отцов» осуществлял руководство всей религиозной митраистической общиной, члены которой называли себя «братьями» (fratres).

Для них существовал особый обряд, призванный очистить их души от скверны, они обращались друг к другу со словами «милый брат», вкушали четыре крестообразно надломленных хлебца, пили вино и воду. В религиозных таинствах митраистов - мистериях использовались музыка, молитва вознесения к Солнцу, на алтаре возжигался огонь, а 25 декабря отмечался главный праздник митраистов - день рождения бога Митры.

Совершение обрядов осуществлялось особыми лицами - «священниками» (sacerdos), выполнявшими три обязательных молитвословия: на заре, в полдень, в сумерки - и ежедневную обедню (литургию).

При переходе из одной ступени в другую совершали особый обряд. Так, лицу, притязавшему на ступень воина, подносили на сабле венок, который он клал на свое плечо, произнося при этом слова: «Мой венец - Митра». После совершения обряда он ни при каких обстоятельствах: ни на пирах, ни за воинские подвиги не мог возлагать на свою голову венец, отвечая его подносителям: «Мой венок принадлежит моему богу».

Этика митраизма требовала от своих последователей - мистов постоянного нравственного совершенства и достижения добродетели, что доказывалось в особых испытаниях, требующих высокого мужества. Согласно одному из христианских авторов, человеку, вступающему в митраистическую общину, связывали руки куриными кишками, а затем заставляли его прыгать через ров, наполненный кровью. Обряд завершался появлением «освободителя», разрубавшего связывающие испытываемого путы. Не менее суровыми были и другие испытания, в частности участие в показательном «убийстве».

Нравственное очищение, совершенство, длительное воздержание, сила духа, наконец, мужество - являются главными добродетелями митраистической этики.

Сложна и исполнена глубоким смыслом митраистическая символика, воплощенная в первую очередь в различных изображениях Митры, представленных в памятниках искусства этой религии. Это изображение Митры-таврактона - «побеждающего быка», Митры-петрогена - «камнерожденного», Митры-леонтокефала - «львиноголового», в образе стоящего бога с львиной головой, обвитого змеей, со скорпионом на груди, жезлом и топориком в руках, у ног его - ворон, жезл, обвитый змеями, щипцы и молот (рельеф из Остии).

Среди основных символов: семиконечная звезда, различного рода соляные знаки, фригийский колпак, лук и меч, собака, лев,

змея, скорпион, олицетворяющий главную добродетель митраизма - мужество. Многие из этих символов, объединенные в единое целое, приведены на рельефе из Птужа (Югославия), где вверху изображена звезда, под ней ворон, опирающийся когтями на лук, под ним фригийский колпак, надетый на кинжал.

Замечательна мозаика митреума Фелицизма в Остии (Италия), где даны изображения символов, отражающих семь ступеней посвящения в митраизм.

Свои религиозные обряды митраисты совершали в специальных храмах - митреумах. Они были подземными (в надписях так и названы *crypta* или *speleum*), в виде искусственно вырубленных в толще скал пещер со сводчатым потолком, или наземными, искусственно возведенными сооружениями, воспроизводящими облик пещер.

Вдоль стен этих сооружений тянулись вырубленные из камня или сделанные из кирпича скамьи, на которых сидели мисты. Эти пещерные сооружения освещались светильниками, зачастую помещенными в особых нишах в стенах. В глубине сооружения в некоторых митреумах находилась культовая комната (*cella*), к которой вели ступеньки. В культовой части стояли алтарь огня и скульптура Митры - «побеждающего быка». Как правило, в этой части на стене, противоположной входу, изображался тот же сюжет Митры-таврактона и основные символы митраизма.

Большинство митреумов небольших размеров - 5-6 м длиной, но некоторые из них достигают 15 и даже 23 м (митреум III Карнунт) и предназначались, вероятно, для сотен верующих.

Архитектура митреумов сейчас хорошо известна благодаря раскопкам многих из них. Судя по карте, составленной М. Фермасереном, митреумы выявлены в Северной Африке, Сирии, Месопотамии, Малой Азии, Италии, Австрии, Румынии, Венгрии, Испании, Франции, Англии, Шотландии, т.е. фактически во всех частях некогда великой Римской империи. Особое значение для истории митраизма имеют раскопки митреумов Дура-Европос (Сирия), Карнунта (Австрия), Альтенбурга (Германия), Клагенфурта (Австрия), Св. Приска (Италия, Рим).

Вместе с тем, до недавнего времени не было известно ни одного митреума на территории к востоку от Дура-Европос (Сирия). Но сейчас мы с полным основанием можем говорить о существовании подобного типа сооружения на территории древнего Узбекистана.

Десять лет назад маршрутный отряд Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, возглавляемой автором этих строк, обследовал местность Кара-Камар, расположенную на крайнем юге

Сурхандарьинской области Узбекистана, на границе ее с Туркменистаном. В этом месте Шерабадская долина сменяется невысокими отрогами обширной Келифо-Шерабадской гряды, слагающейся из третичных песчаников и конгломератов, в толще которых вырублено несколько искусственных пещер.

Уже само название Кара-Камар (дословно «Черная пещера») позволило предположить, что здесь находится памятник домусульманского времени, т.к. компонент «кара» (черный) прилагается обычно к археологическим памятникам этой эпохи и в данном случае означает не цвет, а употреблен в значении «нечистый», «неисламский».

Кара-Камар был впервые обследован в 1877 г. Г.А. Маевым во время рекогносцировки дорог в Восточной Бухаре. Он отметил наличие здесь с восточной стороны трех пещер, покрытых внутри грубыми изображениями людей, лошадей, собак, рук и голов, сделанных, по его мнению, пастухами, загонявшими в пещеру на ночь свои стада.

В 1940 г. пещеры Кара-Камара изучались археологом Г.В. Парфеновым, полагавшим, что они являлись буддийским пещерным монастырем, подобным Каратепе в Старом Термезе, хотя явных следов его буддийской принадлежности здесь не было обнаружено. В своих выводах он опирался, в основном, на сходство архитектурного оформления пещер Кара-Камара и Каратепе и на наличие в первых, якобы, изображений «лотоса» и «шабургана». Однако результаты исследований не были опубликованы.

Наши подробные исследования, приведшие к открытию древних латинских и иных надписей, позволили совершенно по-другому интерпретировать этот уникальный для Средней Азии пещерный комплекс. Он представляет собой П-образный двор (55x30 м), открытый с северо-восточной стороны и огражденный с трех других сторон толщей песчаникового массива высотой от 2-3 до 8-10 м, в котором вырублены пещерные сооружения в два яруса. В нижнем ярусе находятся наиболее крупные по размерам и лучшей сохранности пещерные сооружения, над ними на высоте 5-6 м над уровнем двора на втором ярусе располагаются небольшие ниши (2x1 и 2x1,8 м). Часть пространства двора, над входами в пещерные сооружения, была в древности прикрыта «скальным козырьком», позднее обвалившимся в результате эрозийных и эоловых процессов. От этого пострадали надписи и пещерные сооружения.

В нижнем ярусе выявлены три хорошо сохранившихся пещерных сооружения (№1-3) и одно (№4) сильно разрушенное. Они представляют собой прямоугольные (со значительным округлением углов), в плане - вытянутые по продольной оси сводча-

тые искусственные сооружения, вырубленные в песчанике при помощи тонких металлических инструментов, следы которых хорошо заметны на стенах и потолках сооружений. Длина их в пределах 9-11 м, ширина 4,5-5,5 м, высота - около 4 м. Входы в сооружения оформлены в виде арок с выступающими порогами, сейчас почти разрушенных. Между сооружениями № 1 и 2 имелся арочный проход с округлым потолком, объединяющим их в одно целое. В задней торцевой стене на высоте 1,6-1,7 м вырублены одна над другой две треугольные ниши (15 x 20 см); аналогичные ниши имеются в боковых стенах сооружения № 3. Очевидно, они предназначались для светильников и курильниц.

Каково же функциональное назначение этих сооружений?

Особенности их структуры показывают, что они не могли использоваться для жилья или иных целей. Более вероятно считать их культовыми, что хорошо согласуется и с содержанием найденных здесь надписей. Здесь обнаружено множество рисунков и надписей - от древних (I-II вв. н.э.) до современных, нанесенных на поверхность скал и стены сооружений. Среди рисунков - изображения двугорбых верблюдов, лошади, хищника, скорпиона, ладоней, лука со стрелами, сабель, сложных тамгообразных знаков.

Надписи - на арабском, бактрийском, греческом, латинском языках, а также более поздние: узбекские и русские.

Средневековые арабские надписи лаконичны и содержат только год по мусульманскому летоисчислению: 584 г. Х. (1187-1188 гг.); 837 г. Х. (1433-1434 гг.); 949 г. Х. (1542-1543 гг.). Кроме того, имеются поздние арабские надписи XIX-начала XX вв., содержащие религиозные формулы, типа «басмаллы» и «калимы».

Среди бактрийских надписей, относящихся к первым векам н.э., хорошо сохранилась лишь одна, передающая имя: «Ларзиохшо» или «Арзиохшо», вторая часть которого - «охшо» - имя бактрийского божества. По мнению В.А.Лившица, надпись эта означает в переводе «Данный (божеством) Охшо».

Греческая надпись высечена на высоте 5 м на стенке ниши во втором ярусе. По мнению крупнейшего специалиста в области греческой и латинской эпиграфики Ю.Г.Виноградова, видевшего фотографию этой надписи, она означает «Рипос поставил (посвятил)» и относится к I-II вв. н.э. По своему характеру она относится к так называемым посвященным надписям (*tituli Sacri*) в честь богов, наносимым в храмах, алтарях и на предметах.

Такого же характера и найденные здесь латинские надписи. Но если наличие в этих местах арабских, бактрийских и греческих надписей понятно, то обнаружение здесь древних латинских надписей явилось полной неожиданностью.

Их чтением занимались уже упомянутый нами проф. Ю.Г. Виноградов (по фотографиям) и его ученица Ю.Б. Устинова, посетившая Кара-Камар в 1989 г. Хотя уже при первом исследовании этого места автор этих строк определил их как древнелатинские, где хорошо читалось имя «Гай Рекс».

Обе латинские надписи расположены слева от входа в сооружение № 3, причем одна из них находится на 1,5 м выше другой.

Первая надпись состоит из трех кратких вертикальных строк, которые были прочтены как PAN/G. Rex/AP.LG.

Начнем с третьей строки этой надписи, содержащей стандартное сокращение, означающее (XV) Appolinaris Legio - название знаменитого римского легиона. Во второй строке буква C - инициал имени Gaius, а Rex - прозвище этого Гая из XV легиона. Прочтение этих строк сделало понятной и первую строку, где приведено сокращение PAN от Pan (ponici) - название области на Дунае и место основной дислокации легиона Апполинарис, откуда он в 62 г. н.э. был переброшен в Армению для войны с парфянами, где римляне потерпели сокрушительное поражение. Позднее этот легион участвовал в подавлении иудейского восстания и сопровождал императора Тита в Александрию, а в 112 г. был возвращен в Паннонию. Одним из символов этого легиона была кисть руки, помещенная на навершии древков знамен. Вспомним при этом о наличии подобных изображений, найденных нами в Кара-Камаре. Не менее интересна и вторая надпись, в нижней строке содержащая две буквы IM, что означает принятую во всем римском митраистическом мире стандартную аббревиатуру Invicto Mithrae (Непобедимый Митра), зачастую также употребляемую в словосочетании Deo Invicto Mithrae (Непобедимому богу Митре). Очевидно, таким образом, что латинские надписи в Кара-Камаре, одна из которых содержит посвящение богу Митре, принадлежали воинам XV легиона Апполинарис. Вполне возможно, что те были пленены в ходе римско-парфянской войны и переселены на крайний восток Парфянской империи, в состав которой, как теперь выясняется, входил район Кара-Камара. Такого же рода судьба, кстати, постигла более 100 лет назад и воинов Марка Красса, потерпевшего в 53 г. до н.э. страшное поражение в битве с парфянами в Месопотамии, после чего 10 000 римских легионеров были переселены в Маргиану (название области реки Мургаб в Туркменистане), откуда до Кара-Камара всего лишь немногим более 300 км. Может быть, эта территория (Маргиана, долина среднего течения Окса) была традиционным местом ссылки пленных воинов римских легионов?

Содержание надписи и архитектура сооружений, сходных даже в деталях, в частности митреума в Кесарии (Сирия), позволяют полагать, что Кара-Камарские сооружения первоначально представляли собой митреум. Он был сооружен, по-видимому, в последней четверти I в. н.э. пленными легионерами-митраистами из XV легиона Апполинарис на восточной границе Парфянского государства, которую они, возможно, охраняли.

Но историческое значение открытий в Кара-Камаре не только в том, что здесь впервые в Средней Азии найден митреум, но и в том, что латинские надписи отсюда являются самыми восточными древнелатинскими надписями. Ведь до сих пор таковой считалась латинская надпись из Кабристана (Азербайджан, в 4 км западнее Каспийского моря), высеченная на скале Юлием Максимом - центурионом XII легиона Фульмината (Молниеносного) при императоре Домициане Цезаре Августе Германике (81-96 гг. н.э.).

Известный религиовед проф. И.А.Боричевский написал в своей статье примечательную фразу о том, что «Забывший соперник Христа ныне воскрес из пепла». В ряде стран Европы регулярно проходят митраистические чтения, издаются журналы, сборники и книги, посвященные митраизму, а сотни миллионов христиан-католиков торжественно встречают 25 декабря - Рождество Христово, не подозревая, что тем самым они воздают почести солнечному богу, непримиримому борцу со злом, непобедимому Митре.

IV. МИГРАЦИИ КУЛЬТУР

1. Великий шелковый путь

Великий шелковый путь - одно из самых замечательных достижений цивилизаций, трансконтинентальная дорога, впервые в истории человечества соединившая Запад и Восток, страны Средиземноморья и Дальнего Востока, античную и китайскую цивилизации.

Начало его функционирования относится ко второй половине II в. до н.э., когда китайский дипломат и путешественник Чжан Цзянь впервые открыл для китайцев Западный край - страны Средней Азии. Тем самым были как бы соединены в одно целое две великие дороги, шедшие прежде в неведомые земли. Одна, ведущая с запада из стран Средиземноморья в Среднюю Азию, разведанная и пройденная эллинами и македонянами при походах Александра Македонского и селевкидского полководца Демодама, другая, идущая с востока из Ханьской империи в Среднюю Азию, разведанная Чжан Цзянем, который прошел эту область с севера на юг через Давань (Фергану), Кангюй (Среднеазиатское Двуречье) и Бактрию.

Выдающаяся роль в освоении Великого шелкового пути принадлежит согдийцам, которые, вероятно, уже после завоевания Согды Александром Македонским стали расселяться в восточном направлении. В последующем согдийские торговые фактории возникают вдоль всей восточной части этого пути от Средней Азии до Чаньяня в Китае и, возможно, Японии, а в конце VI в. согдийский купец Маниах, обогнув Каспий и переплыв Черное море, прибыл в Константинополь, положив начало новому маршруту в торговле шелком - «Кавказскому шелковому пути». Имеются данные, что согдийцы торговали и на морских трассах Великого шелкового пути, шедших из Аравии в Индию и далее в Китай.

Название «Шелковый путь» - Seidenstrassen впервые ввел в научный обиход немецкий ученый Фердинанд Фрайхерр фон Рихтгофен в 1877 г. в своем классическом труде «Китай». И это полностью оправданно, ибо именно шелк, как отметил другой немецкий ученый Альберт Херманн, был основным товаром, познакомившим в конце II в. до н.э. два разных мира - Запад и Восток.

Но было бы совсем неоправданно сводить значение Великого шелкового пути в истории мировой цивилизации исключительно к торговле шелком. Его роль была значительно шире и разнообразнее, ибо по нему проходили караваны не только с различными

восточными и западными товарами, но проникали духовные ценности и религиозные идеи. В X-IX тыс. до н.э. на юго-западе Анатолии, в верхней Месопотамии и странах Леванта начинают формироваться первые очаги будущих древневосточных цивилизаций, где происходит переход от присваивающей к производящей экономике, основанной на примитивном ирригационном земледелии и доместичированном скотоводстве.

Пояс великих цивилизаций древности сложился на обширном географическом пространстве, сконцентрированном между 20 и 50 параллелями от Южного и Восточно-Китайского морей до Атлантического океана.

Первоначально в эпоху неолита раннеземледельческие культуры (основы будущих древних цивилизаций) занимали отдельные обособленные территории (Южные Балканы, Малая Азия, Месопотамия, Восточное Средиземноморье, юго-запад Средней Азии, долина Инда, низовье Хуанхе), разделенные обширными незаселенными пространствами и фактически почти не связанные друг с другом. Возникают первые стационарные поселения - прообразы будущих городов - Иерихон, Чатал-Хуюк. В эпоху энеолита и бронзы, когда возникают первые цивилизации и ранние государственные объединения, проявляется тенденция к расширению занимаемого ими пространства. В их состав включаются крито-микенская, египетская, месопотамская, луристанская территории, культуры Закавказья и Северного Кавказа, намазгинская с широким охватом территории юга Средней Азии, хараппские долины Инда, иньская цивилизация Китая. Торговые операции осуществляются на территориях протяженностью в несколько тысяч километров.

Около 3300 г. до н.э. в Южной Месопотамии и Египте появляются первые в истории человечества общества с государственной структурой, так называемые «номы» - города-государства, созданные шумерийцами и древними египтянами. Они осуществляли торговые связи и проводили колониционную политику в отношении соседних областей, и в частности - Элама с центром в Сузах.

Эламиты в начале III тыс. до н.э. еще более расширили ареал миграции, культурных влияний и торговых взаимоотношений. Протоэламские таблички, оттиски цилиндрических печатей, особого вида керамика найдены на поселениях, находящихся на Иранском нагорье, в Тепе-Гиссаре вблизи границы с Туркменистаном и в Шахри-Сохта на границе с Афганистаном, т.е. за тысячи километров на северо-запад от собственно Элама.

В свою очередь, на юг и юго-запад из Южного Туркменистана, где в то время существовала высокоразвитая культура Намаз-

га, шел поток культурных влияний. Керамика и предметы этой культуры найдены в Шахри-Сохта, на поселениях Ношаро и Сибри в Пакистане. В первой половине III тыс. до н.э. в долине Инда складывается одна из самых замечательных культур Древнего Востока - культура Хараппы, просуществовавшая вплоть до разрушения ее в середине II тыс. до н.э. индоевропейскими племенами.

В Северном Афганистане в долине Амударьи при впадении в нее реки Кокча французские археологи в 1970-е годы обнаружили шесть поселений, содержащих материалы хараппской культуры, одно из них - Шор-тугай раскопано полностью. Эти исследования свидетельствуют о том, что во второй половине III - первой половине II тыс. до н.э. хараппцы освоили трудный путь на север из долины Инда через Хайберский перевал в долину Амударьи.

Есть предположение, что здесь существовали Хараппские колонии для разработки месторождений бадахшанского лазурита, пересылаемого затем в города и поселения Хараппской метрополии.

В это же время был освоен и морской торговый путь, который связывал долину Инда с Месопотамией. В Месопотамских письменных текстах неоднократно упоминаются жители Мелуххи (долины Инда), а также говорится о предметах Мелуххского экспорта - золоте, олове, серебре, лазурите, сердолике и лесе.

В Северном Афганистане в местности Фулол был найден клад драгоценных предметов, среди которых - золотые и серебряные сосуды, изготовленные в месопотамских художественных традициях.

Интересны также изделия из лазурита - полудрагоценного камня, издревле высоко ценившегося на Востоке. Основные лазуритовые месторождения находятся в Бадахшане, в бассейне верховьев Амударьи, а наиболее ранние находки изделий из лазурита в Средней Азии, Иране, Месопотамии, Египте и Передней Азии относятся к IV-III тыс. до н.э.

Картографирование мест их находок в сопоставлении с информацией об этом минерале в донесении некоего ассирийского агента, посланного своим царем в горную область за лазуритом, и в ряде шумерских текстов привело В.И. Сарияниди к выводу о наличии Великого лазуритового пути от стран Передней Азии до Бадахшана.

Таким образом, уже в III-II тыс. до н.э. складываются системы сухопутных дорог и морских путей, которые связывали между собой самые отдаленные культуры и цивилизации в обширном регионе Среднего Востока, простиравшегося с Запада на Восток от равнин Месопотамии до долины Инда и с севера на юг от пустынь Средней Азии до Аравийского моря. В последующее время

именно они стали одними из основных трасс Великого шелкового пути. Эту сложившуюся систему дорог можно назвать месопотамо-харраппской, учитывая наиболее важный вклад в ее становление этих двух цивилизаций.

В этот же период усиливаются и миграционные потоки. Особо важное место в них занимала миграция индоевропейцев на запад (кельты, италийцы, этруски), на юг (ахейцы, дорийцы, хетты), на юг и юго-восток (через Среднюю Азию). Это привело к глобальным изменениям этнической карты Евразии.

Египет, а затем Ассирия впервые в мировой истории подчинили себе территории, лежащие на разных материках: север-восток Африки и запад Азии. В это же время финикийцы - выходцы из Восточного Средиземноморья совершают первое путешествие вокруг материка (Африки) и основывают колонии на северном его берегу.

Таким образом, в начале I тыс. до н.э. человечество уже покорило значительную часть территории Евразии и стало осваивать обширные морские пространства.

В конце первой половины I тыс. до н.э. происходит знаменательное событие в истории человечества - появляется первая в истории мировая империя - Ахеменидская, простиравшаяся от Индии на востоке и Средней Азии на северо-востоке до Греции на западе и Египта на юго-западе.

Эта империя впервые объединила территории, расположенные на трех материках: Азии, Африке и Европы и способствовала при всех обстоятельствах освоению человеком новых территорий, торговому, культурному и этническому взаимодействию, первому знакомству эллинов с Индией и Средней Азией и возникновению здесь (в Бактрии) первых греческих поселений. Именно на территории Ахеменидской империи были впервые созданы государственные пути сообщения протяженностью более 2400 км - так называемая «царская дорога», шедшая из Эффеса в Пасаргады и Сузы. Через каждые 25-30 км она была снабжена дорожными станциями и почтовой службой - «ангарьетон», о гонцах которой Геродот писал: «нет на свете ничего быстрее этих гонцов, так умно устроена у персов почтовая служба».

В конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. обширные географические пространства от Тихого до Атлантического океана (Империя Хань, Кушанское царство, Кангюй, Парфянское государство, Римская империя) слились в единый пояс культурных цивилизаций и государств. Можно сказать, что в это время произошел первый раздел мира, ибо впервые в истории человечества на столь протяженном расстоянии, занимающем территорию с запада на

восток 11400 км, границы различных государств непосредственно соприкасались друг с другом.

Поэтому не случайно, что именно в это время возникает Великий шелковый путь - первая трансконтинентальная дорога, так как необходимость его возникновения диктовалась сложившимися политическими обстоятельствами и была подготовлена всем ходом развития политических, экономических и культурных достижений народов Евразии предшествующих эпох. Появляются и первые дорожники - интеринариин.

Первый подробный путеводитель от сирийского города Гиераполя в Восточном Средиземноморье до Серики (Китай) был составлен македонским купцом Маем. Эти сведения сохранились в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, который, в свою очередь, почерпнул их из несохранившихся трудов Марина, написанных, вероятно, между 107 и 114 гг. н.э. Согласно этим данным, весь путь делился на два больших отрезка от Гиераполя до Каменной башни и от Каменной башни до Серы. Среднеазиатский участок дороги начинался в Ареи - древней области, располагавшейся на крайнем юге современного Туркменистана и северо-западе Афганистана. Из Ареи дорога отклонялась на север в Антиохию Маргианскую, соответствующую развалинам городища Старого Мерва у г.Байрам-Али, а затем поворачивала на восток и шла в Бактры - столичный город области Бактрия, соответствующий Балху в Северном Афганистане. Из Бактр дорога шла на север, пересекая Амударью в районе Термеза, и далее она раздваивалась: одна из них - северная вела через Железные ворота в столицу Согда Мараканду (Самарканд), вторая - южная - по долине Сурхандарьи выводила в горную страну Комедов, которая, по предположению ряда ученых, локализуется в Каратегине. Северная ветвь дороги из Согдианы через Фергану выходила к Каменной башне и стоянке торговцев, к этому же пункту подходила и южная ветвь, шедшая через Каратегин и Алайскую долину.

Каменная башня была, видимо, конечным пунктом дороги по Средней Азии. Согласно наиболее обоснованному мнению исследователей Каменная башня соответствует району Дараут-кургана в Алайской долине. После Каменной башни дорога выходила за пределы Средней Азии, следуя по территории Восточного Туркестана, где в районе Иркештама находилась так называемая «Стоянка торговцев».

Описанный среднеазиатский участок Великого шелкового пути был основным его направлением в течение длительного времени, вплоть до IV-V вв. н.э. Наряду с ним, существовали, вероятно, и второстепенные ветви дороги, проходящие через Бухару и

Хорезм. В раннее средневековье (V-VIII вв. н.э.) важное значение приобрел северный участок дороги, шедший через Семиречье в Чач (Ташкентский оазис) и Согд, а затем через Пайкенд (в районе Бухары) в Мерв и далее в Северный Хорасан.

Если взглянуть на географическую карту, то нетрудно заметить, что Средняя Азия занимала центральное место в поясе великих цивилизаций древности. От Желтого и Восточно-Китайского морей до ее восточных границ примерно 4200-4300 км, от Атлантического океана до Каспийского моря - 5100-5200 км.

Именно это географическое положение способствовало тому, что в Средней Азии происходили важнейшие этнические процессы (миграции переднеазиатских народов, дравидов, индоевропейцев и индоиранцев, тюрков); шло активное взаимодействие культур (древневосточной, восточно- и западно-иранской, эллинистической, индийской, тюркской и китайской); осуществлялись масштабные торговые операции по Великому шелковому пути, заключались дипломатические договоры и военные союзы. Народам Средней Азии принадлежит выдающаяся роль в распространении буквенного письма и мировых религий (буддизм, христианство, зороастризм, манихейство, ислам), а также многих культурных и технических достижений в страны Внутренней Азии и Дальнего Востока.

Из всего вышесказанного очевидно, что Великий шелковый путь - это не просто караванный тракт, а многофункциональное уникальное в истории Евразии явление, степень влияния и воздействия которого на многие стороны ее существования была огромной.

Считается, что секрет изготовления шелка из коконов шелкового червя был открыт китайцами почти пять тысяч лет назад, а известный исследователь шелководства А.А. Тихомиров называет даже точную дату этого открытия - 2698 год до н.э. Другие исследователи предлагают еще более ранние даты начала его изготовления: 6-7 тыс. лет назад.

Согласно китайскому преданию, получение первой шелковой нити приписывается императрице Си Линг-Чи, жене Хоанг-ти. Во время чаепития в чашку императрицы упал кокон тутового шелкопряда. Си Линг-чи потянула кокон за торчащую нить, которая, однако, все тянулась и тянулась, а кокон разматывался. Так была получена первая шелковая нить, а императрица Си Линг-чи в благодарность за это была возведена в божество Небесной империи, в ее честь до сих пор во многих районах Китая устраиваются ежегодные ритуальные празднества.

Некоторые исследователи считают, что родиной шелководства являлась провинция Шан Дунь, уже в 2255 году до н.э. платившая

китайскому императору дань шелковыми тканями. Спустя много лет оно распространяется по всему Китаю. Особенно широкое развитие шелководство получило во 2-ой половине I тыс. до н.э., когда из шелка изготавливали деньги, ткани, платили дань, рассчитывались при торговых сделках.

Некоторые ученые считают родиной натурального шелка горные районы Индии, другие - Западные Гималаи, даже Иран. Скорее всего, родиной Бомбикса являлся Северный Китай, где до сих пор обитает его ближайший родственник - бабочка «теофила мандарина».

Из Китая, вероятно, в IV в. до н.э. шелководство проникло в Индию, в I-II вв. н.э. в Хами - самый восточный из оазисов Восточного Туркестана, в III в. в Корею, в начале V в. н.э. - в Турфанский оазис и Хотан. Начало развития шелководства в Средней Азии обычно относят к V-VI вв. н.э., когда образовывался один из крупнейших центров шелководства - согдийский. Однако, судя по находкам шелковичных тканей местного производства на Кампыртепа (Северная Бактрия), датируемым 2-ой половиной II в. - началом III в., не исключено, что здесь оно появилось гораздо раньше. В Риме шелковые ткани стали носить уже в 46 г. до н.э., но еще ряд столетий шелк являлся здесь товаром.

В ряде городов Римской империи, особенно в приморских центрах Восточного Средиземноморья, существовали многочисленные ткацкие мастерские, производившие шелковые ткани, но из шелка-сырца так называемой метаксы. В V в. шелкоткацкие мастерские появились в Александрии (Египет). Производство шелковых тканей в Иране, по данным Масуди, началось при сасанидском шахе Шапуре (309-379 гг.), привлекавшем для этого искусных мастеров из несториан-Пош.

Но все эти мастерские работали на шелке-сырце, который, по мнению Н.В. Пигулевской, доставлялся сюда из Индии и Цейлона по морской трассе Великого шелкового пути, или сухопутными дорогами из Средней Азии в Иран.

Вероятно, в V в. н.э. культура шелководства распространилась в Мерве, а затем проникла в Восточный Иран на юго-восточное побережье Каспийского моря. В VI в. н.э., как уже сказано, сложился один из самых больших центров шелководства на Востоке - согдийский.

Следует вспомнить одну интересную историю, связанную с проникновением культуры шелководства в Византию. Согласно ряду письменных источников, по приказу императора Юстиниана (527-656 гг.) некие монахи, а по другим сведениям, персы, провозили в 50-х годах VI века в гнездах, выдолбленных в посохах, яйца

шелковичных червей. После этого в Византии возникает собственное производство шелка, а отсюда оно проникло в южные районы Средиземноморья.

Распространение шелководства в другие страны хотя и происходило по трассам Великого шелкового пути, но уже на более поздних стадиях его формирования. Первоначально же выдача секрета изготовления шелка считалась преступлением в Китае, за которое предусматривалась смертная казнь.

Таким образом, Китай перестает быть монополистом в производстве шелка.

После распространения культуры шелководства в Центральной Азии и странах Средиземноморья уже не только шелк становится главным товаром на этом пути, но и многие другие товары.

Исторические источники не сохранили имени первого человека, преодолевшего весь этот гигантский путь от Китая до Рима. Быть может, это был гонимый превратностями судьбы римский воин или предприимчивый согдийский купец, китайский дипломат или еретик-несторианин, принесший религию Христа из далекой Византии в Центральную Азию.

Вместе с тем в ряде китайских письменных источников есть сведения о людях (без конкретного указания их имен), преодолевших весь этот путь. Так, в комментарии Ду Ю (735-812 гг.) к «Историческому своду» («Тун день» 801 г.) сказано, что «... когда император У-ди Ранней династии Хань направил послов в Ань-си (Парфия), страна Ань-Си прислала в качестве подношения двух фокусников из Ли-узянь...». Фокусники были карликами и происходили из Ли-Цзяня - так китайцы называли город Александрию в Египте. Согласно Г. Дабе, посольство из Парфии с александрийскими фокусниками прибыло в Китай между 110 и 100 гг. до н.э. Известно также, что в 166 г. н.э. в Китай прибыл посланник Римской империи от императора Марка Аврелия (161-180 гг.), преодолевший собственно весь Великий шелковый путь, исчисляемый тысячами километров от Рима до столицы Китайской империи.

Непременным спутником человека на этом пути был двугорбый бактрийский верблюд, чья выносливость и способность отыскивать подземные родники, чувствовать приближение смертоносных песчаных бурь, как пишет Эдвард Шефер, помогали человеку преодолевать бескрайние азиатские пустыни.

О неимоверных трудностях, испытываемых человеком при путешествии через эти пустыни, хорошо сказано в Бэйши: «Если ехать по южной дороге, то к северо-западу от Изюймо на несколько сот ли - сыпучие пески. В летнее время там дуют горячие ветры, приносящие бедствия путешественникам. Лишь старые верб-

люды, когда подымается этот ветер, начинают кричать, собираются вместе и прячут морды в песке. Люди считают это предупреждением и сразу же покрывают рот и нос шерстяными тканями. Этот ветер быстро проходит. Однако тот, кто не закроется, может погибнуть».

Но ничто не пугало отважных путешественников - ни многотрудный путь, занимавший долгие годы, ни грозные воинственные кочевники, нападавшие на караваны, ни безводные азиатские пустыни, в которых песчаные бури нередко так заносили дороги, что их направление можно было отыскать только «по костям людей и животных».

Великий шелковый путь и его связи способствовали широкому и глубокому знакомству стран и народов Запада и Востока. О некоторых из этих связей рассказано в этом разделе.

2. Эллины и эллинистическая культура в Средней Азии

Знакомство греков с Востоком, в частности с западом Средней Азии произошло задолго до походов Александра Македонского. Согласно Геродоту, уже при Дарие I (521-486 гг. до н.э.) персы пригрозили восставшим ионийцам переселить их дочерей в Бактрию, если они не прекратят восстания. В правление этого же царя часть жителей греческого города Барки была обращена в рабство и переселена в Бактрию, в селение Барки. Трагична судьба и бранхидов. Через сто пятьдесят лет одряхлевшая Ахеменидская империя, раздираемая внутренними противоречиями, постоянными восстаниями, сепаратистски настроенной аристократией, управляемая безвольным царем не выдержала первых же ударов, нанесенных Александром Македонским.

Весной 330 г. до н.э. Александр был уже в Бактрах - тогда столице одной из важнейших ахеменидских сатрапий, управляемых обычно представителями царствующей династии. Отсюда он двинулся в погоню за бактрийским сатрапом Бессом, который после убийства Дария Кодомана провозгласил себя ахеменидским царем. Бесс со своими союзниками - согдийцем Спитаменом и бактрийцем Оксиртом сжег все суда на переправе через Окс - Амударью и ушел в Наутаку.

По свидетельству Квинта Курция Руфа, через некоторое время после переправы Александр подошел к небольшому городку, населенному бранхидами. Несмотря на то, что прошло много лет с момента их переселения, они продолжали соблюдать греческие обычаи, но говорили на двух языках и искажали обиходную гре-

ческую речь. Они радостно приветствовали соотечественников, но Александр велел разрушить город до основания и перебить всех его жителей. В конце своего рассказа Квинт Курций Руф горестно заключает: «Так искупили грех предков потомки, которые сами никогда не видели Милета...»

Греческий историк Страбон считал, что Александр разрушил город из отвращения к измене и святотатству.

Где находился этот городок, остается до сих пор загадкой для исследователей. Некоторые из них полагали, что он был на месте Келифа в юго-восточном Туркменистане, где с древности имелась одна из самых удобных переправ через Амударью, другие помещали его в Согдиане. С нашей точки зрения, его местоположение в Северной Бактрии, в нынешней Сурхандарьинской области, возможно, на месте городища Талашкантепа.

Как бы там ни было, уже в V-IV вв. до н.э. задолго до прихода греко-македонских войск в Бактрию и Согдиане проживали греки, между этими областями, особенно с Бактрией, существовали определенные торговые и культурные контакты, осуществлявшиеся через территорию Ирана. В Афганистане и Пакистане, в древних областях Арахозия, Бактрия, Гандхара нередко находки монет греческих городов середины V в. до н.э., особенно чеканки Афин с изображением совы на реверсе. Таких монет особенно много в составе так называемого Кабульского клада, найденного при случайных работах в районе Кабула. Еще более интересные находки дал Амударьинский клад, найденный в 1877-1878 гг. местными жителями на развалинах древнего городища, которое сейчас сопоставляется с городищем Тахти-Сангин или Тахти-Кувад в Южном Таджикистане.

В составе клада много монет, в том числе начала V - середины IV вв. до н.э., чеканенных в Греческих городах Аканфе, Афинах и Византии. Имеются здесь и монеты греческих городов Малой Азии конца V - начала IV вв. до н.э., а также золотые и серебряные монеты Ахеменидского Ирана и ахеменидских сатрапов Малой Азии. В составе клада исследователи выделяют также предметы греческого и малоазийского происхождения.

Конечно, эти контакты не были односторонними. Известно, что выходцы из Средней Азии, особенно саки и бактрийцы, составляли особые воинские контингенты в армии ахеменидских царей и участвовали в завоевательных походах в Грецию. Они несли также гарнизонную службу в отдаленных владениях Ахеменидской империи. По данным одного архива, найденного на острове Элефантина на реке Нил, там в конце V в. до н.э. служил воин - хорезмиец Даргаман.

Поход Александра Македонского в Среднюю Азию в 330-327 гг. до н.э. имел важнейшее значение для социально-политической и культурной жизни этого региона. Следствием его явилось включение в состав крупных эллинизированных государств южных областей Средней Азии, внедрение в эти области новой политико-административной системы, что дало импульс к изменению социальной структуры при введении некоторых форм рабовладельческого хозяйства, бытовавших во всем эллинистическом мире, подъему на новую ступень экономики, возникновению и развитию товарно-денежных отношений.

Отмечаются значительные нововведения в духовной и художественной культуре: внедрение греческой и возникновение на ее основе местной, бактрийской письменности, влияние эллинистической культуры в градостроительстве, архитектуре и изобразительном искусстве, распространение в религиозной жизни греческих верований.

Это был крупный рубеж, от которого история Средней Азии начинает отсчет эпохи.

Многими исследователями в определении рассматриваемого хронологического периода среднеазиатской истории приняты термины: «античный», «античность», но есть и противники, считающие правомерным применение этих терминов лишь к Греции и Риму.

Этот период характеризуется всеобщим процессом вступления многих стран древнего мира в новую фазу общественного развития, проявившуюся и в социально-экономической и общекультурной среде. Он не был ни идентичным, ни равнозначным, наоборот, в разных странах имел свою специфику. Но будь то ханьский Китай или аршакидская Парфия, сако-парфяно-кушанская Индия, греко-бактрийская и кушанская Бактрия, новое предстает здесь во всех параметрах общественного бытия. То был один из конвергентных процессов мировой истории, охвативший страны Древнего мира. И потому правомерно приложение к нему понятия «мир античности». В европейских языках *antiqua* означает «отдаленную древность», «древний», не обязательно связанный лишь с греко-римскими ареалами.

Смерть Александра Македонского, последовавшая в Вавилоне в 323 г. до н.э., в значительной мере изменила политическую ситуацию. Единая империя, созданная талантом и волей выдающейся личности, распалась в результате ожесточенной борьбы за его наследие между диадохами, продолжавшейся несколько десятков лет. В большей степени эта война коснулась западных областей империи Александра, но и восточные, в частности среднеазиатские сатрапии не остались в стороне.

Греки и македонцы в это время составляли правящий слой в Средней Азии. Известно, что еще до смерти Александра сатрапом Бактрии и Согдианы был македонец Филипп. Его преемником на этом посту стал грек с острова Кипр Стасанор, принимавший активное участие в войне между двумя диадохами - Эвменом и Антигоном Одноглазым на стороне Эвмена, которому он послал контингент бактрийских войск.

Антигону на какое-то время удалось захватить большую часть империи Александра, но власть его была недолгой.

В 312 г. до н.э. талантливый полководец Селевк в ожесточенной борьбе с другими диадохами захватил столицу империи Александра Вавилон, основав тем самым государство, которое в науке получило название Селевкидской империи.

В последующие годы Селевк подчинил себе восточные сатрапии и, вероятно, в 306 г. до н.э. восточные области, Бактрию, Маргиану, Согдиану и Парфию. Согласно Аппиану, Селевк после многих войн с македонцами и варварами стал управлять парфянами, бактрийцами, согдийцами, гирканцами.

Битва в 301 г. до н.э. при Иисе во Фригии, в которой объединенные войска Селевка и Лисимаха нанесли сокрушительное поражение войскам Антигона, как бы завершает войну диадохов. На территории бывшей империи Александра создаются эллинистические государства Селевкидов (Месопотамия, Сирия, Иран, Афганистан, южные области Средней Азии), Птолемидов (Египет).

При Селевке I и Антиохе I в состав Селевкидского государства входили Бактрия, Маргиана, Парфия и Согдиана, тогда как Хорезм предствал собой независимое государство, а другие области Средней Азии являлись владениями саков, которые в это время активно действовали против селевкидских владений в Средней Азии.

Как считает ряд исследователей, именно против саков была направлена так называемая экспедиция Демодама.

Наряду с саками, даями, парнами и другими народами Средней Азии господству Селевкидов здесь стали угрожать возрастающая мощь и стремления к независимости греческих наместников. Около середины III в. до н.э. от Селевкидского государства отделились две важнейшие восточные сатрапии: Бактрия и Парфия. Согласно римскому историку Помпею Трогу, парфяне отпали от Селевкидов при Селевке II Каллинике (246-225 гг. до н.э.) и «... тогда же отложился и Диодот, наместник тысячи бактрийских городов, и повелел называть себя царем: следуя этому примеру народы всего Востока отпали от македонян».

Если в Бактрии и, возможно, в Согде надолго установилось правление греческих царей, то иная обстановка сложилась в об-

ласти Парфиены. Здесь примерно в то же время, что и в Бактрии, в середине III в. до н.э. в процессе борьбы кочевников парнской конфедерации, возглавляемых Аршаком, против наместника Селевкидов Андрагора возникло Парфянское государство.

Хотя в политической жизни этого государства господство греков было навсегда утрачено, тем не менее, в культурной жизни эллинистическое влияние сохранялось долгое время. Это декларировали сами парфянские цари в надписях на монетах, которых, исполнены греческой письменностью. Долгое время сохраняется греческая титулатура, имена и эпитеты типа «филоэллин» - любящий эллинов.

Таким образом, политическое господство греков во второй половине III - середине II в. до н.э. сохранялось только в таких областях Средней Азии, как Северная Бактрия и Согд.

Полностью их владычество здесь исчезает после падения Греко-Бактрийского царства, как самостоятельного государства, которое определяется между 141 и 128 гг. до н.э.

Большой хронологический период, характеризующийся политическим господством греко-македонских династий в различных странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в южных областях Средней Азии, обычно именуют эпохой эллинизма. В определении его сущности несколько подходов. Так, по К.К.Зельину, эллинизм - это конкретное историческое явление, определяющееся сочетанием и взаимодействием эллинских (греческих) и восточных начал в экономическом строе, социальных и политических сферах, в идеологии и культуре.

Собственно эллинистический мир охватывал в ту пору огромную территорию от материковой Греции до долины реки Инд, внутри которой исследователи, по степени эллинизации, выделяют три зоны: собственно Эллада; Малая Азия, Сирия и Египет; области к востоку от Ефрата. Эти области включаются в широко распространенное понятие «Эллинистический Восток», в состав которого входят Месопотамия, Иран, южные области Средней Азии, Афганистан и части территорий Пакистана и Индии, завоеванные Александром Македонским.

Эллинистический период в истории Востока, в зависимости от политических обстоятельств, при одинаковых хронологических границах (начало IV в. до н.э.) в различных частях эллинистического мира завершался в разное время. В странах Восточного Средиземноморья в начале 2-й половины I в. до н.э. в связи с упразднением Селевкидской династии в результате римских завоеваний, в южных областях Средней Азии - в начале 2-й половины II в. н.э., когда произошло крушение Греко-Бактрийского царства.

В этот период происходит широкое внедрение эллинской культуры в культуры южных областей Средней Азии, и последующее их слияние.

Особенно большую роль эллинизм сыграл в Бактрии, Парфии и Согдиане, чему способствовала политика глубокой греко-македонской колонизации этих областей, начало которой было положено Александром Македонским. Согласно данным античных письменных источников, в некоторых областях Средней Азии Александром был основан ряд городов, названных его именем, и более мелких городков, представлявших, вероятно, собой первоначально катойкии - военные поселения, с постоянным греко-македонским гарнизоном. С территорией Средней Азии связываются три Александрии: Александрия Оксианская, Александрия Маргианская и Александрия Эсхата.

Позднее с установлением господства Селевкидов в Средней Азии они были переименованы в Антиохии по имени царя Антиоха I (293-280 гг. до н.э.), продолжавшего колонизаторскую политику Александра. Один из этих городов - Антиохия Маргианская находился на месте городища Гяуркала в Старом Мерве.

По данным Плиния Старшего, «в ней (т.е. области Маргианы - Э.Р.) Александр основал Александрию, которую разрушили варвары, но Антиох, сын Селевка восстановил сирийский город на том же самом месте, пересекаемом рекой Марг, которая впадает в озеро Зотха. Он предпочел, чтобы город носил его имя - Сампо».

Согласно сообщению Страбона, при основании Антиохии Маргианской Антиох приказал обвести Маргианский оазис стеной длиной около 250 км для защиты от набегов кочевников. С именами Александра и Антиоха ряд ученых связывает также основание города на месте городища Старый Термез. В. Тарн считал, что здесь находилась упомянутая Птолемеем Александрия на Оксе, которая около 293 г. до н.э. была разрушена кочевниками, а затем восстановлена Антиохом I и получила название Антиохия-Тармита. Однако П. Бернар утверждает, что Антиохия-Тармита возникла в результате активной политики урбанизации, проводимой Антиохом I в период между 293-281 гг. до н.э.

Проведенные в последние годы раскопки на цитадели Старого Термеца выявили культурные слои толщиной 2,5 м с архитектурными остатками и разнообразными находками, датирующимися III-II вв. до н.э. Кроме того, в разные годы в Старом Термезе найдено более 40 селевкидских и греко-бактрийских монет, начиная от Селевка I и Антиоха I, кончая Гелиоклом.

Эти данные подтверждают существование в III-II вв. до н.э. значительного поселения на месте Старого Термеца и заставляют

с большим вниманием отнестись к гипотезе В. Тарна о локализации здесь Антиохии-Тармиты.

Еще один город, основанный греками в Средней Азии, Александрия Эсхата.

Таким образом, на территории Средней Азии находилось три города, основанных Александром и позднее переименованных в Антиохию. Однако, как свидетельствуют археологические исследования, на месте Старого Мерва, Термеза и Ходжента, с которыми отождествляют эти города, все они возникли в 1-й половине - середине I тыс. до н.э., т.е. задолго до прихода сюда греков.

Археологическими экспедициями на западе Средней Азии и прилегающих к ней областях в 30-80 гг. выявлены уникальные памятники. Наиболее интересные из них Ай-Ханум, Тахти-Сангин, Ниса Старая, Ниса Новая, Кампыртепа. Во второй половине II в. до н.э. Греко-Бактрийское царство пало под ударами сакских и юечжийских племен. Спустя более ста лет на этой территории было создано обширное Кушанское государство.

И хотя прошло много десятилетий после греческого правления в Бактрии, а сами греки, по-видимому, уже полностью «растворились» среди местного населения, эллинистическая культура по-прежнему играла значительную роль в материальной, художественной и духовной жизни. Высоко почитались эллинские божества - Геракл, Гефест, Дионис, Афина. Они входили в официальный пантеон божеств Кушанской империи, а их изображения воспроизводились на оборотной стороне кушанских монет и в скульптурных композициях. Сохранялась созданная на основе греческого алфавита бактрийская письменность.

Эллинистические традиции сохранялись в изобразительном искусстве - скульптуре и монументальной настенной живописи. И не только в них. Исследования городищ Дальверзинтепа, Кампыртепа, Халчаян в Сурхандарьинской области Узбекистана, проведенные Узбекстанской искусствоведческой экспедицией в 60-80-х годах, показали насколько глубоко эллинистические традиции внедрялись в культуру кушанского города. Вообще культ Геракла, и после падения власти греков, продолжал широко почитаться в кушанской Бактрии и ряде других областей запада Средней Азии.

Его изображение в виде бородатого коренастого атлета с палицей на левом плече помещено на одной из групп медных монет кушанского царя Хувишки (середина - вторая половина II в. н.э.). Изображение сидящего на скале или на омфале Геракла, после одного из его подвигов, использовалось на серебряных подражаниях тетрадрахм Евтидема, чеканившихся в Бухарском оазисе во II в. до н.э. - II в. н.э.

Глиняная статуя обнаженного Геракла найдена на городище Дильберджин в Северном Афганистане.

Образ Геракла отражен и в коропластике. Подобного рода статуэтки найдены на ряде городищ Северной Бактрии - Бараттепа, Кара-Пичок, Сар-и Банд.

Изображение бородатого Геракла в профиль имеется на сердоликовой гемме-инталии, состоящей из спаянных дурых обручей. Она обнаружена среди золотых украшений клада Дальверзинтепа. Многочисленные находки на городище Дальверзинтепа свидетельствуют о синкретическом характере культуры этого города, включающей, наряду с местными бактрийскими элементами, значительные вкрапления индо-буддийской и эллинистической культур. Найдены здесь и предметы импорта из различных областей Ближнего и Среднего Востока. Это не случайно, так как Дальверзинтепа стоял на одном из важнейших ответвлений Великого шелкового пути, который от древней Гармиты шел по долине Сурхана в страну Коммедов, а оттуда к Каменной Башне.

Не только в крупных городах, типа Дальверзинтепа, но и в небольших провинциальных городках в кушанское время сохранялись эллинистические традиции.

Об этом свидетельствуют находки на городище Кампыртепа. Среди них интересна керамика. В частности, крупный черноглиняный сосуд с двумя ручками, украшенный по тулову орнаментом в виде пальметток, листиков, волнистых линий и прямоугольников с точками по углам. По форме - это типичная греческая амфора. Орнамент в виде листиков-пальметт тоже заимствован из стран эллинистического мира. В Греции амфоры обычно применялись для хранения масел и вина.

На Кампыртепа найдены и другие типично греческие формы керамики, например, ойнохоя - кувшин с одной ручкой для вина, у которого горлышко имело три стока, позволявшие разливать вино сразу в три чаши. Аналогичные сосуды с одним, двумя и тремя стоками найдены в Хатынрабаде, Старом Термезе, в других местах Северной Бактрии и Согда.

Найдены здесь и сосуды, аналогичные греческим кратерам, с широким горлом и большим туловом, которые в Греции применялись для смешивания жидкостей.

Интересны железные ключи, имеющие вид длинного стержня с четырехзубчатой завершающей частью, длиной от 5 до 7,5 см. По своей форме они аналогичны подобного рода ключам, найденным в материковой Греции и греческих городах Северного Причерноморья. Традиция их изготовления в кушанское время несомненно унаследована от греческих поселенцев в Бактрии.

Вероятно, греческого происхождения и грузила пирамидальной формы, различного веса и размеров, сделанные из необожженной и хорошо прокаленной глины. Они употреблялись в качестве груза для ткацких станков и рыболовных сетей.

В доэллинистическую эпоху в Средней Азии подобного рода предметы не отмечены, но они характерны для греческих городов и поселений. Это, видимо, свидетельствует о том, что в Средней Азии они стали применяться после ее вхождения в сферу влияния эллинизма.

Вместе с тем культура городка складывалась из множества компонентов, что весьма показательно для всех городов и селений, расположенных на торговых путях. Тем более, что Кампыртепа - это крепость, охранявшая переправу через Амударью на одном из важных отрезков Великого шелкового пути, шедшего из Бактра на север в Согд, через Железные Ворота. И не случайно здесь обнаружены предметы, происходящие из разных стран или сложившиеся под влиянием их культуры: керамика с характерной круговой росписью из Хорезма, металлические и терракотовые изделия, гребень из слоновой кости с сюжетами индийского происхождения, керамическая печь маргианского типа, парфянские монеты, стеклянные изделия из Восточного Средиземноморья, китайского типа зеркала, исполненная в сакском стиле металлическая пряжка. Уникальны две статуэтки. Одна из них выполнена из дерева и помещена в серебряный футляр, скрепленный гвоздиками. Она воспроизводит образ пожилого мужчины в поколенном кафтане и драпирующихся штанах, весьма схожего по типу одежды с известной бронзовой статуей парфянского принца из Шами (Сирия).

Другая терракотовая статуэтка изображает мужчину с горделивым лицом и своеобразной бородой, в высоком головном уборе, аналогичном изображениям ряда персонажей города Хатры (Месопотамия).

Об объеме торговых операций, происходящих на трассах Великого шелкового пути, свидетельствует количество монетных находок на городище Кампыртепа. Оно поразительно для такого небольшого городка-крепости. Всего здесь за восемь лет раскопок найдено более 300 монет, в том числе четыре клада. И еще одно важное обстоятельство, связанное с торговыми функциями этого городка. В тесно застроенной цитадели очень много складских помещений (более 20), в которых находилось от пяти до двадцати крупных сосудов - хумов, высотой свыше одного метра, предназначенных для хранения зерна и разного рода жидкостей.

Подсчет возможного числа жителей Кампыртепа в сопоставлении с количеством складских помещений и хумов, с запасами

продовольствия показал, что столь большое их количество предназначалось, в основном, для обслуживания проходивших мимо крепости торговых караванов. В историко-географическом сочинении Хафизы Абу (первая половина 15 в.) есть интересный эпизод, давно обративший на себя внимание ученых. Он пишет, что «Бурдагуй - место на берегу Джейхуна, вблизи Термеза. Некоторые говорят, что Бурдагуй был основан задолго до Термеза; по другим, его выстроил тоже Александр: (по этой версии) Бурдагуй - греческое название, данное месту также при Александре: значение его - гостиница. В древности в Бурдагуе жили главные лодочники, заведовавшие переправами через Джейхун: здесь же было место переправы султанов, переходивших через эту реку. Древние цари за охранение переправы оказывали покровительство жителям того места и освобождали их от подати: по этой причине место было многолюдным промышленным центром. Каждого путешественника, приезжавшего сюда, принимали с большим почетом: жители получили известность за свою щедрость, доходившую до таких размеров, что из-за каждого проезжавшего здесь путника непременно возникали споры среди жителей Бурдагуя: каждый хотел увести гостя в свой дом. Между жителями Термеза и Бурдагуя большей частью было соперничество. В окрестностях Бурдагуя много камышей, в которых водятся тигры».

Кампыр-тепа. Фрагмент сосуда с орнаментом в виде виноградных гроздьев и листьев

В.В. Бартольд считал, что этот пункт находился на месте современного Келифа, где с давних времен действовала одна из самых кратчайших переправ через Амударью. Однако М.Е. Массон связывал его местонахождение с переправой Чушка-Гузар (кабаний проход), расположенный вблизи современного кишлака Хошман в Сурхандарьинской области. Кстати, по мнению ряда ученых, именно через эту переправу прошли войска Александра Македонского в погоне за ахеменидским сатрапом Бессом, объявившим себя после убийства Дария Кодомана царем по имени Артаксеркс III. Позднее исследованием данного вопроса занялся В.Ф. Минорский. Он об-

нидским сатрапом Бессом, объявившим себя после убийства Дария Кодомана царем по имени Артаксеркс III. Позднее исследованием данного вопроса занялся В.Ф. Минорский. Он об-

ратился с просьбой к В.Хеннингу проанализировать название данного пункта с языковедческих позиций, который установил, что первоначальное звучание этого греческого по происхождению слова было «пандоки», означающее «гостиница», позднее, как он пишет, превратившееся в одном из согдийских диалектов в «пардагви».

В.Ф.Минорский считал, что этот, основанный, видимо греками, пункт при переправе, коль скоро носил он греческое название, находился вблизи Термеза, у впадения Сурхандарьи в Амударью.

Исследования, проведенные на Кампыртепа в 80-х годах отрядом Узбекостанской искусствоведческой экспедицией, подтвердили, что Кампыртепа возник в III вв. до н.э. при греческих правителях Бактрии и вполне мог носить греческое название как крепость, охранявшая важную переправу через Окс. Здесь найдены греческие надписи - граффити, выполненные на фрагментах небольших сосудов и стенке хума, свидетельствующие о проживании греческого населения. Кроме того, Кампыртепа являлся своего рода таможней для торговых караванов, тем более, что о значении Пардагви как таможни писал Хафиз Абу.

Кампыр-тепа. Греческая надпись на стенке хума. III-II вв. н.э.

Первое граффити процарапано до обжига на внешней стороне тонкостенного сосуда, покрытого светлым ангобом. Оно состоит из трех знаков, означающих 15 драхм.

Второе граффити, процарапанное после обжига на внутренней поверхности тонкостенного сосуда покрытого светло-желтым ангобом, также состоит из трех знаков, означающих 7 хоев (хой - греческая мера жидкости, равная 3,28 литра).

Эти два небольших по содержанию граффити имеют чрезвычайно важное значение, так как до сих пор в Средней Азии не было находок греческих надписей, содержащих названий денежных единиц и мер жидкостей.

Одно из граффити сосуда процарапано после обжига на внешней стороне толстостенного сосуда. В нем сохранилось четыре буквы: капа, лямбда, эpsilon, четвертая буква неясна: ΚΛΕΟ (?). По мнению В.Яйленко, данные буквы могли принадлежать ка-

кому-то личному имени. Вместе с тем, он не исключает возможность, что это остаток слова КЛЕО.... (гlossa Гесихия из Александрии - автора лексикографического словаря IV или V в. н.э.), в котором объяснены редко встречающиеся греческие надписи. Значение его - «прорицание», «молва», «слава».

Все эти надписи, бесспорно, свидетельствуют о наличии на Кампыртепа греческого населения. По палеографическим данным, они могут датироваться II в. до н.э.

Вообще же, несмотря на то, что греки владели югом Средней Азии почти двести лет, находки греческих надписей немногочисленны, все они обнаружены в Северной Бактрии и только две на городище Афрасиаб в Согде.

Небольшая греческая надпись, процарапанная на стенке сосуда и передающая греческое имя Созирис, найдена на городище Гаравкала в Южном Таджикистане.

Таким образом, документально установлено наличие в Северной Бактрии двух пунктов, в которых проживало греческое население. Эллинизм как явление культуры оставил глубокий след в материальной и духовной жизни древних народов Средней Азии, надолго пережив политическое господство эллинов в этом и соседних регионах. Греческий язык на протяжении, по крайней мере, двухсот лет продолжал играть здесь роль, подобную *franca lingua* в средневековой Европе.

Во всяком случае в Парфии только в середине I в. н.э. пришедшие к власти младшие аршакиды убрали греческие надписи и язык с монет, заменив их парфянскими. Несколько позднее аналогичный процесс произошел и в Кушанской империи, когда при царе Канишке I произошла реформа языка и письменности, что ярко отражают кушанские монеты, на которых греческая титулатура типа «BACILEYC BACILEYN» заменяется на равнозначные бактрийские «PAONANO PAO» - «Царь царей», а эпитеты типа «COTEP MEΓAC» вовсе исчезают.

Тем не менее даже в это время в Кушанской империи продолжается деятельность незаурядных греческих мастеров. Об этом свидетельствует одна из надписей, обнаруженных при раскопках в Сурх-Котале - крупнейшем династийном храме кушан, возведенном при Канишке I или Хувишке в области Баглан (Северный Афганистан). В этой надписи упоминается некий человек с типично греческим именем Паламед, вероятно архитектор - строитель этого храма. Не исключено, что Паламед был потомком издревле живших здесь эллинов, переселившихся в Бактрию три-четыре столетия назад.

Отдельные островки греческих владений среди огромного бушующего моря арийских народов сохранялись, в частности, в

Гиндукуше и в Северо-Западной Индии еще спустя 100-150 лет после падения Греко-Бактрийского царства.

Этот факт подтверждается так называемыми «индо-греческими монетами», на которых сохранились греческие имена правителей (Антиалкид, Зоил, Дионисий, Стратон и другие), титулатура, эпитеты-прозвища, изображения греческих правителей и божеств.

Аналогичный факт, прежде неизвестный науке, выявлен сейчас и для Бактрии. На городище Кампыртепа найдена медная монета на аверсе которой изображен правитель в диадеме, а на реверсе - орел с распахнутыми крыльями в геральдической позе и греческая надпись - Гелиокл. Судя по палеографическим данным, эта монета может быть датирована не ранее середины I в. до н.э. То есть, спустя по крайней мере сто лет после падения Греко-Бактрийского царства, в долине Амударьи неподалеку от Термеза продолжало сохраняться небольшое владение эллина Гелиокла, несмотря на то, что Бактрия уже много лет как была завоевана юечжами-тохарами, из среды которых вышла династия Кушан, основавших впоследствии великую азиатскую империю.

С течением времени остатки греческого населения растворяются среди южных народов Средней Азии, внося определенную лепту в их этногенез. Но память о яванах, так на Востоке называли греков, и их великом вожде Александре Македонском - Искандере Зулькарнаине сохранилась до сих пор, воплотившись в географических названиях, в народных легендах об основании им некоторых городов Средней Азии и происхождении ряда народов этого региона от эллинов.

3. Средняя Азия и Аппенинский полуостров

Постановка вопроса о связях этрусской культуры с культурой одной из областей древней Средней Азии - Хорезма только на первый взгляд кажется странной, но при внимательном изучении имеющихся данных она имеет право на свое существование.

Известно, что этруски уже в первой половине V тыс. до н.э. обитали на территории Аппенинского полуострова, но место их первоначального обитания до сих пор не определено. По мнению ряда ученых, этруски были аборигенными жителями этого полуострова, хотя другие исследователи и, в особенности, В. Георгиев полагают, что сюда они переселились из Малой Азии в конце II - начале I тыс. до н.э.

Исследователи данного вопроса, помимо всякого рода историко-лингвистических документов, опираются на сведения Геро-

дота, согласно которым, этруски, названные им тирренами, переселились на Аппенинский полуостров из области Лидия, находившейся в западной части Малой Азии. На полуострове этруски заняли область между реками Арно и Тибр, которая стала называться Тосканой - от слова туски или в ином произношении этруски.

Этноним «туски» связывается некоторыми учеными не только с этрусками, но и с наименованием народа турша - туруша, упоминающегося в составе «народов моря» в морских походах на древний Египет.

Но Малая Азия также могла не быть родиной этрусков, первоначально они могли обитать еще восточнее и лишь позднее передвинулись в эту область. В этом отношении интересны пока трудно объяснимые урартийско-кавказско-этрusкие параллели.

Весьма сложно объяснить и замеченные мною определенные черты сходства между статуарными оссуариями Хорезма и этрусскими погребальными сосудами - кенопами. Статуарные оссуарии Хорезма уникальны и аналогий им в иных областях Средней Азии не имеется. Они состоят из круглого основания сосуда, увенчанного скульптурой, в основном антропоморфной: сидящая на троне женщина, мужчина со скрещенными ногами, всадник. Хронологические рамки бытования оссуариев - IV-III вв. до н.э.

Генезис хорезмийских оссуариев этого типа еще не решен: местный или иноземный.

Ю.А. Раппопорт отмечает, что статуарные оссуарии возникли из сочетания погребальной маски и сосуда и имеют местное происхождение. При этом он ссылается на аналогичный путь развития этрусских кенопов, исходный тип которых представлял собой обычный сосуд к которому подвешивали погребальную маску, затем горловина сосуда превращалась в голову, на тулове стали изображать детали тела и одежду, а в завершающей стадии появляется антропоморфная фигура.

Однако, если в Этрурии можно проследить все этапы становления кенопов, то в Хо-

Голова богини Ер-Курган.
II-III вв.н.э.

резме ничего подобного нет и внезапное появление здесь статуарных оссуариев выглядит чужеродным явлением.

Как известно, наиболее ранние оссуарии этого типа в Хорезме найдены в усадьбе, вблизи Кой-Крылган-калы и датируются IV-III вв. до н.э. Они представляют собой законченный классический тип: погребальный сосуд в виде стоящей женщины и погребальный сосуд в виде сидящего на круглом основании мужчины. Аналогии подобному типу оссуариев не имеется ни в Хорезме, ни в целом в Средней Азии и сопредельных странах как в памятниках предшествующего, так и синхронного времени.

В данной связи я хотел бы обратить внимание на явные черты сходства, имеющиеся у статуарных оссуариев Кой-Крылган-калы с этрусскими погребальными урнами - кенопами, в особенности, с кенопами из Цере и Вей VI-V вв. до н.э. Это сам тип погребального сосуда, увенчанного антропоморфной сидящей фигурой. В частности, кенопы из Цере (конец VII в. до н.э.), представляющий собой сидящую мужскую фигуру на прямоугольной скамейке, схожий по типу с оссуарием из Кой-Крылган-кала.

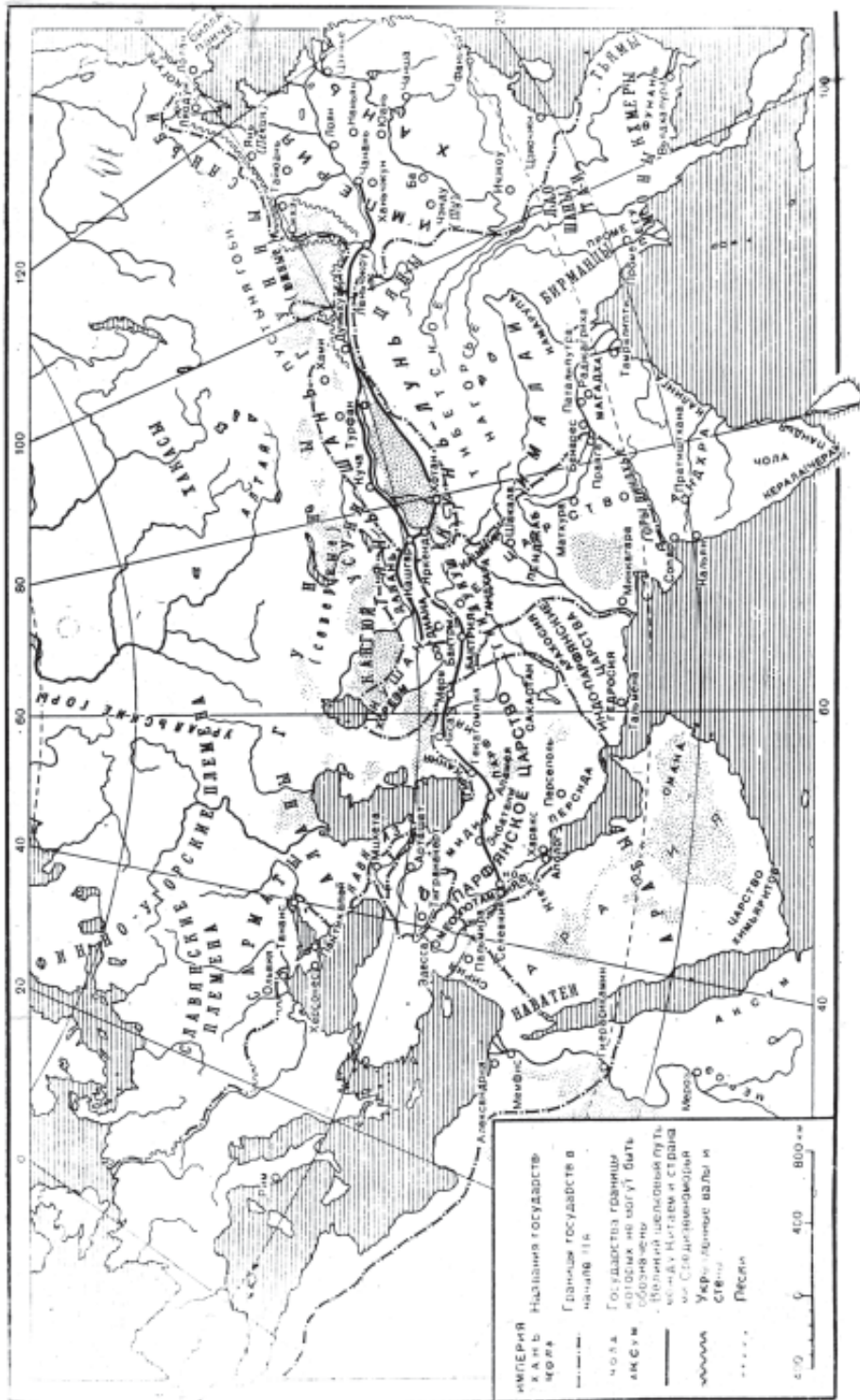
Это также и отдельные детали как, к примеру, головной убор у мужской фигуры на статуарном оссуарии из Кой-Крылган-калы в виде плоской шапочки с отогнутым кверху краем и ушками. Аналогичный головной убор имеется на статуе Гермеса из храма в Вейях (Этрурия), датирующейся около 500 г. до н.э. Очевидно, что подобные черты сходства не могли возникнуть в результате конвергентного развития хорезмийских статуарных оссуариев и этрусских кенопов.

По-видимому, уже задолго до н.э. Хорезм входил в общую систему дорог, соединяющих страны Средиземноморья и Среднюю Азию, а превратности судьбы забрасывали представителей этих регионов в разные концы ойкумены. Известно, что в V в. до н.э. хорезмийцы жили в Египте, на острове Элефантина, расположенном в низовьях Нила, видимо, в течении нескольких поколений.

Впоследствии связи Средней Азии с Аппенинским полуостровом, особенно ввиду существования Римской империи стали более прочными и активными.

Рим - столица Римской империи - являлся одним из отправных пунктов Великого шелкового пути. Отсюда из других римских городов шли на восток сухопутными и морскими путями торговые караваны, отправлялись дипломатические посольства и воинские легионы для борьбы с извечным соперником Рима могущественным Парфянским царством (середина III в. до н.э.-226 г. н.э.)

Римско-парфянские войны шли с переменным успехом, но именно они способствовали первому появлению на территории

Древний мир во II в. н. э.

Средней Азии в качестве пленных большого числа римлян, хотя не исключено, что отдельные их представители могли проникнуть сюда еще раньше.

Парфянское царство явилось как бы преградой на пути проникновения римских товаров на Восток по основной трассе Великого шелкового пути через территорию собственно Ирана. В истории Старшего Дома Хань прямо сказано, что «владелец Дацинь (Рима) давно искал случая открыть сообщение с Китаем, но ансийцы (парфяне), желая одни снабжать Дацинь китайскими шелковыми тканями, не пропускали дацинцев через свои пределы в Китай». Исследователи этой проблемы считают, что основной поток римских товаров шел северным путем из античных городов Северного Причерноморья через Нижнее Поволжье в Среднюю Азию и далее на Восток, а также южным морским путем из подвластного Риму Египта в порты, расположенные на западном побережье Индии, особенно порт Баригады. Не случайно именно в Индии известно большое количество находок римских монет. Отсюда римские товары шли на север в Бактрию, подвластную Кушанам, на восток - в страны Дальнего Востока.

Вместе с тем, нам представляется, что те предметы римского происхождения или предметы, происходившие из стран, подвластных Риму, к примеру, Египта, все же попадали в Среднюю Азию по основной трассе Великого шелкового пути или северным путем.

Возможно также поступление из Египта, через подвластную римлянам часть Закавказья, вокруг Каспийского моря, посредством контролирующих эти дороги сарматских племен. Не случайно в могильниках Северного Кавказа сарматского времени находят много предметов римско-египетского происхождения. В этом отношении интересные сведения приводит греческий историк Страбон (I в. н.э.), что аорсы - одно из сарматских племен, контролировали дорогу, шедшую вдоль Каспийского моря, и вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидян (Страбон. XI, Y, 8). Торговые, дипломатические, культурные контакты народов Средней Азии с Римом особенно ярко стали проявляться с возникновением, по-видимому, в первой половине I в. н.э. Кушанского царства.

Так же как и Рим, Кушаны находились во враждебных отношениях с Парфией, что способствовало установлению дипломатических отношений между Кушанами и Римом. По данным письменных источников известно, что в 99 г. в Рим для участия в качестве почетных гостей в триумфе императора Траяна, разгромившего племена дахов, прибыло кушанское посольство. Известно также, что император Адриан (117-138 гг.) принимал посоль-

ство «бактрийских царей», а Антоний Пий (138-161 гг. н.э.) послов от «индийцев, бактрийцев, гирканцев».

В Средней Азии найдено достаточно предметов римского происхождения, в том числе монеты. Первым, кто начал собирать сведения об их находках здесь, был М.Е.Массон, отметивший, что римских золотых монет ему совсем не встречалось, а серебряные попадаются не так уж часто. От долины Заравшана до Иссык-Куля им зафиксированы находки монет римских императоров: Веспасиана (69-79 гг. н.э.), Домициана (81-96 гг. н.э.), Траяна (96-177 гг. н.э.), Антония Пия (138-161 гг. н.э.), Марка Аврелия (161-180 гг.), а также некоторое количество монет III в. н.э. и среди них Аврелиана Августа (270-275 гг.).

В 20-х годах прошлого столетия вблизи г.Уратюбе в Худжуме в Северном Таджикистане был найден клад серебрянных римских монет, в несколько сот экземпляров, от которого сохранился 21 динарий, переданные в дар Эрмитажу врачом Тарзи. Эти монеты опубликованы Е.В.Зеймалем, определившим среди них динарии Веспасиана, Траяна, Адреана, Антония Пия, Марка Аврелия и Люция Вера, Марка Аврелия Коммода (176-192 гг. до н.э.). Е.В.Зеймаль первоначально высказал предположение о том, что динарии из этой находки - небольшая часть потока римского серебра, поступавшего с юга на рынки Кушанского царства, и севернее - в области, не имевшие собственного регулярного чекана. Вместе с тем он не исключает, что проникновение римских монет в данный район могло быть связано с торговыми операциями на северном участке Великого шелкового пути.

Римские монеты обнаружены в Сурхандарьинской области - на Хайрабадтепа сестерции императора Нерона (54-68 гг. н.э.), а в старом Термезе - медная монета императора Константина I (306-337 гг. н.э.). В коллекции священника Зампаева, составившего ее в основном на сборах с данного городища, также имелись римские монеты.

Интересны и другие предметы римского импорта, найденные в этой области. На месте распаханного Илонтэпа, вблизи г. Шурчи была найдена мраморная мужская голова, стилистическая трактовка лица и манера прически которой весьма схожа с изображениями на римских рельефах I в. до н.э. - I в. н.э. и в какой-то мере напоминающие изображения императора Августа.

Отметим также мраморную голову маскарона, обнаруженную на городище Шахри-Гульгуля на западном берегу Южно-Сурхандарьинского водохранилища. В Халчаяне и Кампыртепа найдены фрагменты разнообразных стеклянных изделий, поступивших в Бактрию из Египта или других Римских провинций, а на городище

Дальверзинтепа гемма-инталия из сердолика кушанского времени с изображением богини Фортуны.

Множество римских предметов обнаружено в Афганистане, в особенности в Беграме, расположенном в 60 км к северу от Кабула. Здесь при раскопках дворцового здания найдено большое количество стеклянных изделий из подчиненных Риму городов Тир, Сидон, расположенных на финикийском побережье Средиземного моря. Это вазы, кубки, тарелки, флаконы, многие из которых покрыты великолепной художественной росписью. Особенно интересен стеклянный кубок I в. н.э. с изображением сражающихся пеших и конных римских воинов.

Среди находок римского происхождения - бронзовые гири с изображением Афины и Марса, алебастровые сосуды, гипсовые слепки, связанные с мотивами греко-римской мифологии.

В Афганистане найдено также довольно значительное количество римских монет, особенно в реликвиях буддийских ступ. В ступе Ахин-Пош, наряду с кушанскими монетами, найдены три римских золотых ауреуса императора Домициана (81-96 гг. н.э.), Траяна (98-117 гг. н.э.) и жены императора Адриана (119-138 гг. н.э.) - Сабины. В Шеваки вблизи Кабула вместе с золотой монетой Вимы Кадфиза найден ауреус императора Траяна. В Северном Афганистане находки римских монет более редки. При раскопках погребения знаменитого ныне могильника Тиллятепа неподалеку от города Шабургана найдена золотая монета императора Тиберия - чекана города Лугдунума (Галлия) между 16 и 27 гг. н.э.

Римское влияние сыграло определенную роль в становлении кушанской монетной системы и иконографии ранних куганских монет. Считается, что голова царя в лавровом венке на монетах Куджулы Кадфиза скопирована с какой-то римской императорской монеты, возможно, с лицевой стороны ауреусов Августа, выпускавшихся, начиная с 24-27 гг. н.э. Некоторые исследователи полагают, что имеющееся на обратной стороне этих же монет изображение сидящей в «курульном кресле» фигуры в коническом головном уборе также скопировано с римских монет, в частности, того же императора Августа, на оборотной стороне которых имеется изображение сидящего на «курульном кресле» императора.

При кушанском царе Кадфизе II была проведена денежная реформа, в которой основу монетной системы стало составлять не серебро, как прежде в Греко-Бактрийском царстве, или в других среднеазиатских владениях, а золото. В основу нового золотого номинала был положен, вес золотого римского ауреуса. Чаще всего выпускались золотые монеты весом 8,13 г, а также, но более редко, двойные статеры весом 16,07 г и четверть статера в 2,07 г.

Большой интерес в отношении римско-среднеазиатских связей представляют предметы, поступившие в Среднюю Азию из подвластного Риму Египта.

Среди этих предметов более многочисленны изделия из голубого египетского фаянса, центром производства которого были египетские города Александрия и Навкратис. Правда, некоторые исследователи считают, что они могли изготавливаться также и в античных городах Северного Причерноморья.

Египетские предметы почти повсеместно находят на поселениях и в могильниках Средней Азии кушанского времени, в особенности в Хорезме, Согде и Северной Бактрии. Чаще всего это амулеты-обереги в виде кулака-«кукиша», лягушки, черепах, священных жуков-скарабеев, виноградных гроздьев, а также различных форм бус. Более редки статуэтки божеств. Среди них особенно популярны образы Гарпократа, Беса, Птах-Сокара, Осириса.

Гарпократ (Гор-па-херд Египет) в египетской мифологии - одно из воплощений Гора - сына богини Исиды и бога Осириса - солнечного божества, изображался в виде мальчика с так называемым «локоном юности» и с пальцем у рта. Этот жест истолковывался греками как знак «молчания», статуэтка Гарпократа в Средней Азии найдена, в частности, на городище Лунчактепа, расположенном на берегу Сырдарьи неподалеку от г.Ленинабада, в Северном Таджикистане.

Изображение другого весьма почитаемого в античном мире египетского божества - Беса - в виде голого безобразного существа с подчеркнутыми половыми признаками, олицетворяющего идеи плодородия и живородящих сил природы, найдены в Хорезме (Вазаркала), на городище Афрасиаб (Самаркад) в Северной Бактрии (могильник Тупхана).

В ряде могильников и на городищах Средней Азии (Тупхана, Рабат) найдены фигурки обнаженного лысого мужчины из голубого фаянса. Исследователи считают, что это амулеты, изображающие Птахсокара - божества, совместившего две ипостаси - бога Птаха, покровителя правящего рода священного египетского города Мемфиса и создателя мира, а также Сокара - мемфиского божества умерших.

Нередки здесь находки фаллических подвесок и амулетов в виде священного жука-скарабея. Почитание фаллоса, олицетворяющего идею плодородия и животворящей силы природы, было широко распространено в древности, а кое-где и сейчас, у многих народов мира, в том числе в Средней Азии, где разного рода изображения фаллоса встречаются уже в погребениях эпохи бронзы.

В то же время, о каких-либо формах почитания жуков в Средней Азии, в отличие от Египта, не имеется никаких свидетельств. Прекрасно охарактеризовал значение жука-скарабея в жизни древнеегипетского общества известный египтолог В.А.Коростовцев, по словам которого «это насекомое во все времена Египта играло огромную роль в религии и мифологии, оно было олицетворением жизни, самовозрождения». Амулеты-скарабеи из Египта распространились по всему ближнему и Среднему Востоку, югу России, Закавказья и Средней Азии. Их находки происходят и из Восточного Туркестана.

Гемма. Средняя Азия.
Голова римского воина.

Среди предметов из египетского голубого фаянса интересны также подвески-амулеты в виде «кукиша» или кисти руки с вытянутыми пальцами, найденные на многих поселениях из могильниках. Ритуальный жест в виде кукиша у многих народов мира издревле воспринимался как символ оберега от злых сил. Имел он и другое значение, в частности, Ф.Петри полагал, что в древнем Египте подобные амулеты употреблялись для увеличения половой потенции.

Другого типа амулеты в виде кисти руки с вытянутыми пальцами также получили весьма широкое распространение. Подобного рода изображения, венчающие отдельные предметы, в частности, булавки в Средней Азии встречаются уже в эпоху бронзы, так они найдены на поселении Сапаллитепа, датирующимся серединой - второй половиной II тысячелетия до н.э.

В античную эпоху наряду с амулетами из голубой египетской пасты, в Средней Азии встречаются также отдельные, довольно крупные по размерам изображения кисти руки, выполненные из хорошо обожженной глины и мрамора. Такие же изображения являются навершием особых костяных предметов в виде заостренного на одном конце стержня, которые некоторые исследователи называют «стилями» - своего рода «ручками» для письма.

Ритуальное значение подобного рода изображений весьма широкое. Они являлись оберегами от злых сил, символами крепости и силы, олицетворяли собой исцеление и плодородие. У не-

которых народов Кавказа, особенно тушин и хевсуров, отрубленная у врага кисть руки являлась почетным трофеем, и в качестве такового ее прибивали над входом в дом. Эти изображения воплощали в себе так называемую «небесную руку», первоначально в Древнем Египте и Месопотамии, связанную с солнечным культом, откуда оно проникает в христианство и занимает в нем видную роль.

Изображение руки являлось символом Сабазия - фрикийского божества плодородия, культ которого, перенесенный вначале во Фригию из Малой Азии, затем широко распространился на территории Римской Империи от Испании до античных городов Северного Причерноморья. Здесь известны многие находки бронзовых рук, трактуемые, как votivные посвящения богу Сабазию. Не исключено, что культ этого божества мог проникнуть вместе с римскими legionерами в Среднюю Азию, где он сливается с тождественными ему по значению культами плодородия, природы и солнца.

Исключительно интересна в этом отношении бронзовая литая шпилька (12,6х 0,4 см) из Каваткалинского оазиса в Хорезме (I-II вв. н.э.), увенчанная изображением руки, в большом и указательном пальцах которой помещен шарик, а на запястье рельефное изображение змеи.

Это изображение аналогично навершию римского знамени II в. н.э., найденному в Приднепровье. Оно представляет собой бронзовую руку высотой 11,5 см, пальцы тоже подняты вверх, указательный и большой пальцы держат аналогичный шарик, но ниже кисти руки посвятельная надпись - «Командир I когорты Испанского легиона посвятил ее Великому Юпитеру Долихену». Юпитер Долихен - это сирийский верховный бог. Опираясь на сходство двух этих предметов, можно предположить и культовую их аналогию, но в последнем случае мы имеем дело с индивидуальным посвящением, т.е. человек посвящал votivный предмет тому божееству, которому он поклонялся. Хорезмийский предмет вероятнее всего связан с культом Сабазия. Это подтверждается, помимо изображения руки, во-первых шариком, который скорее всего символизирует изображение шишки хвойного дерева - пинии (шишка непременный атрибут Сабазия), во вторых - змея, которая также зачастую присутствует в изобразительных сюжетах, связанных с культом Сабазия.

Культ малоазийских божеств проникал далеко на Восток. Прямое свидетельство этому найденный на городище Ай-Ханум серебряный диск с изображением стоящей в колеснице, запряженной львами, великой малоазийской богини-матери Кибелы.

На раскопках Кампыртепа найдена статуэтка музыканта, играющего на многостольной флейте, так называемой «сиринге»

или «флейте Пана». Подобного типа музыкальный инструмент сопровождает различного рода персонажи, но интересно, что в Малой Азии и Северном Причерноморье имеется большое число статуэток, изображающих играющего на сиринге Атиса. В эллинистическое время Атис изображался в длинных штанах и складчатой тунике с короткими рукавами, подпоясанной в талии поясом, на голове фригийская шапочка. Подобного типа одежда и на статуэтке из Кампыртепа, но, к сожалению, она лишена важнейшего признака Атиса - фригийской шапочки, так как голова статуэтки отбита.

Проникновение культа Атиса, так же как и его супруги Кибелы, на среднеазиатскую землю вполне вероятно, ибо здесь почитание божеств умирающей и воскресающей природы, олицетворенное, в частности, в культе Сиявуша, имело давние традиции. Еще одним свидетельством связей Кушанской Бактрии и Римского Египта являются найденные на городище Кампыртепа фрагменты древнейших бактрийских рукописных текстов, датированных I пол. II в. н.э., выполненных черной тушью на тончайшем папирусе. Как материал для письма папирус был изобретен в Древнем Египте, где его так же, как и в Палестине культивировали. Монопольным правом продажи его за границу обладало египетское правительство, которое при необходимости запрещало его вывоз, причем основным центром мировой торговли папирусом был г. Александрия в Египте. Возможно именно отсюда в Бактрию был доставлен папирус, использованный впоследствии как материал для бактрийских рукописных текстов. Находки папирусов на Кампыртепа - первый случай их обнаружения в Средней Азии и сопредельных странах. На крайнем юго-западе Сурхандарьинской области, в Кара-Камаре найдены и первые в Средней Азии римские (латинские) и другие надписи.

Несколько кратких бактрийских надписей содержат имена посетителей этого места. Одно из них - «Арзиохш» включает в себя компонент «Охшо» - имя древнебактрийского божества реки Амударьи - Окса и может быть переведено, по мнению В.А. Лившица, как «ценный» (для бога) Вахша. Этот факт указывает на глубокую древность Кара-Камара, поскольку бактрийская письменность, широко вошедшая в практику при царе Канишке (первая половина II в. н.э.), была изобретена, вероятно, при его предшественнике - царе Кадфизе II, правившем в конце I - начале II в. н.э., и бытовала на территории Бактрии - Тохаристана вплоть до XI в.

Бактрийские надписи, можно сказать, «родные» для этих мест. Но здесь же найдена однострочная греческая надпись и, совершенно неожиданно, две трехстрочные латинские надписи.

Подлинной сенсацией стало открытие латинских надписей. Их присутствие здесь тем более неожиданно, что Бактрия никогда не входила в состав Римской империи.

Самой восточной латинской надписью до сих пор считалась оставленная при императоре Домициане (81-96 гг. н.э.) центурионом 12 латинского легиона Луцием Юлием Максимом, найденная в 1947 г. в окрестностях Баку, на берегу Каспийского моря.

По мнению ряда специалистов, изучавших надпись из Кара-Камара, в ней можно распознать имя - «Гай Рекс» - и, вероятно, название одного из римских легионов - пятнадцатого легиона Аполинарис. Этот легион в 64 г. н.э. был переброшен из Малой Азии на границу с Парфией и принимал активное участие в римско-парфянских войнах.

Наличие римской надписи, вкуче с другими данными, позволяет объяснить и функциональное назначение пещерных сооружений Кара-Камара. Судя по ряду особенностей, здесь были не жилые сооружения, а, вероятнее всего, святилища. Широко известны буддийские пещерные храмы, но они не похожи на каракамарские, среди имеющихся здесь изображений отсутствует буддийская символика. Однако пещеры, естественные или искусственные, широко использовались в качестве храмов в митраизме - древней религии, широко распространенной в Римской империи.

Можно предполагать, что латинские надписи Кара-Камара оставлены бывшими воинами 15-го легиона в последней трети I в. н.э. и одна из них представляет собой посвящение Митре, а сами пещеры, вероятнее всего, использовались как митреумы.

Вместе с тем, остается неясным, при каких обстоятельствах римский легионер оказался в Бактрии? Можно предположить, что Гай Рекс был участником одной из римских торговых или дипломатических миссий, направленных в Кушанскую Бактрию. Однако, более вероятно, что в ходе неоднократных войн римлян с парфянами, римские легионеры зачастую попадали в плен. Так, из 40 тысяч войск, вышедших с Марком Крассом в поход против парфян, спаслось менее одной четверти, причем десять тысяч взятых в плен римлян было отправлено в Маргиану (область, располагавшаяся в низовьях р. Мургаб на территории Туркменистана) для охраны северовосточных рубежей Парфянского царства.

О дальнейшей судьбе этих пленных в римских и греческих источниках не упоминается. Американский ученый Гомер Г.Дебс обратил внимание на сообщение в «Истории раннего Хань», возможно, связанное с этими легионерами. Претендент на гуннский престол шаньюй Шиши, убив китайского посланника, бежал в Со-

гдиану, куда его пригласил местный правитель для того, чтобы отразить вторгнувшиеся в эту область кочевые племена. В Средней Азии шаньюй Шиши решил создать новую гуннскую державу и построил столицу ее на р. Талас.

Помощник китайского наместника западных пограничных районов Чень Тан решил устранить будущую грозную опасность интересам Китая. В 36 г. до н.э. на свой страх и риск он выступил в поход, имея при себе армию, сформированную из китайцев и вспомогательных войск местных государств.

Пройдя несколько тысяч миль, войска подошли к столице Шиши, взяв ее штурмом. В отчете об этом событии, посланном императорскому двору Чень Танем, есть сведения о том, что в начале приступа около города Шиши имелось «более ста пехотинцев, выстроенных в линию с каждой стороны ворот и построенных в виде рыбной чешуи».

Гомер Г.Дебс доказал, что такого рода воинское построение характерно только для римских легионеров. Он пишет, что «построение в виде «рыбной чешуи» представляет собой маневр, при котором солдаты должны сгруппироваться вместе и накрыться щитами». Его выполнение требовало высокой дисциплинированности и организованности, свойственной профессиональной армии. В то время такие армии имели только греки и римляне. Тогда как кочевые племена не обладали каким-то организованным воинским строем. Однако у воинов македонской фаланги щиты были маленькие и круглые, у римских воинов - овальные и прямоугольные, которые, соединяясь, защищали сомкнутые ряды воинов от стрел (кстати, такого рода щит изображен на терракотовой плитке из Кампыртепа). Гомер Г.Дебс пришел к выводу, что «более сотни пехотинцев, выстроенных в линию в виде «рыбной чешуи» почти несомненно и были некоторыми из легионеров Красса, служившими в качестве наемных солдат у шаньюя Шиши».

Примечательно также наличие у города, который штурмовали китайцы, двойного частокола. Такого рода укрепления устраивали римляне, особенно перед воротами. Римляне, превратностями судьбы, по-видимому, попадали по трассам Великого шелкового пути и далее на Восток. Об этом свидетельствует краткая надпись, передающая типично римское имя «Тит», найденная на одной из фресок Мирана в Турфанском оазисе Восточного Туркестана. Не был ли этот Тит потомком тех же римских легионеров?

Надо полагать, что дальнейшее углубленное археологическое и историческое исследование в Средней Азии и Восточном Туркестане в конечном итоге выявит следы римских легионеров Красса.

4. Средняя Азия и Испания

Несмотря на большие расстояния между Испанией и Средней Азией в исторических судьбах двух этих регионов были эпизоды кратковременных связей и длительного общения.

Читателю может показаться странным, но первые свидетельства отношений между Испанией и народами, проживающими на территории Средней Азии, связаны с аланами - предками осетин, по имени которых сейчас называется Республика Северная Осетия - Алания.

Но в древности, и это точно установленный факт, аланы обитали в Приаралье, где у них было даже свое государство, которое китайцы называли Янцай. Еще в X в. часть их проживала в месте древнего обитания и, как свидетельствовал Беруни, в это время «язык их был составлен из хорезмийского и печенежского». Под давлением гуннов и других кочевых народов в первые века н.э. часть алан переселилась в Причерноморье и на Северный Кавказ.

В IV в. н.э. новая волна гуннов сдвинула аланов с места их проживания на Дону и в Причерноморье, и они вместе с германскими племенами вестготов, остготов и вандалов двинулись в Европу и на Пиренейский полуостров, т.е. в Испанию. Затем аланы и вандалы переправились в Северную Африку, откуда объединенные их войска во главе с Аларихом напали на Рим и подвергли его беспощадному разграблению. В этом событии - истоки слова «вандал» и производного от него «вандализм», означающего крайнюю степень уничтожения материальных и культурных ценностей.

В начале VIII в. н.э. Испания и Средняя Азия были объединены под эгидой одного государства - арабского Омайядского халифата, проводившего крайне агрессивную политику по завоеванию новых территорий. В 712 г., когда Кутейба ибн Муслим жестоко подавил сопротивление жителей Согды, Хорезма и Ферганы, другой арабский полководец Тарик ибн Зийад переправившись через пролив, разделяющий Африку и Европу, начал завоевание Пиренейского полуострова. С тех пор этот пролив носит название Гибралтар от арабского «Джабр ал-Тарик» - «гора Тарика». Определенным свидетельством этого объединения являются монеты VIII в., битые в ал-Андалузе (т.е. Испании) и изредка встречающиеся на территории Средней Азии. На лицевой стороне этих монет помещалась арабская надпись «Во имя Аллаха бит этот динар в ал-Андалузе», а на оборотной - латинская «Бит этот солид в Испании».

Вхождение Испании и Средней Азии в одно государство продолжалось почти полвека и завершилось созданием в середине VIII в. другого арабского - Аббасидского халифата. В то же время

бежавший от преследования Аббасилов представитель династии Омайядов Абд ар-Рахман создает на территории Испании Кордобский халифат, получивший свое название, от его столицы - города Кордобы.

Объединение этих стран в одном государстве и в особенности воцарение в них единой религии - ислама способствовало и культурному сближению. В этих странах возводятся общие для них типы мусульманских построек - мечети, медресе, минареты, мавзолеи, имевшие свои локальные особенности в соответствии с их архитектурными и строительными традициями. При оформлении зданий широко распространено во многом общее орнаментальное искусство, декор растительного и геометрического характера.

Немало общих элементов и в искусстве оформления керамики Испании и Средней Азии, среди выразительных средств которой так называемая люстровая роспись (роспись золотом по поверхности сосуда) и в выборе рисунка тканей, одним из ведущих элементов которых являлся мотив птиц, обращенных к древу жизни, восходящий к сасанидской традиции.

Город Кордоба в этот период становится одним из центров, откуда в другие страны Европы распространялась наука и культура Востока. Особенно славился Кордобский университет. Именно в это время в Испании становятся известными имена и труды великих ученых Средней Азии ибн Сины, ал-Хорезми, ал-Фергани и Имама ал-Бухари. В Кордобе, а позднее и в Толедо были созданы мощные центры по переводу и переписке трудов великих мыслителей Востока, и есть все основания полагать, что именно эти центры во многом способствовали известности и славе великих ученых Средней Азии в странах Европы. Так главный астрономический труд ал-Хорезми «Зидж» - Астрономические таблицы - известен науке только по латинскому его переводу, сделанному в Испании в XII в. Аделардо из Бат и Педро Альфонсо в обработке жившего в Кордобе в X - начале XI в. астронома Маламы ал-Маджрити.

Первый перевод на латинский язык труда великого астронома ал-Фергани, известного в Европе как ал-Фарганус, «Илм ал-Хайя» - «Наука астрономии» был осуществлен в 1145 г. Иоаном из Севильи. В свою очередь великий ученый Узбекистана Беруни хорошо знал Андалузию, указав в своем труде «Асар ал-Бакия» на ряд географических ее особенностей. В это время жители Узбекистана и Испании в силу различных обстоятельств могли оказаться как в этой, так и в другой стране, несмотря на столь далекое расстояние, разделяющее их.

Любопытный факт в этом отношении выявлен в настоящее время ташкентским востоковедом Ш.Камалетдиновым. В конце X в. огромную роль в политической жизни саманидского государства играл амир Фаик ал-Хасса - крупный военачальник, владелец огромных территорий, строитель многих зданий в Бухаре и в других городах, в руках которого, как и в руках другого амира - Бектузуна при амуре Мансуре ибн Нухе находилась фактически власть в этом государстве. Ранее предполагалось, что амир Фаик происходил из среды тюркских гулямов, однако Ш.Камалетдинов установил, опираясь на рукопись ал-Насафи, что одна из его нисб (прозвище по месту происхождения) - ал-Андалузи - арабское название Испании, область на юге этой страны. Следовательно, Фаик был по своему происхождению испанец и прибыл в Бухару через Багдад в силу каких-то обстоятельств. Возможно, в детстве он был продан в Рум (Византию), так как вторая его нисба, указанная в этом же источнике, ар-Руми, а оттуда он уже попал в Багдад, а затем багдадский халиф подарил его саманиду Нуху бин Насру, при содействии которого он принял ислам и который передал его в качестве личного слуги своему сыну - будущему саманидскому амиру Манеуру бин Нуху (961-976 гг.). При его сыне Нухе бин Мансуре (976-997 гг.) Фаику наряду с хаджибом Ташем было поручено вести наиболее важные государственные дела, хотя в последние годы его правления он вступил в борьбу против него и какое-то время был даже союзником Караханидов. Умер Фаик в 999 г. Его полное имя Амир Амид ад-Давла Абу-л Хасан Фаик ибн Абдаллах ал-Хасан ал-Андалузи ар-Руми.

В начале XV в. при Амуре Темуре были налажены прямые дипломатические отношения с Испанией. Этому предшествовали важные военно-политические события, связанные с экспансией турок в Европу. В ряде сражений, особенно на Косовом поле в 1389 г. и при Никополе в 1396 г., турецкая армия разгромила объединенные войска европейских стран. Турками был захвачен почти весь Балканский полуостров. Правители многих европейских стран в связи с этими событиями обратились к Амиру Темуру, видя в нем спасителя от турецкого нашествия. Не осталась в стороне и Испания, внимательно наблюдавшая за грозными событиями в Малой Азии и на Балканском полуострове. В это время из трех объединений, образовавшихся в результате реконкисты наиболее сильным были Кастилия и Леон, во главе которого стоял Генрих III Трастамара (1390-1407 гг.). Накануне решающей битвы Амира Темура с турецким султаном Баязедом при Анкаре в 1402 г. в его лагерь прибыли кастильские послы Пайо де Сотомаер и Эрнан Санчес Паласуелось, получившие конкретное задание разузнать о

могуществе Амира Темура. Они одними из первых поздравили Амира Темура с великой победой над Баязедом. Тогда же для “закрепления дружбы” Амир Темура отправил своего посланника Мухаммада ал-Хаджи с дарами и письмом. Ответное посольство, посланное в Самарканд Генрихом III для дальнейшего укрепления союза с Амиром Темуром и налаживания торговых связей, возглавил его камергер Руи Гонсалес де Клавихо. Вместе с ним в дальний путь отправились магистр богословия Фра Альфонсо Паэса де Санта Мария и стражник короля Гомес де Салазар.

Начав свое путешествие в порту Святой Марии около Кадисии 22 мая 1403 г., Руи Гонсалес де Клавихо и его спутники, преодолев огромное расстояние, 22 августа следующего года, переправившись через Амударью у Термеза, прибыли на территорию Узбекистана. Из Термеза через Железные ворота они через шесть дней приехали в Кеш (Шахрисабз). По дороге в этот город уже на территории современной Кашкадарьинской области скончался один из слуг магистра (богослова) Фра Альфонса Паэса. В Кеше испанцы пробыли два дня, осмотрев величественный дворец Амира Темура Ак-Сарай и усыпальницы Темуридов.

8 сентября 1404 г. Амир Темура в своем дворце в Самарканде принял посланцев испанского короля. Осведомившись у них о здоровье короля, Амир Темура, обращаясь к присутствующим, сказал: «Посмотрите на этих посланников, которых прислал ко мне мой сын, король Испании, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на краю мира. Они на самом деле великий народ и я благословляю моего сына, короля [Испании]. Было бы достаточным, если бы он прислал вас только с письмом, без подарков, так как я очень рад узнать о его здоровье и делах...».

В Самарканде испанские посланники пробыли почти три месяца и только 21 ноября покинули этот город.

Вернувшись в Испанию, Руи Гонсалес де Клавихо завершил «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406)», который он вел в течение всего путешествия, хотя есть мнение, что он записал его после возвращения в Испанию. Этот дневник - один из важнейших источников по истории эпохи Амира Темура, так как в нем содержится масса сведений, отсутствующих в других письменных источниках. Он впервые под названием «История великого Тамерлана» был издан Арготе де Молина в Севилье, а затем неоднократно издавался как в самой Испании, так и в других странах, таких, к примеру, как Аргентина и Япония.

У нас наибольшей популярностью пользуется издание «Дневника» Клавихо, осуществленное в Москве в 1990 г. в переводе И.С. Мироковой с первого его испанского издания. Этот перевод снаб-

жен комментариями, выполненными с учетом современных научных требований, и является одним из лучших в мире изданий «Дневника» Клавихо.

5. Согдийцы-землепроходцы

Согдийцы - один из древнейших народов Средней Азии, создали, без преувеличения, великую цивилизацию, влияние которой в той или иной степени ощущалось на громадных просторах евразийского материка от Каспийского моря до Тихого океана.

Их пребывание, так же как и других народов Средней Азии, в Восточном Туркестане и Китае, отмечено во многих письменных и эпиграфических источниках. К сожалению, остается невыясненной дата начала движения на Восток через Чач, Фергану, Семиречье. Свидетельства их пребывания в этих областях ранее первых веков новой эры отсутствуют.

Однако, как считают многие ученые, в частности В.Хеннинг и Г.Халоун, переселение согдийцев на Восток началось после похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Известно, что война Александра с согдийцами, возглавляемыми Спитаменом, сопровождалась разрушением многих поселений и городов, физическим уничтожением согдийского населения. Согласно данным греческого историка Арриана, вероятно преувеличенным, было истреблено около 70 тысяч согдийцев. По мнению В.Хеннинга, согдийцы вошли в соприкосновение с Китаем уже в IV-III в. до н.э. Однако прямых свидетельств в пользу столь ранней даты нет. Согласно В.Эберхарту, в китайских источниках о согдийцах впервые упоминается во II в. н.э. Скорее всего были и другие причины, побудившие согдийцев создать свои торговые фактории в Восточном Туркестане и Китае. Одна из них - открытие Чжан Цзянем Западного края и возникновение Великого шелкового пути и, как следствие этого, установление дипломатических отношений с Парфией и Римом, а также торговля различными товарами между Китаем и этими странами, в особенности шелком.

В этой торговле основную посредническую роль играли согдийцы, через страну которых проходили важнейшие трассы Великого шелкового пути.

Как лица, непосредственно заинтересованные в получении больших доходов и «искушенные в торговле», согдийские купцы несомненно должны были со временем послать вначале своих торговых агентов, а затем создать торговые фактории в городах и оазисах Восточного Туркестана для того, чтобы контролировать

более значительные отрезки Великого шелкового пути. Поэтому переселение согдийцев на Восток началось, вероятно, в I в. до н.э., когда открылось регулярное сообщение по трассам Великого шелкового пути.

Впоследствии согдийские колонии были созданы вдоль всего восточного участка и существовали до IX-X вв. Особенно большие колонии согдийцев были в таких китайских городах, как Чаньань, Ланчжоу, Дуньхуан, где согдийцы жили обособленными общинами. Только в Дуньхуане согдийские общины в начале IV в. насчитывали около 1000 человек.

Помимо согдийских общин в Китае были поселения, основанные и управляемые самими согдийцами. Французский ученый Поль Пеллио, анализируя китайские письменные источники, установил, что в 627-644 гг. несколько согдийских поселений возникло вокруг озера Лобнор. Одно из них было основано на месте покинутого китайского города великим вождем из царства Кан (Самарканд) Кан-Яньтянем, вместе с которым пришло много народа хутакиты, так китайцы называли согдийцев. Вскоре здесь же возникли три укрепленные согдийские поселения, одно из которых Путночэн - «город виноградарей».

Видимо, через Китай согдийцы достигли Монголии и Южной Сибири. Во всяком случае, на Алтае и в Забайкалье найдены предметы согдийского происхождения. Возможно, были они в Корее и Японии, хотя прямые сведения об этом отсутствуют. Но и в той, и в другой стране хорошо знали Согд и его столицу Самарканд. Об этом, в частности, говорят росписи, найденные при раскопках дворцового здания на городище Афрасиаб. Они изображают прибытие посольств из разных стран к согдийскому ихшиду Вархуману (696 г.). На одной из стен изображено посольство из Японии или Кореи.

Одним из наиболее интересных памятников раннего этапа освоения согдийцами Великого шелкового пути, являются так называемые «Старые письма». Это название закреплено в науке за группой частных писем, обнаруженных в 1907 г. английским исследователем А. Стейном при раскопках сторожевой башни Великой Китайской стены к западу от г. Дуньхуана в Восточном Туркестане.

Кроме китайских документов, здесь найдено пять полных и несколько фрагментов писем на бумаге и шелке, написанных согдийским курсивным письмом на согдийском языке. Их выдающееся значение для науки определяется не только множеством прежде неизвестных сведений о согдийских колониях в Восточном Туркестане, но и тем, что они являются наиболее ранними руко-

писными памятниками согдийского письма, на несколько веков старше документов с горы Муг.

До сих пор спорно время написания «Старых писем». А.Стейн датировал их первой половиной II в. н.э. Эту точку зрения поддержал немецкий ученый Г.Райхельт, в 1931 г. впервые издавший эти письма с подробным их описанием, транслитерацией. Значительный вклад в изучение писем внесен французскими учеными Р.Готью и П. Пеллио, а также В.Розенбергом.

П. Пеллио, в частности, указал, что в одном из писем содержатся сведения о разрушениях кочевниками китайской столицы Лояны, которые, согласно историческим данным, имели место в 190, 311 и 535 гг. н.э. Подробный анализ содержания писем в сопоставлении с историческими данными провел Вальтер Хеннинг. Он пришел к выводу, что письма были написаны в 312-313 гг. н.э., а в одном из них отражены известные по другим письменным источникам события, связанные с захватом гуннами китайской столицы Лояны. Датировка В.Хеннинга получила признание в науке, несмотря на то, что венгерский ученый Я.Харматта недавно пытался доказать, что согдийские письма написаны в 196 г. н.э., а японский исследователь А.Фуджида относит их даже к VI в. н.э. Недавнее тщательное изучение писем в сопоставлении с археологическими, историческими и нумизматическими данными, осуществленное Францем Грене и Николасом Симс-Уильямсом подтвердило датировку В.Хеннинга.

Некоторые из этих писем написаны выходцами из Самарканда и предназначались для отправки в Самарканд. Одно письмо написано в Куча, два в Дуньхуане, остальные, вероятно, в Лояне. Эти большие согдийские поселения, в которых имелись их торговые фактории, располагались вдоль трассы Великого шелкового пути южнее Великой Китайской стены.

В письмах упоминаются также другие города Китая, где проживали согдийские купцы и их семьи: Изюйуан, Гуцзане, Хуаяйна, Цзиньчэн, Чанбан (Хумдан). Торговые операции, осуществляемые здесь согдийскими купцами, субсидировались крупными самаркандскими купцами, которые предоставляли кредиты и распоряжались торговыми сделками. Содержание писем разнообразно. В них, в частности, упоминаются различные народы, проживавшие в оазисах Восточного Туркестана: индийцы, гунны, китайцы, согдийцы; приводятся имена людей, в основном иранские, названия городов и поселений, сообщается о драматических событиях, связанных с нашествием кочевников, содержатся данные о торговых операциях, связанных с продажей шелка, тканей, перца, парфюмерных веществ, покупкой и продажей серебра. Важны сведения о согдий-

цах, так, в письме втором упоминаются сто знатных мужчин, выходцев из Самарканда, проживавших в Дуньхуане.

В письмах встречаются и индийские термины, связанные с торговлей, например, караван или цена. Интересны данные по фонологии, морфологии и синтаксису согдийского языка, особенно во втором письме, вошедшем в науку под названием «Отчет Нанайвандака». Автор этого письма - согдиец Нанайвандак, что в переводе означает раб Наны, адресовал его главе купцов в Самарканде Нанайдвару. В нем содержится подробный отчет о жизни согдийских колонистов, о тех тяжелейших бедах и невзгодах, которые они перенесли из-за нашествия гуннов. Горечью наполнены строки «... и, господин, если бы я написал тебе все детали как поживал Китай - это была бы (история) долгов и несчастья, что Вам от этого». В других строках письма Нанайвандак повествует о трагической участи согдийцев, умерших от голода.

Проживание большого числа согдийцев в городах и селениях, расположенных вдоль Великого шелкового пути, подтверждается также многочисленными согдийскими рукописными документами VII-X вв., найденными в Восточном Туркестане. Они выполнены согдийской письменностью на согдийском языке и представляют собой сочинения, главным образом, религиозного содержания. Это перевод буддийских сутр, манихейских молитв и стихотворных гимнов, христианских сочинений, среди которых фрагменты псалмов, евангелий, части Ветхого завета. Интересны также сказки согдийцев-манихеев, обнаруженные в Турфанском оазисе: «Сверлильщик жемчуга», «Рыба Кар», «Обезьяна и лиса». Некоторые из них, как установил В.Хеннинг, известны по арабской версии «Калилы и Димны» и индийской «Панчатантры». Найдены также согдийские тексты светского содержания. Кроме «Старых писем», это «Сказание о Рустаме и сражении его с дэвами», текст, повествующий о свойствах различных камней и связанных с ними повериями и ритуалами.

Не менее важна роль или посредничество согдийцев во внедрении здесь различных систем письменности как собственно согдийской, так и парфянской, сирийской - эстрангело, манихейской. Руническое письмо древних тюрков возникло непосредственно под влиянием согдийской письменности.

Жители Средней Азии, в особенности согдийцы и бактрийцы, внесли огромный вклад во внедрение в Китае новых для него музыкальных инструментов и многих элементов музыкальной культуры, в частности, лютня, арфа, поперечная флейта, сиринкс (флейта Пана). Особенной популярностью музыканты и танцоры отсюда пользовались в эпоху династии Тан (VII-VIII вв.). Среди них

были выходцы из Бухары, Самарканда, Чача, Кабудана, Кумеда, Маймурга, Хутталя. Музыкантов из Кабудана (область вблизи Самарканда), получивших в Китае фамилию Цао, было больше, чем музыкантов из других стран вместе взятых. Музыка Самарканда входила в официальный придворный репертуар. Подлинное восхищение вызывали у китайцев танцевальные сцены, устраиваемые юношами и девушками из Чача, в частности, «Западный скачущий танец», исполняемый мальчиками, и «Танец Чача» в исполнении двух девушек. Известно стихотворение начала IX в. «Певица из Чача» Бо Изюй - и.?:

Застелена давно скамья для гостей,
Развернут коврик парчовый.
Тройными ударами барабан
Торопит снова и снова.
Вот поднимается персика лист
При свете свечи принесенной.
Это явилась певица из Чача,
Колышет рубашкой лиловой.
Тянут подвески узорные вниз
Косу на стане-цветке.
Спущен на шапке над снежным лицом
Звон бубенца золотого.
Когда же закончилась песня ее,
Никто усидеть не может -
Клубятся тучи, собрался дождь,
Бежать на Янтай готовы.
(Из книги Эдварда Шефера
«Золотые персики Самарканда»)

Из западной части Средней Азии в Китай проникли некоторые сельскохозяйственные культуры и виды домашних животных. Согласно данным Шицзы, ... «в Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до десяти дань. Старое вино несколько десятков лет стоит без порчи. Жители любят вино так, как их лошади любят траву му-су. Китайские посланники вывезли семена и Сын Неба приказал и му-су и виноград посадить на тучной земле ... Виноград и му-су разведены на большом пространстве...» Таким образом, уже в конце II в. до н.э. культура клевера и винограда из Ферганы поступает в Китай. Бертольд Лауфер - автор классического труда «Sino - Iranica» о китайских культурных растениях, заимствованных в древнем Иране. В одном из очерков, посвященных винограду, им подробно прослежены все этапы

проникновения этой культуры в Китай, с которой китайцы впервые познакомились после посещения Чжан Цзянем в 128 г. до н.э., Ферганы и Согдианы. Когда согдиец Кан-Ентянь в первой четверти VII в. создал согдийские колонии к югу от озера Лобнор, он основал четыре города - «города винограда».

Большую популярность употребление вина приобрело в Китае в танскую эпоху. Китайское название винограда и вина p'u-tao восходит к иранскому bu-daw и, по-видимому, заимствовано китайцами в Согде и Фергане. Впоследствии оно вошло в японский язык. Из Давани - Ферганы в Китай по распоряжению императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) были вывезены знаменитые ферганские аргамаки, происходящие, якобы, от породы небесных лошадей. По мнению ученых, фисташки, которые в Китае называли «орехами западных чужеземцев», также стали разводить здесь под влиянием Средней Азии и Персии.

Исключительно велика роль жителей Средней Азии в производстве стекла в Китае. Его изготовление здесь началось в эпоху позднего Чжоу, но производимые два вида стекла были далеки от совершенства. Согласно китайской хронике «Бэйши» - Истории северных дворов, «В царствование государя Тхай-Бу Ди (424-440 гг.) жители владения Юечжи (Кушанской империи - Э.Р.), производившие торговлю в столице (Китайской империи - Э.Р.), говорили, что они умеют из камней плавить разные цветные стекла: почему добыли руду в горах и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран: почему государь указал ввести стекла в тронных. Около ста человек обучались отливанию. Стекла были блестящих красок и прозрачны. Все, смотря на них, приходили в изумление и считали божественным произведением. С сего времени цветные стекла подешевели в Среднем государстве. В 660 г. владетель Тохаристана прислал в дар китайскому императору агатовый канделябр в виде дерева, высотой в 3 фута, а в 713 г. правитель Согды разнообразные дары, в т.ч. кубок из восточного хрусталя и агатовый кувшин». По данным Э.Шефера, известны случаи привоза в 718 г. изделий из сердолика в Китай из Самарканда и Тохаристана, причем из последней области сердолик зачастую поступал в необработанном виде. Большой популярностью в Китае пользовался лазурит (ляпислазурь), кусочки которого считались здесь «роскошным подарком». Он применялся при изготовлении ювелирных изделий, отделке священных предметов, амулетов. Основные месторождения этого минерала издревле находились в области Бадахшан, но фактическим поставщиком его в Китай через Хотан, являлся Чач.

Когда в 750 г. корейский военачальник Гао Сень-Чжи во главе китайской армии захватил эту область, он вывез оттуда золото, верблюдов, породистых лошадей, а также значительное количество лазурита.

Если Китай экспортировал в Западный край шелк и изделия из него, то народы Средней Азии передали Китаю секреты обработки льна и шерсти, ковровых изделий и гобеленов. Шерстяные ковры поступали в дар танскому императору из таких среднеазиатских владений, как Маймург, Кеш, Чач. Царица Бухары Хатун подарила китайской императрице два больших покрывала и один «вышитый ковер».

Из разных областей Средней Азии, в частности из Бадахшана, Чача, Тохаристана в виде сырья и изделий в Китай поступали полудрагоценные камни. Средняя Азия была одним из основных поставщиков в Китай лекарственных растений. Так, по данным Таньшу, в 713-755 гг. из Тохаристана в Китай, наряду с отличными лошадьми, стеклом красного и изумрудного цвета поступало до 200 видов редких лекарственных растений. Среди них индийское чудо-лекарство читрагондха, представляющее собой смесь различных снадобий от ран и кровотечений. Наряду с Индией, оно доставлялось в Китай из Тохаристана, а однажды было привезено сюда объединенным посольством тюргешей Чача, Кеша, Маймурга и Каписы.

Помимо знаменитых небесных «потеющих кровью» ферганских лошадей, из различных областей Средней Азии в Китай в качестве даров доставляли других животных: охотничьих и комнатных собак, леопардов, гепардов, львов. Лев, привезенный в дар императору Тай-Цзуну в 635 г. из Самарканда, настолько поразил воображение китайцев своей мощью и величием, что ему было посвящено два стихотворения. Одно из них, сочиненное Юй-Шинанеш, представляет собой Оду-фу:

*Сверкнул его глаза - и молнии летят,
Раздастся рык - и гром, как эхо,
Вторит.
Утащен тигр
И поглощен медведь.
Раздроблен носорог.
И слон разорван.
Могучий буйвол деснами размолот.
И скрючился удав в его когтях.*

*(Из книги Эдварда Шефера
«Золотые персики Самарканда»)*

В VII-VIII вв. львы доставлялись в Китай из Тохаристана. По данным М.Е.Массона, львы издревле входили в состав местной фауны. Самое древнее упоминание о наличии их здесь относится ко времени похода Александра Македонского, когда в 328 г. до н.э. он отправился на охоту в заповедник - парадиз, находившийся в согдийской области Базиста, неподалеку от Самарканда. Здесь на него напал необычайной величины лев, которого Александр убил одним ударом.

По данным китайской хроники «История Северных дворов» (IV-VII вв.), львы обитали в горах «Ташена», расположенных к югу от Самарканда, откуда их доставляли ко двору китайского императора. Наличие львов в Средней Азии подтверждается их изображением на ряде памятников прикладного и изобразительного искусства. Особенно интересны в этом отношении южно-согдийские монеты IV-VII вв., на оборотной стороне которых изображен вставший на задние лапы лев и поражающий его мечом воин. М.Е. Массон считал, что в отличие от тигров, обитавших на большей части Средней Азии вплоть до начала XX в., львы уже исчезли из состава местной фауны ко времени завоевания этого региона арабами.

Существует немало примеров, свидетельствующих о тесных контактах Средней Азии с цивилизациями Китая и Восточного Туркестана. Вклад Средней Азии сводится к двум главным моментам: прямое влияние Средней Азии на определенные стороны цивилизаций Восточного Туркестана и Китая и ее роль как посредника в осуществлении торговых и культурных контактов между Средней Азией, Дальним Востоком и странами Средиземноморья, осуществляемых по Великому шелковому пути.

6. Согдийцы-мореплаватели

*Капитан Исмайлуйа рассказывал мне,
что рыбы этой породы встречаются
в море Зинджей и в океане Самарканда.
Бузург ибн Шахрияр, X в.*

В письменных источниках, исторических сочинениях, сказаниях и легендах народов Средней Азии сохранились сведения о морских и океанских плаваниях согдийцев, о большой роли судоходства в древности и средневековье на Амударье, которая несомненно была более широкой, глубоководной и полноводной рекой, чем сейчас.

Все Среднеазиатское Двуречье покрывали в ту пору большие и малые реки и озера. И в гимне Авесты, посвященном богине воды и плодородия Ардви, чьими эпитетами являлись Сура - «сильная» и Анахита - «чистая, незапятнанная» - (т.е.: Ардви - Сура - Анахита) сказано:

*Из края в край волнуется
Все море Ворукаша
И волны в середине
Вздываются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви,
Всей тысячью потоков
И тысячью озер.*

(перевод И.М. Стеблин-Каменского).

Исследователи уже в XIX в. считали возможным сопоставить это описание с дельтой Амударьи (древнего Окса), отождествить море Ворукаша с Аральским морем, а богиню Ардви возводили в божество Амударьи. Это предположение во многом остается в силе и сейчас, хотя существуют и другие мнения по поводу локализации этих мест.

Беш-тепе вблизи Нукуса. Наскальный рисунок с изображением парусного судна.

В этой связи нелишне напомнить, что в 1558 г. английский посол Дженкинсон, совершивший поездку в Хорезм, упомянул реку Ардок, главный приток Амударьи, название которой имеет ясную этимологическую связь с названием реки Ардви и божеством с этим же именем, упоминаемым в Авесте.

То же самое подтверждают и археологические данные: дошедшие до нас рисунки различного рода судов на памятниках древнего и средневекового периодов, найденных в Среднеазиатском Двуречье.

Божественным покровителем этой реки - но скорее в ее низовье - был великий бактрийский бог Оахшо, чье изображение в виде величавой мужской фигуры в длинном одеянии, с трезубцем в правой и большой рыбиной в левой руке, помещено на золотых

монетах кушанского царя Хувишки. От имени этого божества происходило таджикское название Амударьи - Вахш. Великому речному божеству в древности сооружали храмы (один из них найден на городище Тахти-Сангин), устанавливали статуи и алтари, посвящали votивные предметы.

Компонент Вахша - Окс входил в состав теоморфных имен многих бактрийцев, самый знаменитый из которых - тесть Александра, Оксиарт-Вахшувар. После смерти своего зятя он первым в истории Средней Азии выпустил от своего имени золотые монеты с арамейскими легендами, передающими бактрийское звучание его имени - Вахшувар, что означает, по В.А. Лившицу, «избранный или охраняемый богом Вахшем».

Имя это до сих пор сохранилось на юге Узбекистана в названии небольшого кишлака Вахшувар, расположенного в предгорьях Байсунтау (в Денауском районе Сурхандарьинской области), где находилось родовое святилище этого знатного бактрийского вельможи.

Сведения различного рода письменных источников, в которых упоминаются бактрийцы и хорезмийцы, позволяют считать, что уже в VI-V вв. до н.э. они совершали морские плавания. Это хорезмиец Драгаман, служивший в 464 г. до н.э. в военной гарнизоне на острове Элефантина в низовьях Нила, и хорезмиец же Артаикт, бывший начальником города Сеста на европейском берегу Дарданелл (Геродот. VII, 78). На острове Делос найдена надпись, в которой упоминается бактриец Оронт, восставший против царя Артаксеркса и завладевший Пергамом. Очевидно, что добраться до этих мест они могли по Средиземному или Эгейскому морям.

Первым известным нам согдийцем-мореплавателем был, по видимому, отец знаменитого Кан Сен-ху - первого проповедника буддизма в Юго-Восточном Китае. Предки его жили в Индии, куда они переселились из Согда, а затем отец Кан-Сен-ху перебрался в Изяочжи, т.е. Северный Вьетнам, где занимался торговлей. По всей вероятности, он добирался сюда проторенным, более легким морским путем, шедшим по Индийскому океану вокруг Малайского полуострова в порты Юго-Восточного Китая.

Но если это мы можем только предполагать, то доподлинно известно, что в начале второй половины VI в. самаркандский купец Маниах и его согдийские спутники, добравшись после долгого пути до Черного моря, из Севастополиса - Цхуми переплыли это море на византийском корабле в Константинополь. Здесь они вели переговоры с византийским императором о доставке в Византию согдийского шелка. Вместе с ним был и представитель

среднеазиатского народа холиатов - по мнению П. Лерха - хорезмийцев.

И впоследствии согдийцы неоднократно переплывали Черное море на византийских кораблях, осуществляя взаимовыгодную торговлю шелком и другими товарами. В этой связи интересно мнение В.И. Абаева, согласно которому название города Судак, расположенного и сейчас на восточном берегу Крымского полуострова, первоначально звучало как «Согдак», что означает «маленькая согдийская колония».

Не исключено, что появление подобного названия отражало большую роль согдийцев не только в караванной торговле, но и в морской торговле с Византией по Черному морю.

Недавние находки в Китае и Японии, по-видимому, прямо указывают на участие согдийцев и в морской торговле на Дальнем Востоке. Среди них - два фрагмента сандалового дерева, обнаруженные в сокровищнице замка Хоруджи, находящегося в древней столице Японии - Наре, с пехлевийской и согдийской надписями. В пехлевийской надписи значится имя владельца этих предметов или посредника по их продаже. В согдийской же версии имеются два слова, означающие, по-видимому, меру веса. Дата поступления этих предметов в Японию, как это указано в одной из надписей, 761 г. н.э.

В первой половине восьмидесятых годов при археологических раскопках в провинции Кантон, вблизи границы с Вьетнамом, китайские ученые обнаружили глиняный сосуд. В нем вместе с множеством предметов из серебра и золота были найдены драхмы сасанидского царя Пероза (459-481 гг.) с обозначением даты захоронения этих предметов - первая половина VI в. Но наиболее важной находкой стал серебряный сосуд с надписью, по первоначальному чтению - пехлевийской или восточно-иранской. Ее согдийскую принадлежность установил японский ученый - согдолог Иотака Йошида. Он же и перевел эту надпись как: «Этот сосуд принадлежит (...) из народа Чача (Вес) 42 статера». Среди надписи помещена тамга. Чач, при арабах Шаш, - это название области современного Ташкента и прилежащих к нему районов. Примечательно, что еще на серебряном сосуде, найденном в 1908 г. в деревне Корчево на Урале и хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже, также имеется согдийская надпись IV в. н.э. с указанием принадлежности его владельцу Чача.

В связи с находкой этих предметов ряд китайских и японских ученых поставили вопрос об участии согдийских купцов в морской торговле между Индией и Китаем в эпоху раннего средневековья.

Так, японский ученый Иоджима полагает, что согдийские купцы использовали этот путь уже в VII-VIII вв., продавая в Китае сандаловое дерево.

Крупнейшим морским портом на юго-восточном побережье Китая был Гуаньчжоу, где уже в VII-VIII вв. сложилась большая арабо-персидская колония, осуществлявшая торговые операции морским путем.

Не исключено, что среди ее населения имелись и выходцы из Средней Азии, зачастую называемые персами.

Отголоском древних традиций морских плаваний согдийских торговцев являются сведения, приведенные ал-Мукаддаси (X в.), согласно которым купцы из Самарканда вначале приходили в Ирак, а затем отсюда морским путем достигали Индии и Китая.

Автор знаменитой «Книги о чудесах Индии», созданной во второй половине X в., Бузург ибн Шахрийяр, на основе рассказов моряков и купцов, плавающих в Индию, Китай, Индонезию и Африку, приводит весьма занимательный рассказ о поимке в 300 г. х. (912-913) кита у берегов Аравийского моря.

«Капитан Исмайлуйа, - говорит он, - рассказывал мне, что рыбы этой породы часто встречаются в море Зинджей и в океане Самарканда (Самаркандском море)». Море Зинджей - это часть Индийского океана у восточного берега Африки, поскольку зинджами арабы называли негров.

Что же касается океана Самарканда, то в вопросе его локализации мнения ученых расходятся. Однако очевидно, что так называли остальную часть Индийского океана, по-видимому, от Персидского залива до Индии. Это название появилось отнюдь не случайно, оно исходит из древних традиций согдийских мореплавателей. По-видимому, к данному времени выходцы из Самарканда так активно участвовали в морской торговле и столь часто появлялись на морских трассах, что восточная половина Индийского океана стала носить название этого города.

В другом месте своей книги Бузург ибн Шахрийяр пишет: «Один капитан рассказывал мне, будто в великом Самаркандском море - это море примыкает к Херкенду, говорят, оно потому называется Самаркандским, - что в него впадает река Самарканда, будто в этом море он видел много фалей (китов)». Река Самарканда по мнению ряда ученых - это Инд, истоки которого находятся в Гималаях, примыкающих непосредственно к Памиру. По-видимому, и в древности, и в средневековье по этой реке перевозили свои товары купцы, следующие из Средней Азии, в связи с чем она какое-то время называлась рекой Самарканда. О наличии речного пути из Индии в Среднюю Азию

и далее в Закавказье и Черное море писали еще многие греческие авторы.

Этот путь пролегал по Инду, Кундуздарье или Балхабу, а затем по Амударье и Узбою выходил в Каспийское море.

Наиболее раннее изображение корабля в Средней Азии имеется на наскальных рисунках на скалах Беш-тобе, в 20 км от Нукуса. Здесь на поверхности скалы вырезано изображение плоскодонного судна с одной мачтой, четырехугольным парусом, высоким закругленным носом и несколько более пониженной по отношению к нему кормой. С обеих сторон паруса изображены две схематические человеческие фигурки, держащиеся за него. Любопытно, что по обе стороны мачты две, но более реалистичные, фигуры, поднимающие парус, изображены на костяной пластине из Спарты (начало I тыс. до н.э.). По-видимому, и на рисунке из Беш-тобе изображен тот же процесс.

Датировка изображения судна на рисунке из Беш-тобе, по мнению С.П. Толстова, - от III до начала I тыс. до н.э., что соответствует эпохе бронзы. Он отмечает, что данное судно по своей конструкции резко отличается от современных амударьинских каюков и напоминает изображение судов на памятниках архаического Египта. Этот тип простейшего однопарусного судна был широко распространен в Египте, Месопотамии и Восточном Средиземноморье. Приведем к примеру древнейшее в мире изображение парусной ладьи на керамическом сосуде, относящемся к додинастическому Египту, т.е. к V-IV тыс. до н.э. Это близкий тип простейшего парусного судна с высокой кормой и носом и четырехугольным парусом, но помещенным не в центре, а ближе к носу судна.

Для плавания по Аральскому морю и Амударье древние хорезмийцы создали одномачтовые парусные судна, используемые ими помимо иных целей и для рыбной ловли. Наглядный пример применения судна в этих целях демонстрирует та же костяная пластина начала I тыс. до н.э. из Спарты, где изображены рыболовы, удившие непосредственно с судна.

Напомним, что рыболовство всегда играло важную роль в жизни населения Хорезма, неолитическая культура которого - кельтиминарская, распространенная здесь в V - середине II тыс. до н.э., определяется учеными как культура рыболовов и охотников.

Не исключено, что данный тип парусного судна возник в Хорезме под влиянием древнейших цивилизаций Передней Азии, с которыми Хорезм, как показали С.П. Толстов и Л.С. Толстова, имел тесные этно-культурные связи.

Можно привести и еще более разительные аналоги: это финикийские суда, и в особенности торговое судно VIII в. до н.э.,

изображенное на барельефе дворца Саргона II. Оно, так же как судно, изображенное на скале Беш-тобе, однопарусное, с одной же мачтой, которая закреплена двумя тросами, прикрепленными одним концом к носу, а другим к корме. Причем носовая часть финикийского корабля заканчивалась крутым форштевнем в виде конской головы, а кормовая - более пониженная - изображением хвоста лошади.

Наличие закругленного крутого форштевня на изображении судна из Беш-тобе позволяет предположить, что и его носовая часть также была оформлена в виде головы какого-то животного, а кормовая часть - его хвоста.

В письменных источниках наиболее раннее свидетельство существования на Амударье речных судов связано с описанием похода ахеменидского царя Кира против царицы массагетов Томирис в 538 г. до н.э. Согласно Геродоту, для переправы своего войска Кир приказал построить понтонные мосты через Амударью (Аракс), а на судах, образующих эти мосты, воздвигнуть башни.

Второе сообщение о наличии судов на Оксе, относящееся к 330 г. до н.э., принадлежит Арриану, по сведениям которого, Бесс, узнав о приближении войска Александра Македонского «переправился через реку Окс, суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки» (Арриан, III, 28). Страбон (I в. н.э.) подчеркивает, что река Окс судоходна и что эта река - самая большая из виденных им рек Азии, кроме индийских (эти сведения позаимствованы им у Патрокла (III в. до н.э.).

То же утверждается и в Ши-Цзы (I в. н.э.) согласно сведениям которой, «по реке Гуйшуй (Амударье) живут купцы, которые перевозят свои товары по реке и по суше за многие тысячи ли». Все эти сведения свидетельствуют о широком развитии в древности речного судоходства по Амударье. К сожалению, пока мало что известно о типах судов, используемых в плаваниях по этой реке. По всей вероятности, среди них были как гребные, так и парусные суда. Об одном из таких типов судов сейчас уже имеются достоверные сведения благодаря находке в Каратепа (Старый Термез), в слоях, датируемых концом IV - началом V в. н.э, уникальной буллы с отпечатком геммы.

Согласно мнению Б.Г. Петерса, опубликовавшего эту буллу, на ней изображено гребное военно-транспортное судно и плывущая впереди него под форштевнем лоцманская лодка с двумя матросами. Это судно имеет округлое днище, плетенные и обшитые кожей борта и высоко поднятый форштевень носовой части, напоминающий голову дракона, с выступающими вперед таранами. В бортовой части судна нанесены пять горизонтальных линий,

идущих от кормы до носа и пересекающихся в свою очередь десятью вертикальными линиями. В кормовой части судна прослеживается изображение большого рулевого весла, а под его днищем 18 гребных весел, что говорит о том, что экипаж судна состоял из 36 гребцов и рулевого. Кроме того, над бортом судна имеются изображения пяти воинов с копьями. По мнению Б.Г. Петерса, конструкция изображенного на булле корабля находит определенные аналогии в сохранившихся изображениях вавилонского транспортного судна - гуфа (начало I тыс. до н.э.). Прослеживается значительное сходство в конструкции судна, изображенного на булле из Каратепа, с изображением ассирийского круглого судна VIII в. до н.э. в рельефе из Нимруда. Здесь полностью аналогичны округлые очертания обоих судов и деление их бортов на прямоугольные отсеки. Однако у ассирийского судна отсутствует высокий форштевень, заканчивающийся тараном, что связано с

Переправа китайского посольства через Сырдарью.

разным назначением этих судов - суда на булле из Каратепа, как правильно отметил Б.Г. Петерс, - военнотранспортного характера.

Из имеющихся данных очевидно, что в древности в плаваниях по Амударье использовались два типа кораблей - одномачтовые килевые парусные судна и «круглые» (плетеные) гребные судна. Происхождение и тех и других связано, вероятно, со странами Вос-

точного Средиземноморья и Месопотамией, откуда они были заимствованы, хотя время их заимствования остается неясным. Не исключено, что это могло произойти и в VI-V вв. до н.э., когда хорезмийцы, по данным письменных источников, проживали в Египте на острове Элефантина, и в эпоху эллинизма, когда Средняя Азия, Месопотамия и Восточное Средиземноморье были связаны мощными культурными и политическими контактами.

Наглядное представление о третьем типе судов, использовавшихся на Амударье в древности, дают росписи согдийского ихшида Вархумана (конец VII в. н.э.) на городище Афрасиаб. На северной стене этого дворца изображена сцена переправы группы женщин, возможно, части китайского посольства, через реку в большой лодке. Судя по количеству находящихся в ней людей, это

не просто лодка, а довольно вместительная ладья, поскольку в ней помещались десять женщин во главе с принцессой.

Об этом же говорит и наличие кормового весла с широким лопатообразным завершением, для управления ладьей, и сама конструкция судна. Оно имеет округлое днище и сравнительно высокий борт, сделанный из трех широких полос дерева. Носовая часть ладьи завершается головой грифона, кормовая же часть слегка изогнута, на ней подвешено кольцо для укрепления судна у причала.

Впереди другой лодки изображены две лошади и плывущий рядом с ними человек. Эти лошади предназначались для управления движением судна, для того, чтобы оно не сносилось течением далеко от места назначения. Такой способ управления речным судном с помощью весла и лошадей широко практиковался при переправах через Амударью вплоть до начала XX в., в частности для своеобразного гребного судна - кимэ, и отмечен многими путешественниками в Туркестане во второй половине XIX в.

По всей своей конструкции, системе управления с помощью одного весла и лошадей, размерами и количеством пассажиров, изображенные в росписи Афрасиаба суда весьма похожи на те же подобия кимэ, или кема.

Также, судя по рисунку Н.А. Каразина 1888 г., тип весел, используемых на судах и плотях в Хивинском ханстве, аналогичен типу весел в раннесредневековом Согде. Все это говорит о том, что изображение кимэ генетически восходит к типу судна, изображенного в росписях Афрасиаба, и именно этот тип судна, в отличие от первых двух, имеет местное происхождение.

Видимо, уже с глубокой древности на реках Среднеазиатского Двуречья применялись плоты и надувные шкуры, используемые и для переправ, и в более продолжительных плаваниях.

В частности, применялись одиночные надувные бурдюки, изготовленные из кожи различных животных. Наиболее раннее свидетельство их применения относится к 330 г. до н.э., когда армия Александра Македонского переправилась через Окс, вероятно, в районе Келифа, или Чушка-Гузара. Согласно Арриану, Александр, придя к реке, убедился, что переправа невозможна, т.к. река в этом месте была шириной в 6 стадий (т.е. почти 1,2 км), большой глубины и с сильным течением, вырывающим вбиваемые в дно колья.

Тогда он приказал собрать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их сухой травой и тщательно зашить, чтобы не проникла вода. Используя их, армия Александра за пять дней перешла через Окс (Арриан. III, 29, 2).

Такого рода надувные шкуры широко использовались для переправ через Амударью, особенно в ее верховьях, и более позднее время.

Кроме одиночных бурдюков, при помощи надувных шкур, чаще бычьих, создавались настоящие плоты. Для этой цели использовали две надувные шкуры, на которые укладывались параллельно жерди, скрепленные между собой шнурами и веревками. Получался целый плот, на котором помещалось по крайней мере четыре человека, а могло быть и больше. Аналогичный способ переправы описан арабским путешественником Ибн-Фадланом в начале X в.

Широкое распространение на Амударье и Сырдарье, судя по рисункам Н. Каразина 1885 г., имели плоты обычного типа, без применения надувных шкур, сооруженные из брусьев, уложенных поперечными и продольными рядами. Такие плоты управлялись двумя гребцами, стоящими с длинными веслами в передней и задней части плота. По своей грузоподъемности эти плоты также были различны - на одних из них помимо гребцов размещалось еще несколько людей и перевозимый товар, на других - один перевозчик со скарбом. Крупнейшим речным портом на Джейхуне - Амударье в средневековье был Термез. Уже Истахри и Ибн-Хаукаль отмечают, что город Термез служил гаванью на Джейхуне. Согласно сведениям ал-Мукаддаси, относящимся к концу X в., «...ат-Тирмиз - самый крупный город на Джейхуне... Вода (здесь) течет с двух сторон, и корабли пристают к нему с каждой стороны». То, что ал-Мукаддаси называет их не просто «лодки», а «ас-суфан», что по-арабски означает «судно, корабль», свидетельствует о том, что это были речные суда различной величины и конструкции.

По данным М.Е. Массона, лодочники - «кештабанан» - проживали в южной части Термеза ближе к набережной, а позднее, в XV в., - к западу от цитадели. Он также полагает, что среди них были не только лодочники-матросы, но и ремесленники, основным занятием которых было изготовление и оснащение речных судов.

Для их изготовления использовались местные породы талакарагача и тут-шелковица, а для конопачения швов камышовый пух и вата.

Важное значение Термезской переправы отмечает и Клавиho, сведения которого относятся к 1404 г. В его время по Амударье ходили лодки, которые перевозили людей с одного берега на другой, причем перевоз людей был разрешен только при наличии специальной грамоты или указа, с разрешением маршрута следования.

Вместе с тем суда на Амударье применялись не только для переправ, но и для многодневных плаваний по этой реке. В этом

отношении наиболее показательны сведения Ибн-Батуты, относящиеся к 1334 г., который отмечал, что из Хорезма «в летние дни по реке плавают на судах в Термез и привозят отсюда пшеницу и ячмень. Это десять дней пути по течению».

Интересно, что сухопутный маршрут в Термез из Хорезма, шедший через Бухару и Карши, занимал около месяца. По реке его преодолевали в три раза быстрее, а так как расстояние по реке от Термеза до Хорезма равно примерно 600 км, то, следовательно, в день суда преодолевали расстояние, около 60 км.

Другая великая среднеазиатская река Сырдарья (Сейхун) также широко использовалась для речного судоходства, хотя сведений об этом значительно меньше. В сочинении Йакута ал-Ханави «Худуд ал-Алам» («Словарь стран»), являющемся сводом географических данных, известных арабам к XIII в., указано, что к Ходжен-ту и Фергане ходят суда по реке Шаш. По данным «Худуд ал-Алам», в городе Нудженге или Нуджакете, отождествляемом М.Е. Массоном с городищем Ханабадтепа у юго-восточной окраины Ташкента, а Ю.А. Буряковым с городищем в с. Гуль у впадения р. Чирчик, жили лодочники (кештабанан), работавшие на реке Парк (Чирчик) и Хашарт (Сырдарья). Главнейшие переправы через Сырдарью существовали у Ходжента, в районе Бенакента - Шахрухии при впадении Ахангарана в Сырдарью и в районе Чиназа, где в средневековье существовал город Чинакчет, т.е. «город китайских купцов».

В древности и средневековье в крупных населенных пунктах, находящихся при больших переправах через Амударью и Сырдарью, жили определенные группы людей со своим образом жизни и правилами, специализированно занимавшиеся перевозом людей и объединенные, по-видимому, в своеобразные цеховые организации.

Об одной из таких переправ, т.н. «греческой» переправе - «Бурдагуй» (от искаженного греческого слова «пандахейон» гостиница), отождествленной нами с городищем Кампыртепа - Шуробкурбан в 30 км к западу от Термеза, имеются интересные сведения в географическом сочинении автора XV в. Хафиз-и-Абру.

«...Бурдагуй - место на берегу Джейхуна, - пишет он. - В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуе». Переправа (гузаргох) султанов, которые переезжали через реку, была здесь. Древние падишахи покровительствовали жителям этого места за то, что те стерегли переправу через реку и освобождали их от налогов (тархан). По этой причине население было многочисленно, и хозяева богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там».

Из этого фрагмента очевидно, что при переправе «Бурдагуй» имелось определенное число людей - владельцев, по-видимому, большого количества судов (а коль были крупные судовладельцы, то были и более мелкие), занимавшихся исключительно речным извозом. Об этом же говорят и вышеприведенные сведения из «Худуд-ал-Алам».

Ко времени завоевания Россией Средней Азии судоходство на Амударье и Сырдарье по-прежнему играло важнейшую роль в жизни населения этого региона, но сами суда становятся более примитивными и менее разнообразными.

Характер судоходства на Амударье подробно описан штабс-капитаном А. Быковым при рекогносцировках этой реки с разведывательной целью в 1876-1878 гг.

Так, по его данным, при переправах Кабадиан, Патта-Гиссар, Шуроб, Чушка-Гузар на правом и левом берегу имелось по два речных судна - кимэ, тогда как при более крупных переправах - Келиф - 6, а Керки - 4 кимэ.

Причем каждое кимэ обслуживалось определенным числом перевозчиков - кимэчи: на большом кимэ - 6-7 человек, на среднем - 3-4 или 5 человек.

Количество кимэ на каждой переправе, по А. Быкову, зависело от важности проходящего здесь торгового пути или же от количества жителей, населявших оба берега реки.

Причем, весь доход от перевоза, за исключением 25%, как платы рабочим, шел через правителей бекств в пользу бухарского эмира. Главный доход до 8-10 или даже 12 тысяч таньга - приносила Келифская переправа: от караванов с товарами из Бухары и Карши и солью из селения Кампыртепа (в горах Кугитанга) для городов Северного Афганистана: Ахчи, Балха, Хульма.

Подробные сведения о судах, использовавшихся при переправах и плаваниях по Амударье, привел тот же А. Быков, совершивший летом 1878 г. рекогносцировку этой реки от устьев Вахша до селения Ходжа-Джамбас, лежавшего в 50 км ниже г. Керки. Согласно его данным, здесь использовался один вид плавучих средств - плоскодонные судна-кимэ, различавшиеся между собой размерами. Он отмечает, что кимэ по своей конструкции напоминают хивинские каюки, но гораздо шире, массивнее и тяжелее их в управлении.

На строительство кимэ шла древесина из тала или патта - разновидности разнолистного тополя. Из него выдвигались четырехгранные брусья, которые при сооружении суден на стыках соединялись между собой шипами.

Дно у кимэ было плоское, укрепленное для большей устойчивости поперечными планками на гвоздях.

Длина больших кимэ от носа до кормы достигала 20 и более метров. Ширина в середине - более 5 м, высота бортов - один метр. Внутри судно делилось на отсеки брусьями, уложенными от борта до борта и скрепленными с ними железными полосами. На корме и на носу было два отсека для перевозчиков (каикчи, кимэчи), внутри еще три. Средние кимэ достигали в длину около 5 м, в ширину - более 3 м. Грузоподъемность больших кимэ, по А. Быкову, доходила до 16-18 верблюдов, 18-20 коней, 200 баранов, 700-800 пудов зерна, средних соответственно - 10, 12, 12-14, 150, до 400 пудов.

Большие кимэ обслуживали 6-7, средние 3-4 или 5 рабочих.

Кимэ были беспарусными гребными судами, для управления которыми использовались короткие треугольные тяжелые весла, направлявшие движение судна. Однако главным гребным средством, по словам А. Быкова, служили лошади, привязываемые веревкой к перекладине судна.

Обычно привязывали двух лошадей: одну - в передней, а другую - в кормовой части, со стороны, противоположной течению, таким образом, чтобы спина лошади была ниже борта на 60-70 см. Глубокие места лошади, подгребая ногами, переплывали, а на мелководье и на берегу тянули за собой судно, будучи впряжены посредством постромок с валиками и шлейками в крепкую веревку.

Как отмечал А. Быков, этот способ ведения судна по мелководью и по суше точно соответствует способу, принятому в России.

Кимэ использовались не только как средство при переправах, но и в плаваниях по реке, что видно из приведенных А. Быковым расчетов. Согласно его данным, вверх по течению реки на бечеве кимэ могло пройти не более 25 верст, т.е. немногим более 50 км, тогда как вниз по реке в половодье оно проходило 80 верст, т.е. расстояние почти 170 км, что равно примерно шестидневному переходу по суше.

За 8-10 суток, таким образом, кимэ могло преодолеть расстояние от Термеза до Хорезма.

Как разведчика, А. Быкова в первую очередь интересовало использование этих судов для военных нужд. По его предварительным расчетам, для поднятия одной роты пехоты не более чем в 160 штыков, без груза, необходимо было два больших кимэ.

В это же время в низовьях Амударьи широко использовались суда двух видов - каюки и кема. Интересные сведения этнографического характера приводит Г.П. Снесарев. Кема представляли собой большие плоскодонные судна, ходившие под парусом и на веслах, которые предназначались для грузовых перевозок сельскохозяйственных продуктов, тканей и других товаров. Они ходи-

ли вниз по Амударье, вплоть до Аральского моря, и вверх до Термеза, причем путь от Хорезма (из Ханки) до этого города занимал один месяц.

Команда больших кема состояла из капитана - дарга, его помощника - ярым-дарга, выполнявшего роль рулевого, и пятнадцати моряков. Все они были объединены в артель, нанимавшую судно у его хозяев, обычно на двенадцать месяцев. При заключении договора, скрепленного печатью - кизил, хозяевам судна вносили задаток.

Капитан судна при этом заключал договор с купцами на определенную сумму для перевозки грузов. После завершения рейса и получения денег с купцов часть из них выплачивалась хозяевам судна, а другая - распределялась между членами команды. Как видим, в Хорезме существовала несколько иная система оплаты, нежели на переправах через Амударью в среднем ее течении, как об этом писал А. Быков, где основной доход шел в государственную казну. Профессия моряков, живших в кишлаках вблизи реки, была наследственной, передававшейся от поколения к поколению. Такого же рода профессиональные общины судоводителей-кимэчи были зафиксированы Б.Х. Кармышевой в Келифе.

По данным Г.П. Снесарева, прежде чем стать матросом, новичок проходил большой курс обучения, включавший приобретение множества навыков управления судном и длившийся несколько лет.

Г.П. Снесарев установил и ряд культовых действий, связанных с жертвоприношением божеству Амударьи, принесением в жертву животного или последующей ритуальной трапезой, бросанием в воду соли, купанием капитана в реке перед спуском судна на воду. Из опросов Г.П. Снесареву удалось выяснить, что нос кема, по-узбекски - бош, украшался длинными косами, сплетенными из конского волоса, между которыми в центре помещались одно или два зеркала, имитирующих глаза, а с боков на полосах материи были нашиты монеты, раковины и амулеты. Он считает, что в носовой части имелось изображение женской головы, по его мнению - божества реки Ардвисуры Анахиты. Это конечно только гипотеза, однако тот факт, что в носовой части судна помещалось изображение какого-либо существа, сейчас бесспорно установлен наличием в росписях Афрасиаба, датирующихся VII-VIII в. н.э., изображения судна, нос которого увенчан изображением головы грифона. Очевидно, что в древности изображения могли быть самыми разнообразными, в том числе и голова Анахиты.

Таким образом, даже из этих кратких данных очевидно, сколь большую роль играло речное судоходство в жизни населения, обитавшего в Среднеазиатском Двуречье в древности и в средневеко-

вье. Оно давало устойчивый доход государству, контролирующему переправы, обслуживало крупную караванную или более мелкую торговлю, обеспечивало жизнь значительного слоя населения, связанного с рыболовством, речным извозом, строительством судов и обслуживанием проходивших торговых караванов.

По-видимому, богатый опыт, накопленный при многовековых плаваниях по Амударье и Аральскому морю, позволил согдийцам впоследствии освоить более обширные морские и океанские пространства.

7. Китай и Средняя Азия

Со второй половины II в. до н.э. после путешествия Чжан Цзяня впервые в китайский мир вошло новое географическое понятие «Западный край», которое стало обозначать западную часть Средней Азии и Восточный Туркестан (современные провинции КНР - Кашгар и Синьцзянь).

Система торговых, культурных, дипломатических отношений Китая с Западным краем слагалась на протяжении многих столетий. Она неразрывно связана с освоением новых путей и дорог, познанием новых географических пространств, до этого неизвестных китайцам.

Между Китаем и западной частью Азии существовали сложные географические преграды: пустыня Такла-Макан, горные хребты Кунь-Луня, Тянь-Шаня, Памира, тысячи километров нелегкого пути, преодоление которых требовало значительных физических и волевых усилий, особенно на первых этапах установления связей между столь различными цивилизациями - китайской и среднеазиатской.

Вероятно, уже в первой половине I тыс. до н.э. китайцы устанавливали торговые отношения с Хотаном, откуда в Китай доставлялся знаменитый хотанский нефрит.

В это же время китайцы, вероятно, устанавливали связи и с Алтаем, где в Пазырыкских курганах были найдены уникальная шелковая вышивка и полихромные ткани, изготовленные в княжестве Чу.

Судя по археологическим находкам и сведениям китайских письменных источников, уже в I тыс. до н.э. в Средней Азии складываются целые системы дорог, связывающих этот регион с собственно Китаем, который до создания Ханьской империи занимал в основном северо-восточную часть междуречья Хуанхэ и Янцзы. Только с возникновением великой империи Хань в 140 г.

до н.э. Китай превращается в могущественное государство, оказавшее огромное влияние на соседние народы и проводившее активную тактику новых территориальных приобретений. По дорогам, проложенным на Запад Чжан Цзянем и его последователями, устремились дипломатические миссии, воинские контингенты, торговцы и ремесленники.

При этом Ханьский Китай, постепенно продвигаясь к западу от реки Хуанхэ, проводил политику планомерной колонизации новых территорий и их заселения китайцами. До этого основное население этих территорий составляли, вероятно, индоевропейцы - тохары, тюркоязычные и монголоязычные племена. В «Повествовании о Западном крае» сказано, что уже «Шу-хуан [ди] из Дома Цинь, отразив жунов и ди, построил Великую стену, и поставил ее границей Срединного государства; но сей государь проник на запад не более Линь-тхао. По возвышении Старшего Дома Хань, Хао-ву [ди] простер оружие на иноземцев четырех стран, и внушил им понятия о силе и величии своей державы». Тогда Чжан Кень открыл Западный край. Впоследствии Пхиао-ки Гян-гюнь (в 121 г. до н.э.), удалив на Западные земли хунов, покорил князей Хунь-ше и Хючшуй и перевел их на другие места.

С этого только времени (подчеркнуто нами - Э.Р.) Китай начал строить города от Лин-гуй далее на запад. Впервые открыли область Цю-цюань, и мало-помалу заселили ее ссыльными преступниками, потом на отдаленных от сей области землях еще открыты Ву-вей, Чжан-це и Дуньхуан, всего четыре и построены две крепости» (перевод И.Бичурина).

Согласно сведениям китайских письменных источников, из Китая в Западный край вели две основные дороги: южная и северная.

Южная дорога (Наньдао) из Юй-мынь-гуаня и Янгуаня пролегла через Шань-шань, огибала озеро Лобнор и шла по северную сторону Южных гор (хребет Кунь-Лунь), а затем пролегла по направлению реки на запад до Шаэ (оазис Яркенд в Кашгаре). Далее дорога вела в Вахан, где она разветвлялась на два направления - одно вело на запад в страну Больших Юечжей (Бактрию) и Анси (Парфию), другое на юг - в Индию.

Северная дорога (Бэйдао) от местопребывания западного чешского владетеля вдоль Северных гор по реке шла до Кашгара, а затем через Луковые горы выходила на запад в Давань (Фергану) и Кангюй и далее на северо-запад в Яньцай и Яньцы (Приаралье). После путешествия Чжан Цзяня и продвижения китайцев в Восточный Туркестан, основные дороги, ведущие в Западный край, были взяты под контроль ханьскими властями и соответствующим образом оборудованы. По сведениям китайских письменных

источников, от Дуньхуана до Соленого озера (Лобнор) были учреждены частые военные посты, заселенные по несколько сот военнопоселенцев, назначены приставы, на которых были возложены охрана военных поселений и снабжение продовольствием чиновников, посылаемых в иностранные государства. Каждая из дорог управлялась специальным чиновником, получившим звание наместника.

За некоторыми из этих дорог закреплялись определенные названия. Так, дорога из Дуньхуана через Хотан на юг в обход Памира по Ваханскому коридору называлась «путем нефрита», дорога через Терек-Даваньский перевал - «путь шелка». Были и императорская дорога через Тянь-Шань и Нинь-лу, а также дорога купцов, странников и миссионеров, проходившая между Кунь-Лунем и Тянь-Шанем. Все эти дороги начинались в столице Ханьского Китая городе Чаньане, расположенном к западу от Пекина. Важнейшим узловым их пунктом являлся Дуньхуан (в современной провинции Ганьсу), откуда они расходились в разных направлениях. Исключительное стратегическое значение Дуньхуана подтверждается тем, что севернее и северо-западнее его проходили конечные отрезки Великой китайской стены, прикрывающей этот город от набегов кочевников. В Дуньхуане не только останавливались караваны, шедшие из Китая в Западный край или наоборот с Запада, перед тем как преодолеть заключительный отрезок Великого шелкового пути, ведущий в Чаньань, но здесь постоянно проживали и выходцы из разных стран, в том числе согдийцы. Именно неподалеку от Дуньхуана в сторожевой башне Великой китайской стены Аурел Стейн нашел знаменитые согдийские письма.

От Дуньхуана далее на запад, по пути в оазисы Восточного Туркестана, по южной дороге были учреждены частые военные посты и назначены приставы, а также наместник, в ведение которого входила обязанность через разведовательную сеть вести наблюдение за среднеазиатскими владениями - Усунь, Кангюй и доносить императорскому двору о их военном состоянии. С течением времени количество основных дорог, связывающих Поднебесную империю с Западным краем, увеличивается. В «Бэйши», в описании посольства Дунь-Вана, относящегося ко второй четверти V в. н.э., сказано, что ранее «были две дороги, ведущие в Западный край, потом число их увеличилось и стало четыре. Первая дорога идет от заставы Юймень, пересекает Сыпучие пески и через 2 тыс. км доходит до Шань-шаня; вторая идет от заставы Юймень, пересекает Сыпучие пески в северном направлении и через 2200 км доходит до Чеши; третья дорога идет от Сочэ (Яркенд) к западу и через 100 км доходит до Памира, на запад через 1300 км

доходит до Цзябей; четвертая дорога идет от Сочэ к юго-западу на расстоянии 500 км, затем на расстоянии 1300 км от гор Цунлин доходит до Болу».

Запустение многих населенных оазисов в результате изменения климата и нашествие кочевых племен приводило и к перемещению некоторых трасс этих дорог.

Китайский географ Пэй Цзюй (кон. VI - нач. VII вв.), автор «Записок и карт Западного края», от которых сохранились лишь фрагменты, описывает три основные дороги, которые вели из Дуньхуана к Западному морю (Средиземное море - Э. Р.). Северная дорога проходила теперь несколько иным маршрутом через Хами, озеро Баркуль, ставку тюркского кагана у озера Иссык-Куль, степи Южного Казахстана, Поволжье, а затем, вероятно, через Северный Кавказ в Византию к Средиземному морю.

Вторая, средняя дорога, начальным пунктом которой был Турфан, через Карашар, Кучу, Памир выходила к Уструшане и Самарканду, а затем шла через Бухару, Мерв и Сасанидский Иран к Средиземному морю. Третья - южная дорога от Дуньхуана шла вдоль озера Лобнор, пересекала пустыню Такла-Макан, выходила в Ваханский коридор и шла по Тохаристану вдоль Гиндукуша через Сасанидский Иран к Средиземному морю. Пэй Цзюй добавляет, что «от каждой страны также отходят дороги, которые пересекаются в свою очередь на юге и севере. Таким образом, следуя (по этим дорогам), можно попасть в любое место. Поэтому известно, что Цу, Гао чан и Шань-шань являются воротами в Западные земли». Таким образом, со времени путешествия Чжан Цзяня на протяжении нескольких столетий создавалась система дорог, соединявших Восток и Запад, получивших в науке название Великий шелковый путь.

Ведущая роль в его создании принадлежит китайцам и эллинам, ираноязычным и тюркоязычным народам. Значительная роль в сближении цивилизаций Дальнего Востока и Запада со стороны Китая принадлежит двум лицам - Чжан Цзяню и Гао Иню.

Первый открыл для Китая Среднюю Азию (Западный край), второй - Восточное Средиземноморье, древний мир передневносточной, римской и эллинской цивилизаций. Предполагается, что несколько ранее в конце IV - III вв. до н.э. согдийцы начали переселяться в оазисы Восточного Туркестана по хорошо знакомым им дорогам, соединявшим западную часть Средней Азии и этот регион еще, вероятно, с эпохи бронзы, а возможно, и ранее.

В это же время эллины добрались до крайних северо-восточных пределов Средней Азии, возможно, что они уже тогда слышали от местных жителей о стране «серов-китайцев». Оставалось

сделать один шаг, чтобы соединить дороги, шедшие с Запада и Дальнего Востока, и превратить их в единый трансконтинентальный путь. И этот шаг был сделан Чжан Цзянем о чем подробно было рассказано в главе «Дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем в эпоху правления династии Хань (206 г. до н.э. – 222 г. н.э.)».

Путешествия Гань Ина. Чжан Цзян открыл для китайцев дорогу в Среднюю Азию - Западный край, тогда как далее на запад в страны Восточного Средиземноморья впервые проник, спустя более двух сот лет, иной китайский первопроходец - Гань Ин.

В китайской хронике «Хоуханьшу» - «История младшего дома Хань» сказано, что в «9 лето 97, Гань Ин, посланный от Бань Чао на запад, доходил до Западного моря (т.е. Средиземного моря - Э.Р.) и возвратился. В прошлое время никто из китайцев не проникал так далеко. Гань Ин удовлетворительно описал климат и редкие произведения пройденных им стран». Он пытался достичь Рима, но недостаток в средствах заставил его вернуться назад в Китай.

Путешествие Гань Ина было закономерным результатом постепенного освоения китайцами дорог из Средней Азии далее на Запад. Хотя Гань Ин был первым китайцем, проникшим в Восточное Средиземноморье, но все же первые сведения о странах, расположенных вблизи него, китайцы получили от того же Чжан Цзяня, собравшего их во время пребывания в Бактрии. Они были изложены знаменитым китайским историком Сыма Цзянем в его повествовании о Западном крае, где он пишет, что «нужно примерно сто с лишнем дней пути, чтобы добраться до страны Тяо-Чжи (Верхняя Месопотамия - Э.Р.), лежащей вблизи Западного моря (Средиземного моря)».

Вскоре после путешествия Чжан Цзяня при том же императоре У-ди (140-87 гг. до н.э.) был открыт постоянный обмен посольствами с Даванью и другими государствами Средней Азии, причем в год отправлялось не менее десятка китайских посольств. В 113 г. до н.э. китайцы впервые установили дипломатические отношения с Аньси (Парфией), куда было отправлено посольство, посетившее город Ктесифон, который в это время был столицей Парфии, расположенный на расстоянии нескольких тысяч километров от столицы Китая, города Чаньань.

Вслед за этим парфянский правитель отправил свое посольство между 111-105 г. г. до н.э., как сказано в источнике, посмотреть Китай, передав с посольством для китайского двора яйца больших птиц (страусов) и фокусников из Ли-цзяня.

Исследователями установлено, что Ли-цзянь, или Ли-сянь, соответствует городу Александрия, некогда основанному Алексан-

дром Македонским в Верхнем Египте. Таким образом, время между 111-105 гг. до н.э. является важнейшей датой в истории Великого шелкового пути, так как впервые документально устанавливается его функционирование на громадном расстоянии от Египта на Западе до Восточного Китая на Востоке.

Первыми по этому пути прошли дипломатические посольства, вслед за ними, вероятно, двинулись и торговые караваны.

Особое место в этом обмене занимают фокусники-иллюзионисты из Александрии. Как свидетельствуют китайские источники, до их прибытия в Китай здесь совершенно не были знакомы с иллюзионным искусством и, как считает известный исследователь культурных связей Китая с Африкой В.А.Вельгус, приезд фокусников из Александрии в конце II в. до н.э. было толчком не только к основанию этого вида искусства в Китае, но, в конечном итоге, и к развитию китайского традиционного театра.

Иллюзионное искусство, по-видимому, зародилось, как и многие другие виды искусства, в странах Восточного Средиземноморья. Особенно славились этим египетские и халдейские маги, а Александрия являлась центром иллюзионного искусства эллинистического мира.

И в более позднее время китайские источники отмечают прибытие в Китай фокусников-иллюзионистов из стран Восточного Средиземноморья, входивших в состав Римской империи, которую китайцы именовали Дацинь. Эти фокусники могли совершать превращения (вещей), изрыгать огонь, отделять свои конечности, переставлять головы быков лошадям (и наоборот), а также, искусно подпрыгивая, жонглировать шарами, число которых доходило до десяти.

Фокусники сами говорили: «Мы люди (из) Хай-си» (страна на Западе от моря), а Хай-си - это и есть страна Дацинь.

Большая часть культурных и торговых контактов между Восточным Средиземноморьем и Парфией с одной стороны и Китаем с другой осуществлялась сухопутным путем через Среднюю Азию, хотя функционировал и морской путь, связывающий эти страны, осуществляемый в основном китайскими и малайскими мореплавателями.

Но сами китайцы первые свои морские путешествия в Месопотамию совершили не раньше II-X вв. Таким образом, по прошествии двухсот лет со времени открытия Чжан Цзянем Западного края, китайцы прочно и планомерно освоили все дороги, ведущие сюда, установили постоянные дипломатические и торговые отношения с различными Среднеазиатскими владениями, предприняли неоднократные попытки установления политического контро-

ля над ними, к примеру войны с Даванью (Ферганой), проложили путь к Средиземному морю и вошли в контакт с римской и эллинской цивилизациями.

Китайские предметы стали поступать в Среднюю Азию, вероятно, во второй половине II-I вв. до н.э., после открытия Чжан Цзянем Западного края, установления различного рода сношений с народами, населявшими Среднюю Азию, с началом функционирования Великого шелкового пути.

Хотя есть факты, подтверждающие проникновение китайских предметов сюда несколько ранее. Так, во время пребывания Чжан Цзяня в Бактрии, он видел там бамбуковые посохи из Цюнь и холсты из Шу. По словам жителей Бактрии, эти предметы были приобретены их купцами, ходившими торговать в Шеньду. По данным другого китайского источника - Шицзы, эти товары были куплены у купцов из области Шу.

Согласно современным исследованиям, области Шу и Сяндун соответствуют китайской провинции Сычуань, а Шеньду охватывает Северо-Западную Индию, Бирму и область Юньани на Юго-Востоке Китая.

Таким образом, еще до начала функционирования Великого шелкового пути китайские и бактрийские купцы ходили с товарами соответственно в Китай и Бактрию. В составе найденных на западе Азии объектов китайского импорта монеты, зеркала, изделия из нефрита, шелковые ткани, надписи и другие предметы.

Монеты. До настоящего времени учтено около ста китайских монет, относящихся к древнему и раннесредневековому периодам. Можно выделить два больших периода проникновения китайских монет в историко-культурные области запада Средней Азии: первый - выпускавшиеся в 118 г. до н.э. - 581 г. н.э. монеты у-шу, монеты хоцюань, времени императора Ван Мана (9-23 гг. н.э.).

Второй период - VII-VIII вв. н.э. - проникновение в Среднюю Азию бронзовых монет династии Тан, оказавших весомое влияние на формирование монетных систем ряда историко-культурных областей запада Средней Азии, в особенности Согда.

Находки монет других династий, правивших в Китае, исключительно редки. Собственно, известна одна - это бронзовая монета с квадратным отверстием, относящаяся к династии Северная Чжоу (557-583 гг. н.э.), год отливки - 579. Найдена на городище Будрач - столице древней области Чаганиан, в 6 км от г. Денау современной Сурхандарьинской области Узбекистана.

Бронзовые литые монеты у-шу выпускались в Китае на протяжении 700 лет. Их первая официальная эмиссия была осуще-

ствлена при императоре У-ди в 118 г. до н.э., тогда как прекращение их выпуска приходится уже на 581 г. н.э. Монеты у-шу круглой формы, с квадратным отверстием в центре. По краю лицевой и оборотной стороны всегда присутствует внешний ободок, внутренний ободок, нанесенный по краям квадратного отверстия, присутствует только на оборотной стороне. Легенда у-шу состоит из двух знаков «у» и «шу», помещенных на аверсе, по обеим сторонам квадратного отверстия, и читается справа налево. Вес монет в пределах 1,5-3 г, при диаметре 25-30 мм, с различными вариантами в ту или иную сторону.

Первоначально монеты у-шу отливались не только в правительственных, но и в удельных монетных дворах, мелких мастерских. Затем, в 113 г. до н.э., когда была введена государственная монетная регалия, их выпуск стал прерогативой центральной власти.

На территории восточной части Средней Азии монеты у-шу встречаются довольно часто. Особенно много находок в Фергане, где до 1988 г. были найдены 42 подобные монеты в 32 погребениях 16 могильников. Кроме того, 2 монеты у-шу найдены в последние годы при раскопках Мугхона в местности Гава в Северной Фергане. При раскопках могильника Мунчактепа близ г. Пап в Северной Фергане также были найдены 2 аналогичные монеты. Находки монет у-шу известны и в других районах. В частности, 4 монеты деградировавшего типа обнаружены в Пянджикенте. Были найдены 13 монет у-шу, из них 3 в культурном слое при исследовании Мунчактепа I и II, расположенных вблизи Фархадских ворот в Северном Таджикистане. Еще одна подобная монета обнаружена на городище Канка, в Аккурганском районе Ташкентской области. Кроме того, эти монеты найдены на Алае, в Кумарыке, в детском погребении могильника Алмашик на Тянь-Шане, в аналогичном же погребении в могильнике Мардан, расположенном в Отрарском оазисе Южного Казахстана.

Более редки находки бронзовых монет хоцюань времени Ван Мана (9-23 гг. н.э.). Начало выпуска этих монет относится к 14 г. н.э., когда император осуществил денежную реформу в империи Хань. Официально они находились в обращении только в период его правления. Одна монета хоцюань найдена в могильнике Хангаз I в Фергане, одна в Пянджикенте и еще одна на городище Афрасиаб в Самарканде.

Таким образом, основная масса находок древних китайских монет на западе Средней Азии приходится на Фергану и прилегающие к ней районы. Отдельные находки встречены в Согде, Чаче и Уструшане, Отрарском оазисе. Они определяют, вероятно, за-

падную границу проникновения древних китайских монет в этом регионе.

Считается что появление у-шу в Фергане связано с началом функционирования Великого шелкового пути в I в. до н.э., одна из трасс которого проходила через эту область. Предполагается, что у-шу не применялись в реальном денежном обращении, а использовались в качестве украшений, с учетом того факта, что монеты в Фергане найдены пока только в могильниках. Однако представляется преждевременным подобное одностороннее определение функции у-шу. За последнее время стали известны находки данных монет не только в могильниках, но и в культурных слоях поселений (Пянджикент, Мунчак I и II, Канка). В Древней Фергане не выпускались, в отличие от Согда и Бактрии, свои монеты и не исключено, что здесь монеты у-шу использовались как средство обращения.

Второй период проникновения китайских монет на запад Средней Азии приходится на время правления династии Тан, монеты которой получили здесь более широкий ареал распространения. Найдены бронзовые монеты династии Тан трех типов.

Чаще всего встречаются монеты: лицевая сторона - четыре иероглифа, расположенные по сторонам квадратного отверстия, которые читаются как Кай-юань тун-бао. Расходная монета (периода) Кай-юань; оборотная сторона гладкая, без надписей, иногда слева от отверстия утолщение в виде полукруга, которое по китайской традиции трактуется как след ногтя императора. Они выпускались с 621 по 907 гг. Другой тип танских монет на аверсе имеет легенду «Дали юань-бао». Выпускались в 769 г. Третий тип танских монет с легендой «Цянь юань чжун-бао» выпускались с 758 по 760 гг.

С востока на юг танские монеты найдены в следующих местах: остров Китай-город на Иссык-Куле - 2 экз., на городище Красная Речка - 8 экз. и 2 фрагмента, на городище Баласагун, городище Турткуль у с. Новопавловка вблизи г. Бишкека - 1 экз., в Ташкентской области, на городище Канка - 3 экз. и на Ханабаде - 1 экз., на городище Афрасиаб - несколько экземпляров, в Пянджикенте - 1 экз., на городище Будрач - 1 экз. и Шуроб-Кургане - 2 экз.; в Старом Термезе - 3 экз. (согласно данным музейной коллекции), в шурфе, заложенном в медресе Надир-Диванбеги в Бухаре - 1 экз.

Всего учтено около 30 экз. танских монет, но это, видимо, далеко не полный реестр их находок, в отличие от монет у-шу. Подавляющее число данных монет найдено в культурных слоях городищ и поселений, как, например, при раскопках жилого дома

на городище Шуроб-Курган. Это позволяет считать, что танские монеты употреблялись в ряде областей запада Средней Азии как реальное рыночное средство обращения.

В ареал обращения танских монет входят Семиречье, Фергана, Чач, Согд, Северный Тохаристан, за их пределами найдена одна монета - в Бухаре. Такое распределение этих монет свидетельствует о том, что через эти области проходила одна из самых главных трасс Великого шелкового пути, по которой шли китайские товары в Тохаристан (через Железные Ворота) и далее в Индию (через перевалы Гиндукуша - известны находки танских монет в Северном Афганистане и Индии). Этой дорогой в частности прошел китайский монах Сюань Цзянь (около 630 г. н.э.) во время своего паломничества к буддийским святыням Индии. О большой роли танских монет свидетельствует тот факт, что они оказали заметное влияние на сложение монетного типа в ряде областей запада Средней Азии.

Бронзовые монеты с квадратным отверстием и согдийской легендой по танскому образцу выпускались тюргешами в Семиречье и Чаче, тюркскими правителями Семиречья, Чача и Согда. Эмиссия подобных монет производилась согдийскими ихшидами, начиная со времени Шишпира (642-не позднее 655 гг.), владельцами Пянджикента и других согдийских княжеств, а также купеческим городом Пайкендом в Бухарском оазисе. В Отраре (Южный Казахстан) выпускались бронзовые монеты с квадратным отверстием и иероглифами. Литые бронзовые монеты с квадратным отверстием и согдийской легендой выпускались в одном из владений Северного Тохаристана - Вахше. Такие же монеты, но с бактрийской, еще не прочитанной легендой, обращались в долине р.Кафирниган (Северный Тохаристан). Находки мелких монет с квадратным отверстием и остатками бактрийской легенды известны также для городища Старый Термез.

В Согде, вероятно в середине VII в., был налажен выпуск бронзовых монет с двуязычной согдийско-китайской легендой: лицевая сторона как у танских монет - четыре иероглифа: «Кай-юань тун-бао», оборотная - знак согдийских ихшидов, справа согдийская легенда «божественный». Монеты подобного типа найдены в Пянджикенте и в районе мечети Биби-Ханым в Самарканде.

Помимо монет у-шу, хоцзуань и кай-юань тун-бао, найден и другой тип китайских монет. Так, вблизи железнодорожной станции Бишкек (Киргизия) был найден клад ножевидных монет, возможно, времени императора Ван Мана (7-12 гг. н.э.).

О влиянии китайского монетного дела на согдийское и ряд других областей Средней Азии свидетельствует согдийское слово

рпу - деньга, монета, зафиксированное на монетах тюргешей, в сочетании с титулом «Государя тюргешей деньга», на чачских монетах с верблюдом и на монетах чачского владения Бенакет - Шанибага. В VII в. в Китае слово «фень», от которого, происходит согдийское рпу, обозначало весовую и монетную единицу.

Монеты подтверждают сведения письменных источников о периодах наиболее интенсивного политического влияния, а соответственно культурных и торговых взаимоотношениях Китая и Средней Азии. Так, если в эпоху правления династии Хань (140 - 220 гг. до н.э.) и Тань (618-907 гг. до н.э.) дипломатические посольства из различных Среднеазиатских владений с дарами и данью отправлялись ко двору Небесной Империи почти ежегодно, то в правлении династий Северных дворов и Суй они были минимальными. Характерно, что в истории династии Суй в отношении различных Среднеазиатских владений повторяется одна и та же фраза: «При династии Суй в шестое лето правления Кхай-хуан, 586 г., прислали оттуда посланника с данью, и после сего уже не было посольства». Такое положение было связано с ослаблением китайских империй, существовавших в Средней Азии во второй половине V - первой половине VII вв., мощной Эфталитской державы и последующего господства тюрков, взявших под свой контроль дороги, ведущие из Китая в Азию.

Зеркала. Кроме монет, наиболее значительным предметом китайского импорта в Азию были зеркала. Они обнаружены в основном в Ферганской долине и в предгорных районах Тянь-Шаня, Алая, в Ташкентском оазисе.

Зеркало. II-I в. до н.э.
Эпохи Хань.

Наиболее ранние - типа чжао-мин (I в. до н.э.) найдены в Пскентском могильнике и на станции Вревская. Зеркала типа бай-жу (I в. до н.э. - I в. н.э.) найдены на Фархадстрое и в могильнике Кайрагач в Фергане. Ко II-III вв. н.э. относятся китайские зеркала, найденные в могильниках Исфары, Карабулака, Тураташ (Западная Фергана), в долинах Кетмень-тюбе и Кенкола. Всего в Ферганской долине найдено двадцать целых и несколько обломков китайских зеркал. Китайские зеркала найдены также при раскопках могильника Мунчактепа у г. Пап в Северной Фергане.

В целом китайские зеркала найдены: в Чаче (Ташкентский оазис) - могильник у станции Вревская, Пскентский могильник, Джунский могильник; в Семиречье - Северная Киргизия - Кенкольский могильник, у села Петровка, Калининское, могильник Кызылсай; в Согде - в буддийском сооружении в долине р. Санзар; в Северной Бактрии - Тохаристане, наиболее ранним из них (I в. до н.э. - I в. н.э.) является бронзовое зеркало арочного типа из Бараттепа, Гормалитепа (обломки). Большинство из них относится к ханьскому времени, но некоторые к танскому (Санзар, Аджинатепа и др.).

Места находок зеркал очерчивают границу зоны китайских торговых интересов и культурных влияний: Семиречье, Фергана, Согд, Северная Бактрия-Тохаристан. За их пределами к западу от Согда неизвестны находки китайских зеркал, к примеру, в Бухарском оазисе или Хорезме.

Надписи. На территории запада Средней Азии найдено лишь несколько китайских надписей. Одна из них происходит из Мунчактепа, где при строительстве Фархадстроя была обнаружена галька длиной 6,5 см, шириной 4,5 см. На одной из ее сторон нанесено два иероглифа, означающих «золото и драгоценность», на другой - схематическое изображение человека с огромной бородой. Эта надпись датирована первыми веками новой эры.

На горе Муг вблизи Пянджикента (Таджикистан), наряду с согдийскими документами, были найдены восемь документов на бумаге, выполненных на китайском языке, на оборотной стороне пяти из них - согдийский текст. На одном из документов прочитана дата, соответствующая 706 г. н.э.

Более десяти китайских надписей обнаружены в области Гилгит в верховьях Инда, на территории, непосредственно примыкающей к Памиру. Большинство из них кратки и содержат только китайские имена, возможно, проезжавших здесь купцов, дипломатов или паломников. Одна надпись более пространна. Она содержит 12 иероглифов, передающих сообщение о после китайской династии Великих Вэй Гу Вей-луне, направляющегося во владения Ми-ми. Хотя в истории Китая известны две династии Вэй: Цао Вэй (220-285 гг.) и Северная династия Вэй (385-556 гг.), исследователи считают, что данное посольство могло быть отправлено из Китая между 443 и 453 годами.

Ми-ми - это согдийское владение Маймург, расположенное к юго-западу от Самарканда. Таким образом, китайское посольство, о котором сообщается в надписи, направлялось в Согд, причем шло оно окружным путем через Ваханский коридор и, вероятно, далее через Железные Ворота (Дербент), где проходил основной

путь, соединяющий Тохаристан с Согдом. К. Йетмар и китайский исследователь Маюн полагают, что такой кружной путь был выбран китайским посольством потому, что прямые дороги из Китая через Восточный Туркестан на запад Средней Азии были блокированы кочевниками. Возможно, что это были эфталиты, как раз в это время развернувшие активные военные действия на данной территории.

Шелковые ткани непосредственно китайского производства найдены в ряде историко-культурных областей. Большинство из находок относится к танскому времени VII-VIII вв. и, возможно, к предшествующему периоду.

Наиболее ранняя находка, вероятно I в. до н.э. - I в. н.э., фрагменты шелковой ткани из Халчаяна (Северная Бактрия), китайского производства, хотя некоторые ученые считают, что они отнесены к китайским образцам без должного основания. Остальные находки шелковых тканей относятся к раннему средневековью. Часть из них найдены в Северном Тохаристане: четыре фрагмента в могильнике Биттепа, один в кургане в Старом Термезе и один в Балалыктепа.

Фрагменты из могильника Биттепа (VII-VIII вв. н.э.) относятся к типу камчатых шелков, в большом количестве вывозимых из Китая в раннем средневековье в Западный край по Великому шелковому пути. Китайские шелковые ткани (гладкие, камчатые, полихромные) найдены на горе Муг в Согде, в Фергане при раскопках могильника Мунчактепа (V-VIII вв. н.э.), в котором лица погребенных накрывались особо ценным китайским шелком. Китайский шелк в виде лицевых покрывал обнаружен в могильнике Карабулак в Южной Фергане, в Семиречье, в Кенкольском могильнике.

Вообще же не столь большое количество китайского шелка, найденного на западе Средней Азии, может быть объяснено тем, что текстильные изделия весьма плохо сохраняются в условиях Среднеазиатской природы, а не тем, что импорт его сюда из Китая был ограничен. Собственное производство шелка в областях Средней Азии было налажено только в V-VI вв., хотя не исключено, что в Бактрии - Тохаристане оно возникло ранее, о чем свидетельствуют находки шелковых изделий из Тиллятепа (Южная Бактрия) и Кампыртепа (Северная Бактрия), имеющих, возможно, местное происхождение.

Среди предметов китайского импорта найдены столики, чаши из лака. Фрагменты таких изделий неоднократно находили в погребениях первых веков н.э. в Семиречье, расположенных в долинах рек Чу и Талас. На основе вещей, непосредственно импортируемых из Китая, в среде кочевников изготавливались

предметы, в частности ювелирные изделия, испытавшие сильное влияние Китая.

На цитадели городища Кампыртепа, находящемся в 30 км к западу от Термеза, в слое первой половины II в. н.э. была найдена бронзовая ручка от небольшого сосуда в виде извивающегося дракона. Подобные ручки, как правило, оформляют китайские сосуды.

На городище Ханабаттепа, расположенном на юго-восточной окраине Ташкента, был найден глазурованный керамический ритон, нижняя часть которого оформлена бычьей мордой. По стилистическим особенностям и технологическим признакам данный ритон был отнесен к произведениям танского искусства.

В коллекции предметов, составленной преимущественно по находкам на западе Средней Азии, упоминаются медная ложечка китайской аптеки, китайское блюдо, медная крышка от сосуда с китайской надписью, терракотовая головка китайца со скуластым лицом, раскосыми глазами и свисающими усами. На его голове шапочка, перетянутая шнуром. Такого рода головной убор характерен для танского времени в Китае.

Нефритовые изделия. Горный минерал нефрит светло-зеленого цвета широко употреблялся в древности у разных народов мира для изготовления различных орудий труда и быта, а также в ритуальных и магических действиях. Считалось, что нефрит обладал особыми свойствами, способными помочь в различных жизненных ситуациях, в частности при родах и почечных коликах, и неслучайно его название восходит к греческому nefros-почка.

Особенно ценился нефрит в древнем и средневековом Китае. Однако месторождений этого минерала в самом Китае, также как и на западе Средней Азии, не имеется. Основным центром его добычи и торговли всегда являлся Хотан, расположенный на одной из трасс Великого шелкового пути. Зеленый и светлый нефрит добывался со дна двух рек, сливавшихся у Хотана перед впадением в Тарим. Видимо, часть нефритовых изделий изготавливалась на месте, в Хотане, но чаще всего, нефрит вывозился в необработанном виде. Высоко ценился нефрит и в Азии, куда он также, вероятно, поступал из Хотана. Широко известно, что надгробие Темура в Гур-Эмире изготовлено из двух больших кусков нефрита, которые были доставлены в Самарканд с верховьев р. Или по приказу Улугбека, после его походов против монголов в 1425 г. Вместе с тем изделий из нефрита на территории Средней Азии найдено немного, причем большая их часть - это украшения, относящиеся к эпохе раннего и развитого средневековья.

Пожалуй, наиболее ранним предметом из нефрита в Средней Азии является изделие из Чустского поселения начала I тыс. до

н.э. Оно же и самое раннее свидетельство связей между этим регионом и Восточным Туркестаном.

К памятникам ахеменидского времени относят овальную в плане нефритовую печать с изображением яка, найденную на месте разрушенного могильника кенкольского типа в верховьях Соха (Фергана). В Беркаринском могильнике (Киргизия), датируемом II в. до н.э. - I в. н.э., найдена нефритовая чашечка. За пределами Ферганы и Семиречья известны две находки нефритовых изделий, это перекрестие железного кинжала и деталь крепления ремня портупей. Они были найдены в кургане - 2 Орлатского могильника у городища Кургантепа, расположенного к северу от г. Иштыхан Самаркандской области вместе с костяными пластинками (II-I в. до н.э.). Навершие с изображением волкодракона из нефрита (III-II вв. до н.э.) найдено в Тахти - Сангине.

В коллекции археологических предметов упоминается ряд нефритовых изделий без датировки и почти без мест их обнаружения. Среди них: печатка и пряжка из молочного нефрита, нефритовый (белый) перстень, нефритовый (зеленоватый) перстень (найден на городище Эски-Ахси, Чустского уезда), два нефритовых перстня, нефритовая печать без надписи, нефритовая печать с изображением цветка, нефритовая печать 4-угольная, с надписью, нефритовая печать (найдена на городище Афрасиаб). Можно полагать, что некоторые из этих предметов относятся к домусульманскому периоду.

Археологические данные существенно дополняют сведения письменных источников о китайском импорте в Западный край. Приводя довольно подробный список товаров и даров, которые вывозили в Китай отсюда, они фактически почти ничего не говорят об обратном характере этого процесса, ограничиваясь констатацией сведений о китайских посланниках в этот регион и времени их пребывания здесь.

Ни словом авторы китайских письменных источников не обмолвились об импорте в Западный край китайских монет и их последующем влиянии на монетное дело этого региона. Роль и значение китайских денег, в особенности ханьского периода, в истории товарно-денежных отношений в этом регионе еще недостаточно понятны.

Считается, к примеру, что в Фергане - основной области поступления ханьских монет в первых веках н.э. не существовали денежные отношения, а сами монеты у-шу использовались в качестве эквивалента оболам Харону или простых украшений. Это мнение было основано на преимущественных находках китайских монет у-шу в погребениях. Однако последние их находки в куль-

турных слоях поселений, так же как ряд иных соображений, заставляют задуматься над реальностью этого тезиса. Фергана в первых веках до н.э. - первых веках н.э. была богатой земледельческой страной с высокоразвитой экономикой, сельским хозяйством и ремеслом и значительным количеством городов, что констатирует уже Чжан Цзян при его посещении этой области в начале второй половины II в. до н.э. Не случайно именно отсюда китайцы впервые вывезли в свою страну такие сельскохозяйственные культуры, как люцерна и виноград, секреты производства вина, а также знаменитую породу ферганских небесных лошадей.

При таком положении вряд ли возможно, что в Фергане в это время господствовал только натуральный обмен. В отличие от других Среднеазиатских областей - Бактрии, Согда, Хорезма, Маргианы, Фергана, не имея собственной монеты, вошла в зону китайского денежного обращения, используя монеты у-шу в качестве денежного знака. Не исключено, что на основе китайских монет, впоследствии в Фергане было налажено собственное производство монеты, так как некоторые экземпляры у-шу производят впечатление не подлинных. Еще более значительную роль выполняли танские монеты. Наряду с византийскими и сасанидскими монетами они являлись международной валютой, обслуживающей торговые операции на Великом шелковом пути, о чем свидетельствуют их находки, сделанные далеко от первоначального места изготовления. Археологические данные и письменные источники констатируют, что восточные и центральные области Азии являлись зоной китайских политических и торговых интересов. Далее к западу влияние Китая, если и было, то незначительным. Это объясняется политическими причинами. Западные области Средней Азии или входили непосредственно в состав Парфянского государства или находились под его влиянием. Парфяне строго соблюдали свои торговые интересы, препятствуя как проникновению китайских товаров на Запад, так и римских на Восток. Однако при всех обстоятельствах всегда находилась возможность для взаимобмена Востока и Запада.

8. Древняя Корея и древняя Средняя Азия

Констатация историко-культурных связей древней Кореи (государство Когуре) и Согда стала возможной после открытия в 1965 г. на городище Афрасиаб весомых по своей научной значимости настенных росписей в дворцовом здании. Первоисследователь этих росписей Л.И.Альбаум распознал среди многофигурной

композиции, в которой запечатлены посольства из разных стран, изображения двух фигур, интерпретированных им как представители древнего государства Когуре (Корея). Они изображены в своеобразных головных уборах, украшенных плюмажем из двух перьев. Прочитанная В.А. Лившицем многострочная согдийская надпись на отвороте халата одного из персонажей позволила предположить, что изображенные на этих стенах различные фигуры являются послами к согдийскому ихшиду Вархуману, правившему, по мнению О.И.Смирновой, в 650/655 гг. - не позднее 696 г. К характеристике этой живописи и ее интерпретации в последующем обращались многие ученые - Б.И.Маршак, А.М.Беленицкий, А.М.Моде, Ян Богин, С.Антонини и др. Молодая японская исследовательница Е.Кагеяма показала, что очень сходные изображения корейских послов имеются в росписях пещерных храмов Могао в Дуньхуане, где они встречаются двенадцать раз и наряду с другими изображениями являются иллюстрацией к *Vimalakirtinirdesa-sutra*. Основываясь на этих изображениях и воспроизведении корейского посла в сходной манере на стенах гробницы принца Zhangnai, она полагает, что все они являются стереотипными картинками с уже существующих в столице Китая. В связи с этим Е.Кагеяма считает, что изображения корейских послов в росписях Афрасиаба являются не свидетельством посещения корейскими послами Самарканда во второй половине VII в., а отражают стереотип китайского искусства. Следует отметить, что это предположение Е.Кагеяма высказала в весьма осторожной (if this argument is right) форме, что делают честь молодому исследователю, так как не имеется фактов опровергающих то, что эти изображения воспроизводят реальное присутствие корейских послов в Самарканде, куда они прибыли наряду с послами других стран, как нам представляется, на коронацию ихшида Вархумана. В этой связи нам хотелось бы обратиться к пока еще не многочисленным прямым или опосредствованным свидетельствам контактов древних областей Средней Азии и Кореи.

Корейские послы. Настенная роспись Афрасиаба.

Наиболее ранним свидетельством должна быть признана бронзовая статуэтка воина, датируемая VI-V вв. до н.э. в характерном афинском шлеме, найденная на юге Кореи. Не исключено, что данная статуэтка попала в Корею из Средней Азии, где имеются находки предметов эллинского происхождения столь раннего времени, входящие в состав Амударьинского клада, и где возникает первое греческое поселение городок бранхидов при ахеменидском царе Ксерксе (485-465 г. до н.э.).

К V-VI вв. н.э. относятся стеклянные сосуды римского происхождения, обнаруженные при раскопках погребения в Кванджу (Южная Корея). По мнению корейских ученых, они изготовлены или в Восточном Средиземноморье или в Южной Германии и попали в Корею, вероятнее всего, по одному из маршрутов Великого шелкового пути через Среднюю Азию. В каталоге коллекции шедевров древнего искусства Национального музея истории в Сеуле, основную часть которой составляют предметы, найденные японской экспедицией Отани в Восточном Туркестане, помещена серебряная полусферическая чаша V-VI в. н.э. из погребения в Кванджу. Внешняя поверхность чаши разделена на три пояска, ограниченных концентрическими кругами. В верхнем помещен двойной ряд пальметт. Нижний, т.е. придонную часть, украшают аналогичные пальметты. Между ними в средней части сосуда, поверхность которого разделена на медальоны, образованные переплетенными линиями, размещена сцена звериного гона (?), в которой участвуют собаки, птицы, зайцы. В одном из медальонов имеется изображение возлежащего мужчины в одеянии, состоящем из штанов и рубахи, подпоясанной ремнем с круглой пряжкой. У мужчины неестественно, по отношению к туловищу, повернута назад голова. У него прямой нос, большой глаз и высокий головной убор. Левая рука его поднята вверх, правая опирается на локоть.

По манере и стилю изображения человека и зверей, характеру орнамента эта чаша находит аналогии в росписях Пенджикента и изображениях на согдийских сосудах. По всей вероятности, и данная чаша изготовлена в Согде, откуда она через многочисленные согдийские колонии, расположенные вдоль трасс Великого шелкового пути вплоть до столицы Китая - Чаньаня, а, возможно и далее, попала в Корею. В том, что на Дальнем Востоке имеется согдийское серебро, учитывая выдающуюся роль согдийцев в торговле на трассах Великого шелкового пути, нет ничего странного. Известна, к примеру, находка серебряной чаши в погребении вблизи Кантона на границе с Вьетнамом с согдийской надписью, прочитанной Иотакой Йошида,

свидетельствующей о принадлежности этого сосуда правителю Чача (Ташкентский оазис).

Известный корейский ученый - профессор Джон показал мне факс, присланный ему корейским журналистом, с изображением монеты, найденной вблизи Владивостока, т.е. рядом с Кореей. Эта монета принадлежит так называемым подражаниям бухархудатским монетам с именем халифа ал-Махди (775-785 гг.), которые выпускались арабскими наместниками по образцу монет правителей Бухары (бухархудатов), а они в свою очередь чеканились в подражание сасанидским монетам Варахрана V. На их лицевой стороне помещалось изображение бухархудата в окружении согдийской надписи - «правитель - царь Бухары», а со времени ал-Махди за головой помещается краткая арабская легенда с его именем. Известны также бухархудатские монеты с именем Харун ал-Рашида и Сулеймана. Находка подражания бухархудатским монетам на Дальнем Востоке представляет исключительный интерес, так как впервые монета данного типа найдена столь далеко от места ее чеканки. Вместе с тем известны находки предметов согдийского происхождения, в том числе и с согдийскими надписями, в Забайкалье, на Алтае и в Западной Сибири.

Сохранились в китайских письменных источниках и немногочисленные сведения о пребывании лиц корейского происхождения в Средней Азии, в их числе буддийский паломник монах Хуэй-Чао, который подобно Сюань Цзяню (но через сто лет) в 723 году посетил Согд, Чач, Хутталь и оставил интересные описания этих и сопредельных областей, отметил наличие в них буддийских памятников.

Буддизм в Корею проник в VI в. н.э. из Китая. В его становлении важная роль принадлежит буддийским монахам-миссионерам, выходцам из Согда, Тохаристана, Бактрии и Парфии. Итак, в вопросе среднеазиатско-корейских контактов мы также можем констатировать хотя и не прямое, но опосредствованное влияние среднеазиатского буддизма на становление этой религии в Корее, в государствах Когуре и Силла.

Другое лицо корейского происхождения, связанное непосредственно с историей Средней Азии, причем в один из ее самых кульминационных моментов - это Гао Сянь-Чжи. Он был помощником наместника Западного края - так китайцы именовали Восточный Туркестан и Среднюю Азию. В 747 г. Гао Сянь-Чжи совершил поход на Болую (Тибет), а на следующий год вмешался в конфликт между правителями Чача (Ташкента) и Ферганы на стороне последней и с китайской армией захватил Чач. В 749 г. он

арестовал правителя этой области и отослал его в Китай, где он был казнен.

Тогда сын казненного обратился за помощью к арабам, которые в середине VIII в. уже контролировали почти всю территорию Средней Азии. К этому времени всеми действиями арабов в Средней Азии распорядился Абу-Муслим, возглавлявший антиомайядское движение и, собственно, приведший к власти в халифате новую династию - Аббасидов.

Против китайской армии, руководимой Гао Сянь-Чжи, были направлены арабские войска, возглавляемые Зиядом ибн Салихом. Решающая битва между ними произошла на реке Талас вблизи города Джамбул (Южный Казахстан). Китайская армия была разбита, а остатки войска бежали в Китай. Таласская битва была событием огромной исторической важности. С одной стороны, фактически навсегда был положен конец посягательствам Китая на восточную и центральную части Средней Азии, которые они стремились поставить под свой контроль в течение почти тысячелетия, а с другой - она означала окончательный политический и административный контроль арабских халифов в этом регионе и торжество мусульманской религии. Волею судеб в нем принял участие корейский военачальник Гао Сянь-Чжи.

Приведенные выше данные пока разрозненны, но увязанные воедино, свидетельствуют о достаточно продолжительных древних культурных связях Узбекистана и Кореи, о непосредственном пребывании корейцев в Средней Азии в раннем средневековье, и вероятно согдийцев в Корею.

ЛИТЕРАТУРА

Цивилизации

1. Watters T. On Yaun Chang`s travels in India,625-645. Oriental Translation Fund, new series. Vol. 14, London, 1904.
2. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
3. Литвинский Б.А. О языках народов Средней Азии в конце бронзового века. В кн.: История таджикского народа. М., 1963.
4. Массон В.М. Алтын-депе.//Труды ЮТАКЭ. Т.XVIII. Л., 1981.
5. Иванов Вяч.Вс. Тохары.//Восточный Туркистан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
6. Литвинский Б.А. Индия и Центральная Азия.//Азия. Десять цивилизаций. М., 1996.
7. Francfort Y.P. Fouilles de Shortughai. In Recherches sur L`Asie Centrale Proto historique. Vol.I. Paris, 1989.
8. Ходжайов Т.К.Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Т., 1977.
9. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в Передней Азии.// Вестник древней истории. 1989. N1; Иванов В.В. Тохары. В кн.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.; Henning W.B. The first Indo-Europeans in history. In: Society and History: The Hague - Paris-New York, 1978.
10. Narain A.K. On the first Indo-Europeans: The Tokharian-Yuezhi and their Chinese homeland. In series: Papers an Inner Asia (Blomington, Indiana). N 2, 1987.
11. Литвинский Б.А., Соловьев В.В. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.
12. Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А. Памятники древней письменности. Т., 1985.
13. Ртвеладзе Э.В. Бактрийские города с индоарийскими названиями.//Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Самарканд, 1994.
14. Аскарлов А.А. Новые подходы к проблеме этногенеза тюркоязычных народов Центральной Азии.//Независимость и история:новые подходы к изучению истории Узбекистана. Т., 1997.
15. Массон В.М. Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика.//Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984.

16. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950.
17. Henning W.B. The inscription of Tang-i Aza. BSOAS, vol. 20, 1957.
18. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.
19. Обзор мнений по этому вопросу см.: Литвинский Б.А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков.//История таджикского народа. М., 1963.
20. Ртвеладзе Э.В. О локализации города Бранхидов.//ВДИ. №4.
21. Fouilles d`Ai-Khanoum I. Raport prelliminare publie sous la direction de Paul Bernard// MDAFA. Vol. 21, Paris, 1973.
22. Minorski V.F. A Greek Crossing on the Oxus. BSOAS, vol. 30, 1957.
23. Rtveldze E.V. Decouvertes en Numismatique et Epigraphic Greco-Bactriennes a Кампур-тепе.//Revue Numismatique. Paris, 1995.
24. Ртвеладзе Э.В., Нефедов Н. Уникальная серебряная монета греческого правителя из Ер-Кургана.//Нумизматика Центральной Азии. Т., 1995. Вып.1.
25. Zand M. Bukharan Jew.//Encyclopaedia Iranica, vol. 14, London/New York.
26. Livshits V.A., Usmanova Z.I. New Parthian inscriptions from Old Merv.//Irano-Iydaica. Jerusalem, N 3, 1994.
27. Ртвеладзе Э.В. К истории евреев-иудаистов в Средней Азии (домусульманский период).//Культы и верования древнего Востока. М., 1997.
28. Neusner J. Jews in Iran. In: Cambridge History of Iran. Vol. 3, 1983.
29. Mukkerdjee. An Agrippian Sourse. A Study in Indo-Parthian History. Calcutta, 1970.
30. Mukkerdjee. An inscribed gem from Indo-Iranian borderland./ / Bulletin of Asia Institute. New Series, N. 7, 1993.
31. Kelvan A. Hebrew inscription in ossuaries found in Central Asia,/ / Godmon iyyat 12, 1979, n. 2-3.
32. Ахмедов Б.А. История Балха. Т., 1982.
33. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М.-Л., 1963.
34. Margoliouth. D. An Indo-Persian document from Khotan in the Stein Collection.//JRAS (London), 1903.
35. Gibb H.A.R. the Arab Conquest in Central Asia. London, 1923, См. также: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М.-Л., 1963.
36. Гаибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989.

37. Ал-Балазури. Завоевание Хорасана. Душанбе, 1987.
38. Об арабских племенах в Средней Азии см.: Ал-Балазури. Указ.соч.; История ат-Табари. Ташкент, 1987.
39. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
40. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи. М., 1964.
41. Ахмедов Б.А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков.//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
42. Ходжайов Т.К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа.//Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
43. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. М.-Л., 1960.
44. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч., Т.II, часть I. М.-Л.

Государства

1. Ртвеладзе Э.В. Эволюция художественной культуры и развитие государственности в Узбекистане.//Санъат. 1998. ¹ 1. С. 8-9.
2. Лившиц В.А. Общество Авесты.//ИТН. Т. 1. М., 1963.
3. Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х. Дипломатия стран Центральной Азии в древности.//Московский журнал международного права. 1999. N1. С. 118-137.
4. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь.- Ташкент, 1999.
5. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Центральной Азии в древности. М.-Л., 1950. Т. II. С. 271.
6. Вайнберг Б.Н. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв.//Буддийский культовый центр Каратепа в Старом Термезе. М., 1972.
7. Ртвеладзе Э.В. Бухара в древности и раннем средневековье.//Бухара - Жемчужина Востока. Ташкент, 1997.
8. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
9. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
10. О монетах этого времени в Согде см.: Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.//Культура Востока. Древность, раннее средневековье. Л., 1978.
11. Бичурин И. Указ.соч., с. 216; Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х. Указ.соч., с. 132.
12. Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-

тепе.//Буддийские пещеры Каратепа в Старом Термезе. М., 1969.

13. Лившиц В.А., Кругликова И.Т. Фрагменты бактрийской надписи из Дильберджина.//Древняя Бактрия. М., 1979.

14. Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.//ВДИ, 1964, №3.

15. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

16. Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса).//История Иранского государства и культура. М., 1971.

17. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л, 1978.

18. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

19. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

20. Henning W.B. Mitteliranisch.//Handbuch der Orientalistik. Bd. IV: Iranistik. Ab. I;Leiden-Koln, 1958; Henning W.B. Additional Notes on the Early coinage of Transoxiana.//American Numismatic Society. Museum Notes. VII. New York, 1957.

21. Дьяконов И.М. Указ.соч., с. 138; Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии.//Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

22. Лившиц В.А. Общество Авесты.//История таджикского народа. Т.1. М., 1963.

23. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктеша. Душанбе, 1975.

24. Смирнова О.И. Заметки о среднеазиатской титулатуре.//ЭВ. XIV. 1961. С. 58.

25. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.

26. Пьянков И.М. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана.//ВДИ. 1961. №4. С. 98-103.

27. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.

28. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1951. TarnW. The Greeks in Bactria and India. Third edition. Chicago, 1985; Voppearachche O.Monaies Greco-Bactriennes et Indo-Greeques. Paris, 1991; Houghton and Lorber C. Seleucid Coins.//Comprehensive Catalogue. Part I-II. Vol. I-II. The American Numismatic Society. New York, 2002.

29. P.Gardner. The Parthia Coinage. London, 1877; Wroth. British Museum. Catalogue of Coins of Parthia. London, 1903.

30. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

31. Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса.//СГЭ. Л., 1972. Вып. XXIV.
32. Ртвеладзе Э.В. Монеты Кеша.//ОНУ. 2003. N1.
33. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
34. Verma T.R. The Evolution of Kushana Titles.//Journal of the Numismatic Society of India. Vol. LIII. Varanasy, 1990.
35. Мамбетуллаев М. Хум с городища Айбуйир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии.//Вестник ККФАН. 1979. N1.
36. Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А. Памятники древней письменности. Т., 1985.
37. Зограф А.Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937.
38. Narain F.K. The Five Yabgus of the Yachchih.//India History and TThouyhy; Verma T.P. The Evolution of Kushana title. Там же литература вопроса.
39. Словарь. Античность. М., 1989.
40. Ртвеладзе Э.В. К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандахаре.//Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000; То же на англ. языке; По мнению Дж. Крибба «Герай» равнозначен Куджуле Кадфизу. См.: Gribb J. The «Heraus» Coins. Their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises. С.АД. 30-80.//Essays in honour of Robert Casson and Kennet Jenkins. London, 1993.
41. Bayley H.W. Languages of the Saka.//Handbuch der Orientalistik. Bd. 4. Leiden, 1958.
42. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
43. A.Cunningham. Coins of Indo-Scythians. N. Chronicle. XII (3rd series), 1892.
44. Sims-Williams N., Gribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great.//Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Kamakura, 1995/96.
45. Mukherjee B.N. Imperial Cults in the Kushana Empire.//India and Central Asia (Pre-Islamic period). Tashkent, 2000; Fussman G. L'Inscriptions de Rabatak, la Bactriane et les Kouchans.//La Bactriane au currefour der routes et des civilisations de L'Asie Centrale. Paris, 2001.
46. Mukherjee. Op.Cit. P. 69-73.
47. Sims-Williams N. A note on Bactrian syntax.//IF. 1973. Bd. 78.
48. Лившиц В.А., Кругликова И.Т. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина.//Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
49. Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-

- тепе.//Буддийские пещеры Каратепа в Старом Термезе. М., 1989.
50. Ртвеладзе Э.В. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье.//Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
51. Henning W.B. The Bactrian Inscription.//BSOAS. 1960. Vol. XXIII. PL. I. ; Mukherjee. Op.Cit. P. 69.
52. Rtveladze E.V. A Bactrian Seal (надо Khum) Bearing the Name of an Unknown King Chaghanian.//Circle of Inner Asia Art. Issue 18. London, 2003.
53. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.
54. История таджикского народа. Т.1. М., 1963.
55. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана.//Изв.АН Каз., 1949. № 67.
56. Харес Митиленский.//Вестник Древней истории. 1947, 3. С. 252.
57. Живопись и скульптура Таджикистана. Л., 1984; Aus den Schtzkammern Euzasiens Mecster werke antiker Kunst. Kunst-hau Zurich. 29 Januar bis 2 Mai 1993.
58. Беленицкий А.М. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии.//Известия отделения общественных наук АН Тадж.ССР, ¹ 28. Душанбе, 1962.
59. Пугаченкова Г.А. Интерпретация одного из персонажей на Биянайманском оссуарии.//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 27. Самарканд, 1996.
60. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
61. Пугаченкова Г.А. Три ахеменидские геммы из собрания музея истории Узбекской ССР.//Труды музея истории Узбекской ССР, 1956, вып. 3.
62. Пичикян И.Р. Указ.соч.
63. Bellinger A.R. The Coins from the Treasure of the Oxus.//The American Numismatic Society. Museum Notes. New York, 1962. Vol. 10.
64. Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии (К проблеме ахеменидского влияния на генезис монетной формы денег в среднеазиатском регионе).//Нумизматика Центральной Азии. Вып. 1, Ташкент, 1995.
65. Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great. 1964.
66. Ставиский Б.Я. Заметки об Амударьинском кладе.//Искусство Востока и античности. М., 1977. С. 204.
67. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и другие.//Дильверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.

68. Зеймаль Е.В. Указ.соч., с. 64-72.
69. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Т., 1965.
70. Пугаченкова Г.А. Еще раз о халчаянской скульптуре.//Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
71. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. М., 1977.
72. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
73. Ртвеладзе Э.В. Рецензия на книгу Ставиского Б.Я. Кушанская Бактрия.//Вестник Древней истории, 2, 1981.
74. Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
75. Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм «Герая».//Вестник древней истории, 1976.
76. Ртвеладзе Э.В. К итерпретации слов «Eavab» «Anteix» на тетрадрахмах Херайя/Хирайя.//Нумизматика Центральной Азии. Т., 1997, вып. 2.
77. Вайнберг Б.И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977.
78. Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства Кушан.//Общественные науки в Узбекистане. 1997, N5.
79. Antiquities of Southern Uzbekistan. Soka University pres. Japan, 1991. P. 287.
80. Nicolas Sims-Williams, Joe Gribb. A New Bactrian inscription of Kanishka.//Silk Road Art and Archaeology, IV., Kamakura, 1994/95.
81. Schlumberger D., le Berre M., Fussman G. Surkh-Kotal en Bactriane. V.I. Paris, 1983.
82. Тургунов Б.А., Ртвеладзе Э.В., Лившиц В.А. Бактрийская монументальная надпись из Айртама.//Общественные науки в Узбекистане. 1981, N4.
83. Pugachenkova G.A. Antiochus Commagenes et la prince Kushan.//Annales archeologiques arabes Syriennes. Vol. 21, Damas, 1971.
84. Pugachenkova G.A. Les tresors de Dalverzine-Tepe. Leningrad, 1978.
85. Культура и искусство Древнего Узбекистана. I, М., 1991.
86. Массон В.М. Еще раз о геродотовской реке Акес.//Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
87. Абаев В.И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе./Иранские языки. М.-Л., 1945.
88. Rtveldze E.V. Decouvertes en numismatique et epigraphie Greco-Bactriennes a Kampyrtepe (Bactriane du Nord)//Revue Numismatique, 1995 (150 volume).
89. Рапэн Кл. Эллинистические сокровища Ай-Ханум.//Город-

ская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987 ; Rapin Cl. Les inscriptions economiques de la tresorerie hellenistique d'Ai-Khanoum (Afganistan)//ВСН, 107, 1983.

90. Дьяконов И.М., Дьяконов М.М, Лившиц В.А., Массон М.Е. Налоговые парфянские документы II в. до н.э. из Нисы.//Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.-Л., 1951.

91. Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S. A tax receipt from hellenistic Bactria.//Zeitschrift fur papyrologic und epigraphik. Band 104. Bonn, 1994.

92. Bernard P., Rapin Cl. Un parchemin Greco-Bactrien d'une collection privue.//Academic des Rendus. Janvier-Mars 1994. Paris, 1994.

93. Bernard P., Rapin Cl. Op.sit. P. 289-290.

94. Топрак-Кала. Дворец.//Труды ХАЭЭ. Вып. 14. М., 1984. (раздел написан Лившицем В.А.).

95. Воробьева-Десятовская М.И. Надписи письмом кхароштки на золотых предметах из Дальверзинтепа.//ВДИ. 1976. N1.

96. Лившиц В.А., Никитин А.Б. Ранний Пехлевийский острак из буддийского храма Дальверзинтепа// ВДИ. 1990. N4. С. 66-72.

97. Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии: К проблеме ахеменидского влияния на генезис монетной формы денег в среднеазиатском регионе.//НЦА. 1. 1995.

98. Вайнберг Б.И. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977.

99. Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. М., 1952.

100. Давутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри-Мунк.//НЦА. II. 1997.

101. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

102. Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии.//СА. 1954. Т. XIX.

103. Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрогор и его монеты. 1988. ВДИ. N1.

104. Зеймаль Е.В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса.//СГЭ. 1973. Вып. XXVII.

105. Зеймаль Е.В. «Варварские подражания» как исторический источник.//СГЭ. Вып. XI.

106. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным.//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

107. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979.

108. Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы по нумизматическим данным.//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. И., 1983а.
109. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983б.
110. Зеймаль Е.В. Подражания оболам Евкратиды.//Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
111. Зограф А.Н. Античные монеты.//МИА. 25. М.-Л., 1951.
112. Левушкина С.В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии.//Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
113. Массон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.//ВДИ, 1955. № 3.
114. Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла.//ЭВ, 1956. Вып. XI.
115. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1. М., 1964.
116. Массон М.Е. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа.//ВДИ, 1953. №3.
117. Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
118. Пугаченкова Г.А. К открытию надписей кхароштки на золотых предметах Дальверзинского клада.//ВДИ, 1976. № 1.
119. Ртвеладзе Э.В. Бронзовый кинжал из Вахшувара.//СА. 1981. № 1.
120. Ртвеладзе Э.В. Селевкидские монеты из Кампыртепа.//ОНУ. 1989. № 2.
121. Ртвеладзе Э.В. Модели генезиса монетной чеканки в среднеазиатском междуречье.//На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990а.
122. Ртвеладзе Э.В. Новые открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.//ВДИ, 1990б. № 4.
123. Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
124. Ртвеладзе Э.В., Мусакаева А.К. К истории денежного обращения в западном Согде: Клад подражаний тетрадрахм Евтидема Бухары.//ОНУ, 1986. № 6.
125. Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum. IV: Les monnaies hors tresors. Questions d'histoire greco-bactrienne. Paris, 1985.
126. Lerner J.D. A Graeco-Sogdian Mint of Euthydemus.//RN, 1996.

127. Money. A History. London, 1997.
128. Newell E.T. The coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Autiocus III. New York, 1941.
129. Robinson E.S. The date of earliest coins.//NC, 1956.
130. Rtveladze E.V. La circulation monetaire au Nord de l'Oxus a l'epoque greco-bactrienne.//RN, 1984. VI-e Ser. T. XXVI.
131. Rtveladze E.V. Decouvertes en numismatique et epigraphique greco-bactriennes a Kampyrtepe.//RN, 1996. T. 150.
132. Rtveladze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach.//SRAA. 5 (1997-1998).
133. Zeimal E.V. Coins from the excavations of Takht-i Sangin (1976-1991).//Studies in Silk Road Coins and Culture. Kamakura.
134. История таджикского народа. М., 1963. Т. 1.
135. Дьяконов И.М. История Мидии. М., 1956.
136. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
137. Дьяконов И.М. Очерки по истории древнего Ирана. М., 1962.
138. Литвинский Б.А. Древнейшая Бактрия.//ИТН. Т. 1.
139. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
140. Григорьев В.В. О скифском народе саках.//ЖМНП. СПб. 1871.
141. Литвинский Б.А. Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.).//ИТН. Т. 1. С. 190-191.
142. Литвинский Б.А. Греко-Бактрия, Парфия.//ИТН. Т. 1. С. 299; О парфяно-греко-бактрийских взаимоотношениях подробно см.: Rtveladze E.V. Parthia and Bactria. The land of Griffones. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Torino, 1996.
143. Hirth F. The story of Chang-Kien. JAOS, vol. 37. pt. 2, 1917.
144. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1950.
145. Вельгус В.А. Известия о странах и народах Африки. М., 1973.
146. Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с Китаем во второй половине I в. до н.э.//Изв.АН КазССР, сер. истории, философии и права. Вып. 2, 1954.
147. Zurcher E. The buddist Conquest China. Leiden, 1959. P. 24. См. также Штейн В.М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960.
148. Maspero H. Le song etat ambassade d`l`empereur Ming, etude critique sources.BEFFOX, 1910.
149. Chavannes E. Les pays d`Occident d`apresle Wei-liao. TPV,

1905.

150. Ph.Ch.Baggchi. *India and Central Asia*. Calcutta, 1955.

151. Горбунова Н., Ивочкина Н. Монеты Ушу из могильников Ферганы. // Сообщения Гос. Эрмитажа. III. Л., 1988.

152. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

153. Ртвеладзе Э.В. Китайский импорт в Центральную Азию (по археологическим данным). Санъатшунослик масалалари. Ташкент. 1998.

154. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Духовная культура

1. Turkan R.A. *Mithra et le mithriacisme*. Presses Universitaires de France. Paris, 1981; M. Vermaseren. *Mithra ce dieu mystericux*. Paris-Bruxelles, 1960.

2. Gordon R.L. *Franz Cumont and the doctrines of Mithraism*. *Mithraic Studies*, I.

3. Daniels C.M. *The Role of the Roman Army in the Spread and Practice of Mithraism*. *Mithraic Studies*, II. Manchester, 1975.

4. *Etudes sur les mysteres de Mithras*. *Vet. Soc. Arsbok*. Lund. 1950.

5. Beskow P. *The routes of Early Mithraism*. *Etudes mithraiques*. Leiden, 1978.

6. Daniels C.M. *Op.cit.*

7. Боричевский И.А. *Митраизм и христианство*. М., 1929.

8. Turkan R.A. *Op.cit.* P. 38-65.

9. Боричевский И.А. *Указ.соч.*, с. 27.

10. Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии - Тохаристане. // Вестник древней истории, N 4, 1990.

11. Устинова Ю.Б. Наскальные латинская и греческие надписи из Кара-Камара. Там же.

Миграции культур

1. *Авеста в русских переводах (1861-1996)*. С.-Петербург, 1998.

2. *История Узбекистана в источниках: Известия путешественников-географов и ученых XVI- первой половины XIX в.* Составитель Б.В. Лунин. Т., 1988.

3. Пичикян И.Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинис-*

тический период. М., 1992.

4. Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Т., 1983.

5. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

6. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М., 1965.

7. Хуэй-Цзяо. Жизнеописание достойных монахов. Т. I. М., 1919.

8. Ртвеладзе Э.В. Проповедники буддизма из стран Трансоксианы в Китае. //Общественные науки в Узбекистане. 1996. № 4-5.

9. Lerh P. Khiva order Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-Pbg. 1973,

10. Ртвеладзе Э.В. Согдийцы на Дальнем Востоке. //Общественные науки в Узбекистане. 1998. № 8-9.

11. Yoshida Yutaka. Additional notes on Sims-Williams article on the Sogdian merchants in China and India. //China and Iran. Allesandro Maguо alla Dinastia. Tang. Firenze, 1996.

12. Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. //Вестник древней истории. 1964. № 3.

13. Yajima Hikoichi. The stamped aromatic woods from the treasure house of Horyuju and the earli Islamik Indian Ocean. //Jornal of Asian and African Studies, 37. Tokyo, 1989.

14. Шумовский Т.А. Арабы и море. М., 1964.

15. Бузург ибн Шахриер. Чудеса Индии. М., 1959.

16. Бартольд В.В. Сведения об Аральском море с древнейших времен до XV в. Соч. т. III. М., 1965.

17. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

18. Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977.

19. Кинк Х.А. Египет до фараонов. М., 1964.

20. Римшнейдер М. Указ.соч.,с. 21.

21. Толстов С.П. Указ.соч.,с. 71-77; Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.

22. Снисаренко А.Б. Эвпатриды удачи. Д., 1990.

23. Бичурин Н.Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии. I, II. М.-Л., 1950.

24. Петерс Б.Г. Изображение корабля на булле из Каратепы. Буддийский комплекс, Каратепы в Старом Термезе. М., 1996.

25. Альбаум Л.И. Живопись Афросиаба. Т., 1975. С. 68, рис. 21, таб. XXXVII-XXXVIII.

26. Быков А. Очерк переправ через реку Амударью. Т., 1879.

27. Даркевич В.В. Аргонавты Средневековья. М., 1976.

28. Al-Ictakhri, Viae Reguorum. BGA, I. Jugduu Batavorum. 1870. Ibn-Haukal. BGA. II. Jugd. Batavorum. 1873.
29. Ai-Mokaddasi. BGA, III jud. Batavozum. 1872.
30. Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение.// Труды ТАКЭ. Вып. 2. Т., 1941.
31. Руи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990.
32. Путешествия Ибн-Батуты. Т., 1996.
33. Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии. X-XIX вв. Т., 1988. С. 88.
34. Массон М.Е. Ахангаран. Т., 1953.
35. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Т., 1975.
36. Ртвеладзе Э.В. «Греческая» переправа на Оксе.//Вестник древней истории. 1973. № 4; Он же. Кушанская крепость Кампыртепа.//Вестник древней истории. 1984. № 2.
37. Бартольд В.В. Хафиз-и-Абру и его сочинение. Соч. т. VIII. М.-Л., 1973.
38. Снесарев Г.П. Под небом Хорезма. М., 1973.
39. Альбаум Л.И. Живопись Афросиаба. Т., 1973.
40. Kageyama Etsuko. A Chinese way of depicting foreign delegates discerned in the painting of Afrasiab.//Studia Iranica. N. 25. Paris, 2002.
41. Silk Road. Seuol, 2002.
42. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Т., 2002.
43. Каталог на корейском языке. Сеул., 1986. № 122.
44. Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971.
45. Ртвеладзе Э.В. Согдийцы на Дальнем Востоке.//Общественные науки в Узбекистане. 1998, № 8.
46. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Т., 2002.
47. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.

*По техническим причинам список литературы
представлен с сокращениями*

УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ

Научное издание

Эдвард Ртвеладзе

ЦИВИЛИЗАЦИИ, ГОСУДАРСТВА, КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Редакторы: Бичерова А.М., Зайцева Т.В., Шамшаров Т.Ю.
Оригинал-макет: Семенюк И.

За качество представленных к печати материалов, приведенные в них факты, имена собственные и другие сведения, а также за разглашение сведений, не подлежащих публикации, несут ответственность авторы издания.

Перепечатка без разрешения УМЭД не допускается.

Формат 84x108 1/32. Объем 18 п.л.
Тираж 500. Цена договорная.

Отпечатано в ДП “ПАТЕНТ ПРЕСС”.
Ташкент, ул. Той тепа, 2а.